

НЕ КОПИРОВАТЬ

13
59

РАЗСКАЗЫ

ИЗЪ

ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

1812 ГОДА.

Отъ начала войны до вступленія союзныхъ войскъ въ Парижъ, съ описаніемъ празднествъ и увеселеній въ Москвѣ, по случаю взятія Парижа союзными войсками въ 1814 г., Марта 19-го.

Патріотическія пѣсни, анекдоты и описаніе каррикатуръ того времени.

Книга для чтенія всѣхъ возрастовъ

С. М. ЛЮБЕЦКАГО.

Исторія есть ничто иное, какъ судъ Божій надъ человѣчествомъ.

Гизо.

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ:

Ч. I. Отъ Нѣмана до Москвы.

Ч. II. Отъ Москвы до Нѣмана.

1-2

МОСКВА.

Изданіе книгопродавца А. Л. Васильева

13
59

801-16
1083

РАЗСКАЗЫ

ИЗЪ

ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

1812 ГОДА.

Отъ начала войны до вступленія союзныхъ войскъ въ Парижъ, съ описаніемъ празднествъ и увеселеній въ Москвѣ, по случаю взятія Парижа союзными войсками въ 1814 г., Марта 19-го.

Патріотическія пѣсни, анекдоты и описаніе каррикатуръ того времени.

Книга для чтенія всѣмъ возрастамъ
С. М. ЛЮБЕЦКАГО.

Исторія есть ничто иное, какъ
судъ Божій надъ человѣчествомъ.
Гизо.

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ:

- Ч. I. Отъ Нѣмана до Москвы.
- Ч. II. Отъ Москвы до Нѣмана.

МОСКВА.

ИЗДАНИЕ КНИГОПРОДАВЦА А. Л. ВАСИЛЬЕВА
1880.

Вѣсто предисловія:

И позднѣйшее потомство будетъ говорить, читать и писать о всемірной эпохѣ громоноснаго 1812 г.; особенно у насъ въ Россіи будутъ переходить изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ, преданія объ этомъ знаменательномъ времени. Говорятъ: какъ ковчегъ Ноя, окруженный водою, спасъ семью людей отъ потопленія, такъ Москва, объята другою, пламенною стихіею, спасла Россію отъ разоренія. Стратегики, литераторы, дипломаты, композиторы, драматурги, художники — всѣ находили и найдутъ въ этихъ преданіяхъ неисчерпаемые источники для вдохновенія и для выраженія его: словомъ, звукомъ, кистью, рѣзцомъ и прочимъ; а патриоты обрѣтутъ въ нихъ образцы, доблестные примѣры самоотверженія и самой теплой любви къ отечеству.

Типографія К. Иадриха, Рождеств. бульв., домъ Малюшина.

57955-0

2015186490

Глава I.

Война съ Францією, предшествуемая Тильзитскому миру; праздноваше по заключеніи Тильзитскаго мира; послѣдствія его. Генеалогія Наполеона; маршалы его. Манифесты; вторженіе непріятельскихъ войскъ въ предѣлы Россіи.

Въ тайникахъ нашей старины, въ сумеркахъ времени давно прошедшихъ, какъ въ сокровенной кладовой богача, заключается много драгоценностей, въ историческихъ свиткахъ нашихъ находится много свѣтлыхъ и мрачныхъ страницъ. По лицу русской земли прошло много разныхъ событій; но ни въ средней, ни въ новой исторіи отечества нашего не встрѣчается нашествія, подобнаго нашествію Наполеона. Оно памятно не только сердцу русскихъ, но и чужеземцамъ, потому что въ 1812 г. почти всѣ европейскіе народы, обрушившись на Россію, играли значительныя роли въ этой кровавой драмѣ. Сцена была обширна: отъ рѣки Сены до Москвы. Многія частныя событія этихъ великихъ годовъ поглощены временемъ. Не бесполезно будетъ привести на память нѣкоторыя изъ нихъ.

Предварительно взглянемъ на предшествовавшія событія этой эпохи.

Въ концѣ прошедшаго столѣтія явился новый исполинъ міра, *) Наполеонъ, сдѣлавшійся, изъ простаго корсиканскаго жителя, императоромъ французомъ. Есть преданіе, что, упоенный славою громкихъ побѣдъ своихъ, онъ велѣлъ выбить медаль, съ изображеніемъ Вседержителя Бога и съ надписью вокругъ: «Тебѣ небо, мнѣ земля.»

Еще до 1812 г. русскіе неоднократно вступали въ ожесточенную борьбу съ французами; такъ въ 1806 г., когда еще кровь русскихъ не высохла на непріятельскомъ оружіи, императоръ Александръ I вынужденъ былъ силою обстоятельствъ ополчиться за Европу и за неприкосновенность своихъ границъ, которымъ Наполеонъ угрожалъ бѣдствіями войны. Это лучше всего выразилось въ слѣдующемъ манифестѣ, изданномъ въ 1806 г., ноября 16-го. Онъ извѣстенъ, вѣроятно, очень немногимъ:

«Манифестомъ нашимъ, въ 30-й день августа изданнымъ, возвѣстили мы о положеніи дѣлъ нашихъ съ французскимъ правительствомъ.

«Въ семъ непріязненномъ положеніи, Пруссія была еще преградою между нами и французами, въ разныхъ частяхъ Германіи преобладавшими.

«Но вскорѣ огонь войны возгорѣлся и въ предѣлахъ Пруссіи. Послѣ разныхъ неудачъ и важныхъ, съ ея стороны, уроновъ, нынѣ собственныя наши пограничныя владѣнія имъ угрожаются.

*) «Для произведенія подобнаго ему потребно десять вѣковъ,» сказалъ Шатобрианъ.

«Россіянамъ, обыкновенно любить славу своего отечества и всемъ ему жертвовать, нѣтъ нужды изъяснять, сколь происшествія сіи дѣлаютъ настоящую войну необходимою.

«Мечъ, извлеченный честію на защиту нашихъ союзниковъ, колико съ большею справедливою долженъ обратиться въ оборону собственной нашей безопасности. Прежде, нежели сіи происшествія могли приблизиться къ нашимъ предѣламъ, мы заранѣе приняли все мѣры встрѣтить ихъ въ готовности. Повелѣвъ заблаговременно арміи нашей двинуться за границу, мы поручили нынѣ нашему генералъ-фельдмаршалу, графу Каменскому (1-му, Мих. Федот.), предводительствуя ею, дѣйствовать противъ непріятеля всеми ввѣренными ему силами.

«Мы удостоверяемъ, что все наши вѣрные подданные соединять съ нами усердныя ихъ молитвы ко Всевышнему, судьбою царствъ и успѣхами браней управляющему, да приметъ Онъ праведное дѣло наше въ свою Всемогущую защиту, да предыдетъ Его побѣдоносная сила и благословіе оружію россійскому, подъемаемому на отраженіе общаго врага Европы.

«Мы удостоверяемъ, что вѣрные наши подданные пограничныхъ губерній, въ настоящихъ обстоятельствахъ, особенно усилить опыты ихъ преданности и усердія ко благу общему, и, не колебаясь ни страхомъ, ни тщетнымъ обольщеніемъ, пойдуть съ твердостью тою же стезею, на коей, подъ сѣнію законовъ и кроткаго правленія, срътали они доселѣ спокойствіе,

незыблемую собственность, и раздѣляя благоденствіе всей имперіи общее.

«Наконецъ, мы удостовѣрены, что всѣ сыны отечества, полагаясь на помощь Божию, на храбрость нашихъ войскъ, на извѣстную опытность ихъ предводителя, не пощадятъ ни жертвъ, ни усилий, какихъ любовь къ отечеству и безопасность его потребовать могутъ.»

Эта война, которую можно назвать только предсловіемъ къ войнѣ 1812 г., кончена была (хотя не совсѣмъ удачно для насъ) Тильзитскимъ миромъ. Наполеонъ, съ затаенною, враждебною мыслию къ Россіи, протянулъ руку Александру, между тѣмъ какъ нашъ государь съ душою, полною радости, окончилъ тяжкую войну. Эта радость вполне выразилась въ слѣдующемъ рескриптѣ его, данномъ на имя тогдашняго главнокомандующаго Москвы, генерала отъ инфантеріи, Тимоѣея Иван. Туголмина, равно какъ и въ приказѣ, совершить, по случаю мира, въ Москвѣ празднества:

«Тимоѣей Ивановичъ! Упорная и кровопролитная война между Россією и Францією, въ которой каждый шагъ, каждое дѣйствіе ознаменованы неустрашимою храбростію и мужествомъ войскъ россійскихъ, заключеннымъ 27 дня сего мѣсяца (іюня, 1807 г.) миромъ, Богу благодареніе, прекращена; возстановлено блаженное спокойствіе, неприкосновенность и безопасность границъ россійскихъ охранена новымъ приращеніемъ, и Россія тѣмъ обязана единственно геройскимъ подвигамъ, неутомимымъ трудамъ и рвенію, съ

которымъ храбрые ея сыны на всѣ бѣдствія и самую смерть безстрашно стремились. Я спѣшу о семъ благополучномъ происшествіи васъ увѣдомить, для извѣщенія во всемъ начальствѣ вашемъ.»

Вотъ росписание празднествъ, указанныхъ совершиться въ Москвѣ.

7 іюля. Повсемѣстное въ городѣ объявленіе о заключенномъ мирѣ возвѣстится въ 7 часовъ утра 21 выстрѣломъ изъ пушекъ.

Въ 9 часовъ начнется во всѣхъ соборахъ, монастыряхъ и церквахъ божественная литургія послѣдующая торжественнымъ Царю вѣковъ и Богу мира моленіемъ о долготѣннемъ царствованіи и вожделеннѣйшемъ высочайшемъ здравіи государя императора и всего августѣйшаго дома его.

Войска московскаго гарнизона, артилеріи и милиціи, въ Москвѣ обрѣтающіяся, выстроятся предъ обѣдней на Ивановской площади, гдѣ, по приглашеніи въ большомъ соборѣ многолѣтія, артилерія сдѣлаетъ 101 выстрѣлъ изъ пушекъ, а войска три залпа изъ ружей.

Колокольный звонъ продолжится во весь день при всѣхъ соборахъ, монастыряхъ и церквахъ.

Въ большой общаго собранія залѣ, въ которой поставлено будетъ бронзовое его императорскаго величества изображеніе, военный губернаторъ угоститъ обѣдненнымъ столомъ: первенствующее духовенство, за сѣдающихъ въ правительствующемъ Сенатѣ, знатныхъ особъ, благородное дворянство, военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ и почетное купечество.

Предъ обѣдомъ предводитель дворянства вручить,

именемъ сего сословія, вѣстнику мира, ген.-майору князю Долгорукову, табакерку, алмазами украшенную, съ алмазною надшью: на верхней сторонѣ: вѣстнику мира московское дворянство; на нижней: 27 іюля 1807 г. кн. Василью Юрьевичу Долгорукову.

Московское кучество въ то же время поднесетъ ему на серебряномъ вызолоченномъ блюдѣ 2000 червонныхъ.

Въ продолженіе стола, при питіи, обратясь къ бюсту, за высочайшее здравіе государя императора и дома его, произведена будетъ пушечная пальба.

За сямъ, при играніи на трубахъ и литаврахъ, предложатся здоровья: побѣдоноснаго воинства, благоденствіе отечества и всѣхъ вѣроподданныхъ.

Во все время стола будетъ играть инструментальная музыка.

Для войскъ, составляющихъ московскій гарнизонъ, приготовятся въ казармахъ обѣденныя яства, вино и пиво.

Вечеромъ, предъ домомъ главнокомандующаго зажжется иллюминація, съ картиною на щитѣ, изображающею затворенный храмъ Януса, (бога войны), предъ входомъ котораго будутъ видны двѣ фигуры, представляющія Россію и Францію, со штандартами обѣихъ націй, кои слава и теніи мира связываютъ маслячною вѣтвію. Въ то же самое время послѣдуетъ всѣхъ публичныхъ зданій и всего города освѣщеніе, имѣющее продолжиться цѣлую ночь.

8 іюля. Спектакль на русскомъ театрѣ со свободнымъ безъ платы входомъ.

9 іюля. Публичное гулянье на бульварѣ *), который на всемъ разстояніи отъ Никитскихъ до Тверскихъ воротъ будетъ иллюминированъ съ аллегорическими картинами. Вокальная и инструментальная музыка будетъ играть въ разныхъ мѣстахъ бульвара **).

10 іюля. Дворянскій корпусъ пригласитъ всю публику въ маскарадъ и на ужинъ. Зданіе и площадь дворянскаго собранія украсятся иллюминаціею, также съ аллегорическими изображеніями.

11 іюля. Публичное на Прѣсенскихъ прудахъ гулянье ***), которое, сверхъ огромной въ продолженіе онаго музыки и великолѣпнаго освѣщенія, окончится фейерверкомъ на водѣ.

12 іюля. Театръ французовъ съ входомъ безъ платы.

13 іюля. Гулянье въ дворцовомъ саду съ музыкою и освѣщеніемъ ****).

14 іюля. Общество московскихъ гражданъ угоститъ

*) Тверскомъ: онъ былъ 1-й устроенный бульваръ.

**) Тогда былъ любимый публикою преобразенскій маршъ и кантъ: Громъ побѣды раздавайся.

***) Императоръ Александръ I-й любилъ гулять на Прѣсенскихъ прудахъ: по нимъ носились украшенныя шлюпки съ музыкою и съ гулявшими.

****) Въ тогданнее время его часто посѣщала московская публика, особенно въ Вознесенье и въ Троицынъ день, несмотря на далекое разстояніе (Лефорть. части).

публику въ Брюсовскомъ домѣ *) обѣденнымъ столомъ. На пространной предъ домомъ равнинѣ устроится разныя для народа увеселенія: открытые театры, качели и пр. общенародныя дозволенныя забавы, въ продолженіе которыхъ пустятся на воздухъ четыре воздушные шара, изъ коихъ первый произведетъ въ воздухъ громъ, другой подыметъ съ собою россійскіе и французскіе штандарты, перевязанные маслянымъ въѣскомъ, третій съ парашютомъ спуститъ на землю генія мира, четвертый представитъ фейерверкъ на воздухъ. Садъ будетъ иллюминированъ съ прозрачными картинами.

Надобно сознаться, что Тильзитскому миру предшествовала побѣда Наполеона надъ русскимъ войскомъ при Фриландѣ; но если разсмотрѣть обстоятельства, въ которыя поставлено было оно, то увидимъ, что упорная битва съ французами выдержана была имъ съ честію. Императоръ Александръ I вступился за Пруссію, которую Наполеонъ хотѣлъ уничтожить, въроломно нарушивъ нейтралитетъ ея: онъ пошелъ на Австрію чрезъ прусскія владѣнія. Операціонный планъ союзныхъ монарховъ былъ таковъ, чтобы, соединивъ войска свои, вмѣстѣ встрѣтить французовъ; но пруссаки, не дождавшись русскихъ, вступили съ французами въ сраженіе и потеряли его при Іенѣ. Наполеонъ вошелъ въ Берлинъ. Австрія дѣйствовала нерѣшитель-

*) У Брюса была дача около Сокольниковъ; послѣ перешла она во владѣніе графа Раstopчина, нынѣ г. Митькова: тамъ бывали публичныя гулянья по праздникамъ.

но, медленно и малодушно; къ тому же Англія, обѣщавшая оказать свое содѣйствіе союзникамъ, обманула ихъ надежды; русскіе, будучи отдалены отъ своего отечества и имѣя малочисленное войско, на поляхъ войны остались одни, и одни выдержали напоръ непріятели, въ то самое время, когда съ юга порывались вторгнуться въ наши предѣлы турки. Еще въ сраженіи при Прейсишъ-Эйлау, Наполеонъ узналъ стойкость русскихъ войскъ и всегда уважалъ въ нихъ это качество. Что Тильзитскій миръ не былъ униженъ для Россіи, доказательствомъ тому служить слѣдующее: Александръ I не только сохранилъ цѣлость русской державы, но приобрѣлъ еще Бѣлостокскую область, а впоследствии времени и Тарнопольскую, съ 400,000 жителей; сверхъ того, онъ отстоялъ права Пруссіи; отъ нея отдѣлились только области, лежація по лѣвую сторону рѣки Эльбы, и польскія земли, изъ которыхъ, съ присоединеніемъ отъ Австріи Галиційскихъ владѣній, составилось Варшавское герцогство, отданное тогда Саксоніи *). Политики того времени говорили, что Тильзитскій миръ есть только перемиріе.

Наполеонъ создалъ Польшу и отдалъ владѣнія ея королю, происходившему изъ дома польскихъ королей. Наполеонъ обморачивалъ поляковъ; они были ему нужны.

Кромѣ неисполненія условій, Александръ имѣлъ причину негодовать на англичанъ и за то, что они на-

*) Наполеонъ называлъ эту войну первою польскою войною.

пали на союзницу Россіи, Данію, жестоко бомбардировали Копенгагенъ и увели съ собою датскій флотъ. Все это побудило Александра вступить съ Наполеономъ въ союзъ, основаніе которому положилъ еще императоръ Павелъ, и вмѣстѣ съ этимъ пристать къ такъ называемой континентальной системѣ Наполеона, которая состояла въ томъ, чтобы всѣ европейскія государства заперли свои гавани для англійской торговли. Что Александръ не желалъ и не ожидалъ новой войны, доказательствомъ тому служить распущенная милиція въ 1807 году *); но у Наполеона созрѣла и окрѣпла уже мысль, если не уничтожить, то ослабить Россію, подчинить ее своей могучей волѣ и обратить въ такую же раболѣпную державу, какія онъ привыкъ видѣть на югозападной части Европы, выключая Испаніи.

Отъ 1807 до 1812 года проглядывали слабые лучи мира изъ мрачныхъ облаковъ политическаго горизонта, оглашаемаго время отъ времени отдаленными раскатами грома, глухо отзывавшимися и у насъ въ Россіи. Вотъ перечень общихъ событій, предшествовавшихъ походу Наполеона на Россію.

*) Въ томъ же году разнесся слухъ по всей Московской губерніи, что скоро и непременно будетъ рекрутскій наборъ изъ дѣвокъ. Крестьяне такъ испугались этого слуха, что посѣшили выдать своихъ дочерей замужъ большею частію преждевременно. Главнокомандующій Москвою, генералъ Тутолминъ, узнавъ о томъ, предписалъ городничимъ и исправникамъ своей губерніи увѣрить крестьянъ въ ихъ ошибкѣ. «Эхъ, стубили мы дѣвокъ—то!» отвѣчали крестьяне.

Въ 1808 г. войска Наполеона вторгнулись въ Римъ и остались тамъ хозяйничать, какъ и въ настоящее время. Папа поразилъ Наполеона своимъ духовнымъ оружіемъ; онъ всенародно, въ церкви св. Маріи, послѣ литургіи, со всею торжественностію, предалъ его анаемѣ. Это нисколько не помѣшало Наполеону раздвигать свои границы насчетъ Италіи и Германіи; Императоръ Александръ тревожно смотрѣлъ на его дѣйствія, но до времени молчалъ. Замѣчательно, что вслѣдствіе папскаго проклятія, въ Кенигсбергскихъ вѣдомостяхъ появилась статья, писанная изъ Варшавы, въ которой было сказано: «Весьма ошибаются тѣ, кто думаетъ, будто бы большая часть поляковъ дѣйствительно была привержена къ Наполеону; поляки считаются добрыми католиками, а имъ извѣстно, что папа предалъ его проклятію.»

Дѣйствительно, многіе благоразумные поляки видѣли, какъ дорого имъ обходилось покровительство Наполеона; легкомысленная польская молодежь каждаго года должна была пополнять собою французскія войска, оставляя свои трупы въ Германіи и Испаніи, и, сверхъ того, платить Наполеону тяжкій денежный оброкъ, безъ всякой для себя выгоды, имѣя только въ виду мнимое соединеніе своихъ областей, сшиваемыхъ на живую нитку, или, лучше сказать, затягиваемыхъ мертвою петлею...

Но довольны ли были французы дѣйствіями Наполеона? Большинство только боялось его; приверженцами его были такъ называемые наполеоновцы, которыхъ онъ вывелъ изъ ничтожества и которые были

палкою, бичемъ, въ рукахъ его. Великодушіе не было въ свойствахъ этого человѣка. «Не стѣсняйтесь количествомъ обвиненныхъ, казните всѣхъ,» писалъ онъ въ Парижъ, когда узналъ о заговорѣ, открытомъ противъ его. Приказъ былъ исполненъ и не мало безвинныхъ, по одному только подозрѣнію, было безчеловѣчно умерщвлено.

Едва только раскаленные отъ выстрѣловъ пушки остыли у французовъ, какъ въ 1809 г. Наполеонъ обратилъ ихъ опять на Австрію; *) слѣдствіемъ этой войны было совершенное униженіе царствующаго дома Габсбурговъ и вступленіе Наполеона въ бракъ съ принцессою этого дома.

Въ 1810 г. Наполеонъ посягнулъ даже на владѣнія своего брата, Людовика, короля голландскаго, отца нынѣшняго французскаго императора; онъ присоединилъ всѣ владѣнія его къ Франціи, и такимъ образомъ перешелъ черту рѣки Рейна, за которую обязывался не переступать. Сверхъ того, онъ кстаті захватилъ и вольные города: Любекъ, Бременъ и Гамбургъ. Эти насильственные пріобрѣтенія Наполеона были оскорбительны и для Россіи, потому что они поглотили владѣнія герцога ольденбургскаго, зятя императора Александра **).

*) Исполняя условія тильзитскаго мира, Россія должна была дѣйствовать противъ Австріи, союзно съ Франціею, но войско наше маневрами своими мало припесло пользы союзницѣ. Это возбудило подозрѣніе Наполеона въ прочность дружбы къ себѣ Россіи.

**.) Герцогу предлагали въ замѣнъ другое владѣніе, но онъ

Государь нашъ объявилъ свое неодобреніе дѣйствіямъ Наполеона, которое посланники наши передали всѣмъ дворамъ Европы;—всѣ видѣли и понимали коварныя дѣйствія Наполеона, но глухой ропотъ европейскихъ государей заглушался звукомъ побѣдоноснаго оружія французовъ.

Между тѣмъ наборъ новаго войска во Франціи, чрезмѣрные вооруженія поляковъ въ герцогствѣ Варшавскомъ, все это были несомнѣнные признаки угрозъ Наполеона Россіи. Государь нашъ сталъ принимать противъ этого свои мѣры: онъ приказалъ подвигать свои войска на западныя границы, что встревожило Наполеона, потому что отсюда онъ могъ заключить о счастливомъ исходѣ войны, которую Россія вела въ то время съ Турціею. Наполеону хотѣлось выиграть время, необходимое для окончанія громаднхъ приготовленій къ войнѣ; онъ опять вошелъ въ свою роль, началъ притворствовать и дѣлать нашему двору повѣя обнадѣживанія о желаніи своемъ: упрочить миръ съ Россіею.

Могущество Наполеона возрастало, самовольные поступки его съ германскими государствами не находили себѣ границъ. Онъ просто межевалъ Европу по своему желанію. Францію окружала цѣпь королевствъ, предавшихъ себя могучей волѣ его. Сильный слабому законъ. Чрезъ западную Германію, Саксонію и герцогство Варшавское шли военные пути французовъ до самой Россіи; всѣ большія дороги, начиная отъ Рейна,

отказался отъ него, сказавъ: «мои подданные—дѣти мои, а дѣтми торговать и мѣнять ихъ на другихъ я не согласенъ.»

покрыты были обозами ихъ. Поляки были въ авангардѣ Наполеона; они выставили для него до 70,000 войска. Тайная мысль императора французовъ была: ослабить Россію, подобно Германіи, отдалить владѣнія ея за Днѣпръ, воздвигнуть между ею и Германією новыя, подвластныя ему королевства, съ тѣмъ, чтобы не считать уже Россію европейскою державою, а потому съ нею и съ Персією проложить себѣ путь въ Индію, въ англійскія владѣнія, для нанесенія Англии окончательнаго удара.

Война день ото дня дѣлалась вѣроятнѣе! Наполеонъ скрывалъ свои вооруженія и жаловался на Россію за то, что она будто-бы не вполне соблюдаетъ разрывъ свой съ Англіей. Отвѣтъ Россіи былъ совмѣстный съ достоинствомъ независимой державы. Взоры всей поращенной Европы обращались на Александра, какъ на единственный оплотъ ея. Запуганная Австрія должна была склониться на сторону Франціи. Пруссія колебалась. «Неужели вы опять вступите въ союзъ съ потомками Чингисъ-Хана?» писалъ Наполеонъ къ прусскому королю. Полагаютъ, что еслибы Александръ двинулъ свою армію поспѣшными маршами къ рѣкѣ Одери, то Пруссія готова бы была вступить въ союзъ съ Россією; но государь не хотѣлъ начинать войну. Цѣлую зиму, предшествовавшую войнѣ, Наполеонъ ежедневно совѣщался съ своими министрами, непрерывно посылалъ довѣренныхъ людей въ Россію, для собранія о ней свѣдѣній, и позволялъ каждому выражать о предстоящей войнѣ свое мнѣніе. Наконецъ, 3-го августа, 1811 г., Наполеонъ,

въ тюльерійскомъ дворцѣ своемъ, среди всего дипломатическаго круга, сдѣлалъ нашему посланнику, кн. Куракину, дерзкій выговоръ, будто-бы за неприязнь къ нему Россіи; тогда всѣ увидѣли, что уже близокъ часъ окончательнаго разрыва. Позднее время года не дозволило Наполеону начать свой походъ немедленно; съ обѣихъ сторонъ дѣлались грозныя приготовленія; впрочемъ или еще переговоры, ни къ чему не ведущіе. Тихо, спокойно, съ обычными зимними удовольствіями, наступилъ громоносный двѣнадцатый годъ. Современники рассказываютъ, что давно не было въ нашихъ столицахъ такихъ блестящихъ маскарадовъ, собраній, катаній и прочихъ увеселеній, какъ въ эту зиму; прислушиваясь къ отдаленному гулу военныхъ громовъ, русскіе надѣялись на свои силы; они всегда готовы были, какъ и предки ихъ, стать сплотною, стѣною для отраженія враговъ. Между тѣмъ еще въ 1811 г., по самый декабрь мѣсяць, появлялась на небѣ власатая комета, съ огромнымъ, блестящимъ хвостомъ *). Большое разлитіе рѣкъ, бури, землетрясенія въ Россіи (какъ напримѣръ въ Дубоссарахъ, въ Балтѣ и въ Очаковѣ) и въ другихъ государствахъ, какъ-бы предвѣщали что-то недоброе; въ Москвѣ бушевали сильные вѣтры, несшіеся съ юга; отъ нихъ все небо затмѣвалось пылью, трещали заборы, и, сорванные съ домовъ крыши, съ грохотомъ падали на землю. Быть великой войнѣ! говорили старожилы **).

*) «Метла Божія» называли ее простолудины, а Наполеонъ — своею путеводительною звѣздою въ Россію.

**) «Съ необычайными явленіями природы сопряжены бываютъ

Въ Россіи о Наполеонѣ, особенно въ простонародіи, имѣли смутное понятіе: ходили слухи, что появился въ мірѣ тотъ самый Аполіонъ, о которомъ написано въ 9-й главѣ Апокалипсиса (въ откровеніи Іоанна Богослова); что онъ антихристъ и, при помощи сатаны, собралъ великія силы; что воинство его со львиными зубами и съ скорпіоновыми хвостами. Деритскій профессоръ Гецель, въ письмѣ своемъ къ военному министру Барклаю де-Толли, отъ 11-го іюля 1812 г. писалъ, что въ числѣ 666 (число звѣрино, Апокал. гл. 13, ст. 18) содержится имя Наполеона, при чемъ приложилъ онъ и французскій алфавитъ. У насъ въ Россіи, со времени основанія Москвы, прошло уже до того времени 665 лѣтъ; это почитали знаменательнымъ. Въ началѣ 1812 г. стали появляться на западной нашей границѣ французскіе эмиссары (шпіоны), въ лицѣ комедіантовъ, фокусниковъ, странствующихъ монаховъ, землемѣровъ, по-польски: коморниковъ, которые снимали планы съ разныхъ мѣстъ нашихъ владѣній *). Въ столицахъ нашихъ и

и необычайныя политическія событія; тайна эта извѣстна Тому, Кто управляетъ природою и судьбою человѣчества», сказалъ Фридрихъ II (пруссскій король).

*) Тогда во всей Европѣ славился несгораемый французскій фокусникъ, Жени Латуръ, объѣздившій почти все Дворянство Европы, для показанія искусства своего, для собранія денегъ и, полагаютъ еще, для выполненія роли шпіона. Онъ входилъ въ раскаленную печь, въ которой жаръ простирался до 125 градусовъ и преспокойно садился въ ней обѣдать или ужинать.

Сѣв. Почта 1812 г.

во многихъ провинціальныхъ городахъ находились наемники Наполеона; это были большею частію иностранцы, занимавшіеся неправою торговлею, или воспитаніемъ юношества; они писали къ Наполеону разныя неглѣзости, что будто дворянство наше не имѣетъ довѣрія къ правительству, что купцы обѣдняли, что народъ удрученъ налогами и рекрутскими наборами, что донскіе и украинскіе казаки не могутъ выставить много войска, потому что земли ихъ опустошены войною съ Турціею, и пр. и пр.

Въ началѣ весны войска французскія и Рейнскаго союза собирались уже на разныхъ пунктахъ Германіи. 17 апрѣля, въ Парижѣ, осмотрѣвъ на тюльерійской площади всю гвардію свою, Наполеонъ отправилъ ее въ походъ за Рейнгъ; а 27 апрѣля, въ сопровожденіи императрицы и всей своей многочисленной свиты, поѣхалъ онъ въ Дрезденъ, гдѣ былъ сборный пунктъ всѣхъ его поклонниковъ, угодниковъ, гдѣ разные короли, владѣтельные принцы и толпы знатнѣйшихъ особъ всѣхъ націй ожидали его прибытія.

Взглянемъ на сборную толпу представителей Европы, около своего свѣтила.

15 мая, король саксонскій, какъ хозяинъ Дрездена, вмѣстѣ съ королевою, отправился въ Фрейбургъ, для встрѣчи Наполеона. Тамъ, на главной улицѣ, разставлены были шпалерами войска саксонскія и французскія; весь городъ блисталъ огнями. Около полудни прибылъ туда Наполеонъ съ своей супругой, при звукѣ колоколовъ, при ружейной пальбѣ и множествѣ народа. На другой день весь дворъ собрался

въ парадной одеждѣ, для привѣтствія именитыхъ гостей. Вскорѣ послѣ нихъ прибылъ туда прусскій король съ наслѣднымъ принцемъ *) и императоръ австрійскій съ императрицею, которую, по слабости ея здоровья, внесли на дворцовую лѣстницу на креслахъ. Начались церемоніальные обѣды, визиты, концерты, театры **), прогулки въ вызолоченныхъ каретахъ, запряженныхъ осьмью лошадьми, съ разноцвѣтными кокардами на головахъ, въ сопровожденіи саксонскихъ лейбъ-кирасировъ и швейцарской гвардіи.

Въ Дрезденѣ Наполеонъ произнесъ слѣдующую рѣчь къ князьямъ Рейнскаго союза:

«Вѣщественные друзья Франціи! Дѣла въ Европѣ приняли дурной оборотъ. Какъ глава Рейнскаго союза повелѣваю вамъ, для пользы общей, удвоить свои ополченія, и, приведя ихъ въ готовность, пожинать лавры, подъ моимъ начальствомъ, на полѣ чести и славы. Объявляю вамъ мои намѣренія: я желаю возстановленія Польши, хочу исторгнуть ее изъ неполи-

*) Прусскій король, чувствуя надъ собой преобладающую силу Наполеона, остался вѣренъ искренней дружбѣ, питаемой имъ къ Имп. Александру, какъ къ защитнику своему; заключая союзъ съ Наполеономъ, онъ писалъ къ Александру: «Жалѣйте обо мнѣ, но не обвиняйте меня.» И Австрійскій Императоръ также писалъ къ русскому Государю, увѣряя его въ дружбѣ своей и объясняя крайнюю необходимость, побуждавшую его вступить въ союзъ съ Наполеономъ.

**) Достоинно замѣчанія, что дамы того времени, изъ особаго уваженія къ таланту французскаго танцора, Дюпора, носили на груди своей, въ медальонахъ, изображеніе ногъ его.

тического существованія и возвестъ на степень могущественнаго королевства; хочу наказать варваровъ, презирающихъ мою дружбу. Уже берега Прегеля и Вислы покрыты орлами Франціи. Мои народы, мои союзники, мои друзья! Думайте со мною одинаково. Я хочу поразить и поражу древнихъ тирановъ Европы. Я держалъ свое слово, и теперь говорю: прежде шести мѣсяцевъ двѣ сѣверныя столицы, т. е. Москва и Петербургъ, будутъ видѣть въ стѣнахъ своихъ непобѣдимыхъ побѣдителей!»

Выслушавъ эту хвастливую рѣчь, и придя отъ нее будтобы въ надлежащій восторгъ, (какъ писали тогда въ монитёрѣ) вѣщественные друзья Франціи пробыли въ Дрезденѣ до 29 мая. Въ этотъ день Наполеонъ отправился въ Познань, а оттуда далѣе, форсированнымъ маршемъ, въ Польшу.

Въ Варшавѣ дѣйствительно онъ принять былъ съ восторгомъ; разодѣтыя польскія дѣвицы вели подъ уздцы его лошадь! но гости-французы и смѣсь разныхъ націй скоро обратились тамъ въ хозяевъ; Наполеонъ распоряжался безъ всякихъ церемоній въ Варшавѣ: онъ занялъ войсками всѣ тамошніе монастыри и многихъ монаховъ побралъ въ солдаты.

Посмотримъ теперь, что дѣлалось у насъ въ это роковое время. Въ Москвѣ, свѣтлый день праздника, 21 апрѣля, назначенъ былъ для постановки бюста императрицы Екатерины II, въ домѣ благороднаго собранія. Это былъ день рожденія покойной государыни. Колоссальное изображеніе Екатерину изваялъ изъ бронзы извѣстный въ то время художникъ Мартосъ, на

издивеніе русскаго дворянства, попеченіемъ старшинъ московскаго благороднаго собранія. Въ помянутой день бюстъ былъ торжественно открытъ, въ присутствіи 1,500 членовъ собранія и при многочисленномъ стеченіи зрителей, помѣщавшихся на хорахъ.

Въ 10 часовъ вечера, звуки трубъ и литавръ возвѣстили, что открытіе памятника готово; раздалась музыка, нарочно для того сочиненная, распахнулась занавѣсъ—и глазамъ присутствующихъ явилось величественное изображеніе монархини. Восторгъ былъ общій, всякій старался засвидѣтельствовать его не одними восклицаніями, но и разными жертвами, въ пользу бѣдныхъ семействъ и благотворительныхъ заведеній. Въ четвергъ, на святой недѣлѣ, данъ былъ въ собраніи маскарадъ, для дворянства и для купечества; передъ началомъ его, старшины, при звукахъ трубъ и литавръ, поставили, у подножія бюста, на серебряномъ блюдѣ, книгу съ именами лицъ, которыя пожертвованіями своими содѣйствовали устроенію памятника. Въ слѣдующіе дни всѣ залы собранія, отъ 10 часовъ утра до 2 пополудни, открыты были для посѣтителей всякаго званія. Десятки тысячъ любопытныхъ перебивали въ нихъ. Дань уваженія и памяти къ государынѣ простиралась до того, что когда старшины заботились о средствахъ перенести такую огромную массу (бюстъ) въ залъ и утвердить на подножіи, и когда нѣкоторые думали о надобности выломать полъ, чтобы, подвинувъ монументъ, поднять его въ залъ механическими способами, столпившійся около дома собранія народъ, узнавъ въ чемъ дѣло,

воскликнулъ: «да мы ее, матушку, на рукахъ донесемъ, куда угодно!»—и чрезъ нѣсколько времени колоссальная статуя очутилась на показанномъ мѣстѣ.

Въ Петербургѣ, въ началѣ весны этого года, государь призвалъ къ себѣ вице-адмирала Шишкова и сказалъ ему: «Я читалъ разсужденіе твое о любви къ отечеству; имѣя такія чувства, ты можешь быть ему полезенъ. Кажется, у насъ не обойдется безъ войны съ французами. Нужно сдѣлать рекрутскій наборъ, напиши о томъ манифестъ. Вскорѣ послѣ того появился извѣстный манифестъ, начинающійся словами:

«Настоящее состояніе дѣлъ въ Европѣ требуетъ рѣшительныхъ и твердыхъ мѣръ,» и такъ далѣе.

На 6-й недѣлѣ, во вторникъ великаго поста, въ два часа пополудни, въ самую распутицу, государь, со свитою своею, отправился изъ Петербурга въ Вильно, для осмотра прибывающихъ туда нашихъ войскъ; гвардія выступила туда прежде его. Предъ отъѣздомъ своимъ, онъ былъ въ Казанскомъ соборѣ, гдѣ преосвященный Амвросій, съ первенствующимъ духовенствомъ, совершалъ напутственное молебствіе. Вся церковь наполнена была усердными молещиками. Когда стройный хоръ придворныхъ пѣвчихъ запѣлъ: Спаси, Господи, люди Твоя!, всѣ преклонились до земли. По окончаніи молебна, когда государь вышелъ изъ собора и сталъ садиться въ дорожную коляску, народъ, покрывавшій собою всю площадь и улицу,

предъ церковью, громко и восторженно выразилъ ему свое привѣтствіе. Многіе знали, куда и зачѣмъ ѣдетъ онъ; многіе ждали роковаго начала войны, и, среди перекастныхъ звуковъ «ура!», середине сдержанныхъ рыданій, слышались возгласы: «Боже, спаси Царя!»

По случаю отбытія государя изъ Петербурга, по приказанію его, учрежденъ былъ тамъ комитетъ министровъ, подъ предсѣдательствомъ генераль-фельдмаршала, графа Салтыкова, для завѣдыванія столицею.

На пути своемъ государь осматривалъ войска, тянувшіяся изъ разныхъ мѣстъ Россіи къ западной границѣ. Окрестности Вильны принимали тогда самый воинственный и вмѣстѣ съ тѣмъ самый одушевленный видъ: со всѣхъ сторонъ сходились туда войска; дороги заставлены были обозами; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ бѣлѣлись раскинутые лагеря, казаки сповали взадъ и впередъ, они изъ ближнихъ селеній сгоняли туда множество рогатаго скота. Вездѣ дымились bivачные огни, бряцало оружіе, раздавалась музыка и звукъ барабановъ по зарямъ....

«Война!» слышалось въ рядахъ нашихъ войскъ, Война! отзывалось это восклицаніе отъ береговъ Нѣмана до Ангары, и отъ Ледовитаго океана—до южныхъ странъ моря Хвальнскаго....

Возстала русская земля!

Съ нашей стороны приняты были всевозможныя мѣры къ отраженію враговъ: повсюду заготовлялись военныя снаряды, строились магазины, исправлялись

и созидались крѣпости. Начальнику тульского оружейнаго завода, Воронову, предписано было заготовить большое количество ружей и пр. Работа кипѣла повсюду. Слышно было, что французы большими массами двигались къ рѣкѣ Нѣману.

14 апрѣля, въ самое вербное воскресенье, въ два часа пополудни, государь прибылъ въ Вильно. Военный министръ (графъ Барклай-де-Толли) и весь генералитетъ ожидали его за заставою и сопровождали, при вшествіи его въ городъ. За ними эскадронами ѣхала кавалерія. У заставъ встрѣченъ былъ государь войсками, со всѣми почестями, съ пушечною пальбою и съ музыкою. Еврейское общество встрѣтило его съ хлѣбомъ и солью и со своею музыкою; потомъ встрѣченъ онъ былъ купечествомъ и цехами, а у соборной церкви знатнѣйшимъ духовенствомъ. По всѣмъ церквамъ раздался торжественный колокольный звонъ, народъ тѣснился густыми толпами около царя и радостными восклицаніями выражалъ свой восторгъ. Вечеромъ весь городъ былъ ярко иллюминированъ; по рѣкѣ разѣзжали суда, освѣщенные цвѣтными шкаликами.

На другой день прибытія государя въ Вильно представлялись ему всѣ тамошніе знатнѣйшіе жители. Послѣ того, государь, предъ обѣдомъ, проѣхалъ по городу верхомъ, въ сопровожденіи свиты своей; къ столу его были приглашены многія знатныя особы, военныя и статскія. Послѣ обѣда, государь прохаживался по городу пѣшкомъ и осматривалъ госпитали. Въ слѣдующіе дни представлялось ему наше православное и католическое духовенство, также магистратъ, потомъ

виленскій университетъ и еврейскій кагалъ. Никто не запомнить, чтобы въ Вильно было когданибудь такое стеченіе народа, какъ въ то время.

Въ Вильно изстари существуетъ обыкновеніе, состоящее въ томъ, что на страстной недѣлѣ благородныя дамы и дѣвицы,—въ самой скромной одеждѣ и съ видомъ глубочайшаго смиренія, по долгу религіи и изъ состраданія къ ближнимъ, пріемлютъ на себя трудъ собирать подаяніе въ пользу челоѣколюбивыхъ заведеній. Въ описываемомъ мною году, это обыкновеніе получило новый блескъ, въ присутствіи государя. Въ великій четвергъ собирательницы подаяній: г-жа Багговутъ (супруга гродненскаго вице-губернатора), княжна Гедроиць, г-жи Барятинская, Залѣская и дѣвица Абрамовичъ представлены были государю. Онъ каждой изъ нихъ вручилъ по 100 червонныхъ. Въ то время былъ случай, обнаружившій теплое сердце и вмѣстѣ съ тѣмъ усердіе русскаго солдата къ своей обязанности.

Во время сбора для бѣдныхъ польскими дамами, нѣкоторые изъ нихъ, въ блестящихъ экипажахъ, пріѣхали въ одинъ домъ, у котораго стоялъ на часахъ рядовой кременчугскаго полка. Онъ имѣлъ приказаніе никого не впускать въ этотъ домъ; онъ такъ и поступилъ. Дамы объявляли солдату, что они имѣютъ право всюду ходить по своей должности, для собиранія помощи бѣднымъ. «А, если для бѣдныхъ, отвѣчалъ солдатъ, то вотъ, возьмите»—и подалъ имъ—грошъ, «а впустить сюда безъ позволенія командирскаго не могу,» сказалъ исправный солдатъ.

Наступила пасха. Въ домѣ генераль-губернатора, въ которомъ имѣлъ пребываніе государь, устроили полковую церковь: предъ заутреней собрались туда всѣ знатнѣйшія особы, окружая императора. Когда запѣли: «Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его,» въ церкви громко повторилась эта молитва, и руки у всѣхъ зашевелились на груди. По окончаніи литургіи, государь, принявъ отъ всѣхъ обычныя поздравленія, вошелъ во внутренніе свои покои. Въ полдень, за городомъ, былъ блестящій парадъ всѣмъ, находившимся тамъ войскамъ, въ присутствіи государя и всего генералитета. Вѣроятно, таковой парадъ былъ первый со времени существованія Вильно. Народу съѣхалось туда изъ всѣхъ окрестностей неисчислимое множество. Разнообразная одежда войскъ, стройное движеніе конницы, лѣсъ блестящихъ штыковъ, звуки преображенскаго марша, такъ всѣми любимаго въ то время, флюгера уланъ, зыблющіеся султаны на шляпахъ военныхъ чиновниковъ, свѣтлый весенній день, видъ оживляющейея природы—все это представляло великолѣпное зрѣлище...

Государь щедро изливалъ на всѣхъ свои милости; въ числѣ высочайше награжденными чинами, орденами и подарками, были многіе поляки. На святой недѣлѣ наступилъ полный разгаръ удовольствій: гулянья, катанья, общее ликованье; въ четвергъ виленское дворянство дало государю балъ. Гости собрались въ Закретскомъ паркѣ, въ восемь часовъ вечера. Дамы въ цвѣтахъ, въ роскошныхъ нарядахъ, сидѣли на скамьяхъ, поставленныхъ четвероугольникомъ на луку, на

которомъ симметрически выставлены были померанцевыя деревья въ полномъ цвѣтѣ, напитывая воздухъ благоуханіемъ. Гвардейская музыка гремѣла въ разныхъ мѣстахъ парка, по аллеямъ расхаживали толпы гостей. Государь былъ въ мундирѣ гвардейскаго семаповскаго полка. Онъ прошелъ по всѣмъ рядамъ скамей, на которыхъ сидѣли дамы, любезно привѣтствовалъ ихъ, и не позволялъ имъ вставать съ мѣсть ихъ. Когда обнесли плоды и мороженое, государю предложили открыть балъ на лугу, въ четвероугольникѣ; онъ принялъ это предложеніе и открылъ балъ полонезомъ съ генеральшею Бенигсенъ, потомъ танцевалъ съ супругою Барклая-де-Толли и съ дѣвицею Тизенгаузенъ. Обошедъ съ нею вокругъ луга, онъ повелъ танцующихъ въ залу. Портретъ государя, помѣщавшійся въ главной залѣ, былъ иллюминированъ огненными гирляндами и обвѣшанъ цвѣточными вѣнками, сплетенными знатнѣйшими польскими дамами и дѣвицами (изъ нихъ нѣкоторыя пожалованы были фрейлинами). Привѣтствіе ему было общее, восторгъ одушевленный. Государь оставилъ собраніе во время ужина, который былъ на маленькихъ столикахъ, на открытомъ воздухѣ, въ паркѣ, роскошно освѣщенномъ. Государь говорилъ на балѣ, что онъ надѣется на сохраненіе мира: онъ не хотѣлъ тревожить общаго спокойствія и удовольствія. Изъ Вильно государь отправился, для обозрѣнія расположенныхъ войскъ своихъ въ Шавлѣ и въ Вилькомирѣ; вездѣ встрѣча ему была такая же торжественная, какъ и въ Вильно. При возвращеніи его въ этотъ городъ, устроены были ему ворота, украшенныя зе-

ленью, а крыльцо и лѣстница усыпаны цвѣтами; передняя часть дома убрана была такимъ же образомъ, надъ балкономъ красовалось вензелевое имя его. Въ половинѣ мая, государь отправился въ Гродно. Далеко за городъ вышли жители его, для встрѣчи императора. Онъ остановился въ домѣ губернскаго маршала, князя Друцкаго-Любецкаго; войска встрѣчали его парадомъ, а граждане съ своими цеховыми значками; всѣ улицы въ городѣ и окна домовъ наполнены были зрителями. Отдохнувъ съ дороги, государь проѣзжалъ по городу верхомъ; всюду слышалось оглушительное ура; дѣвицы въ бѣлыхъ платьяхъ, съ вѣнками на головахъ, бросали ему подъ ноги цвѣты, первенцы весны; звучно гремѣла музыка, раздавался кимвальный звукъ колоколовъ.—Послѣ обѣда государь ѣздилъ за рѣку Нѣманъ, для осмотра войскъ, это было 16 мая; а 10 іюня берега ея были уже покрыты войскомъ двадцати языковъ....

Время, проведенное государемъ въ Вильно, въ разнообразныхъ удовольствіяхъ, привело почти у всѣхъ въ забвеніе мысль о враждебномъ намѣреніи Наполеона—вторгнуться въ Россію. Въ это время еврей тайно пробрался чрезъ границу, несмотря на то, что она была оберегаема козаками, и принесши извѣстіе, что французскія войска со всѣхъ сторонъ идутъ къ Нѣману; но евреямъ не охотно вѣрили. Между тѣмъ переговоры между императорами еще длились, война не была объявлена, ни съ той, ни съ другой стороны; какъ вдругъ, 13 іюня, въ два часа ночи, государь послалъ за Шишковымъ. Шишковъ засталъ его уже

одѣтымъ, сидящимъ въ раздумьѣ, за письменнымъ столомъ. «Поспѣши,» сказалъ онъ входящему секретарю своему, «написать приказъ моимъ войскамъ и къ Салтыкову, въ Петербургъ о вторженіи непріятеля въ наши предѣлы; да непременно упомяни, что я не помирюсь съ нимъ до тѣхъ поръ, пока хоть одинъ непріятельскій воинъ будетъ оставленъ въ нашей землѣ. На начинающаго Бога!»

Въ это время погода стояла превосходная, лѣто было въ полномъ развитіи своемъ: «какъ очаровательна природа и какъ злобны люди!», сказалъ еще Ж. Ж. Руссо. Что влекло Наполеона въ Россію? *) Развѣ исполны своего времени не чувствуютъ надъ собою какую-то таинственную, высшую, карательную силу? Наполеонъ вѣровалъ въ счастливую звѣзду свою **). Онъ былъ суевѣренъ; по временамъ тяжелое предчувствіе налегало на грудь его. Въ окрестностяхъ Вѣны, послѣ Ваграмской битвы, поѣхалъ онъ гулять на Сентъ Еленскую долину, прелестную мѣстность, улыбающуюся цвѣтами; взглянувъ на нее, онъ воскликнулъ: «здѣсь хочется поселиться и умереть» ***).

*) Графъ Сегюръ говоритъ въ запискахъ своихъ: Наполеонъ, предъ походомъ на Россію, часто восклицалъ: «кто зоветъ меня туда?»

**.) Въ парижскихъ театрахъ ложи Наполеона были великолѣпно отдѣланы; къ украшенію ихъ принадлежали въ особенности золотыя звѣзды, возвышавшіяся надъ каждою его ложею, потому что онъ вѣрилъ въ звѣзду свою больше, нежели въ свои дарованія.

***.) Объ этомъ говоритъ баронъ Мортемаръ въ своихъ запискахъ.

Сентъ-Елена! Онъ дѣйствительно поселился и умеръ—только не на долинѣ, а на островѣ Св. Елены, и въ какой мѣстности! Среди дикихъ, голыхъ скалъ при всплескахъ вѣчноропотнаго моря...

Наполеонъ предсталъ предъ русской границей съ полумилліоннымъ строевымъ войскомъ, исключая огромной свиты и множества прислужниковъ; въ арміи его находилось двадцать языковъ; въ томъ числѣ были и славянскія племена, даже португальцы, испанцы и мамелюки. Какая перекличка народовъ! Однихъ фурманщиковъ, для упражки телѣгъ и фуръ, находилось при войскахъ его до 2,500 ч., пекарей до 3,000 г., больничныхъ сторожей 1,200 ч., провіантскихъ чиновниковъ 2000 ч., всѣхъ до 600,000 ч., при которыхъ было 1,500 пушекъ *). Какъ будто ожили древнія времена дикихъ полчищъ! Судьба поручила одному человѣку судьбу двадцати народовъ. Наполеонъ вносилъ оружіе свое въ три части свѣта, онъ былъ въ Сиріи и въ Іерусалимѣ, гдѣ Спаситель завѣщалъ міру—миръ и любовь, а онъ нарушилъ ихъ. **) Нилъ, Іорданъ, Рейнъ, Нѣманъ, Москва—какія знаменательныя названія для исторіи! Еще у французскаго короля Генриха IV была мысль: войною завоевать миръ европейскій. Наполеонъ окру-

*) Походъ Наполеона въ Россію, 1815 г., ч. 1-я, и Записки о петербургскомъ ополченіи барона Штейнгеля, 1814 г.

**.) Въ Египтѣ, предъ Мамелюками, Наполеонъ выдавалъ себя за посланника Божія, въ Сиріи, предъ Евреями, за обѣ-

женъ былъ опытнымъ государственными чиновниками и закаленными въ бояхъ генералами, вполнѣ преданными ему; да и какъ не быть имъ преданными своему императору, когда онъ почти всѣхъ ихъ вывелъ изъ ничтожества; новые дѣятели, поборники словы и блистательныхъ побѣдъ его, были всѣ люди талантливые, но не безукоризненной нравственности. Напр., Камбассересъ, герцогъ пармскій, архиканцлеръ имперіи, измѣнившій присягѣ, данной имъ королю своему, Людовику XVI; Лебрюнъ, архиказначей имперіи, герцогъ піаченчскій, бывший свирѣпый республиканецъ; Талейранъ Перигоръ, принцъ Беневентскій, вице-архиканцлеръ (бывшій епископъ), приобрѣтшій себѣ огромное богатство разными неправедными путями; Фуше, герцогъ Отрантскій, губернаторъ римскій, бывший министръ полиціи, человѣкъ развращенный; Шампаньи, герц. кодорскій, министръ внутреннихъ дѣлъ, бывший простой флотскій лейтенантъ; Маретъ, герц. Бассанскій, государственный секретарь, сынъ аптекаря; Коленкуръ, герц. Виченчскій, оберъ-штабмейстеръ, рабскій исполнитель воли Наполеона; Дюрокъ, герц. Фріульскій, оберъ-гофмаршалъ, фаворитъ Жозефины; Савари, герц. де Ровиго, министръ

щаннаго Мессію. Еще въ 1807 г. Св. Правит. Синодъ, въ посланіи своемъ ко всѣмъ православнымъ христіанамъ, выразилъ о Бонапартѣ, что онъ въ Египтѣ приобщился къ гонителямъ церкви Христовой—и проповѣдывалъ алкоранъ магометовъ, а во Франціи воздавалъ раввинамъ почести и установилъ новый синодъ, богопротивный соборъ, который вѣкогда осудилъ на распатіе Христа.

полиціи, исполнитель тайныхъ порученій Наполеона: онъ насильственнымъ образомъ захватилъ испанскую королевскую фамилію.

Маршалы Наполеона были большею частію изъ самаго простаго званія (выключая Бертъе, Бесьера, Мармонта, Даву и Бараге де-Иьера (Робеспьеровскій шпіонтъ); Массена былъ сержантомъ въ арміи сардинскаго короля, изъ которой онъ бѣжалъ и за то публично наказанъ; Ожеро былъ два раза публично сѣченъ, заклеименъ на спиѣ и сосланъ на галеры; Сультъ изъ рядовыхъ солдатъ; Мортъе изъ купеческихъ прикащиковъ, Ней изъ конюховъ, Викторъ изъ барабанщиковъ; Лефевръ солдатъ старой французской арміи, жена его была прачкою въ казармахъ, Удино изъ арлекиновъ бульварнаго театра; Макдональдъ шотландецъ, бѣглець изъ прландскаго легіона; Брюнъ поденщикъ въ типографіи (въ 1792 г. онъ носилъ и показывалъ по парижскимъ улицамъ голову и сердце герцогини Помбальской); Жюно изъ лакеевъ; Себастиане—корсиканецъ, буржуа, родня Наполеона; Рапцъ адъютантъ Наполеона, изъ солдатъ; Вандамъ, бѣжавшій съ галеръ, выключенный генераломъ Моро изъ службы *).

Самъ Наполеонъ, по удостовѣренію многихъ біографовъ его, былъ второй сынъ Карла Бонапарта, публичнаго нотариуса города Аяччіо, на островѣ Корсикѣ; другіе утверждаютъ что отцомъ его былъ графъ Марбефъ, губернаторъ Корсики; старшій братъ На-

*) Походъ Наполеона въ Россію 1815 г., ч. 1.

полеона, Иосифъ, нарѣченный король испанскій, былъ писаремъ у нотаріуса въ Марсели, потомъ посланникомъ при дворахъ римскомъ и вѣнскомъ; Люсьенъ, второй братъ, былъ учительскимъ помощникомъ въ марсельскомъ народномъ училищѣ, потомъ посланникомъ въ Испаніи и Португаліи; жена его была дочь трактирщика; Людовикъ, бывший король голландскій, былъ въ немилости у Наполеона: въ 1811 г. онъ сложилъ съ себя это званіе, потому что онъ былъ добросовѣстиѣ всѣхъ; онъ былъ женатъ на дочери Жозефины (1-й жены Наполеона); Геронимъ, извѣстный своею безиравственностію, развелся съ первою женою; онъ былъ незамѣчателенъ въ политическомъ отношеніи; Гоахимъ-Мюратъ, зять Наполеона, женатый на младшей сестрѣ его, Каролинѣ (жившей прежде у модной торговки въ Марселѣ), сынъ трактирщика въ Кочарѣ. Сперва онъ былъ извозчикомъ у погонщика, потомъ находился поваромъ у принца Конде, послѣ чего вступилъ въ полкъ солдатомъ; онъ понравился Наполеону, который, бывши въ Италіи, взялъ его къ себѣ адъютантомъ, отдалъ за него свою и сестру сдѣлалъ его Неаполитанскимъ королемъ. Мюратъ исполнилъ смертный приговоръ надъ принцемъ энгиенскимъ, онъ грабилъ Италію, и въ Москвѣ своеручно дѣлалъ выжигу изъ парчевыхъ ризъ и стихарей. Мать Наполеона, Летиція, имѣла о себѣ дурную репутацію; сестра его, Елиза, была въ ученьи у торговки, потомъ жена маркера, произведеннаго въ герцоги Флорентійскіе *).

*) Наполеонъ съ причетомъ своимъ, М. 1813 г.

Вотъ герон описываемой мною кровавой драмы, которая обратилась въ маскарадную комедію, во время бѣгства Наполеона изъ Россіи.

Во многихъ мѣстахъ о Наполеонѣ ходили преувеличенные слухи. Говорили, что онъ изобрѣлъ разные маневры, которые содѣлывали войско его непобѣдимымъ, напр., новый образъ ходить на штыки, держа въ лѣвой рукѣ ружье на перевѣсь, а въ правой тесакомъ; будто французъ, ударивъ непріятеля по рукѣ тесакомъ, вышибаетъ у него ружье и закалываетъ его штыкомъ, будто французъ десять разъ успѣваетъ зарядить ружье свое и выстрѣлить изъ него, пока непріятель его выстрѣлитъ изъ своего ружья только одинъ разъ, потому что у француза боевые патроны находятся не въ сумкѣ, какъ у прочихъ, но за галстухомъ, за пазухой, въ карманахъ кафтанныхъ, за штиблетами, за сапогами и пр. Говорили, что Наполеонъ всевѣдущъ, что онъ знаетъ не только то, что о немъ говорятъ, но даже то, что о немъ думаютъ. Особенно изъ маршаловъ его превозносили Виктора: только что сдѣлается плохо Наполеону, рассказывали легковѣрные, онъ выпуститъ Виктора, будто изъ рукава, и побѣда его *).

Къ фамиліи Наполеона прибавимъ еще дадо его, Феша, который назначенъ былъ для духовнаго званія, но совратился съ этой стези, и за предосудительное поведеніе свое былъ выгнанъ изъ города Базеля; тогда онъ поступилъ въ армію Фурьеромъ; племянникъ принудилъ его опять обратиться къ церкви, и сдѣлалъ его архіепископомъ ліонскимъ и кардиналомъ.

*) Сынъ Отечества, 1812 г., изд. Гречемъ.

Приближаясь къ русскимъ границамъ, Наполеонъ произнесъ своему войску слѣдующую напыщенную и хвастливую рѣчь:

«Непобѣдимые французы! Вы творили чудеса во всѣхъ земляхъ и доказали свѣту, что нѣтъ въ подсолнечной народа, который бы не трепеталъ отъ страшнаго грома вашихъ побѣдъ. Нынѣ вамъ открывается пространное поле пожинать лавры и увѣнчать себя безсмертною славою. Вамъ предстоитъ путь въ Россію, побѣдить ее и оставить по себѣ величіе имени французовъ позднѣйшимъ потомкамъ. Москва и Петербургъ будутъ наградою вашихъ подвиговъ. Вы въ нихъ найдете золото, серебро и такія сокровища, какихъ не могъ найти ни Пизарро въ Америкѣ, ни Крезъ не имѣлъ въ царствѣ своемъ. Вы будете господствовать надъ русскимъ народомъ, готовымъ исполнять работѣнно всѣ ваши повелѣнія и доставлять вамъ удовольствія, какія только будутъ угодны душѣ вашей. Ступайте, друзья, и окажите мужество, достойное имени вашего! *)»

10 іюня, Наполеонъ, изъ главной квартиры своей, въ Вилковискахъ, объявилъ еще слѣдующую прокламацію: «Солдаты! начинается вторая польская война; первая окончена была подъ Фридландомъ и въ Тильзитѣ;» между прочимъ онъ сказалъ: «Россія увлечена неизбѣжнымъ рокомъ; миръ, который мы заключимъ, положить конецъ пятидесятилѣтнему вліянію Россіи на Европу.»

*) Записки о войнѣ 1812 г., полковника Похвиснева.

Съ 11-го на 12-е іюня, въ два часа ночи, Наполеонъ прибылъ на передовые посты свои, противъ Ковно, и, надѣвъ на себя шинель и каску польскаго улана, въ сопровожденіи инженернаго генерала Гаско, осмотрѣлъ берега р. Нѣмана, для назначенія мѣста переправы. Наконецъ все было готово, мосты навѣдены. «Да, Россія увлечена своимъ рокомъ,» повторилъ Наполеонъ, возвѣщая ей гибель — и подалъ знакъ къ переправѣ. Она началась еще до разсвѣта въ четырехъ мѣстахъ, *) въ одно и то же время, при раскатахъ грома и проливнаго дождя.

Заколыхались мосты, двинулась многочисленная сила, гремя ружьями и бряца саблями, топотъ и гулъ ея разносились далеко; враги ринулись въ наши области. Застонала русская земля. **)

*) При Юрбургѣ, Олитѣ, Мерячѣ и Гроднѣ.

**) Наши солдаты тогда говорили: «столько валить вражьей силы, что и плюнуть негдѣ, если штыкомъ мѣста не очистишь.»

Глава II.

Отступление русской армии до Смоленска; Смоленская битва.
Начало народной войны.

*Се уже, братіе, никто же намъ не поможетъ, кро-
мь Бога и правды нашей; умремъ же другъ за друга—
и Богъ будетъ съ нами. Забудемъ жены, дома, дѣтей
и все стяжаніе наше и пойдѣмъ на дѣло усердно, пѣ-
шіе и конные.*

*Изреченіе Ки. Мстислава Новгородскаго дружину
своей.*

Среди безчисленныхъ рядовъ пѣхоты, конницы, ар-
тиллеріи и обозовъ, мчалась карета Наполеона. На
4-хъ стахъ верстахъ двигалось слишкомъ 400 тысячъ
строеваго войска. Ничего не видно и не слышно бы-
ло непріятелямъ за Нѣманомъ; тамъ представлялись
неоглядные пески, болота и непроходимые мрачные
лѣса. Негостепріимна показывалась французамъ эта сто-
рона, съ своими бѣдными городами, обитаемыми гряз-
ными жидами и селеніями, съ грубыми и неопрытными
крестьянами. Артиллерія французовъ едва влачилась
по липкой грязи, влекомая волами...

Здѣсь кетати можно замѣтить, что число 12 играло
важную роль въ царствованіе императора Александра

1-го. Онъ родился 12 дек., вступилъ на престолъ 12
марта. Роковая война съ французами началась въ
12-мъ году. Наполеонъ вторгнулся въ Россію 12 іюня,
государь прибылъ въ Москву 12 іюля (а прибытіе
его въ столицу имѣло важное слѣдствіе, какъ увидимъ
далѣе); совершенно вытѣснены были французы изъ
Москвы 12 окт. Въ тотъ же день произошла и битва
подъ Малоярославцемъ, имѣвшая значительное вліяніе
на гибель полчищъ Наполеона *).

Послѣ дождя настали жары (до 28 гр.); французы
сравнивали ихъ съ жарами южной Італіи. Сдѣлалась
засуха, и густая пыль затемняла воздухъ; при мар-
шахъ французскихъ колоннъ, Наполеонъ, замѣчая от-
ступление русскихъ, сказалъ: «эта война будетъ безъ
сраженій, одна увеселительная травля людей; русскіе
трусливы, какъ зайцы. Но всѣ видѣли, что русскіе
не бѣжали, а стройно отступали отъ напора сильнѣй-
шихъ враговъ, завлекая ихъ во внутрь Россіи и сра-
жаясь на каждомъ шагу. Особенно безпокоили фран-
цузовъ летучіе отряды козаковъ быстрыми наскоками
своими. Русскіе, приученные Румянцевымъ и Суворо-
вымъ всегда ходить впередъ и побѣждать, если и зна-
ли слово ретирада, то не исполняли его: «русакъ не

*) Замѣчательнъ дневой Апостолъ 12-го іюня, именно того
дня, въ который Французы, въ 1812 году, вступили на наши
границы: Открывается гнѣвъ Божій съ небесе на
всякое нечестіе и неправду человѣческую
(Рим. гл. 1, ст. 18). Августинъ ввелъ это изрѣченіе въ Слово
своемъ, произнесенномъ при освященіи Успенскаго собора, 1813
года, августа 30-го.

ракъ, задомъ ходить не умѣть,» говорилъ Суворовъ. Но въ тогдашнее время дѣлать было больше нечего русской арміи, которая не успѣла еще собраться, сдвинуться и пополниться. Отступление ея было совершено по всѣмъ правиламъ военной стратегіи, грозно и оборонительно; ею командовалъ бывший военный министръ, Барклай де Толли *), тотъ самый, которому принцъ Ангальтъ, смертельно раненый (въ послѣднюю войну со Шведами, при Екатеринѣ), подарилъ свою шпагу, сказавши: «эта шпага въ вашихъ рукахъ будетъ неразлучна со славою.» Барклай былъ тогда еще майоромъ.

Государь, лично присутствуя при отступающей нашей арміи, издалъ въ главной квартирѣ своей, при Полоцкѣ, памятные манифесты къ Москвѣ и къ народу своему. Первый начинается такъ: «Непріятель вошелъ съ великими силами въ предѣлы Россіи; онъ идетъ разорять любезное наше отечество.» Далѣе, обращаясь собственно къ Москвѣ, онъ продолжаетъ: «наипервѣе обращаемся мы къ древней столицѣ предковъ нашихъ, къ Москвѣ: она всегда была главою прочихъ городовъ россійскихъ; она всегда изливала изъ нѣдръ своихъ смертоносную силу на враговъ. Мы не замедлимъ сами стать посреди народа своего въ сей столицѣ. Да обратится погибель, которую врагъ нашъ мнитъ низринуть на насъ, на главу его, и освобож-

*) Его мѣсто въ министерствѣ заступилъ кн. Горчаковъ.

денная отъ рабства Европа да возвеличить имя Россіи!» Вѣщія изрѣченія!

Во второмъ манифестѣ государь обращается уже ко всему народу своему, съ слѣдующими словами: «непріятель вступилъ въ предѣлы наши и продолжаетъ нести оружіе свое внутрь Россіи, надѣясь силою и соблазнами потрясть спокойствіе великой сей державы. Онъ положилъ въ умѣ своемъ злобное намѣреніе: разрушить славу ея и благоденствіе. Съ лукавствомъ въ сердцѣ и лестию въ устахъ, несетъ онъ вѣчныя для нея цѣпи и оковы. Мы, призвавъ на помощь Бога, поставляемъ въ преграду войска наши, кипищія мужествомъ.»

Далѣе говорится о рекрутскомъ наборѣ; потомъ государь продолжаетъ:

«Мы уже воззвали къ первопрестольному граду нашему, Москвѣ, а нынѣ зываемъ — ко всѣмъ нашимъ вѣрноподаннымъ, ко всѣмъ сословіямъ и состояніямъ духовнымъ и мірскимъ, приглашая ихъ, вмѣстѣ съ нами, единодушнымъ и общимъ возстаніемъ содѣйствовать противу всѣхъ вражескихъ замысловъ и покушеній. Да найдетъ онъ на каждомъ шагу вѣрныхъ сыновъ Россіи, поражающихъ его всѣми средствами и силами, не внимая никакимъ его лукавствамъ и обманамъ. Да встрѣтитъ онъ въ каждомъ дворянинѣ—Пожарскаго, въ каждомъ духовномъ—Палицина, въ каждомъ гражданинѣ—Минина. Благородное дворянское сословіе! Ты во всѣ времена было спасителемъ отечества. Святѣйшій синодъ и духовенство! Вы всегда теплыми молитвами своими призывали благодать на главу

Россіи. Народъ русскій! Храброе потомство храбрыхъ славянъ! Ты неоднократно сокрушалъ зубы устремлявшихся на тебя львовъ и тигровъ. Соединитесь всѣ: со крестомъ въ сердцѣ и съ оружіемъ въ рукахъ, никакія силы человѣческія васъ не одолѣютъ!

Переступивъ нашу границу, Наполеонъ сказалъ: «Это мой послѣдній походъ; кто не былъ со мною, тотъ будетъ сожалѣть объ томъ, потому что этотъ походъ славнѣе всѣхъ прочихъ: послѣ Карла XII я первый вторгнулся въ Россію *)». За то онъ и претерпѣлъ участь болѣе бѣдственную, нежели шведскій король.

Замѣчательно, что къ отраженію нашихъ враговъ въ 1812 г. приняты были тѣ же мѣры, какія привелъ въ исполненіе Петръ I, въ 1707 г. Тогда тоже была роковая борьба между двумя сѣверными исполинами 30 апрѣля помянутаго года, Петръ собралъ въ Желковкѣ военный совѣтъ, на которомъ обсуживали: гдѣ лучше вступить съ непріателемъ въ сраженіе: въ Польшѣ, или на границахъ Россіи? Совѣтъ рѣшилъ: въ Польшѣ сраженія не давать, потому что неудача затруднила бы отступленіе; если потребуеть нужда, то вступить въ сраженіе съ непріателемъ въ Россіи, а лучше всего тревожить его отрядами, голожать и истомлять переходами **). То же самое было и въ 1812 г.

Императоръ Александръ держался правилъ Петра I. Подписавъ манифесты, онъ тотчасъ послалъ ихъ съ кн. Трубецкимъ въ Москву; въ ту же ночь онъ и

*) Исторія Наполеона гр. Сегюра.

**) Подевныя записки Петра I, стр. 144.

самъ послѣдовалъ за нимъ, (іюля 6). Съ дороги писалъ онъ къ Барклаю: «читайте и перечитывайте журналъ Петра I.» Государь спѣшилъ въ Москву, личное присутствіе его тамъ было необходимо. Онъ не останавливался нигдѣ, кромѣ Смоленска, и то на нѣскольکو часовъ. На пути ему встрѣчались совершенно опустѣлыя деревни; за то въ Смоленскѣ было большое стеченіе народа; между нимъ находилось много отставныхъ дворянъ, которые съ одушевленіемъ говорили, что они поголовно вооружать всѣхъ своихъ крестьянъ, и сами съ ними пойдутъ на встрѣчу врагамъ *).

Далѣе путь къ Москвѣ Государя не представлялъ ни пустоты деревень, ни бѣгства людей изъ жилищъ своихъ. Гулъ военныхъ громовъ слышался еще далеко...

Теперь обратимся къ враждующимъ дѣйствующимъ арміямъ. Ген. Писаревъ, въ военныхъ письмахъ своихъ, говоритъ **): «1812 годъ единственъ въ нашихъ лѣтописяхъ; въ немъ болѣе соберешь важныхъ подвиговъ, нежели въ иномъ цѣломъ столѣтіи; ни въ одномъ царствѣ не найдешь такого пространныаго ристалища для героевъ и такого блестящаго позорища для побѣдъ и славъ».

Здѣсь излагается не подробная военная лѣтопись происшествій 1812 г., а замѣчательнѣйшія событія этого времени, жизнь и характеристика Россіи; пото-

*) Записки адмирала Шишкова.

**) Издаваемыхъ въ 1817 г.

му мы и дѣлаемъ только обзоръ тогдашнихъ военныхъ дѣйствій, представляемъ только панораму ихъ.

Съ самаго начала, французы производили свое наступательное движеніе не быстро, но, какъ говорили тогда, ощупью; потомъ, замѣчая отступленіе русскихъ, они двинулись скорѣе. Пустынные мѣста, чрезъ которыя проходили они, являли чудную картину: огромное войско ихъ, въ соединенной массѣ, издали представляло какое-то шевелящееся, изгибающееся, необъятной величины чудовище, сверкающее золотой чешуей; потомъ оно начало раздѣляться и двигаться, по даннымъ ему направленіямъ. Въ особенности щеголи-французы, вычищенные, вылощенные, шли, какъ на пиръ, весело, шумно: кирасиры въ блестящихъ латахъ, въ кованныхъ шлемахъ, пѣхота въ стройныхъ колоннахъ, блистая ружьями и штыками, гренадеры въ высокихъ медвѣжьихъ шапкахъ, драгуны въ каскахъ, съ развѣвающимися на нихъ черными лошадиными хвостами; трехцвѣтныя знамена, полоскающіяся въ воздухѣ, значки на уланскихъ пикахъ—все это представляло живое, великолѣпное зрѣлище. Французы вполне были увѣрены, что жители польскихъ и литовскихъ областей вездѣ будутъ принимать ихъ, какъ избавителей своихъ. «Мы встрѣтимъ или догонимъ непріятелей,—говорили они, разобьемъ ихъ—и конецъ войнѣ».

Графъ Сегюръ, одинъ изъ лучшихъ біографовъ Наполеона, говоритъ, что онъ во время этого похода часто устремлялъ нетерпѣливые взоры свои вдаль и былъ безпокоенъ: ему досадно было видѣть отступленіе русскихъ. На бивакахъ онъ: то ложился на свою

походную кровать, то вставалъ и подходилъ къ столу, на которомъ развернута была ландкарта Россіи, то расхаживалъ въ раздумѣ взадъ и впередъ, то, соскучившись одиночествомъ, призывалъ къ себѣ маршаловъ своихъ на совѣщаніе. «Господа,» сказалъ онъ имъ на одномъ изъ главныхъ военныхъ совѣтовъ, «русскіе имѣютъ не болѣе трехъ сотъ тысячъ войска. Первая армія Барклая растянута, она не въ состояніи удержать насъ; другія части русскаго войска я разобью по одиночкѣ или отброшу назадъ, да мнѣ еще помогутъ турки. Литва готова вооружиться по одному слову моему, ну, что же вы думаете?»

Многіе работѣнно соглашались съ нимъ, но Коленкуръ рѣшился высказать ему откровенно свое мнѣніе о наступившей войнѣ.

—Государь, возразилъ онъ, наши финансы теперь въ хорошемъ состояніи, отъ трехъ до четырехъ миллиардовъ; но для разстройства ихъ нуженъ только одинъ сильный ударъ, и этотъ ударъ—есть нынѣшняя война. Прежде война питала войну, теперь я этого не предвижу: страна, въ которую мы идемъ, ничего намъ не дастъ, кромѣ строеваго лѣса, смолы и пеньки. Франціи нельзя содержать на свой счетъ вооруженную Европу; мы въ одно время воюемъ на сѣверѣ и на югѣ (въ Испаніи): это то же, что зажечь домъ съ обоихъ концовъ.

— Мы получимъ помощь въ Литвѣ! съ нетерпѣніемъ воскликнулъ Наполеонъ.

— Но какая это страна и какой тамъ климатъ, это Азія, отвѣчала Коленкуръ.

— Государь, вмѣшался Дюрокъ, и князь Понятов-

скій подтверждаетъ, что Литву нельзя сравнить съ Польшею; это пустыня.

— А я имѣю лучшія извѣстія о Литвѣ и объ Россіи, сказалъ Наполеонъ. Коленкуръ кажется стращаетъ насъ народною войною; онъ, поживъ при дворѣ императора Александра, сдѣлался настоящимъ русскимъ *). Я положительно знаю, что русское дворянство не имѣетъ той душевной силы, которая нужна для подобной войны; а простой народъ бѣденъ, онъ не приметъ въ ней участія. Кабинетъ мой заваленъ рапортами и замѣчаніями о Россіи.

— Васъ обманули! горячо воскликнулъ Коленкуръ. Русскій народъ преданъ престолу и отечеству. Да и что мы сдѣлаемъ съ завоеванными провинціями? И такъ уже французы не узнаютъ другъ-друга въ отечествѣ, которое не имѣетъ предѣловъ; нельзя не ослабить себя, расширяя ихъ все болѣе и болѣе.

— Чтобы укрѣпить мою монархію, надобно утвердить ее краеугольными камнями, исторгнутыми изъ основанія Россіи, отвѣчалъ Наполеонъ; надобно уничтожить вліянія ея на Европу и привести ее въ такое положеніе, чтобы она въ цѣлое столѣтіе не могла достигнуть до нынѣшняго состоянія своего.

— Прежде мы воевали, чтобы пріобрѣсть, а теперь воюемъ, чтобы сохранить пріобрѣтенное, сказалъ Неаполитанскій король.

Недобрыя предзнаменования были Наполеону, при вторженіи его въ Россію. Скоро ясная погода опять

*) Коленкуръ былъ посланникомъ въ Петербургъ.

измѣнилась, небо нахмурилось, завывли бури, раздались оглушительные перекаты грома, какъ будто вѣщіе головы самого Провидѣнія; нѣсколько сутокъ шли проливные дожди; страна, оставляемая русскими, при отступленіи ихъ, нарочно была опустошаема. Чтобы затруднить продовольствіе для непріятелей, налившіеся тучные колосья ярового хлѣба были потоптаны, земля отъ дождей сдѣлалась влажна и скользка, въ покинутыхъ жителями селеніяхъ, чрезъ которыя проходили наши войска, даже съ крышъ домовъ растаскивали солому, а заборы, двери и ставни разбирали на топливо, мосты и плотины ломали и уничтожали.

При началѣ непріятельскихъ дѣйствій, къ Наполеону отправленъ былъ А. Д. Балашевъ, для напоминовенія ему о народныхъ правахъ. Наполеонъ пригласилъ его къ себѣ обѣдать, и, разговаривая съ нимъ о настоящихъ дѣлахъ, замѣтилъ ему, что вездѣ, куда онъ ни вносилъ своего оружія, все ему подчинялось безусловно. Онъ отвергалъ мысль, чтобы религія и любовь къ отечеству, питаемая русскими, могли противустоять силѣ оружія его. На это Балашевъ отвѣчалъ, что вѣра и любовь къ отечеству спасаетъ Испанію. Наполеонъ нахмурился и замолчалъ, потому что въ то время военныя дѣла его въ Испаніи шли очень дурно. Ему очень хотѣлось, чтобы русскіе дали сраженіе, тѣмъ болѣе, что тогда наши арміи не соединились еще, и онъ всею массою своего войска могъ бы уничтожить оплотъ нашего государства; поэтому французы подымались на разныя хитрости: подкидывали русскимъ подметныя письма, адресованныя

будто бы на имя графа Сенъ-при: въ нихъ было писано, «что малѣйшее наступательное движеніе русской арміи истребило бы всѣ ихъ передовые посты» *). Русскіе отступали, но гдѣ было нужно и можно, тамъ они упорно сражались, и даже совершенно поражали отдѣльныя части непріятельскаго войска, несмотря на многочисленность его. Доказательствомъ тому служило множество плѣнныхъ, взятыхъ русскими въ разныхъ сраженіяхъ.

Запасшись провіантомъ только на 14 дней, въ надеждѣ найти его въ изобиліи въ Вильно и въ Россіи, французы скоро начали ощущать въ немъ недостатокъ: скоро узнали они, съ кѣмъ имѣютъ дѣло. И тогда уже вся Россія пришла въ движеніе, народная война начала уже развивать свое мрачное знамя **).

Какъ-то случайно попался французамъ въ плѣнъ русскій крестьянинъ; замѣтя въ немъ силу и ловкость, они наложили на руку его клеймо съ буквою N. Въ арміи Наполеона, какъ у насъ на конскихъ заводахъ, клеймили, волею-неволею, попавшихся въ его службу. Лишь только крестьянинъ узналъ, для какой цѣли это сдѣлано, тотчасъ выхватилъ изъ за пояса топоръ,—и отсѣкъ свою заклеянную руку ***). Это былъ нашъ русскій Муцій Сцевола.

*) Въдомости департамента Устій эльбскихъ.

***) Русскіе поселене и тогда уже говорили: «мы гостей не звали, а постели имъ постлали».

***) Сынъ Отечества 1812 г.

Наполеонъ преслѣдовалъ нашу первую армію (Барк-лая-де-Толли), Даву вторую (кн. Багратіона *); а маршаль Удино, котораго Наполеонъ называлъ своимъ непобѣдимымъ Роландомъ, съ лучшею частію войскъ, съ гренадерскимъ корпусомъ (изъ 45 т. ч.), называвшимся адскимъ легіономъ, отряженъ былъ на псковскую дорогу, противъ гр. Витгенштейна. Прощаясь съ Наполеономъ, Удино сказалъ: «поздравьте меня, ваше величество: хотя мнѣ и совѣстно, но я прежде васъ буду въ одной изъ русскихъ столицъ» (т. е. въ Петербургѣ); но гр. Витгенштейнъ успокоилъ французскую совѣсть Удино: маршаль даже и не видалъ Петербурга **).

Извѣстно, что Наполеонъ хотѣлъ разбить наши арміи порознь: «они болѣе не увидятся», сказалъ онъ; но тактика русскихъ генераловъ сбила его съ толку: они соединились. Французы, говоря полякамъ, что они пришли защищать и освободить ихъ отъ русскихъ, поступали съ ихъ достоинствомъ, какъ скиѣы. Весь путь арміи Наполеона освѣщался пожарами. Кн. Сапѣга былъ на сторонѣ французовъ, но авангардъ ихъ, прибывъ въ Витебскъ, разграбилъ его экипажъ; когда же вступилъ въ этотъ городъ Наполеонъ со всею своею

*) Державинъ назвалъ его Багратіонъ.

***) Витгенштейнъ разбилъ Удино при Клястицахъ, 18 июля. Предъ этимъ временемъ нѣкоторыя парижскія дамы писали къ Петербургскимъ французскимъ торговкамъ, чтобы они къ Петрову дню приготовили имъ платья для бала въ Петергофѣ.

Собраніе стихотвореній, относящихся къ 1812 г., изд. въ 1814 г.

армію, то беспорядочный грабеж прекратился, а начался порядочный, систематическій....

Впереди арміи его, нестройной толпой, шли пионеры съ топорами; русскіе называли ихъ школьниками, потому что они были очень молоды, вѣроятно только что выпущены изъ училищъ; мигомъ бросались они на все то, что оставалось имъ послѣ отбитія авангарда, разбирали заборы для топлива, бросались по домамъ, по чердакамъ, по подваламъ, отыскивая себѣ добычи, а за ними стремились уже и прочія голодные дѣти великой націи. Они заглядывали даже въ каретные сараи, обдирали экипажи, ища сокровищъ. Жители Литвы говорили про французовъ: «въ конецъ разорили они насъ, дома наши разобрали на дрова, хлѣбъ скосили на кормъ своимъ лошадямъ, всю домашнюю скотину перерѣзали или угнали съ собою, а лошадей взяли подъ подводы, и насъ гонять при нихъ; мы носимъ ихъ кладъ, рубимъ дрова, таскаемъ воду; они запираютъ насъ, вмѣстѣ съ лошадьми, въ сарай, и не кормятъ. А въ панскихъ домахъ, ища денегъ, они и полы-то выламываютъ, разбиваютъ печи, про-рубаютъ стѣны; выкатываютъ бочки съ виномъ, пьютъ до остервенѣнія, а чего не допиваютъ, то вышускаютъ на землю, муку разсыпаютъ по двору, вещи жгутъ... Наша сторона—какъ горохъ при дорогѣ; всякій щиплетъ, сколько хочетъ.»

Изъ числа грабителей особенно поселяне жаловались на Безпальцевъ (такъ называли они Вестфальцевъ) и на Поварцевъ (Баварцевъ): «французъ, какъ сытъ, да пьянъ, такъ никого не трогаетъ,» говорили

они, «только болтаетъ безъ умолку; а эти хуже исправниковъ и засѣдателей, ко всѣмъ пристають: давай хлѣба, пейноза (деньги); они шайками ходятъ даже по лѣсамъ, отыскивая скотину.» Вообще, исключая пановъ, жители Литвы не сочувствовали французамъ.

По большой дорогѣ невозможно было тогда проѣхать; она была завалена сломанными и покинутыми телѣгами и падшими лошадьми. Пространство между Вильно и Ковно представляло совершенную пустыню. Французы появлялись и на проселочныхъ дорогахъ; многіе изъ нихъ скрывались отъ своихъ командъ по деревнямъ и усадьбамъ. Часто между грабителями происходили смертныя драки за добычу. А въ Литву входили все новыя войска; объ нихъ никто не заботился, они сами должны были искать себѣ пропитанія; своихъ больныхъ и раненыхъ французы размѣщали кое-какъ, въ уцѣлѣвшихъ домахъ, а русскихъ пленныхъ раненыхъ покидали на улицахъ...

Французы вторгались и въ единовѣрческіе свои костелы, раскладывали тамъ огонь, варили себѣ кушанье, и проч. Одинъ изъ костеловъ въ Плоцкѣ превратили они въ театръ, а ксендза заставили тамъ, въ скороустроенномъ оркестрѣ, играть на контръ-басѣ. Этому событію нечего и изумляться, потому что, не задолго до нашествія французовъ на Россію, въ одной изъ парижскихъ церквей, во время богослуженія, театральная танцовщица, въ самой воздушной одеждѣ, ходила съ тарелкой, для сбора денегъ. На другой же день послѣ этого напечатано было въ парижскомъ журналѣ, что она исправляла свою должность съ такою

граціею, что едва можно было удержаться отъ рукоплесканій.

А что дѣлалось въ богатыхъ домахъ и въ большихъ городахъ, чрезъ которые проходили французы! Объ этомъ рассказывали уже наши русскіе очевидцы; тамъ не только что ставили на дорогіе фортепяно нечистые горшки и кастрюли и крошили на нихъ табакъ, но и по стѣнамъ, между рѣдкими эстампами, развѣшивали сырое мясо, съ утра до вечера топили печи изрубленною мебелью, не закрывая трубъ, не затворяя оконъ и дверей; одирали матерію съ дивановъ, рубили въ саду деревья, били стекла, посуду, зеркала. Такъ проходила партія за партией, и каждая изъ нихъ оставляла по себѣ слѣды опустошенія. Иныхъ жилыхъ мѣстъ совсѣмъ нельзя было узнать, такъ они были безлюдны и такую имѣли у себя печальную фізіономію: окончины расколоты, инныя висѣли вкось по окну, на однихъ только крючкахъ. Тамъ не слышно было не только звуковъ колокола, но даже человѣческаго голоса и пѣнія пѣтуховъ, какъ у Сибаритовъ.*)

Тамъ одни только евреи, въ черныхъ мантияхъ своихъ, скитались, какъ привидѣнія, по опустѣлымъ улицамъ. На одномъ русскомъ чиновникѣ французы увидѣли крестъ (знакъ отличія): «А что онъ стоитъ?» спросили они. «39-ти лѣтней службы, отвѣчалъ чинов-

*) Извѣщенные жители древней Греціи; они перерѣзали у себя всѣхъ пѣтуховъ, чтобъ они пѣніемъ своимъ не мѣшали имъ спать.

никъ. Несмотря на это, съ него сорвали не только крестъ, но и всего быстро раздѣли и разули.

Тогда про французовъ говорили: «не даромъ наши баре платятъ французамъ-камердинерамъ большія деньги; французы скоро умѣютъ раздѣвать и разувать.» Нѣкоторыхъ, попавшихся имъ русскихъ, французы, для указанія дорогъ, брали себѣ въ провожатые, привязывая ихъ къ козламъ экипажей, другихъ влекли за собою на веревкахъ. Французы не предчувствовали, что они ожесточенно опустошаютъ тотъ край, по которому имъ придется такъ скоро и такъ маскарадно возвращаться, или, какъ тогда говорили, дѣлать рѣковое движеніе, т. е. пятиться назадъ.

Еще не задогло предъ вступленіемъ непріятелей въ Витебскъ, начала уже въ арміи ихъ оказываться зараза; армія, снаружи грозная и сильная, носила уже въ себѣ зародышъ уничтоженія; многіе солдаты ихъ питались незрѣлыми растеніями, парили ихъ въ горшкахъ и ѣли безъ всякой приправы. По дорогамъ валялись обнаженные трупы солдатъ и поселянъ; картина опустошенія расширяла свои рамы, по мѣрѣ дальнѣйшаго вторженія французовъ въ Россію; всѣ окрестности большой дороги заняты были разными прислужниками, мародерами (русскіе звали ихъ міродерами), женщинами-авантюристками, находившимися при обозахъ и должностными чинами. Тамъ были своего рода ярмарки: фуражиры продавали награбленную добычу, разноплеменные народы ссорились за нее, сыпались ругательства на всѣхъ языкахъ....

При вступленіи непріятелей въ Витебскъ, отъ тѣ-

сноты и разныхъ лишеній, зараза стала распростра-
няться, и голодь оказался ощутительнѣе. Объ этомъ
доложили Наполеону: «При хорошемъ распоряженіи,
солдаты никогда не умирають съ голода», отвѣчалъ
онъ. Распорядителемъ всего былъ самъ Наполеонъ,
слѣдовательно, нечего было и докучать ему подобны-
ми извѣщеніями *). Въ то время Витебскъ представ-
лялъ собою огромную казарму; вездѣ двигались, суети-
лись, кишили солдаты, а между ними смиренно про-
крадывались жидки, имѣя особенное чутье къ поживѣ.
Только въ городѣ, какъ въ главной квартирѣ, соблю-
далась военная дисциплина; тамъ маршировали кара-
улы (незащищавшіе, впрочемъ, жителей отъ грабежа),
конные и пѣшіе патрули. Тамъ многіе дома превра-
щены были въ конюшни и хлѣва, изъ разбитыхъ
оконъ ихъ высовывались головы быговъ и лошадей.

Наполеонъ имѣлъ тамъ долгій отдыхъ; 26 іюня и
7 іюля отданы были имъ два приказа по арміи. Со-
держаніемъ перваго было то, что рядовой 7-го легкаго
пѣхотнаго полка, Антонъ Букеть, уличенный въ кра-
жѣ церковныхъ вещей, приговоренъ военною комис-
сіею къ смертной казни, а во второмъ строжайше
подтверждалось, чтобъ всѣ безпорядки и грабежи бы-
ли прекращены; но эти указы нисколько не подѣй-

*) Еще предъ началомъ этой компаніи, во время пребыванія
Наполеона въ Дрезденъ, саксонскій король замѣтилъ ему, что
начинающаяся война будетъ стоить много людей.—Вѣроятно,
отвѣчалъ Наполеонъ, но я могу ежемѣсячно расходовать
25 т. чел.

ствовали на нравственность такой разнородной арміи,
какую велъ Наполеонъ. Витебскъ былъ весь разграб-
ленъ, и храмы Божіи и женщины осквернены. Извѣ-
стно, что язычники уважають свои капища, а враги
Россіи убивали въ церквахъ укрывавшихся тамъ мла-
денцевъ, и, въ какомъ-то яростномъ безуміи, обвѣши-
вали членами ихъ иконостасы и алтари... Подобныя
звѣрскія дѣйствія производили только поляки надъ ма-
лороссіянами, нашими единовѣрцами (незадолго предъ
отторженіемъ отъ нихъ Малороссіи); подучаемые іе-
зуптами, они склоняли ихъ перейти въ католицизмъ,
и, которые не соглашались на ихъ предложенія, тѣхъ
нещадно убивали, а дѣтей ихъ бросали на раскален-
ныя плиты и жаровни, и, подъ пронзительный вопль
и стenanія ихъ, какъ подъ музыку, плясали мазур-
ку..... *)

Страшно представить себѣ то, что было въ дѣй-
ствительности: враги наши вколачивали гвозди въ очи
св. иконъ, втаскивали въ церкви изъ домовъ статуи,
и ставили ихъ на мѣсто образовъ, пили вино изъ
церковныхъ сосудовъ, вводили въ церкви лошадей, и
проч. и проч. Точно это были времена Юліана бого-
отступника.

Витебскъ считался границей Россіи; всѣ полагали,
что непріатели здѣсь останутся зимовать; сперва На-
полеонъ хотѣлъ образовать и устроить Литву, завести
магазины, госпитали, учредить защиту на операцион-
ной линіи, которая растянулась на такое огромное

*) Историческое.

пространство; тамъ уже строили хлѣбныя печи, заводили швальни, и пр.

«Здѣсь, на берегахъ р. Двины, конецъ походу 1812 г.; походъ 1813 г. довершитъ остальное», сказалъ Наполеонъ. Потомъ, обратясь къ графу Дарю, прибавилъ: «а вы заготовляйте намъ продовольствіе, мы не повторимъ безумія Карла XII *).» Наполеонъ отдалъ уже и приказъ выписать изъ Парижа въ Витебскъ актеровъ, для услажденія зимняго поста своего. За недостаткомъ зрительницъ, хотѣли пригласить дамъ изъ Вильно и изъ Варшавы. Но кто же двинулъ его къ Смоленску и далѣе?—Вѣдь Наполеонъ зналъ, что въ Витебскѣ ближе къ нему Европа, окованная могуществомъ его, зналъ, что зимнія выюги и морозы наши неотвратимы; зналъ, что тылъ арміи его не обезпеченъ. «Надобно обдумать, куда итти, чтобъ умѣть выйти оттуда», сказалъ маршалъ Детре.

Французы приближались къ мѣстечку Чечерекъ, принадлежавшему графинѣ Чернышевой **) (во 100 верстъ отъ Могилева). Протоіерей и благочинный тамошней церкви, Герасимъ Курганскій, отдавшій единственнаго своего сына на защиту отечества, всякій день совершалъ крестные ходы вокругъ собора и колѣнопреклоненные молебны о благоденствіи Императора Александра. Лишь только показались тамъ враги, протоіерей, призывавъ на помощь Бога, будто свыше вдохновенный, приказалъ въ трехъ церквахъ начать звонъ во всѣ ко-

*) Собственныя слова Наполеона. См. записки Шамбре.

**) Супругъ фельдмаршала, Аннѣ Ларионовѣ.

локола, и со всѣмъ церковнымъ клиромъ, съ иконами и хоругвями, неся самъ въ рукѣ крестъ, смѣло пошелъ на встрѣчу неприятелямъ. Французы такъ поражены были этимъ явленіемъ, что не только отступили отъ священной процессіи, но стремглавъ побѣжали назадъ, скатываясь съ вала, и растеряли свои сѣдла. «Сіи на колесницахъ и сіи на коняхъ, мы же имя Господа Бога нашего призовемъ», сказалъ протоіерей.

Въ окрестностяхъ Вильно французы разрывали могилы, вынимали изъ гробовъ покойниковъ, стаскивали съ пальцевъ ихъ перстни *), взрывали поля, ища добычи, даже разбирали вѣники и помела, думая найти и тамъ что нибудь запрятанное **); а если они ничего не находили, то, въ отмщеніе, сжигали дома и даже улья съ пчелами у поселянъ. Въ одномъ мѣстѣ какой-то догадливый поселянинъ спряталъ въ землю свое добро и положилъ на него убитаго француза;—грабители и примѣтили рыхлую землю и бросились ее разрывать; но когда откопали трупъ своего земляка, то съ негодованіемъ покинули это мѣсто.

Наполеонъ подступилъ къ Вильно...

*) По изгнанію французовъ изъ Вильно, найденъ былъ монументъ княгини Рѣпинной разрушенный, гробъ выкопанный, а тѣло выброшенное изъ него.

**) Она, какъ наторѣлые въ грабежахъ, поливали дворы домовъ водою, которая тотчасъ входила въ землю, недавно взрытую, и этимъ способомъ открывали закопанныя вещи.

Предъ началомъ войны, во время пребыванія въ Вильно императора Александра, въ разгарѣ праздниковъ и увеселеній, тамъ говорили, что войны не будетъ, что русская гвардія останется въ Вильно зимовать, что тамъ соберется конгрессъ, что даже русскій дворъ пріѣдетъ туда. Въ то время русскихъ такъ ублажали, такъ сожалѣли о выстѣпленіи отсюда нашихъ войскъ; но когда Наполеонъ подступилъ подъ Вильно, жители города привѣтливо и церемоніально встрѣтили его, повсюду слышались восклицанія: да здравствуетъ Наполеонъ! Польскія дѣвицы, въ бѣлыхъ платьяхъ и въ вѣнкахъ, вели подъ уздцы лошадь его: авангардъ французской арміи весь состоялъ изъ поляковъ. Ректоръ бывшаго тамъ университета, Янъ Снядецкій *), со всѣми студентами вышелъ къ нему на встрѣчу. Добродзеи и цуречки ихъ устроили Наполеону разныя потѣхи и иллюминацію.

Наполеонъ пробылъ въ Вильно 17 дней, тогда какъ ему нужно было бы быстро преслѣдовать русскихъ. Онъ почелъ себя тогда уже полнымъ властелиномъ Литовскаго края и началъ заниматься внутреннимъ устройствомъ его: онъ раздѣлилъ Виленскій округъ на провинціи, департаменты, кантоны, и назначилъ въ нихъ своихъ начальниковъ, учредилъ свою почту и полицію, измѣнилъ даже названія денегъ, мѣръ, вѣ-

*) Братъ его, Андрей Снядецкій, былъ въ виленскомъ университетѣ профессоромъ математики, извѣстный въ Европѣ астрономъ.

совъ и пр. *). Нечего и говорить, какъ стѣснительны были жителямъ Вильно распоряженія новыхъ начальниковъ, для доставленія продовольствія французской арміи.

Наканунѣ отбытія Наполеона изъ Вильно, представилась къ нему депутація изъ герцогства Варшавскаго, съ просьбою о возстановленіи Польши. Депутаты произнесли въ своей рѣчи: «мы потеряли землю нашу и свободу не трактатами и побѣдами, но раздорами и коварствомъ.» Наполеонъ отвѣчалъ имъ: «если бы я былъ полякъ, то думалъ и поступалъ бы также, какъ и вы. Если бы я царствовалъ во время раздѣловъ Польши, то вооружилъ бы народъ мой на защиту ея.» Онъ отвѣчалъ уклончиво, потому что поручился Австріи за цѣлость владѣній ея **).

Не доходя еще до Вязьмы, Наполеонъ велѣлъ распространять повсюду и даже напечатать въ варшавскихъ вѣдомостяхъ слѣдующее: «московскіе жители просили своего государя приказать русской арміи взять такое направленіе, чтобы она не заслоняла собою Москвы, потому что они хотѣли предаться во всемъ милосердію Наполеона.» Съ тѣхъ поръ вошло въ пословицу изрѣченіе: «вреть, какъ французскій бюлетень ***).

*) Во французскихъ бюлетеняхъ напечатано было, что французы занялись въ Вильно построеніемъ крѣпости на горѣ, гдѣ встарину находились палаты Ягеллоновъ. См. 7 бюлетень.

***) Описаніе войны 1812 г., Дмитрія Ахшарумова, изданъ въ 1819 г.

***) «Кто хочетъ узнать характеръ народа, читай его газеты», сказалъ Коцебу.

Предъ непріятельскимъ войскомъ бѣжали несчастные жители опустошенныхъ городовъ и селеній; между ними находились и женщины съ грудными дѣтьми на рукахъ; иныя матери влекли усталыхъ малютокъ за собою, догоняя нашу армію. По дорогамъ, по которымъ двигались оба войска, валялись каски драгунъ, изломанные палашы и мундирные лоскутья, признаки стычки съ непріятелемъ. Въ иныхъ мѣстахъ прыгали ядра, какъ зайцы; раненыхъ и убитыхъ по всей дорогѣ убирали съ обѣихъ сторонъ. Войска наши на ходу звенѣли шомполами, заряжая свои ружья; такъ вступили они въ Смоленскъ, гдѣ рѣшились дать французамъ сраженіе.

Опасаясь заблудиться въ Россіи, непріатели, по большимъ и проселочнымъ дорогамъ, ставили конные отряды, вмѣсто верстовыхъ столбовъ. Русскіе, разумѣется, рубили эти живыя версты; кромѣ того, многіе избѣженные новобранцы въ непріятельскомъ войскѣ, ощущая разнаго рода недостатки, начали отставать отъ великой арміи и заболѣвать; наши же русскіе спартанцы все переносили съ изумительною твердостью, во всякое время и во всякомъ мѣстѣ, гдѣ имъ приходилось часовать или ночевать, по солдатской пословицѣ: «клади подъ голову кулакъ, а подъ бока и такъ, а если высоко въ головахъ, то два пальца спусти».

Изъ Бѣлой Россіи Наполеонъ вторгся уже въ нѣдра великой Россіи, переходя на лѣвый берегъ Днѣпра *).

*) Древній Смоленскъ, первый русскій городъ на границахъ

И вотъ, Наполеонъ предъ Смоленскомъ!.. Смоленскъ! Памятно имя твое въ нашей исторіи. И въ 1612 г., когда поляки рвали на части нашу родину, заря избавленія Россіи отъ враговъ блеснула сперва въ Смоленскѣ; изъ него раздался тогда первый призывный кличъ брани, отозвавшійся потомъ по всей Россіи... Смольяне первые послали тогда грамоту къ московскимъ жителямъ: «для Бога,» писали они въ ней, «положите крѣпкій совѣтъ межъ себя, пошлите въ Новгородъ и на Вологду и въ Нижній нашу грамоту, и свой совѣтъ къ намъ пишите, станьте всею землею за вѣру праотцевъ, покамѣстъ еще свободны, а не въ рабствѣ и въ плѣнѣ не разведены».

Смоленскъ и тогда первый выставилъ дружины свои противъ враговъ; послѣ него уже раздался въ Нижнемъ могучій гласъ Минина. Ровно чрезъ два столѣтія, т. е. въ 1812 г., Смоленскъ также первый выставилъ свои дружины ополченцевъ противъ француза *).

Наполеонъ желалъ перехватить московскую дорогу; надлежало приостановить его въ Смоленскѣ, и то уже солдаты наши громко роптали на отступление, порицая дѣйствія мудраго полководца своего, Барклая де-Толи. Предъ Смоленскомъ, вопреки ожиданіямъ Наполеона, 1-я и 2-я арміи наши соединились.

Литвы и Бѣлоруссіи, въ 1812 г. имѣлъ до 15 т. жителей; стѣны смоленскія были въ то время ветхи и окружались обширными предмѣстіями.

*) Ихъ составилъ В. И. Оленинъ.

Замѣчательно, что митрополитъ Платонъ, за нѣсколько лѣтъ до вторженія французовъ въ Россію, пробѣжая въ Кіевъ чрезъ Смоленскъ и осматривая стѣны его, прорицательно сказалъ: «древнія стѣны Смоленска достаточны были въ свое время для обороны города, но въ настоящее время имъ нужны новыя укрѣпленія» *).

Во время приступа непріятелей къ Смоленску, быстро зажженъ былъ русскими мостъ, устроенный чрезъ Дибіръ, чтобы остановить ихъ преслѣдованіе; обыватели, жившіе по ту сторону Дибіра, увидѣвъ наступающихъ на себя сзади враговъ, а впереди ярко пылающей мостъ, и находясь между двухъ огней, въ отчаяніи, бѣгая по берегу, предпочли лучше броситься въ воду, нежели достаться въ добычу непріятелямъ. Ужасна была картина пывущихъ жителей чрезъ невѣрную стихію и придерживавшихъ малютокъ своихъ: вопли, смятеніе, суматоха, толкотня — превосходятъ всякое описаніе...

На разсвѣтѣ, 4-го августа, войска наши поспѣшно двинулись къ Смоленску; полки перегоняли одинъ другаго, спѣша на защиту города, куда достигли они уже вечеромъ. Этотъ день былъ днемъ тезоименитства Наполеона; французы хотѣли сдѣлать подарокъ повелителю своему, взявши городъ, и для этого торжества, напившись до пьяна, вдругъ бросились они къ крѣпости, какъ безумные; они подошли уже къ

*) Городскія стѣны Смоленска выстроилъ царь Борисъ Годуновичъ Годуновъ, въ началѣ XVII столѣтія.

городскимъ воротамъ, но были задержаны семью стами нашихъ хлѣбопеконъ, пока не подоспѣлъ туда ген. Раевскій съ своимъ корпусомъ; онъ отразилъ непріятелей, и Наполеонъ остался въ этотъ день безъ подарка *).

Настало 5-е августа. Капонада началась еще съ 4-хъ часовъ утра; нѣсколько сотъ гранатъ и ядеръ свистѣли и лопались одни за другими; пороховой дымъ балдахинами нависалъ надъ городомъ; воздухъ помрачался отъ него, земля стонала; отъ брошенныхъ въ городъ множества бомбъ запылали церкви и дома, пылали цѣлыя улицы въ темнотѣ ночной, освѣщаемыя выстрѣлами и пожарами; но русскіе были тверды, неуступчивы, они умирали среди пламени, на развалинахъ роднаго города своего; они не впустили въ него непріятелей до самой полуночи, и послѣ не иначе оставили его, какъ по приказанію начальниковъ своихъ. Священникъ церкви св. Одигитріи (избавительницы), Никифоръ Мурзакевичъ, во все это время ходилъ по укрѣпленіямъ города съ крестомъ въ рукахъ и поощрялъ русскихъ воиновъ твердо стоять за родную землю.

Между тѣмъ, среди оглушительныхъ выстрѣловъ, густыхъ клубовъ дыма и яркаго пламени, когда Смоленскъ сіялъ, какъ будто окруженный огненнымъ вѣнцомъ мученика, въ церквахъ его совершалось всеобщее бдѣніе, наканунѣ дня Преображенія Господня.

*) Походныя записки артиллериста съ 1812 до 1816 г. Французы заняли Смоленскъ уже 5 авг.

Изъ Благовѣщенской церкви народъ поднялъ чудотворную икону Смоленской Божіей Матери, и со всею священною процессією понесъ сокровище свое изъ собора къ арміи. На городской площади, при большомъ стеченіи народа, всѣ остановились, и началось умирительное пѣніе молебна. Только-что священникъ, читавшій Евангеліе (отъ Луки), заключилъ его словами: «пребысть же Маріамъ съ нею яко три мѣсяцы и возвратися въ домъ свой» — вдругъ еще громче загрохотали убійственныя орудія... Икону опять подняли и понесли; народъ съ рыданіемъ послѣдовалъ за нею. «И ты оставляешь насъ, Мать ты наша, заступница!» восклицали со стономъ и слезами несчастные Смольяне *).

Выстрѣлы изъ 150 орудій безпрестанно громили городъ до глубокой ночи. Наполеонъ провелъ ее въ селеніи Чернушкахъ; тамъ сказалъ онъ окружающимъ его генераламъ (пишетъ Раппъ въ своемъ журналѣ): «вино налито въ чашу, выпьемъ ее»; но онъ только еще хлѣбнулъ изъ нея... Мрачный и унымый вѣхалъ Наполеонъ по дымившимся развалинамъ, въ Смоленскъ.

Въ продолженіе отступленія нашей арміи къ Москвѣ, чудотворную икону везли на запасномъ лафетѣ батареинной роты полковника Воейкова **).

*) Записки инвалида, И. А. Скобелева.

**) Во время мора въ Смоленской губерніи многіе, прибѣгавшіе къ этой иконѣ съ молитвами, исцѣлялись.

Полки ген. Раевского, во время сраженія, не хотѣли, чтобы ихъ смѣняли свѣжими: «мы не устали, дайте намъ драться,» говорили они. Непріатели ввели въ это дѣло больше половины своей арміи. Честь смоленскаго сраженія особенно принадлежитъ ген. Дохтурову, который съ 30,000 русскихъ удерживалъ напоръ всей массы огромной непріательской арміи; онъ былъ боленъ предъ сраженіемъ, но эта битва излечила его. Англійскій ген. Вильсонъ, бывшій въ то время при нашей арміи, сказалъ: «только русскіе могутъ такъ сражаться» *). Въ 13-мъ французскомъ бюллетенѣ напечатано было: «среди прекрасной ночи августа мѣсяца, Смоленскъ представлялъ то же зрѣлище, какое жителямъ Неаполя представляетъ изверженіе Везувія». Въ этомъ же бюллетенѣ прибавлено было, будто на полѣ сраженія, между восемью трупами русскихъ, находился только одинъ убитый французъ, и что будто бы французы въ двѣ недѣли не могли собрать плѣнныхъ!!!

Лишь только Смоленскъ, оплотъ Москвы, палъ, какъ

*) О. Н. Глинка (въ Письмахъ русскаго офицера) говорить о смоленскомъ сраженіи: «5-го числа августа, съ ранней зари до поздняго вечера, 12 часовъ продолжалось сраженіе предъ стѣнами, на стѣнахъ и за стѣнами Смоленска. Русскіе не уступали ни на шагъ мѣста, французы, а болѣе поляки (не даромъ Наполеонъ говорилъ, что онъ будетъ воевать съ Россіей кровью поляковъ), въ бѣшенномъ изступленіи лѣзли на стѣны, ломались въ ворота, бросались на валы. Полнеба рдѣть, какъ раскаленное желѣзо, я перехожу отъ огня къ огню.» Изд. 1815 г.

русскіе съ уныніемъ воскликнули: «ну, ворота въ Москву отворены!» За то въ самый этотъ день гр. Витгенштейнъ разбилъ на голову французовъ предъ Полоцкомъ. Когда, по взятіи Смоленска, французы приближались къ Дорогобужу, тамошняго уѣзда, села Нечашева, священникъ, Ѳедоръ Павлиновъ, собралъ въ церковь всѣхъ приходскихъ крестьянъ своихъ, и, объявивъ имъ о приближеніи непріятелей, приказалъ имъ двое сутокъ держать строгій постъ и молиться, а потомъ собраться въ церковь, для принятія св. таинъ. Крестьяне цѣловали крестъ, въ свидѣтельство готовности: служить царю и отчизнѣ, не щадя живота своего.

Въ Смоленскѣ отставной полковникъ Энгельгартъ и коллежскій ассесоръ Шубинъ, защищая свое имущество противъ грабителей, были осуждены французами на казнь; впрочемъ, французы готовы были даровать имъ жизнь, если они измѣнятъ присягѣ своей. Разумѣется, это предложеніе было отвергнуто съ негодованіемъ. Энгельгартъ даже не позволилъ себѣ завязать глаза предъ казнію. Ихъ разстрѣляли *).

Наполеонъ не взялъ, но занялъ Смоленскъ.

Незадолго предъ сраженіемъ у Смоленска, графъ Витгенштейнъ, послѣ ожесточеннаго упорнаго сраже-

*) Помянутый выше священникъ Мурзакевичъ напутствовалъ Энгельгарта, при отходѣ его въ будущую жизнь. Импер. Александръ I-й приказалъ производить родственникамъ Энгельгарта и Шубина значительную пенсію, а Импер. Николай I-й приказалъ соорудить Энгельгарту памятникъ на мѣстѣ его казни.

нія съ маршаломъ Удино, при Себежѣ, совершенно разбилъ его; а князь Багратионъ, подъ Могилевомъ, отразилъ маршала Даву и соединился съ 1-й арміей Баркляя-де-Толли. Послѣ этого, какъ будто въ насмѣшку, послалъ онъ предупредить маршала Мортье, что въ русскомъ лагерѣ будетъ производиться пушечная пальба, для празднованія полученнаго извѣстія о заключеніи съ турками мира. Эти событія уничтожили планы Наполеона; вслѣдствіе того онъ принялъ мѣры для ускоренія взятія Смоленска. Онъ надѣялся найти въ немъ изобильные магазины съѣстныхъ припасовъ; кавалерія его, по недостатку фуража, приходила въ самое печальное положеніе *). Всѣ корпуса, исключая гвардіи, питались чѣмъ ни попаало; они оставили на бивакахъ своихъ множество больныхъ. Зато въ деньгахъ у нихъ было большое изобиліе; эти новые танталы, осѣпанные золотомъ и серебромъ, чуть не умирали съ голоду. Войско роптало; Наполеонъ утишалъ негодованіе его тѣмъ, въ своихъ приказахъ, что взятіе Смоленска теперь скоро уже рѣшитъ судьбу Москвы и положить конецъ войнѣ.

*) Пѣвннй баварскій генералъ, графъ Прейснгеръ, говорилъ, что у нихъ убивалось ежедневно по нѣскольку лошадей, для прокормленія кирасиръ, и, сверхъ того, падало ихъ много отъ чрезмѣрныхъ тяжестей, которыми ихъ нагружали; кормили же ихъ, за недостаткомъ овса, разными овощами. Надежда Наполеона на скорый миръ была такъ велика, что онъ, вступая въ Россію, не подумалъ заготовить для кавалерійскихъ лошадей зимними подковами. Въ стпнкъ Европы 1813 г.

Маршалы Наполеона совѣтовали ему остановиться въ Смоленскѣ, въ ожиданіи подкрѣпленій изъ Польши. Мы уже за Европою, говорили они; но онъ былъ противнаго мнѣнія, онъ думалъ быстро двинуться въ Москву, чтобы не дать русской арміи воспользоваться пособіями, стекающимися къ ней отовсюду. «Что касается до Польши, то въ ней, по одиночкѣ, много хорошихъ людей, говорилъ Наполеонъ, а масса ихъ право не заслуживаетъ вниманія *)».

11-го Августа Наполеонъ выѣхалъ изъ Смоленска; тамъ изъ 2.050 домовъ уцѣлѣло только 350 а изъ жителей оставалось едва тысяча; кто погибъ, кто бѣжалъ. Дикіе лѣса и сыпучіе пески Литвы, во время дальнѣйшаго марша неприятелей, смѣнились прекрасными рощами, значными полями и лугами, красивыми селеніями и городами, но все это какъ будто вымерло, обезлюдѣло.

«Мы сѣвнимъ въ Москву, какъ мусульмане въ Мекку», говорили маршалы. Не нашедши того, чего ожидали въ Смоленскѣ, французы начали странно свирѣпствовать во всѣхъ мѣстахъ, чрезъ которыя они проходили. Преосвященному Иринею, епископу смоленскому, доносили благочинные его вѣдомства о томъ, какъ французы грабили церкви, ломали тамъ шкафы и сундуки, исторгали оттуда священные сосуды и серебряныя деньги, а мѣдныя разсыпали по полу; иныя церкви жгли, въ другія ставили лошадей, а причетниковъ церковныхъ всячески истязали. Въ домахъ же

*) Memorial de St.-Helene, par le comte de Las-Cases.

обывателей они производили страшныя неистовства: хозяевамъ прибывали ноги къ полу гвоздями, вымучивая у нихъ признаніе, гдѣ сокрыты ихъ деньги: они отыскивали имущество ихъ въ стѣнахъ домовъ, подъ кровлями, въ колодезяхъ и въ прочихъ мѣстахъ *).

Отъ самой Вильны до Москвы представлялось дымящееся кладбищѣ; это широкое, грозное зарево воззвало всю Россію къ непримиримой враждѣ съ французами. Лишь только они вступили въ Смоленскую губернію, какъ вся эта область возстала, вооружилась. Въ то время тамонніе помѣщики имѣли множество псарей, ловчихъ; изъ нихъ поголовно образовались лихіе набѣдники, лазутчики, гонцы. Вспыхнула на далекое пространство ожесточенная, народная война; тогда забыты были различія вѣръ, правовъ и обычаевъ; тогда, по вызову царскаго манифеста, Калмыки, Башкиры и Татары составляли дружины, на службу вызывались изъ глубины Сибири Тунгусы, изъ Крыма Татары.

Появилась и нерегулярная (необученная) конница изъ поселянъ, появились и пѣшія толпы крестьянъ, между которыми были и старики, и недоростки, и даже бабы, вооруженныя чѣмъ попало: рогатинами,

*) Сѣв. Почта 1812 г. Еще съ самаго перехода чрезъ Неманъ, дисциплина во французскомъ войскѣ стала ослабѣвать; явилось множество отсталыхъ и мародеровъ. Наполеонъ долженъ былъ усилить подвижныя колонны, чтобы подгонять отсталыхъ и собирать мародеровъ.

вилами, топорами, цѣпами; иные днемъ укрывались въ лѣсахъ и сгоняли туда домашнюю скотину свою, а ночью выходили сторожить враговъ. Иногда къ нимъ присоединялись летучіе козаки, и, завидя французовъ, наклоняли пикн свои, гикали, врубались въ ряды ихъ — и мигомъ разсыпались въ разныя стороны, если непріятелей было много. Примѣровъ самоотверженія у поселянъ встрѣчаемъ мы довольно; тогда почти все поголовно превратили серпъ и косу въ оружіе: дѣти съ прострѣленными ногами или за вожатыми своими и не жаловались на боль, у крестьянъ же часто бывали прострѣлены шанки, помы и даже лапти; бабы убивали французовъ древесными сучьями. Села Левнина бурмистръ, необыкновенный силачъ, заперъ французовъ въ избѣ и послѣ всѣхъ ихъ передушилъ; у него засѣли двѣ пули въ тулунѣ, а третья угодила ему въ грудь — и онъ палъ на трупы враговъ. Въ особенности славился удальствомъ и храбростію Сычевскій уѣздъ; чтобъ крестьянамъ не отвлекаться отъ дѣла своего, они поручали провожать плѣнныхъ французовъ старостихѣ Василисѣ, которая, набравъ себѣ въ команду бабъ и ребятишекъ, вооруженныхъ дрекольями, часто гоняла предъ собой плѣнныхъ въ городъ Сычевскъ *). Однажды она, устраивая ряды ихъ, стала разѣзжать верхомъ вокругъ плѣнныхъ, командовать ими и тормошить ихъ съ криками и даже съ нобоями; тогда одинъ изъ плѣнныхъ офицеровъ, раздраженнѣй ея обхожденіемъ, началъ обороняться. Ва-

*) Небольшой городокъ Смол. губ.

силса поразила его косою, и съ грознымъ восклицаніемъ: «маршь впередъ!» погнала предъ собою плѣнныхъ, какъ стадо овецъ *). Деревни Соколовой баба, Прасковья, убила французскаго полковника за излишнюю любезность его; потомъ, снявши съ него мундиръ, надѣла его на себя и, съ орденами и въ каскѣ, верхомъ на его же лошади, явилась къ своему помѣщику **). Тогда нѣкоторыя изъ бабъ назывались: сотскій — Матрена, десятскій — Агафья, и т. д. Всевѣтные побѣдители бывали побѣждаемы, въ свою очередь, у насъ, въ Россіи, прекраснымъ поломъ, только въ разныхъ отношеніяхъ. Одна баба, сжалась надъ голоднымъ французомъ, налила ему сѣрыхъ щей, — онъ отвѣдалъ ихъ, сморщился и наплевалъ въ нихъ; тогда она вылила горячія щи ему на голову, произисея: «какъ же ты смѣешь плевать на даръ Божій!» Сычевскій городничій, члены ратуши и отставной майоръ Емельяновъ примѣрно храбро защищались отъ французовъ. Имена ихъ остались въ преданіи. Въ Вышегородской волости, Верейскаго уѣзда, поселяне спустили воду, и тѣмъ сохранили церковь свою отъ разрушенія; они скрытно наблюдали за врагами, взлѣзали на деревья, сторожили ихъ въ перелѣскахъ, за буераками, и, чтобы устранишь французовъ, переодѣвались въ казачье платье (иногда и бабы, съ прове-

*) Военныя письма А. А. Писарева. Василиса изображалась и на любочныхъ картинахъ того времени.

***) Полное собраніе анекдотовъ изъ отечественной войны 1813 г.

денными углемъ усами); били въ набать, при появленіи ихъ, и сами жгли свое имущество, чтобы оно не доставалось врагамъ. Французы, для мародерства, должны были посылать большія партіи съ артиллеріею; пойманныхъ крестьянъ они разстрѣливали. Мужички твердо шли на смерть: «Прощайте, добрые люди!» восклицали они и падали. Французы только пожимали плечами, произнося: «варвары!» Иногда, какъ волкамъ для приманки, голоднымъ французамъ привязывали къ дереву овцу или теленка и подстерегали неосторожныхъ бродягъ.

Всякое оружіе сильно тамъ, гдѣ движеть рукою сердце, горящее любовью къ отечеству. Какъ не воскресить воспоминанія о подобныхъ поступкахъ, для примѣра и назиданія потомства!

Характеръ народной войны былъ почти одинаковъ, какъ въ Смоленской губерніи, такъ и въ окрестностяхъ Москвы: здѣсь дѣйствовали поселяне, подъ предводительствомъ славныхъ нашихъ партизановъ: Давыдова, Фигнера, Сеславина, Кудашева и прочихъ; а тамъ, какой нибудь отставной солдатъ, суворовецъ, усердно командовалъ нестройной дружиной. Вотъ главный очеркъ народной войны: Блеснетъ заря, еще спитъ кругомъ крещеный міръ, какъ вдругъ зыкнетъ колоколь или всыхнетъ пукъ соломы на высокой жерди, или сторожевой забьетъ—въ трещетку—это повѣстка о появленіи вдали непріятелей. Быстро отовсюду начнутъ сбѣгаться поселяне обоюго пола на большую улицу села, съ топорами за поясамъ и съ рогатинами въ рукахъ: у иныхъ были сабли и ружья; явится

отставной, закаленный въ бою бравый солдатъ и начнетъ ставить крестьянъ въ шеренги, раздѣлять по взводу, наказываетъ имъ держаться плотно, локоть съ локтемъ, идти дружице; у которыхъ были ружья, тѣхъ ставилъ онъ по флангамъ; бабы уже напередъ готовятъ веревки, вязать плѣнныхъ; толпа разрастается, волнуется, жужжитъ—и вдругъ примолкнетъ. Къ ней подходитъ священникъ въ полномъ облаченіи, съ крестомъ въ рукахъ, за нимъ идутъ причетники, всѣ крестьяне снимутъ шапки и набожно перекрестятся.

«Православные!» воскликнетъ священникъ, «неистовые враги хотятъ испровернуть нашу вѣру и предать русскій народъ въ египетскую неволю. Ополчимся за домъ Пресвятой Богородицы! Ополчимся, какъ нѣкогда народъ Божій возсталъ противу гордыхъ филистимлянъ. Погибшихъ ожидаетъ вѣнецъ мученической, оставшимся въ живыхъ подобаетъ честь и слава. Господи, спаси люди Твоя! Именемъ Распятаго за грѣхи наши, благословляю васъ на праведную брань. Да укрѣпитъ Господь мышцы ваши!»

Начинаются земные поклоны, многіе прослезятся; дьячекъ подаетъ святую воду, священникъ кропитъ ею ополченцевъ; они прикладываются ко кресту, цѣлуютъ руки и края ризы священника. Жены и дѣти прощаются съ идущими на брань, слышится вой женщинъ, всхлипыванья, причитанья. Нѣкоторыя изъ бабъ усиленно просятъ взять ихъ съ собою: «вѣдь мы поднимаемъ же вилами снопы, такъ какъ же намъ не поднять ими поджараго француза», говорятъ они.—«Да

имъ или сѣна клокъ, или вилы въ бокъ!» восклицаетъ предводитель солдатъ. Ну же, вы, бабы дѣти, пошевеливайтесь, продолжаетъ онъ грозно, съ нетерпѣнiемъ, обращаясь къ поселянамъ, пора, Господи благослови!»

Толпа, глядя на церковь, крестится и выступаетъ; кого нибудь порасторопше отдѣлять изъ нея и спѣшно отправятъ извѣстить козаковъ о появленiи непрiятелей; а козаки вездѣ и нигдѣ, вдругъ откуда-то они выростутъ—и исчезнутъ, потомъ опять появятся съ противоположной стороны. Между тѣмъ французы, награбивъ, что имъ попадало подъ руку, и проѣзжая мимо опустѣлыхъ деревень, часто предавались безпечности, весело болтали межъ собой, хохотали, пѣли пѣсни; нѣкоторые изъ пѣхотныхъ солдатъ ихъ бзкали верхомъ на крестьянскихъ лошадяхъ, привязавъ ранцы свои къ шеѣ лошадей, а ружья откинувъ за плечи; предъ ними выступало награбленное стадо коровъ и овецъ, за стадомъ скрипѣли телѣги, нагруженные мукою, разными овощами, водкою, печенымъ хлѣбомъ и пр.; у нѣкоторыхъ подшившихъ французовъ ружья и ранцы лежали на телѣгахъ. Иногда мародеры влекли съ собою проводника со связанными руками, котораго нарочно подсылали поселяне, чтобы онъ навелъ ихъ на опасность. (Въ своемъ родѣ Иванны Сусанны). Вдругъ, откуда нибудь, изъ скрытаго мѣста, раздавалось нѣсколько выстрѣловъ, окрестность дрогла, русскiя пули находили обреченныхъ на смерть. Французы встрепетуются, поставятъ телѣги въ кружокъ а сами станутъ въ средину ихъ; крестьяне, выстрѣливъ залпомъ, ринутся съ гикомъ и крикомъ на вра-

говъ, съ топорами и обухами бросятся на телѣги—начнется свалка, суматоха, кровавая борьба; выстрѣлы накличутъ новыхъ ополченцевъ или подоспѣютъ козаки и ударятъ на враговъ въ дротики; они изумятъ, смѣнаютъ, напугаютъ непрiятелей—и иногда быстро рѣшатъ побѣду.

Французы, бросая свое оружіе, кричатъ: ля ви! la vie! (т. е. жизнь). Вотъ еще, лови, скажутъ крестьяне, мы и такъ возьмемъ. *) Пощаду рѣдко кому давали, особливо при взглядѣ на трупы своихъ земляковъ. Послѣ того, иные въ селенiяхъ радостно торжествовали побѣду, подъ призывный, гудящiй звукъ церковнаго колокола, сзывавшаго на благодарственный молебенъ; въ другихъ мѣстахъ слышалось вытье осиротѣлыхъ женъ и сколачиванье гробовъ....

Грустно и безмолвно отступала русская армія, ждавшая рѣшительной битвы, отъ Смоленска, по московской дорогѣ; порою слышался ропотъ солдатъ и офицеровъ на отступление: «нѣтъ братцы, дѣло не чисто, намъ измѣняютъ; у насъ нѣмецкiй командиръ, душа его не болитъ объ Россіи», говорили солдаты. «Надобно бы еще намъ упереться грудью на границѣ, или въ Смоленскѣ, а не впускать сюда враговъ, замѣчали офицеры; эка важность, что ихъ много; Россія не птичье гнѣздо, ее не разоришь». Холодно встрѣчаемый солдатами, Барклаи былъ въ размолвкѣ и съ Багратиономъ; Цесаревичъ, Константинъ Павловичъ, съ неудовольствіемъ оставилъ армію; за нимъ послѣдовалъ

*) Извѣстное преданіе.

и генераль Беннигсенъ. Да и французы были недовольны своей мнимой побѣдой: «какая намъ польза, что русскіе отступаютъ», ронтали они; «враги наши и нереломленного штыка намъ не оставляютъ; далеко завозить насъ капраль!.. (Наполеонъ). Еще въ Египтѣ обѣщаль онъ намъ роздать земли и сдержаль свое слово: кто остался тамъ мертвымъ, тотъ получилъ ее; а которые возвратились оттуда, отказались отъ его подарка», острили французы.

Русскіе въ уныніи продолжали отступать. Вдругъ раздалась быстрая, радостная вѣсть о скоромъ прибытіи къ арміи новаго главнокомандующаго, сподвижника Суворова, Кутузова; одно имя этого полководца одушевило, воскресило духъ въ нашихъ войскахъ. Генералы и офицеры начали поздравлять другъ друга, какъ съ одержанною побѣдою; всѣ обнимались, цѣловались; прибытію его радовались болѣе того, еслибы къ нему пришла на помощь великая армія. Даже солдаты, шедшіе съ котлами за водою, бросили все и побѣжали встрѣчать новаго командира своего, про котораго говорили, что онъ, подобно Суворову, знаетъ большую дорогу къ солдатскому сердцу. Иные восклицали: «пріѣдетъ Кутузовъ бить французовъ!» Старые служивые вспоминали походы свои съ нимъ еще въ царствованіе Екатерины II-й и рассказывали молодымъ солдатамъ о томъ, какъ тогда пролетѣла ружейная пуля насквозь обоихъ висковъ Кутузова, какъ одинъ глазъ чуть усидѣлъ у него, а другой вылетѣлъ, какъ воробей изъ гнѣзда, говорили они, и какъ Генераль самъ чудесно уцѣлѣлъ.

Мих. Лар. Кутузовъ, предъ этимъ временемъ, оказалъ величайшую услугу отечеству своему, принудивъ турокъ побѣдою заключить съ Россіею выгодный для нея миръ, мая 16, въ Бухарестѣ, въ то время, когда французскіе агенты употребляли всѣ усилія свои, чтобы поощрить турокъ къ продолженію войны; еще нѣсколько времени,—и заключеніе мира сдѣлалось бы невозможнымъ, потому что чрезъ три недѣли послѣ того Наполеонъ вторгнулся уже въ Россію. Сдавъ команду надъ молдавскою арміею адмиралу Чичагову, Кутузовъ пріѣхаль въ Петербургъ. Государь возвелъ его въ княжеское достоинство, съ титуломъ свѣтлѣйшаго, а Митрополитъ Амвросій благословилъ его иконою св. Александра Невского. Съ тѣхъ поръ Кутузовъ былъ простымъ зрителемъ роковой борьбы народовъ. Онъ иногда посѣщаль общество и театръ. Однажды, еще лѣтомъ, въ театрѣ давали трагедію: Димитрій Донской, и въ то время, когда въ этой піесѣ вбѣгаетъ на сцену вѣстникъ и восклицаетъ: Россія спасена! въ партерѣ громко повторилось это восклицаніе; всѣ обернулись взглянуть, кто принялъ такое живое участіе въ піесѣ—и увидѣли Кутузова, въ глазахъ котораго дрожали слезы....

Наконецъ послѣдовало воззваніе объ образованіи ополченія въ Москвѣ и въ Петербургѣ. Кутузовъ былъ единодушно и единогласно избранъ начальникомъ ополченія въ обѣихъ столицахъ; но такъ какъ онъ находился тогда въ Петербургѣ, то и принялъ начальство надъ ополченіемъ С.-Петербургской губерніи. Онъ усердно занялся образованіемъ его. Государь прислалъ

ему (отъ 25 іюля) рескриптъ слѣдующаго содержания.

«Съ удовольствіемъ усмотрѣли мы въ С.-Петербургскомъ дворянствѣ то же самое рвеніе и усердіе къ намъ и отечеству, какое видѣли въ московскомъ дворянствѣ, почему и поручаемъ губернатору, предводителямъ и всему здѣшнему благородному сословію—объявить благоволеніе наше и признательность.»

Между тѣмъ съ театра войны получаемы были неутѣшительныя извѣстія объ отступленіи нашей арміи, —въ то время еще не умѣли оцѣнить благоразумную тактику Барклая. Поэтому тогдашнія обстоятельства побудили Государя избрать другаго главнокомандующаго—и на этотъ постъ избранъ былъ Кутузовъ *). 9 августа Государь поѣхалъ изъ Петербурга въ Або, чтобы личнымъ свиданіемъ своимъ съ наслѣднимъ шведскимъ принцемъ, Бернадотомъ, (бывшимъ французскимъ маршаломъ) преклонить его къ прочному союзу съ Россією, въ чемъ онъ совершенно успѣлъ, и, возвратившись въ Петербургъ, (21 августа) прислалъ Кутузову другой, слѣдующій рескриптъ:

*) Въ началѣ текущаго столѣтія онъ былъ С.-Петербургскимъ воен. ген.-губернаторомъ, въ 1803 кіевскимъ, а съ 1809 до 11-го литовскимъ; по смерти графа Вик. Мих. Каминскаго онъ отправленъ былъ на мѣсто его командовать молдавскою армією. Для избранія новаго полководца, въ 1812 г. составленъ былъ комитетъ, на которомъ всѣ голоса соединились въ пользу Кутузова.

«Миханль Илларионовичъ!»

«Положеніе обстоятельствъ военныхъ нашихъ дѣйствующихъ армій, хотя и предшествуемо было начальнымъ унѣхомъ, но послѣдствія оныхъ не открываютъ миѣ той быстрой дѣятельности, съ каковою бы надлежало дѣйствовать на пораженіе непріятели.

«Соображая сіи послѣдствія, извлекая истинныя тому причины, нахожу нужнымъ назначеніе надъ всѣми дѣйствующими арміями одного общаго главнокомандующаго, котораго избраніе, сверхъ воинскихъ дарованій, основывалось бы на самомъ старшинствѣ.

«Извѣстныя военныя достоинства ваши, любовь къ отечеству и неоднократные опыты отличныхъ подвиговъ, приобрѣтають вамъ истинное право на сію мою довѣренность.

«Избирая васъ для сего важнаго дѣла, я прошу всемогущаго Бога, да благословитъ онъ дѣянія ваши къ славѣ російскаго оружія, и да оправдаются тѣмъ счастливыя надежды, которыя отечество на васъ возлагаетъ *)».

Замѣтимъ ктати, что нѣкоторые изъ нашихъ современниковъ упрекають Кутузова за излишнюю осторожность его, въ дѣйствіяхъ противъ непріятелей,

*) П. Нв. Кутузовъ (однофамилецъ) назвалъ кн. Кутузова въ стихахъ своихъ: Божій мечъ; Суворовъ говорилъ про Кутузова, что его и Рибасъ не проведетъ. Наполеонъ называлъ Кутузова старою лисницею.

упрекають за медлительность его *). Не входя въ стратегическія соображенія, можно извинить Кутузова тѣмъ, что онъ, чуть не на краю гроба, принявшая начальство надъ усталыми и унывшими войсками и выступая съ ними противъ ополченій всей Европы, предводимыхъ Наполеономъ, увѣнчанный славою, при неудачѣ, рисковалъ сойти въ могилу, отягченный упреками современниковъ своихъ и потомства. Еще когда его избрало дворянство въ начальники ополченія, онъ, обращаясь къ нему въ собраніи, трогательно произнесъ: «честь, которую вы мнѣ дѣлаете, краситъ всю прежнюю службу мою и сіи сѣдины»... Кутузовъ приподнял свои бѣлыя волосы и прослезился. Что же долженъ онъ былъ почувствовать, когда самъ государь, отправляя его въ армію, сказалъ ему: «идите спасать Россію»; когда народъ тоже кричалъ ему вслѣдъ: «спаси Россію!»

Г-жа Сталь (француженка, личная непріятельница Наполеона), бывшая въ то время въ Петербургѣ, простившись съ Кутузовымъ, говоритъ въ своихъ запискахъ: «я не знаю, кого обнимала, побѣдителя или мученика, но я замѣтила, что онъ чувствовалъ всю великость того дѣла, на которое онъ обрекалъ себя: ему надлежало исторгнуть всѣ блага народовъ изъ когтей одного смертнаго **).

*) Поэтому его и прозвали: Ф а б и й к у н к т а т о р ь. (Фабій былъ римскій полководецъ; кунктаторъ—значитъ медлитель).

**) Отеч. галерея Н. Иванчина-Исарева, 1832 г. «Русскіе баловни въ Петербургѣ дѣлаются Татарами въ арміи», прибавила Г-жа Сталь.

Въ воскресенье, 11-го августа, Кутузовъ былъ въ Казанскомъ соборѣ, желая помолиться объ успѣшномъ дѣйствіи своихъ будущихъ подвиговъ. Народъ, возлагавшій на него всѣ свои надежды, стѣснился около стараго вождя, и когда онъ, съ умиленіемъ, колѣнопреклонился предъ иконою Казанской Божіей Матери, всѣ послѣдовали его примѣру; въ храмъ послышались неумолкаемые рыданія, у многихъ заблестали слезы... Протоіерей собора, Іоаннъ, поднесъ Кутузову икону Божіей Матери, въ маломъ медальонѣ, которую тутъ же князь надѣлъ на себя *).

На мѣсто Кутузова предсѣдателемъ комитета С.-Петербургскаго народнаго ополченія избранъ былъ ген. отъ арт. баронъ Миллеръ-Закомельскій **).

*) Собраніе русскихъ сочиненій 1825 г. Предчувствовалъ ли Кутузовъ, что въ скоромъ времени въ этомъ соборѣ будетъ покониться прахъ его?

**) Кутузовъ уже дрался съ французами (въ первую войну), но отъ двусмысленныхъ и нерѣшительныхъ дѣйствій тогдашнихъ нашихъ союзниковъ, австрійцевъ, потерпѣлъ неудачу; Государь остался имъ недоволенъ.

Глава III.

Привѣдъ новаго Главнокомандующаго къ русской арміи; событія въ Москвѣ; ожиданіе Государя.

Кутузовъ получилъ полную волю располагать военными дѣйствіями; Государь не приказалъ только вступать ему ни въ какіе переговоры съ Наполеономъ; онъ не успѣлъ прибыть къ Смоленску прежде неприятелей; Смоленскъ былъ уже занятъ ими. По мѣрѣ приближенія его къ театру войны, бѣдствія ея дѣлались очевиднѣе: дворяне, купцы, мѣщане, крестьяне Смоленской и прилежащихъ къ ней уѣздовъ Тверской губерніи, наполняли собою дороги, увозя имущество свое; вездѣ принимали князя со слезами и молитвами, бросались предъ нимъ на колѣни и называли его избавителемъ Россіи. 17-го августа Кутузовъ прибылъ къ арміи (близъ Гжатска). Здѣсь увидалъ онъ поставленный для него почетный караулъ, вышелъ изъ коляски и, поздоровавшись съ войскомъ, воскликнулъ: «можно ли отступать съ такими молодцами! Войско хотѣло построиться предъ нимъ, но онъ сказалъ: «не надо, не надо; солдату въ походѣ должно думать не о щегольствѣ и парадѣ, но о побѣдѣ.» Вскорѣ по его прибытіи отслужили молебень Смоленской Божіей Матери; послѣ того началось общее ликование, раздалась веселая пѣснь...

Есть преданіе, что лишь только Кутузовъ сѣлъ на верховую лошадь свою и началъ объѣзжать привѣтствовавшее его войско, какъ вдругъ надъ головою его взвился орелъ; князь снялъ съ головы бѣлую фуражку свою и воскликнулъ: «ура!» Это восклицаніе оглушительно повторилось во всѣхъ рядахъ арміи съ перекатными звуками.

Подъ размахомъ орлиныхъ крыльевъ Кутузовъ началъ совершать свое великое дѣло.

Вскорѣ прибылъ къ нему на помощь другой сподвижникъ Суворова, Милорадовичъ, съ 15,000 новонабраннаго войска; быстро примчался онъ изъ Калуги, везя войско на телѣгахъ. Кутузовъ называлъ Милорадовича: «мой крылатый геній, булатный мечъ и золотое сердце, Баярдъ, рыцарь безъ страха и упрека».

Впрочемъ отступление нашихъ войскъ продолжалось. Около Можайска въ первый разъ появилось народное ополченіе, ратники, въ смурыхъ кафтанахъ, съ крестомъ на шапкахъ. Это были Смольяне и Москвитяне, русскіе крестоносцы. Наконецъ избрано было удобное мѣсто для сраженія съ французами,— это было Бородино.

Прежде, нежели сдѣлаемъ очеркъ этой великой битвы народовъ, взглянемъ на Москву.

Въ началѣ войны, въ Москвѣ было еще все покойно; приверженность къ иностранцамъ продолжалась, особенно къ французамъ. Въ концѣ мая, многіе русскіе дворяне возвратились изъ Парижа въ Россію. Это было не даромъ. Въ высшемъ и въ дипломатическомъ кругахъ еще съ зимы начали поговаривать о возможности войны, и, не смотря на все затишье, уже сомнительно покачивали головами. Военные вспоминали о Суворовѣ, объ этой солдатской звѣздѣ, какъ его тогда называли, и размышляли о томъ, кѣмъ бы можно было замѣстить этого великаго полководца. Въ Москвѣ очень веселились въ танцевальномъ клубѣ и усердно читали Московскія Вѣдомости; но въ нихъ слишкомъ осторожно и только вскользь писали о движеніи Наполеоновыхъ полчищъ.

И такъ, въ началѣ этой войны, въ столицахъ нашихъ все шло еще по прежнему. Въ гостиницахъ слышался французскій языкъ, а въ театрахъ куплеты изъ французскихъ водевилей; въ Петербургѣ замѣтно было отсутствіе гвардіи, а въ Москвѣ еще не оказывалось никакихъ признаковъ войны. Весна стояла тогда прекрасная. На Тверской появился бульваръ, усаженный новыми березками, въ Марьиной рошѣ Ивлевъ поставилъ красивую палатку. Въ ней гикали и плясали цыгане, въ Нескучномъ саду шли разныя волшебныя представленія, въ Государевомъ *) гремѣла роговая музыка; тамъ грали любимыя въ то время увертюры изъ Калифа багдадскаго, Рѣд-

*) Нынѣ кадетскій садъ, въ Лефортовской части.

кой вещи (casa rara) и Діанина древа. Тогда напѣвали еще извѣстную пѣснь временъ Екатерины: Громъ побѣды раздавайся, съ пушечными выстрѣлами. вмѣсто графа Гудовича назначенъ былъ въ Москву главнокомандующимъ графъ Ростопчинъ, другъ Суворова, любимецъ императора Павла I-го. Хотя Гр. Ростопчинъ воспитанъ былъ французскими гувернерами, какъ и большая часть тогдашнихъ нашихъ баричей, но въ душѣ онъ былъ чисто русскій, и словомъ и дѣломъ.

Многіе въ это время роптали, что послѣ Тильзитскаго мира для насъ было заперто море, и русскій товаръ, особенно хлѣбъ, не шель за границу; стало являться безденежье. Англія тоже много терпѣла, но она могла отстрѣливаться золотыми бомбами. Про Наполеона шли недобрые слухи, что будто бы онъ хотѣлъ назваться царемъ царей; что онъ заставилъ археологовъ доказать знатность своего происхожденія; что онъ изъ обручальнаго кольца своего, чрезъ супружество съ австрійской принцессою, сдѣлалъ якорь, который бросилъ въ политическое море, чтобы удержаться на мѣстѣ, и для этого же онъ старался породнить членовъ своей фамиліи съ древними королевскими домами *). Простолюдины мало боялись французовъ: «да мы ихъ шапками закидаемъ, штыками черезъ голову перекинемъ», говорили они **).

Вдругъ изъ Вильно, отъ 13 іюня, получено было

*) Объ этомъ писали тогда и въ иностранныхъ газетахъ.

***) Преданіе старожиловъ.

въ Петербургѣ извѣщеніе Императора графу Солтыкову, председательствующему въ государственномъ совѣтѣ, о вторженіи непріятелей въ Россію, и изданъ былъ приказъ арміямъ, отъ того же числа. Обѣ эти новости скоро достигли и до Москвы, быстро разнеслась молва о началѣ не простой, но роковой борьбы. Оба манифеста были написаны сильно, рѣзко, впечатлительно. Москвитяне встрепнулись, приливъ народа началъ сосредоточиваться на Никольской улицѣ, близъ Казанскаго собора, откуда тогда былъ узкій проходъ въ управскую типографію, въ которой печатались и раздавались извѣстія, получаемыя изъ первой арміи; тамъ шель еще обмѣнивать изустныхъ извѣстій, часто преувеличенныхъ. Все это побуждало многихъ призадумываться.

Лишь только вышелъ изъ типографіи приказъ государя арміямъ, какъ тучи листиковъ его разлетѣлись по Москвѣ. Толпившійся на Никольской народъ подхватывалъ, перехватывалъ ихъ другъ у друга и съ жадностію читалъ слѣдующее: «Изъ давняго времени примѣчали мы непріязненные противъ Россіи поступки французскаго императора, но всегда кроткими и миролюбивыми способами надѣялись отклонить оныя. Наконецъ, видя безпрестанное возобновленіе явныхъ оскорбленій, при всемъ нашемъ желаніи сохранить тишину, принуждены мы были ополчиться и собрать войска наши. Но и тогда, ласкаясь еще примиреніемъ, оставались въ предѣлахъ нашей имперіи, не нарушая мира, а бывъ токмо готовыми къ оборонѣ. Всѣ снѣ мѣры кротости и миролюбія не

могли удержать желаемого нами спокойствія. Французскій императоръ, нападеніемъ на войска наши при Ковно, открылъ первый войну. И такъ, видя его никакими средствами непреклоннаго къ миру, не остается намъ ничего инаго, какъ, призывавъ на помощь свидѣтеля и защитника правды, Всемогущаго Творца небесъ, поставить силы наши противу силъ непріятельскихъ. Ненужно мнѣ напоминать вождямъ, полководцамъ и воинамъ нашимъ о ихъ долгѣ и храбрости: въ нихъ издревле течетъ громкая побѣдами кровь славянъ. Воины! вы защищаете вѣру, отечество и свободу. Я съ вами. На начинающаго Бога!»

Вслѣдъ за этимъ приказомъ, отпечатано было извѣщеніе государя фельдмаршалу, графу Солтыкову, слѣдующаго содержанія *):

«Графъ Николай Ивановичъ! Французскія войска вошли въ предѣлы нашей имперіи. Самое вѣроломное нападеніе было возмездіемъ за строгое соблюденіе союза. Я, для охраненія мира, истощалъ всѣ средства, совмѣстныя съ достоинствомъ престола и пользою моего народа. Всѣ старанія мои были безуспѣшны. Императоръ Наполеонъ въ умѣ своемъ положилъ твердо разорить Россію. Предложенія самыя умѣренныя остались безъ отвѣта. Нечаянное нападеніе открыло явнымъ образомъ лживость подтверждаемыхъ въ недавнемъ еще времени миролюбивыхъ обѣщаній. И по-

*) Графъ Солтыковъ былъ надзирателемъ при великихъ князьяхъ Александрѣ и Константиѣ Павловичахъ. Наставникомъ Александра былъ извѣстный европейскій ученый Лагарпъ; его пригласила въ Россію Импер. Екатерина II.

тому не остается мнѣ иного, какъ поднять оружіе и употребить всѣ, врученные мнѣ Провидѣніемъ, способности, къ отраженію силы силою. Я надѣюсь на усердіе моего народа и на храбрость войскъ моихъ. Будучи въ пѣдрахъ домовъ своихъ угрожаемы, они защитятъ ихъ съ свойственною имъ твердостью и мужествомъ. Провидѣніе благословитъ праведное наше дѣло. Оборона отечества, сохраненіе независимости и чести народной, принудили насъ препоясаться на брань. Я не положу оружія, доколѣ ни единого непріятельскаго воина не останется въ царствѣ моемъ *).

Эти манифесты не испугали, но одушевили Москву, призвали ее къ новой жизни. Тогда многіе забыли споры и вражды свои. По смоленской дорогѣ въ Москву начали летать курьерскія тройки, направляясь къ главнокомандующему, который переѣхалъ тогда на лѣто изъ города на свою дачу, къ Сокольникамъ **). Тамъ радушный, хлѣбосольный хозяинъ принималъ у себя московскихъ гостей своихъ и роскошно угощалъ ихъ. Садъ его былъ доступенъ для всѣхъ; въ немъ, по праздникамъ, гремѣла музыка, иногда сверкали потѣшныя огни. Графъ Растропчинъ дѣятельно занимался текущими дѣлами. Онъ понималъ всю важность своей обязанности, но никому не показывалъ вида унынія

*) Эти манифесты писалъ адмиралъ Шишковъ.

***) Бывшая графа Брюса; о ней уже было сказано.

и заботъ, даже своимъ однодомцамъ; въ часы отдохновенія иногда игралъ онъ на бильярдѣ съ шуткомъ своимъ, Махаловымъ, которому, за каждую проигранную имъ партію, платилъ по синей пятирублевой ассигнаціи, а за выигранную заставлялъ своего потѣшника выпивать по большому стакану воды или пролѣзть нѣсколько разъ подъ бильярдъ *).

Народъ ревностно слѣдилъ за курьерскими тройками, но положительныхъ свѣдѣній о состояніи и о дѣйствіяхъ нашихъ армій онъ не имѣлъ; по частнымъ извѣстіямъ знали, что она отступаетъ въ боевомъ порядкѣ, для отысканія удобнаго мѣста для сраженія. Юля 3-го, графъ Растропчинъ извѣстилъ жителей Москвы особой афишей, что въ столицѣ показалась дерзкая бумага, въ которой сказано: что Наполеонъ обѣщалъ чрезъ шесть мѣсяцевъ быть въ обѣихъ нашихъ столицахъ; **) но полиція отыскала сочинителя этой бумаги: онъ сынъ московскаго, 2-й гильдіи купца, Верещагина, развращеннаго иностраннымъ воспитаніемъ и трактирною бесѣдою; губернской секретарь Мѣшковъ переписывалъ эту бумагу. Оба они преданы суду.» Обвинители и обвиняемые теперь сами находятся предъ судомъ Божиимъ. Дѣйствительно

*) Рассказъ очевидца, который былъ тогда ординарцемъ у графа Растропчина.

***) Это была рѣчь Наполеона въ Дрезденѣ: объ ней уже выше было сказано, она начинается: «Вѣнценосные друзья Франціи и т. д.»

ли несчастный Верещагинъ былъ такъ много виновенъ, какъ сказано въ афишѣ? Образование его послужило ему въ пагубу. По изустнымъ преданіямъ извѣстно, что Верещагинъ, сидѣвъ въ кондитерской, на Никольской (тогда называли ее конфектною лавкою), прочелъ французскія газеты, въ которыхъ было напечатано это хвастливое намѣреніе Наполеона; неосторожный юноша началъ пересказывать вслухъ содержаніе газеты. Въ тогдашнее смутное время вездѣ находилось у правительства много шпионовъ, и такимъ образомъ это дѣло дошло до главнокомандующаго. Обстоятельства требовали опроверженія подобныхъ слуховъ, чтобъ не испугать народъ, чтобъ не выказать могущества Наполеона, и потому Верещагинъ былъ арестованъ, какъ измѣнникъ отечества, и надъ нимъ началось формальное слѣдствіе, равно какъ и надъ Мѣшковымъ.

10 іюля получено было въ Москвѣ воззваніе государя къ первопрестольной столицѣ своей, и въ этотъ же день получено было извѣстіе о томъ, что государь самъ, вслѣдъ за воззваніемъ своимъ, осчастливить Москву прибытіемъ въ нее. «И я стану посреди васъ,» сказалъ онъ. Тогда тотчасъ были забыты всѣ предстоящія опасности, всѣ работы и заботы оставлены, лавки запирались, граждане говорили: «пойдемъ, сперва помолимся за батюшку-царя, а послѣ встрѣтимъ его за заставой.»

Еще съ ранней зари, 11-го іюля, толпы народныя двинулись къ Дорогомилловской заставѣ, на смоленскую дорогу; внутри Москвы, священники, въ пол-

номъ облаченіи, съ крестами въ рукахъ, стояли, каждый у своей приходской церкви, по той дорогѣ, гдѣ надлежало проѣзжать государю. Успенскій соборъ наполненъ былъ духовными и гражданскими сановниками. Графъ Растопчинъ съ своею свитою также отправился встрѣчать государя.

На Поклонной горѣ (около 4-хъ верстъ отъ Москвы), откуда наша бѣлокаменная является взорамъ путешественниковъ великолѣбною панорамой, во всемъ блескѣ своихъ золотыхъ церковныхъ маковокъ, толпилось уже много народа, около бывшей тогда тамъ дубовой рощи. Иные отдыхали подъ тѣнью деревьевъ, другіе въ нетерпѣніи расхаживали взадъ и впередъ по большой дорогѣ, ожидая государя. Вдругъ пронеслась вѣсть, что Московскіе обыватели уговорились межъ собой выпрячь у заставы лошадей изъ коляски государя и нести ее на плечахъ своихъ прямо въ Кремль. «Мы не допустимъ, мы впереди», восклицали отдыхавшіе на Поклонной горѣ и быстро двинулись впередъ, съ крикомъ «ура!» Шапки ихъ тучами летѣли вверхъ, воздухъ оглашался радостными криками.

Между тѣмъ начинало уже смеркаться, и на 13-й верстѣ отъ Москвы узнали они отъ проѣзжихъ, что государь остановился отдыхать въ селѣ Перхушковѣ, и пріѣдетъ въ Москву на другой день утромъ. Опечаленный этимъ извѣстіемъ народъ, сталъ расходиться, въ ожиданіи грядущаго утра.

Глава IV.

Встрѣча Государя предъ Москвою; пребываніе его въ столицѣ;
жертвы Москвитянь въ пользу военныхъ дѣйствій; Петербург-
скіе ополченцы.

Вступила ночь, Москва опочила. Но крестьяне деревни Филей и села Покровскаго (въ 3-хъ верстахъ отъ заставы) *) не хотѣли успокоиться до тѣхъ поръ, пока не увидятъ государя; вмѣстѣ съ тѣмъ, желая встрѣтить его, по коренному русскому обычаю, съ хлѣбомъ и солью, они отправили въ Перхушково конныхъ гонцевъ, узнать когда онъ отправится въ путь. Гонцы, исполнивъ свое дѣло, быстро прискакали назадъ и увѣдомили поселянь, что государь уже выѣхалъ. По обычной своей скромности, онъ хотѣлъ уклониться отъ торжественной встрѣчи москвитянь и въѣхать въ Кремль, не бывъ ни кѣмъ видимымъ **).

Въ самую полночь, государь прибылъ на Поклонную гору. Священникъ села Покровскаго, Григорій Гавриловъ, ожидалъ уже его тамъ въ облаченіи, держа на серебряномъ блюдѣ крестъ, а маститый старецъ, дьяконъ, стоялъ съ горящей свѣчей, трепетный блескъ которой, въ темную, безлунную ночь, эффектно озарялъ благоговѣйную картину. Государь ѣхалъ

*) Принадлежавшія г-дамъ Нарышкинымъ.

**.) Записки о 1812 г. С. Н. Глинки.

шибко, въ открытой коляскѣ; но вдругъ, увидѣвъ священную встрѣчу, приказалъ остановиться, и вышедъ изъ экипажа, съ глубокимъ вздохомъ приложился къ распятію....

12 іюля, при первомъ мерцаніи зари, народъ, узнавшій уже о прибытіи царя въ Москву, началъ стекаться на Красную площадь. День былъ блистательно хорошъ. Волны народа все прибывали да прибывали и затопили собою Кремль; всякому хотѣлось увидѣть, когда государь появится изъ своего дворца на Красное крыльцо. Пробыло девять часовъ на Спасской башнѣ, и на Ивановской колокольнѣ торжественно загудѣлъ колоколъ: наконецъ показался Александръ, съ своей сіяющей, кроткой улыбкой, и вдругъ раздался оглушительный звонъ колоколовъ и слившіяся съ нимъ восторженныя восклицанія народа, вылетавшія изъ тысячи грудей: «батюшка царь, отецъ нашъ, дай насмотрѣться на себя, веди насъ всюду, дай умереть за себя!» слышалось со всѣхъ сторонъ.

Началось шествіе государя въ Успенскій соборъ. Народъ стѣснилъ его; чиновники стали раздвигать ряды ихъ, но государь сказалъ своимъ кроткимъ голосомъ: «не троньте, не троньте ихъ, я пройду; но шествіе его отъ тѣсноты народа было останавливаемо на каждомъ шагу. При входѣ въ соборъ, его встрѣтилъ Преосв. Августинъ съ крестомъ въ рукахъ. Въ этотъ день должно было совершиться благодарственное молебствіе о замиреніи съ турками; самъ государь былъ благовѣстникомъ мира. Преосв. Августинъ привѣтствовалъ царя слѣдующею прекрасною рѣчью:

«Еще курятся вѣнчаны на алтаряхъ сихъ, еще пламенѣютъ огни благодарственныхъ моленій за тѣ достославныя побѣды, которыми Всевышній увѣнчалъ оружіе твое. И се, наконецъ, гордый оттоманъ преклонилъ предъ тобою побѣжденную главу, на югѣ, покрытомъ тучею браней, возсіялъ свѣтъ благословеннаго мира. Столица сія, подъявъ чело свое, покрытое сѣдинами, восхищается, взирая на распространение предѣловъ Россіи; изумляется, внемля громамъ славы твоея. Россія готова воспѣть хвалебную пѣснь Господу силъ и тебѣ, христу Господню.»

«Но се, на западѣ восшумѣли бури,—и Ты, яко испелинь, исходилъ на путь безсмертныхъ подвиговъ и славы. Отъ края небесе исходъ Твой, и срътеніе Твое до края небесе. Тамъ, среди мощныхъ и храбрыхъ ополченій своихъ, Ты мещешь перуны на дерзкаго врага, здѣсь воспламеняешь души наши любовью къ Тебѣ и отечеству. Тамъ двигаешь громы на пораженіе злобы, здѣсь возбуждаешь и движешь сердца наши на защищеніе возлюбленной тебѣ Россіи. Тамъ казнишь, здѣсь покоишь; тамъ мертвишь, здѣсь оживляешь».

«Государь! оружіемъ ты побѣдилъ тысячи, а благодію тмы. Наша благодарность, наша любовь къ намъ любовь превосходитъ всѣ чувства нашего къ тебѣ, не имѣютъ предѣловъ; но твоя отеческая къ Тебѣ усердія и признательности, Ты и надъ нами побѣдитель, ты торжествуешь и надъ своими.

«Царю! Господь съ тобою: онъ гласомъ твоимъ повелитъ бури, и станетъ въ тишину, и умолк-

нутъ волны воды потопныя. Съ нами Богъ! Разумѣйте языцы, и покоряйтесь, яко съ нами Богъ!».

И Августинъ и царь прослезилъ; высокія и благоговѣйныя чувства сообщились народу. Александръ вступилъ въ храмъ, и пѣвчіе громко, стройно запѣли: Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази его! При возглашеніи многолѣтія, раздалась пушечная пальба. Тогда праздновали благотворный миръ, среди ужасовъ грозной брани *). Послѣ молебствія, государь прикладывался къ святымъ иконамъ и къ мощамъ.

Во время обѣда государя въ дворцѣ, народъ толпился на Красномъ крыльцѣ; Государь, кушая, съ ласковою улыбкою смотрѣлъ въ окно на своихъ подданныхъ. П. Ст. Валуевъ, приглашенный къ столу государя, сказалъ: «отецъ семейства вкушаетъ хлѣбъ-соль, среди своей семьи».

14 іюля, митрополитъ московскій, Платонъ, посылая къ государю образъ преп. Сергія, писалъ къ нему *)

*) Въ Петербургѣ празднованіе мира съ турками происходило 14-го іюля. Оно возвѣщено было при восхожденіи солнца, 21 выстрѣломъ съ Петропавловской крѣпости. Потомъ царская фамилія, съ знатными особами обою пола, прибыла въ Казанскій соборъ, гдѣ митрополитъ Амвросій совершилъ литургію; а при окончаніи ея, управлявшій военнымъ министерствомъ, кн. Горчаковъ, читалъ объявленіе о заключенномъ мирѣ. Потомъ цѣлымъ соборомъ принесено было Богу благодарственное молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ. При пѣніи: Тебѣ Бога хвалимъ, производилась пушечная пальба. Въ этотъ день, въ Таврическомъ дворцѣ, былъ парадный обѣдъ, на который приглашены были всѣ придворные и почетные чины, военные и гражданскіе. Вечеромъ весь городъ былъ иллюминированъ.

«Первопрестольный градъ Москва, повый Иерусалимъ, пріемлетъ христа своего, яко мать, въ объятія усердныхъ сыновъ своихъ, и, сквозь возникающую мглу, провидя блистательную славу своєю державы, поетъ въ восторгѣ: Осанна, благословенъ грядый! Пусть дерзкій и наглый Голиаѳъ отъ предѣловъ Франціи обноситъ на краяхъ Россіи смертоносные ужасы; но кроткая вѣра, сія праща російскаго Давида, сразитъ внезапно главу кровожаждущей его гордыни. Се обрѣзъ преподобнаго Сергія, древняго ревнителя о благѣ нашего отечества, приносится В. Имп. Величеству. Болѣзную, что слабѣющія силы мои препятствуютъ мнѣ насладиться любезнѣйшимъ вашимъ лицезрѣніемъ. Теплые возсылаю къ небесамъ молитвы, да Всесильный возвеличитъ родъ правыхъ и исполнитъ во благихъ желаніе вашего Величества».

Государь отвѣчалъ ему:

«Преосвященнѣйшій Платонъ!

«Я получилъ отъ васъ письмо, и при немъ образъ преподобнаго Сергія. Первое принялъ я съ удовольствіемъ, какъ отъ знаменитаго и мною такъ уважаемаго пастыря церкви, второе съ благоговѣніемъ. Образъ святаго поборника російскихъ военныхъ силъ велѣлъ я отдать составляющемуся для защиты отечества московскому ополченію; да сохранить онъ его своимъ предстательствомъ у престола Божія, и да продлитъ молитвами своими украшенные честію и славою дни ваши».

*) Митрополитъ Платонъ былъ тогда старъ и немощенъ; онъ проживалъ: то въ Троицкой лаврѣ, то, близъ ея, въ Виѣаніи.

Преосв. Платонъ, вспоминая прежніе годы, захотѣлъ блеснуть еще разъ своимъ краснорѣчіемъ, въ благодарственномъ письмѣ къ государю. Онъ писалъ ему:

«Старець Симеонъ имѣлъ въ жизни блаженнѣйшій удѣлъ: пріять на руцѣ своя Предвѣчнаго Младенца, и изъ глубины восхищенной души воспѣлъ священнѣйшій гимнъ Владыкѣ міра. Я, недостойный, удостоенъ отвѣта августѣйшей особы вашей, въ восторгѣ лобызая высокомонаршую десницу, ношу бремя скучной старости, но какъ бы юнѣю въ сладостныхъ чувствіяхъ, благоговѣя къ любезнѣйшему имени—Александръ. Государь! Вы, по духу христіанскаго благочестія, благословили новооружаемыхъ героевъ принесенною вамъ отъ меня иконою чудотворца Сергія. Много можетъ молитва праведнаго споспѣшествуема. Покуситесь алчный врагъ простерть за Днѣпръ злобное оружіе и этотъ фараонъ погрязнетъ здѣсь съ полчищемъ своимъ, яко въ Черномъ морѣ. Онъ пришелъ къ берегамъ Двины и Днѣпра провести третію новую рѣку—страшно выговорить!—рѣку крови челоуѣческой. О, каждая капля крови воззоветъ отъ земли къ небу. Крови брата твоего взыщу отъ руки твоея. Франція познаетъ въ Богѣ Господа отмщениій, а Россія возчувствуетъ, исповѣдуетъ, воспоетъ къ нему: Авва—Отче! Царю небесный! Ты изведешя, яко свѣтъ, правду монарха, и судьбу Россіи, яко полудне *)».

*) Письма государя къ митрополиту Платону находится въ Виѣаніи, въ бывшей кельѣ его.

День 15 іюля также достопамятенъ для Москвы, какъ и 12 іюля; въ этотъ день возвѣщено было дворянству и купечеству собраться въ Слободской дворецъ, *) въ 9 часовъ утра, послѣ молебствія, въ придворной церкви въ двѣ залы: въ дворянской залѣ собраніе открылъ государственный секретарь, Ал. Сем. Шишковъ, чтеніемъ Высочайшаго манифеста (отъ 6 іюля), объ объявленіи войны Россіи съ Франціею, (т. е. почти со всею Европою). По обѣимъ сторонамъ стола, покрытаго зеленымъ сукномъ, сидѣло болѣе семидесяти вельможъ въ разноцвѣтныхъ лентахъ на груди, кромѣ другихъ дворянъ; тамъ, между прочими разговорами, нѣкто спросилъ: «сколько у насъ войска и гдѣ оно?—Ген. Апраксинъ отвѣчалъ: «Объ этомъ никто не знаетъ, оно движется въ разныхъ направленіяхъ, теперь не время разсуждать, надо дѣйствовать»—«Да, теперь война необъятная, она изрываетъ могилы городовъ и народамъ!» раздались голоса; «она требуетъ небывалой доселѣ мѣры; отъ Нѣмана до Москвы нѣтъ ни природной, ни искусственной обороны. Москва привыкла страдать за Россію. Гр. Растопчинъ, войдя въ собраніе, сказалъ: «Господа! нашъ Государь предоставилъ составить ополченіе. Дворянство единодушно и единогласно вызвалось дать по одному человѣку со

*) Гдѣ нынѣ ремесленное заведеніе; этотъ дворецъ купленъ Имп. Павломъ у Гр. Безбородко; во время коронаціи его, тамъ были большіе праздники. Въ 1812 г. Имп. Александръ получилъ въ этомъ дворцѣ ключи отъ взятой у Турокъ крѣпости Браилова.

всѣми потребными припасами, многіе и сами изъявили желаніе стать въ ряды ополченцевъ. Всѣ поголовно пойдёмъ! раздались голоса. Когда доложили объ этомъ Государю, онъ тотчасъ же почтилъ собраніе своимъ присутствіемъ и въ выразительныхъ словахъ изъявилъ вѣрноподаннымъ свое благоволеніе. «Никогда я не сомнѣвался въ усердіи дворянства, но рвеніе его превзошло мои ожиданія», сказалъ онъ съ чувствомъ. Гр. Растопчинъ, показывая на купеческую залу, произнесъ: «оттуда полюбуются милліоны, а наше дѣло не щадить себя.» Послѣ Государь посѣтилъ купеческую залу. Градской голова, Ал. Ал. Куманинъ, принимая Государя, воскликнулъ: «мы всѣ готовы жертвовать тебѣ жизнью и имуществомъ!» Открыли подписку на пожертвованіе для военныхъ дѣйствій; всѣ стремительно бросились къ подписному листу, чуть-чуть не вырывали другъ у друга пера; каждый скорѣе хотѣлъ внести туда цифру жертвующей имъ суммы. Ожили Минины и Пожарскіе, доблесть ихъ отразилась въ ихъ потомкахъ!.. Кто видѣлъ, тотъ никогда не забудетъ того свѣтлаго взора, которымъ Монархъ, казалось, благословилъ народъ свой на славное начало великаго дѣла. Въ то же время избранъ былъ начальникомъ московскаго ополченія Кн. Кутузовъ.

Послѣ того учредились два комитета: одинъ для приѣма ополченцевъ, другой для пожертвованій. *)

*) Комитеты учреждены были на Тверской, въ казенномъ домѣ главнокомандующаго: онъ купленъ у Гр. З. Гр. Чернышева

Имена жертвователей не должны быть забыты въ потомствѣ; воскресимъ память ихъ. Изъ купечества: Гр. Голова Куманинъ пожертвовалъ 50 тысячъ р., Григ. Абр. Кирьяковъ 50 т., Алексѣевъ 50, Мазуринъ 25, Лухмановъ 25, Корзинкинъ 25, Пантелѣевъ 25, Живовъ 25, П. И. Кожевниковъ 40, Савельевъ 25, Титовъ 20, Г-жа Бекетова 60, Ярцевъ 25, Козловъ 15, Зосима 15, Лепехинъ 10, Красильниковъ 10, Дубровина 15, купч. Бородинъ 10, Шевалдышевъ 5, Лепехинъ 10, и проч. и проч. Изъ дворянъ, кромѣ выставки ополченцевъ, жертвовали значительными суммами: Кн. С. М. Голицынъ, Кн. Н. Б. Юсуповъ и Гр. А. А. Орлова. Монастыри, въ томъ числѣ и Троицкая Лавра, по распоряженію Митроп. Платона, пожертвовали 10,000 р., кромѣ другихъ цѣнныхъ серебряныхъ слитковъ; священнослужители, церковные причетники, чиновники, артисты театра, — однимъ словомъ: всѣ классы народа, даже самые бѣдные, несли туда свои лепты. Купецъ Рахманиновъ жертвовалъ сукномъ для ополченцевъ, а портной Гетманъ даромъ шилъ имъ одежду.

Московское дворянство выставило 80 тыс. ратниковъ; *) вотъ какой былъ костюмъ ихъ: Штабъ и

Ратническій комитетъ вскорѣ подчиненъ былъ Петербургскому комитету, составленному подъ предѣдательствомъ Гр. Аракчеева. Гр. Растопчину это не понравилось. Пожертвованій изъ векселей и заемныхъ писемъ тамъ не принимали. Моск. вѣд. 1812 г.

*) Тверское и Новгородское дворянство составляли свои опол-

Оберъ-офицеры имѣли общіе армейскіе мундиры, конные и пѣшіе егеря и козаки—одѣты были въ русскіе сѣрые кафтаны изъ толстаго сукна и такіе же шаровары; рубашки на нихъ были съ косымъ воротомъ, на шеѣ платки, на головѣ суконныя фурашки, сапоги смазные, сверхъ шароваръ; кафтаны широкіе, что-бъ можно было надѣть подъ нихъ полушубки, длина ихъ по колѣно, кушакъ имѣлъ кто какой хотѣлъ; фурашки удобныя и для холоднаго времени, чтобъ можно было подвязывать ихъ сверхъ ушей подъ бородою, ранцы кожаные или телячьи, просторные, для того, чтобъ можно было уложить въ нихъ сухарей на трое сутокъ. Сотенные начальники ратниковъ получали жалованья по 30 р. въ мѣсяць, прочіе офицеры по 20. Въ то время это были почтенныя денежныя цифры.

Ополченцевъ называли жертвенниками, т. е. пожертвованными отечеству; съ блестящими крестами на шапкахъ, съ ружьями и пиками начали они мелькать по улицамъ; вездѣ ихъ встрѣчали ласково и принимали радушно. Многіе охотно шли въ ратники: чиновники, университетскіе студенты, *) семинаристы и всякаго прочаго званія. Первымъ ополченцемъ, въ полной формѣ, явился тогда къ Гр. Растопчину С. Н. Глинка, а послѣ него К. Θ. Калайдовичъ (историки

ченія въ одно время съ Московскимъ; прочія губерніи также откликнулись на голосъ отечества.

*) Студентовъ въ Московскомъ Университетѣ значилось тогда по отчету Правленія Университета, 215 ч. Въ то время нарочно посѣщали кончить ихъ экзамены и сдѣлать имъ выпускъ.

и литераторы). Полковникъ Карауловъ избранъ былъ начальникомъ штаба дружинъ ополченія, состоявшаго подъ начальствомъ Ген.-Лейт. Чичерина. Для большаго усиленія составлявшагося временнаго ополченія, отставной Гвардіи Ротмистръ, Н. И. Салтыковъ, Оберъ-Прокуроръ Сената, Графъ Ш. А. Дмитріевъ-Мамоновъ Камергеръ К. К. Демидовъ и Камеръ-Юнкеръ Кн. Н. С. Гагаринъ, движимые любовью къ отечеству, приняли на свой счетъ вооружить четыре полка: гусарскій, казацкій, егерскій и пѣхотный.

Во всѣхъ губерніяхъ, городахъ и селахъ начались дѣятельныя вооруженія. По справедливости сказано о русскомъ дворянствѣ (маниф. 1814 г. Авг. 30); вѣрная и крѣпкая ограда престола есть умъ и душа народа! Благословляемый своими подданными, въ концѣ іюля, Государь отправился въ Петербургъ; передъ отъѣздомъ своимъ, онъ пожаловалъ Августину, за труды и рвеніе къ пользѣ отечества, орденъ Св. Александра Невскаго, а Гр. Растопчину вензелевое имя свое на эполеты, сказавъ: «теперь я буду у тебя на плечахъ.»

Государь прибылъ въ Петербургъ ночью, на 22 ч. іюля, въ день тезоименитства своей родительницы, Имп. Маріи Ѳеодоровны. Долго не былъ онъ въ этой столицѣ, по случаю открытія на западѣ Россіи военныхъ дѣйствій. И тамъ приняли его восторженно; вечеромъ весь городъ былъ иллюминированъ. Между тѣмъ, еще въ отсутствіе его, въ исполненіе Манифеста (отъ 6 іюля) всѣ сословія С.-Петербургской губерніи изъявили усердную готовность соотвѣтствовать монарше-

му назначенію, вслѣдствіе чего, 17 числа помянутаго мѣсяца, въ Казанскомъ соборѣ было большое собраніе духовенства, начальства, дворянства, и прочаго народа. Передъ началомъ литургіи прочтенъ былъ манифестъ, и вслѣдъ за тѣмъ совершено было всѣмъ Соборомъ молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ. По окончаніи литургіи, Пр. Амвросій произнесъ къ предстоявшимъ воззваніе отъ Св. Синода, къ поднятію оружія; оно относилось и ко всей Россіи.

Для любопытныхъ и любознательныхъ читателей помѣщаемъ это воззваніе; оно сильно, выразительно, знаменательно и не безынтересно въ историческомъ отношеніи.

«Божіею милостію, Святѣйшій Правительствующій Всероссійскій Синодъ. По благодати, дару и власти, даннымъ намъ отъ Бога и Господа нашего Іисуса Христа, его великимъ и сильнымъ именемъ взываемъ ко всѣмъ благовѣрнымъ чадамъ Россійскія Церкви.— Съ того времени, какъ ослабленный мечтою вольности, народъ французскій ниспровергнулъ престолъ единоподержавія и олтари Христіанскіе, мстящая рука Господа видимымъ образомъ отяготѣла сперва надъ нимъ, а потомъ, чрезъ него и вмѣстѣ съ нимъ, надъ тѣми народами, которые наиболѣе отступленію его послѣдовали. За ужасами безначалія слѣдовали ужасы угнетенія. Одна брань рождала другую, и самый миръ не приносилъ покоя. Богомъ спасаемая церковь и Держава Россійская доселѣ была по большей части сострадающею зрительницею чуждыхъ бѣдствій, какъ бы для того, чтобъ тѣмъ болѣе утвердилась во упо-

ваніе на Промысль, и тѣмъ съ большимъ благодушіемъ приготовилась срѣтить годину искушенія. Нынѣ сія година искушенія касается насъ, Россіяне! Властолюбивый, ненасытимый, не хранящій клятвъ, не уважающій олтарей, врагъ, дыша столько-же ядовитою лестию, сколько лютою злобою, покушается на нашу свободу, угрожаетъ домамъ нашимъ, и на благолѣпіе храмовъ Божіихъ еще издавеча простираетъ хищную руку. Сего ради взываемъ къ вамъ, чада Церкви и отечества! примите оружіе и щитъ, да сохраните вѣрность и охраните вѣру отцевъ нашихъ. Принесите съ благодареніемъ отечеству тѣ блага, которыми вы ему обязаны. Не щадите временнаго живота вашего для некоей церкви, пекущейся о вашемъ вѣчномъ животѣ и покоѣ. Помяните дни древняго Израиля и лѣта предковъ вашихъ, которые, именемъ Божіимъ, съ дерзновеніемъ повергались въ опасности и выходили изъ нихъ со славою. Взываемъ къ вамъ, мужи именитые, стяжавшіе власть или право на особенное вниманіе своихъ соотечественниковъ, предшествуйте примѣромъ вашего мужества и благородной ревности тѣмъ, которыхъ очи обращены на васъ. Да выдвинетъ на васъ Господь новыхъ Навиновъ, одолюющихъ наглость Амаліка, новыхъ судей, спасающихъ Израиля, новыхъ Маккавеевъ, огорчающихъ цари многи и возвеселяющихъ Іакова въ дѣлахъ своихъ. Наипаче же взываемъ къ вамъ, пастыри и служители олтаря! Яко же Моисей во весь день брани съ Амаликомъ не восхотѣлъ опустить рукъ, воздѣянныхъ къ Богу, утвердите и вы руки ва-

ша къ молитвѣ доколѣ, доколѣ не оскудѣютъ мышцы борющихся съ вами. Внушайте сынамъ силы упованія на Господа силъ. Вооружайте словомъ истины простыя души, открытыя нападеніямъ коварства. Всѣхъ научайте словомъ и дѣломъ, не дорожите никакою собственностію, кромѣ Вѣры и отечества. И если кто изъ сыновъ Левитскихъ, еще не опредѣлившись къ служенію, возревнуетъ ревностію къ брани: благословляется на сей подвигъ отъ самаго церкви. Всѣмъ же и каждому, о имени Господа нашего, заповѣдуемъ и всѣхъ умоляемъ, блюстися всякаго неблагочестія, своеволія и буинхъ шатаній, передъ очами нашими привлекавшихъ гибель Божію на языки, пребывать въ послушаніи законной отъ Бога поставленной власти, соблюдать безкорыстіе, братолюбіе, единодушіе и тѣмъ оправдать желанія и чаянія взывающаго къ намъ, вѣрнопоподаннымъ своимъ, Богомъ помазаннаго Императора Александра. Церковь, увѣренная въ неправедныхъ и не Христолюбивыхъ намѣреніяхъ врага, не престанетъ отъ всея кротости своея вопіять къ Господу о вѣнцахъ побѣдныхъ, для доблестныхъ подвижниковъ и о благахъ нетлѣнныхъ для тѣхъ, которые душу свою положить за братію свою. Да будетъ, какъ было всегда, и утвержденіемъ и воинственнымъ знаменіемъ Россіянь, сіе пророческое слово: О Богѣ спасеніе и слава *).

*) Наполеонъ читалъ это воззваніе въ переводѣ на французскомъ языкѣ. «Александръ старается возбудить дикое изувѣрство Москвичей», сказалъ онъ.

Послѣ этого дворяне, движимые любовію къ отечеству, большою толпою поспѣшили въ домъ Кн. Безбородко, гдѣ гражданскій Губернаторъ, Бакунинъ, прочиталъ манифестъ, а дворянскій Предводитель, Жеребцовъ, произнесъ рѣчь, въ которой сказалъ: гласъ Бога и всеавгустѣйшаго монарха призываетъ насъ къ единодушному и общему ополченію противъ врага. Мы, братія, чада общаго семейства, соединимся всѣ со крестомъ въ сердцѣ и съ оружіемъ въ рукахъ, вручимъ себя Богу и Царю нашему! Спасемъ отечество, или, умирая, сохранимъ честь Росса, вѣрноподаннаго Александру I-му.

И здѣсь избранъ былъ главнымъ начальникомъ ополченія Кн. Кутузовъ. Помѣщеніе для засѣданій комитета ополченія избрано было противъ новой Голландіи, въ домѣ Барона Раля. Въ Петербургѣ, такъ какъ и въ Москвѣ, дворянство опредѣлило дать, съ каждаго десяти душъ своихъ крестьянъ, по одному ратнику; кромѣ того, вооружены были изъ охотниковъ два полка: 1-й Смертоносный, 2-й Александровскій. Ратники имѣли на шапкахъ крестъ изъ мѣдной латуни, съ вензелевымъ изображеніемъ Государя и съ надписью: за Вѣру и Царя. Надѣвая на себя шапки, они прикладывались ко кресту. И здѣсь начались значительныя пожертвованія: отъ комиссіи духовныхъ училищъ дано было 750 т., отъ Преп. Амвросія и Александроневской Лавры 25 т., отъ монастырей, соборовъ и церквей 29 т. отъ С.-Петербургскаго купечества два милліона. Скоро общей суммы скопилось до четырехъ милліоновъ. Всѣ взволновались,

бросались къ оружію, на улицахъ, въ кофейняхъ, въ семейномъ кругу, вездѣ говорили о войнѣ; умолкли сеоры, любовь къ отечеству примирила всѣхъ. Народъ началъ толпиться на улицахъ, ожидая курьеровъ изъ арміи и отъ московской заставы. Въ ополченіе шли охотно: чиновники изъ департаментовъ министерскихъ, *) воспитанники Академій и прочихъ казенныхъ заведеній, колонисты, ямщики, однимъ словомъ: всѣ сословія людей свободнаго состоянія. Тогда недоброжелательно смотрѣли на тѣхъ, кто былъ не въ военномъ мундирѣ. Однимъ изъ главныхъ предводителей ополченія былъ сенаторъ Бибииковъ, сынъ того Бибиикова, который былъ учредителемъ народнаго ополченія, составленнаго казанскимъ дворянствомъ противъ Пугачева, (по этому Имп. Екатерина II-я, въ знакъ своей признательности къ тамошнему дворянству, изъявила желаніе быть казанской помѣщицей). 7-го Августа объявлено было, что миръ съ Англіею возобновленъ и всѣ порты наши для Англичанъ открыты. 31 Августа всѣ генералы и офицеры новосоставленнаго ополченія прибыли въ комитетъ, для прибитія знамени, дарованнаго ополченію; оно состояло изъ бѣлаго полотна, на которомъ, по срединѣ, изображенъ былъ осьмиконечный крестъ съ надписью: симъ побѣдиши, а по угламъ вензелевыя изображенія Государя въ лавровыхъ вѣнкахъ, подъ коронами. Тогда закипѣла изумительная дѣятельность и быстрота во всемъ:

*) Имъ сохранили жалованье ихъ и оставили за ними мѣста ихъ, до возвращенія изъ похода.

въ дѣйствіяхъ, въ словахъ и въ поступкахъ. Въ продолженіе только пяти дней, ополченіе обучено было всѣмъ военнымъ экзерциціямъ, выключая церемональнаго марша; даже по ночамъ ратники не сходили съ Измайловскаго плацъ-парада. Когда въ Петербургѣ распространилась вѣсть о Бородинской битвѣ, про которую говорили, что она остановила напоръ Французовъ на Москву, то думали, что ополченіе уже распустятъ; многіе новобранцы искренно сожалѣли о томъ, что имъ не удастся подраться съ врагами; между тѣмъ Гр. Витгенштейнъ просилъ себѣ вспомога- тельныхъ дружинъ, и въ Петербургѣ занялись ускореніемъ удовлетворенія его просьбы.

Въ воскресенье, 1-го Сентября, происходило торжественное освященіе хоругви, въ присутствіе Государя и Цесаревича Константина Павловича; все ополченіе собрано было рано поутру на Петровской площади, вокругъ Исаіевскаго собора. Государь объѣхалъ верхомъ всѣ ряды воиновъ, въ сопровожденіи многіхъ генераловъ и привѣтствовалъ новыхъ защитниковъ отечества. Пр. Амвросій освятилъ знамя, потомъ пятнадцать дружинъ ополченія проходили церемональнымъ маршемъ мимо Государя; онъ съ удовольствіемъ замѣтилъ, что отряды ихъ шли стройно, съ веселымъ и бодрымъ видомъ. Въ изъявленіе благоволенія своего къ нимъ, онъ пожаловалъ имъ по рублю на каждаго воина *) Утро тогда было прекрасное: солнце сіяло въ полномъ блескѣ на чистомъ

*) Сѣв. Почта 1812 г.

небѣ; но вдругъ, по окончаніи молебствія, когда Митрополитъ началъ кропить св. водою стоявшихъ въ строю воиновъ, появилось на небѣ тонкое и свѣтлое облако, прыснулъ дождь и мельчайшими брызгами оросилъ броненосцевъ; потомъ облачко исчезло и лучи солнечные опять ярко заискрились на оружіи ратниковъ. Народъ, стоявшій сплошною стѣною вокругъ ополченцевъ, почелъ это воздушное окропленіе за благодать Божию и утвердился еще болѣе въ надеждѣ на помощь Его. *) По вѣрѣ вашей будетъ вамъ, Вся возможна вѣрующему. Государь самъ командовалъ войсками; при выходѣ ихъ изъ города, они двинулись съ музыкою и съ барабаннымъ боемъ; всѣ посылали имъ благословеніе свое и усердно молились за нихъ. Ихъ повелъ на брань Бибииковъ, начальникъ 1-го отряда. Пр. Амвросій, благословляя ихъ иконою Спаса, произнесъ: «Христіане Воины! Соотечественники ваши, московскіе ополченцы, уже вступили на поле брани; въ залогъ сего обѣтованія вручаю вамъ Св. икону Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, и ею благословляю васъ, во имя Отца и Сына и св. Духа.» Бибииковъ принялъ эту икону.

5 Сентября собрался на Семеновскій плацъ 2-й отрядъ ополченія. Государь прибылъ туда съ англійскимъ посланникомъ, лордомъ Коткартомъ; церемонія отпра-

*) Петербургскій Комендантъ Башутскій получилъ Высочайшее благоволеніе, за сказанное обученіе новобранцевъ. Записки Бар. Штейнгеля о петер. ополченіи; баронъ былъ правителемъ канцеляріи у Гр. Тормозова.

вленія ихъ происходила такая же. Государь скомадовалъ отряду построиться въ колонны и на молитву; когда священнослужитель провозгласилъ: «паки и паки преклонша колѣна,» Государь, духовенство, ополченцы и весь народъ преклонили ихъ. Картина была величественная и поразительная. Многіе замѣтили, что Государь былъ во время молебствія въ печальномъ расположеніи духа и въ глазахъ его блистали слезы: онъ только что узналъ передъ этимъ о занятіи Москвы непріателемъ. Для прочихъ это было еще тайною. Этотъ отрядъ благословенъ былъ иконою Св. Александра Невского; ее принялъ начальникъ 2-го отряда, Г. М. Бѣгичевъ. Маршъ обоихъ отрядовъ ополченія направленъ былъ къ Московской заставѣ, въ сопровожденіи множества народа и плачущихъ родственниковъ ополченцевъ; они остановились за 8 верстъ отъ Петербурга, у Руки, гдѣ имъ купецъ Злобинъ приготовилъ по чаркѣ водки и сытную закуску. Ополченцы шли весело, пѣли пѣсни и думали только о томъ, какъ бы имъ поскорѣй встрѣтиться съ непріателемъ; они даже во время дневки обучались военнымъ приѣмамъ. Слезные проводы родственниковъ ихъ продолжались до конца петербургскаго уѣзда; «да подите прочь!» говорили нѣкоторые ратники своимъ женамъ, «не смущайте насъ.»

Гр. П. Хр. Витгенштейнъ былъ до того времени мало извѣстенъ; ополченіе назначалось ему въ подкрѣпленіе отдѣльнаго его корпуса. Государь дозволилъ ему дѣйствовать самостоятельно. Побѣда его надъ непріателами, при Клястицахъ, спасла Петербургъ; эта

побѣда была для насъ чувствительна тѣмъ, что здѣсь палъ извѣстный Ген. Кульневъ, шефъ Гродненскаго гусарскаго полка; пушечное ядро оторвало ему обѣ ноги; предъ смертію онъ сорвалъ съ себя георгиевскій крестъ и отбросилъ его далеко, чтобы онъ не достался непріателю. Въ Петербургѣ праздновали эту побѣду (25 Сент.) молебствіемъ и пушечными выстрѣлами, Витгенштейна назвали спасителемъ Петрограда и защитникомъ Пскова. Петербургское купечество поднесло ему 150 тыс. руб. а Псковитяне прислали ему богатую икону св. Гавріила Псковскаго, съ изображеніемъ на ней меча его, на клинкѣ котораго была начертана латинская надпись: *Honorem nemini dabo* (чести моей никому не отдамъ.)

А въ Петербургѣ, предъ этимъ временемъ, въ чаяніи нашествія на него французовъ, сдѣлано было уже отъ правительства распоряженіе для вывоза изъ него государственныхъ драгоцѣнностей и рѣдкостей; также архивовъ, кадетскихъ корпусовъ, институтовъ и присутственныхъ мѣстъ; всѣ были напуганы, во всѣхъ каналахъ стояли нанятые дорогою цѣною суда, для помѣщенія на нихъ частныхъ имуществъ, и для отплытія ихъ въ море, при первомъ извѣстіи о приближеніи непріателей къ Петербургу. Праздные люди разсѣивали слухи, что непріательскіе отряды направлены съ одной стороны къ Твери, а съ другой къ Великимъ Лугамъ и къ Ригѣ; для прекращенія этихъ слуховъ, по Высочайшему повелѣнію, (21 Сент.) изданы были успокоительныя извѣщенія.

Наши новобранцы скоро привыкли къ военному

быту; на бивакахъ пошла у нихъ стукотня, трескъ и ломка, запылали костры, повѣсили артельные котлы надъ кашеварнымъ огнемъ; у нихъ появились даже плетеные шалаши, если ополченію нужно было имѣть долгую стоянку. Когда оно прибыло въ первый литовскій городъ, Невиль, тамъ его приняли недоброжелательно, спрятали отъ него провизию, и отказывали даже ему въ помѣщеніи; но лишь только изъ Литвы начали вытѣснять мало по малу непріятелей—нашимъ воинамъ стали доставаться прекрасныя стоянки. Французы, собираясь тамъ на продолжительное пребываніе, устроили себѣ спокойныя, даже роскошныя землянки съ рамами, съ дверями, съ мебелью, даже съ зеркалами; все это, разумѣется, было награблено ими въ разныхъ городахъ и мѣстечкахъ.

Наконецъ ратники подошли уже близко къ мѣсту военныхъ дѣйствій; это было для нихъ еще первоученкой. Начальство распорядилось предъ сраженіемъ отслужить молебенъ; тотчасъ поставили барабаны въ пирамиды и на нихъ водрузили икону св. Александра Невскаго. Благочинный при этомъ отрядѣ, свящ. Песоцкій, совершилъ богослуженіе; всѣ молились горячо, усердно, можетъ быть—въ послѣдній разъ.... После того ген. Бѣгичевъ, обращаясь къ ополченцамъ, сказалъ: «ну, ребята, поздравляю васъ, вотъ уже и непріятель близко, мы должны исполнить то, для чего насъ послалъ сюда Государь и отечество. Это дѣло святое, ребята, надо приступать къ нему съ чистую совѣстію; если кто сердитъ на кого, то при-

миритесь братски, и меня простите; я, какъ начальникъ, можетъ быть, кому изъ васъ досадилъ.»—Онъ скинулъ свою шляпу и низко, низко поклонился на всѣ стороны.—«Богъ тебя проститъ, мы тобою довольны, прости и ты насъ!» слышались въ отвѣтъ ему восклицанія, въ которыхъ дрожали слезы. Тутъ начались обниманія и цѣлованія между всѣми.

Петербургское ополченіе особенно отличилось предъ Полоцкомъ и при мѣстечкѣ Чашникахъ; оно, врѣзываясь въ непріятельскіе ряды, не слушалось отбоя. Французы, увидавъ ратниковъ, воскликнули: «Откуда взялись эти пѣшіе козаки! (cozaques a pieds). Витгенштейнъ дѣйствовалъ стремительно, молодецки, какъ будто по приказу Екатерины II, данному ей герою Задунайскому: «не спрашивать, силенъ ли врагъ, но гдѣ онъ?» Сначала новобранцы съ ужасомъ смотрѣли на поражающую картину войны; иные изъ нихъ, слыша свистъ пуль, присѣдали или отмахивались отъ нихъ руками, какъ отъ мухъ; но къ чему непривыкають! Скоро стали они смотрѣть равнодушиѣе на повалку своихъ товарищей, которые, на походѣ, заряжая ружья, вдругъ падали навзничь, держа еще въ губахъ недокусанные патроны. Въ иномъ мѣстѣ лежала лошадь съ оторванной ногой и лизала кровь свою, въ другомъ суетились лекарь и фельдшера, перемокшіе отъ крови; даже трава почернѣла отъ нея.... Первые въ Полоцкѣ ворвались ополченцы (12 дружинъ); по случаю отнятія этого города отъ французовъ, сложена была тогда пѣсня:

Витгенштейнъ—другой Суворовъ,
Полоцкъ—новый Измаиль;

Изъ за рововъ и изъ окоповъ
Сень-Сиръ *) лыжи наострилъ **).

Дальнѣйшая судьба этого отдѣльнаго отряда сливается уже наослѣдокъ съ судьбою главной нашей армія; теперь обратимся опять къ ней.

Глава V.

Бородино. Бородинская битва.

Съ пріѣздомъ новаго Главнокомандующаго въ нашу армію, русскіе отступали уже не въ уныніи, а въ надеждѣ на скорую битву; въ это же время прибылъ въ армію другой современникъ Суворова, Милорадовичъ, съ 15 тыс. новобранцевъ. По всему войску пронеслась молва, что Кутузовъ выбираетъ выгодное мѣстоположеніе для битвы валавой. Для этого, какъ уже было сказано, представилось обширное бородинское поле. Генераль Коновницынъ, командуя арріергардомъ, выдержалъ натискъ цѣлой французской арміи и остановился подъ стѣнами Колоцкаго монастыря. Тамъ осталось нѣсколько старыхъ монаховъ; денно и ночью служили они молебны и панахиды. Отступление отъ Гжатска до Бородина было не что иное, какъ продолжительное сраженіе, съ небольшими раздыхама; у стѣнъ Колоцкаго монастыря оно было упорно: русскіе оспаривали себѣ мѣсто, для занятія выгодной позиціи; французы медленно подвигались впередъ, по трупамъ своихъ товарищей. Здѣсь надлежало быть великой битвѣ, къ которой Наполеонъ стремился на протяженіи тысячи верстъ; до Москвы оставалось уже не далеко. Бородино принадлежало тогда партизану Давыдову; онъ сжегъ свой домъ,

*) Французскій маршалъ.

***) Записки Бар. Штейнгеля.

чтобъ не оставить его неприятелю. Замѣчательно, что на равнинѣ Бородинской струятся четыре рѣчки, называемыя: Войня, Колоча, (извивистая, крутобережная), Стонецъ, а подъ Семеновскомъ, гдѣ французскія батареи изрыгали цѣлый адъ, течетъ рѣчка Огникъ *). Дошедъ до этого мѣста, французская армія вдругъ распахулась на право и на лѣво; представились не-обозримыя движущіяся толпы, кажется поля гнулись подъ множествомъ конницы, лѣса наполнились стрѣлками, пушки вытянулись изъ за кустовъ. «Теперь ни шагу назадъ!» произнесъ Кутузовъ, остановясь при Бородинѣ. Французы, выступя на обширную равнину, радостно воскликнули, увидѣвъ въ строю неотступающее русское войско. Они надѣялись, что теперь достигли до цѣли своихъ желаній; узнавъ, что назѣво отъ нихъ рѣка называется Москвою, восторгъ ихъ умножился: «Москва, Москва!» раздались восклицанія въ рядахъ ихъ, «конецъ войнѣ, побѣда и славный миръ!» Мы назовемъ эту битву Московскою, сказалъ Наполеонъ. Русскіе заслоняли собой Москву, они стояли на родной землѣ, они устали отступать и охотно порывались на враговъ своихъ. Многіе изъ нихъ оглядывались на ту сторону, гдѣ находилась Москва и въ нихъ вливались новыя силы; битвы ожидали они, какъ великаго праздника. Говорятъ, что многіе наши солдаты отказались отъ винной порціи въ этотъ день; ихъ укрѣпляла и ободряла любовь къ отечеству. Они принарядились, пригладились, перемѣни-

*) Впадающая въ Москва-рѣку.

ли даже бѣлье, какъ будто готовились на пиръ. Князь Кутузовъ, осматривая ряды нашего войска и примѣтя непоколебимое мужество, отразившееся на лицахъ солдатъ, улыбаясь, сказалъ: «Французы переломаютъ надъ нами зубы». Говорятъ, что онъ присягнулъ предъ иконою Смоленской Божьей Матери, чтобы ни шагу не отступать съ этого мѣста.

Наканунѣ роковой битвы, съ раннего утра, все приготовилось для нея; артиллерию развозили по мѣстамъ, солдаты острили штыки, бѣлили портупей, будто готовясь на парадный смотръ; жизнь, готовая скоро остыть, кипѣла еще вполне.... Насталъ полдень; вдругъ раздалось стройное, священное пѣніе стихиры: «Заступница наша усердная;» по всей арміи понесли чудотворную икону Смоленской Божіей Матери; русское войско, бывшее дотолѣ грознымъ, со смиреніемъ и благоговѣніемъ колѣнопреклонилось предъ Нею. Зрѣлище было трогательное и умиленное; сердца всѣхъ, усердно молившихся, переполнились чудодѣйственною силою желанія—сподобиться славной смерти за дорогую родину.

Наканунѣ битвы прибыло подъ Бородино Московское ополченіе, въ числѣ 10 тысячъ человекъ; ихъ отвели къ деревнѣ Семеновской, стоящей на высотѣ, близъ оврага; имъ приказано было разбирать избы, таскать бревна и помогать саперамъ устраивать шанцы.

Настала темная, непроглядная ночь; на бивагахъ обоихъ войскъ запылали безчисленные огни, метавшіе багряное зарево свое на далекое пространство; пламя, отразившееся на небѣ, какъ бы предзнамено-

вало пролитіе крови на землѣ. Часовые расхаживали взадъ и впередъ, всадники, проѣзжая съ фуражемъ, раздавали сѣно и овесъ. Вокругъ каждаго костра стояли, сидѣли и лежали отдѣльные кучки воиновъ; въ иныхъ мѣстахъ слышался стукъ отъ рубки дровъ, ломанье сараевъ и заборовъ, трескъ отъ огней и гулъ отъ разговоровъ. Во французскомъ лагерѣ, рассказывали наши плѣнные, раздавались разно-язычныя пѣсни, хохотъ, хлопанье пробокъ изъ бутылокъ и шумныя восклицанія. Нѣкоторые изъ непріятелей рѣзались даже въ штокъ; съ насмѣшкой смотрѣли они на благоговѣйную картину молебствія русскихъ,—они называли это изувѣрствомъ; мечты о славѣ и побѣдѣ замѣняли имъ молитву. Спалъ ли кто въ эту ночь!—Многимъ готовился непробудимый сонъ. Предъ раннимъ утромъ настало вѣщее затишье, костры гасли... Палатка Наполеона раскинута была позади итальянской арміи; *) безпрестанно посылалъ онъ узнавать: не уходятъ ли русскіе? Настало роковое 26-го Августа, въ которое должна была рѣшиться участь Европы; въ 5-мъ часу утра прискакалъ къ Наполеону курьеръ, посланный отъ Маршала Нея, съ извѣстіемъ, что русскіе выстраиваются уже на мѣстѣ, готовые къ бою. «Лошадь мою, лошадь!» воскликнулъ Наполеонъ, «пойдемъ отворять московскія ворота!» Окруженный своими маршалами, скоро явился онъ на высотѣ (при

*) За заднею стѣною Бородинскаго монастыря, отъ сада видѣвъ ровъ, гдѣ Наполеонъ обѣдалъ, при звукахъ батарейнаго грома.

с. Шевардинѣ). Раннее утро было холодно и пасмурно, сквозь нависшій на землю туманъ чуть видно было движеніе массы враждующихъ армій. Наполеонъ увидѣлъ, что здѣсь собраны были всѣ силы русскихъ; онъ запѣлъ вполголоса: «la victoire en chantant nous ouvre la barrière» (побѣда съ пѣніемъ открываетъ намъ путь). Наконецъ, въ половинѣ шестаго часа, вспыхнуло на востокѣ яркое солнце, знаменовавшее начало прекраснаго дня; ослѣпительно заиграло оно на мѣди пушекъ и скользило лучами своими по смертоносной стали штыковъ и ружей. Наполеонъ истощалъ всѣ способы для ободренія своего войска; «s'est le soleil d'Austerlitz!» (это Аустерлицкое солнце!) громко воскликнулъ онъ; nous en acceptons l'Augure, Sire (пріемлемъ предвѣщаніе В. В., отвѣчали ему солдаты). Послѣ этого, предъ каждымъ полкомъ его, читали слѣдующее возваніе:

«Солдаты! наступаетъ сраженіе, котораго вы такъ давно желали; непріятель, до сихъ поръ уклонявшійся отъ сраженія бѣгствомъ, наконецъ остановился и ожидаетъ боя. Побѣда зависитъ отъ васъ самихъ. Она намъ необходима. Слѣдствіемъ ея будетъ всевозможное изобиліе, хорошія зимнія квартиры и скорее возвращеніе въ отечество; помните, что вы французы. Поступайте такъ, какъ вы поступали подъ Аустерлицемъ, подъ Фриландомъ, подъ Смоленскомъ, подъ Витебскомъ—и позднѣйшее потомство будетъ твердить о вашихъ подвигахъ, оказанныхъ въ этотъ день. Объ васъ будутъ говорить: онъ былъ въ знаменитомъ сраженіи подъ стѣнами Москвы!»

«Да здравствует императоръ! Мы взяли Вѣну, Берлинъ, Мадридъ, Римъ и Неаполь—возьмемъ и Москву!» восклицали французы.

Въ этотъ день Наполеонъ былъ неузнаваемъ: то молчаливъ и задумчивъ, то вспыльчивъ и говорливъ; рука Провидѣнія тяготѣла уже надъ нимъ.... Раздался сигнальный трубный звукъ и перебаты барабаннаго боя...

Князь Кутузовъ еще съ ранней зари находился на возвышенномъ мѣстѣ, въ деревнѣ Горкахъ; обозрѣвая отсюда всю мѣстность, онъ хладнокровно разставлялъ полки свои; онъ чувствовалъ важность битвы и говорилъ начальникамъ войскъ: «Сберегайте резервы; кто ихъ сохранилъ, тотъ еще непобѣжденъ; наступать колоннами и быстро дѣйствовать штыками». Нашихъ солдатъ поставили въ боевой порядокъ, имъ прочитали краткое воззваніе Главнокомандующаго; самое важное и впечатлительное выраженіе было въ немъ: за нами Москва!

Всѣ распоряженія были уже сдѣланы, все предусмотрено и обдумано; никакому поэту и художнику не нашлось бы безопаснаго мѣста, откуда бы онъ могъ наблюдать за картиной этого сраженія. Первое французское ядро упало на то мѣсто, гдѣ Кутузовъ имѣлъ ночлегъ; это была повѣстка къ битвѣ. Войско наше, въ глубокомъ, но грозномъ безмолвіи, двинулось противъ враговъ. Икона Смоленской Богоматери въ кивотѣ стояла въ серединѣ арміи; предъ ней священники, въ полномъ облаченіи, совершали молебствіе; раздавались отрадныя напѣвы: Взбранной Воеводе побѣдительная.

Полки цѣпи, проходя мимо иконы на смертный бой, благоговѣнно крестились. Французы, со штыками на перевѣсь—перешли за рѣку Колочу и вдругъ раздался ужасный громъ изъ нѣсколькихъ сотъ огнедышащихъ французскихъ жерлъ; наши отвѣчали тѣмъ же. Пошла страшная трескотня канонады; казалось, что грома воздушные уступали мѣсто свое громамъ земнымъ; войска сшиблись—и густые клубы дыма, сквозь который прорывались снопы пламени, закутали ихъ... Огненные параболы гранатъ забороздили небо, понесся невидимый ураганъ чугуна и свинца. Столкновение противниковъ было самое ожесточенное. Очевидцы рассказываютъ, что многіе изъ сражавшихся, побросавъ свое оружіе, сбѣгались другъ съ другомъ, раздирали другъ другу рты, душили другъ друга въ тѣсныхъ объятіяхъ и вмѣстѣ падали мертвыми. Здѣсь бился востокъ со всѣмъ западомъ, здѣсь бился Наполеонъ за всю свою будущность... Артиллерія скакала по трунамъ, какъ по бревенчатой мостовой, втискивая ихъ въ землю, упитанную кровію, и все это происходило на пространствѣ одной квадратной версты. Многіе батальоны перемѣшались между собою такъ, что нельзя было различить непріятелей отъ своихъ. Люди и лошади, ужасно изуродованные, лежали въ разныхъ группахъ; раненые, куда могли, брели къ перевязкамъ, начальниковъ несли на плащахъ. Стойкость русскихъ, хотя ихъ было и меньше числомъ, нежели французовъ, остановила бѣшеные порывы враговъ; пронзаемые штыками и поражаемые картечью, воины до того сперлись, что, уми-

рая, не имѣли мѣста, гдѣ упасть на землю; ядра сталкивались между собою и отскакивали назадъ, нѣкоторыя попадали въ дула сражающихся. Чугунъ и желѣзо, пережившіе самое время, отказались служить мщенію людей, раскаленные пушки не могли выдерживать дѣйствія пороха и лопались съ трескомъ, поражая заряжавшихъ ихъ артиллеристовъ; ядра, съ визгомъ ударяясь о землю, взбрасывали вверхъ кусты и разрывали поля, какъ плугомъ; пороховые ящики взлетали на воздухъ. Крики командировъ и вопли отчаянія на 10-ти разныхъ языкахъ, смѣшивались съ пальбою и барабаннымъ боемъ. Съ обѣихъ сторонъ болѣе, нежели изъ тысячи пушекъ, сверкало пламя и гремѣлъ оглушительный громъ, отъ котораго дрожала земля на нѣскольکو верстъ; ядра залетали далеко послѣдними прыжками или катились на излетѣ, батареи переходили изъ рукъ въ руки. Чудное и ужасное зрѣлище представилось тогда: надъ лѣвымъ крыломъ нашей арміи висѣло густое облако отъ дыма огнестрѣльныхъ оружій; смѣшавшись съ парами крови, оно совершенно затмило дневной свѣтъ, солнце покрылось кровавою пеленою; передъ центромъ пылало Бородино — облитое огнемъ, а правый флангъ нашъ освѣщенъ былъ яркимъ солнцемъ. Тамъ въ одно и то же время представлялись: день, вечеръ и ночь! — Земля взмокла, напиталась кровью и почернѣла.... Канонада съ обѣихъ сторонъ продолжалась до вечера; съ наступленіемъ мрака она стала ослабѣвать — прежде у неприятелей.

По окончаніи битвы и при наступленіи вечера, при-

бавляютъ очевидцы, солнце, закатываясь въ этотъ день за горизонтъ, отбрасывало на землю самые багровые лучи, будто обмокнутые въ лужахъ крови; луна, какъ ликъ покойника, тускло освѣтила на бородинскомъ полѣ болѣе 100,000 труповъ... Около взорванныхъ зарядныхъ ящиковъ вокругъ была выжжена земля, а люди и лошади разбросаны, обгорѣлые... Обширное и вмѣстѣ тѣсное кладбище! Французы называли эту битву битвою генераловъ, *) по причинѣ множества убитыхъ высшихъ чиновъ съ обѣихъ сторонъ; наши солдаты говорили тогда: «такова была жарня и побоище, что у самаго чорта тряслась борода, лѣсъ пѣлъ и вода говорила, мы не сдвинулись съ своего мѣста ни на шагъ, гдѣ начали, тамъ и покончили». Присутствие духа и врожденная веселость не оставляли русскихъ солдатъ; они гранаты называли хлопучками, а картечь катышками: «эхъ, братъ, ногу-то отстегнули у тебя,» сказалъ одинъ раненый другому. — «Такъ что жъ такое,» отвѣчалъ безногій, поморщиваясь отъ боли; «для меня же лучше, теперь только одинъ сапогъ придется чистить. **) Безспорно, что французовъ при Бородинѣ было больше, но русскіе не уступали имъ; трофеи съ обѣихъ сторонъ были равные: не взято ни одного русскаго знамени, ни одного французскаго орла.

Подобной битвы, со времени изобрѣтенія огнестрѣльнаго оружія, не было еще въ Европѣ; какъ же не назвать ее генеральною, по множеству убитыхъ на

*) Bataille de généraux.

***) Разсказъ инвалида.

ней генераловъ съ обѣихъ сторонъ. Про геройское самоотверженіе нашего войска нечего говорить; объ немъ, хотя безмолвно, но краснорѣчиво высказываетъ памятникъ, эта каменная лѣтлонь, поставленный на Бородинскомъ полѣ. *) Здѣсь въ первый и въ послѣдній разъ былъ смертельно раненъ Князь Багратионъ; ему хотѣли отнять ногу; «оставьте», сказалъ онъ, предчувствуя свою кончину; «эта рана за Москву. Боже, спаси отечество! — Тамъ пали: молодой герой Кутайсовъ, разорванный ядромъ, когда онъ, вмѣстѣ съ Ермоловымъ, велъ въ штыки полкъ на батарею; Тучковъ, (объ немъ писали, что онъ дѣйствовалъ съ полкомъ своимъ, какъ на ученьѣ; онъ былъ убитъ въ то самое время, когда воскликнулъ полку своему: вперед!) и многіе другіе; объ нихъ, подробнѣе, какъ и объ отличившихся герояхъ, на этой битвѣ, говорить исторія на всѣхъ европейскихъ языкахъ. Нельзя пройти молчаніемъ храбрость и искусныя распоряженія въ этой битвѣ Барклая-де-Толли: потрясенный душевнымъ недугомъ отъ того, что никто не оцѣнилъ его благоразумныхъ дѣйствій, во время командованія имъ 1-ю арміею, онъ искалъ смерти; онъ являлся въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ сраженія, но не торопясь; очевидцы рассказываютъ, что онъ хладнокровно останавливался подъ сыплюю пулю, погладить свой мундиръ, понюхаетъ табаку и вдругъ, давъ своей лошади шпоры, брызнетъ на враговъ. Имена ге-

*) Тамъ сожжено было 51 тыс. убитыхъ воиновъ и 31 тысяча лошадиныхъ труповъ.

роевъ врѣзаны не на однихъ холодныхъ могильныхъ плитахъ.

Кромѣ воиновъ, при Бородинѣ явили знаки своего мужества и духовныя особы, шедшіе впереди своихъ полковъ съ крестами, подъ сыплюю пулю, подъ разрывами бомбъ и лопаньемъ гранатъ. Извѣстный, бывший врачъ Государя, Вилье, производилъ спасительныя дѣйствія свои подъ тучею летавшихъ ядеръ; онъ собственноручно сдѣлалъ, во время этого сраженія, болѣе двухъ сотъ операций. Но главный перевязочный пунктъ находился у ближней роши; тамъ стояло множество лазаретныхъ фуръ, толпы лекарей и фельдшеровъ, въ бѣлыхъ фартукахъ, обрызганныхъ кровью, съ засученными рукавами, вооруженные всѣми хирургическими инструментами, бинтами и перевязками, суетились около раненыхъ. Содрогательно было взглянуть на наваленныя кучи отнятыхъ рукъ и ногъ...

На другой день послѣ сраженія, солнце какъ будто отказалось освѣтить поразительную картину смертнаго побоища; тучи сѣрыми ключьями носились по небосклону, посыпался дождь и загудѣлъ сильный вѣтеръ. Наполеонъ, медленно, на бѣломъ, статномъ арабскомъ конѣ своемъ, Евфратѣ (подаренномъ ему персидскимъ Шахомъ), выѣхалъ осмотрѣть обширное поле сраженія, изрытое ядрами, на которомъ, въ разныхъ положеніяхъ, лежали трупы людей и лошадей. Тамъ побѣдитель кончался на побѣжденномъ, живой погребался подъ мертвымъ; тамъ видѣлись разломанные пороховые ящики, подбитые лафеты и разныя орудія, выпавшія изъ мертвыхъ рукъ; силою картечь,

расторженные перья изъ султановъ, носились по воздуху, свѣтлыя кирасы потеряли свой блескъ, закопченные порохомъ или обрызганныя кровью; раненые ползали по землѣ со стономъ, нѣкоторые, изъ состраданія, добивали другъ друга.... Между ними бродили истощенные голодомъ солдаты, отыскивая себѣ пищи въ ранцахъ убитыхъ товарищей своихъ. Замѣтно было, что вопли несчастныхъ проникли до глубины души Наполеона; онъ, приказавъ, по возможности, облегчить ихъ участь, повернулъ лошадь свою въ сторону *).

Кутузовъ, на другой день послѣ сраженія, поручилъ Барклаю сдѣлать сильный натискъ на непріятелей. Барклай готовился уже къ отчаянному подвигу, но вдругъ получилъ записку, съ приказаніемъ отступить; съ досады Барклай изорвалъ эту записку. Наполеона обвиняли нѣкоторые изъ маршаловъ его за то, что онъ не пустилъ въ дѣло старую гвардію свою и оттого не могъ одержать полной побѣды надъ рус-

*) Записки Сегюра. Наполеонъ изъ походнаго ящика своего сыпалъ ордена на сражающихся: замѣтивъ отличившихся въ сраженіи, онъ восклицалъ: «скорѣй мой ящикъ!» «Между однимъ французомъ», говорилъ онъ тогда, «лежатъ четыре свиньи», т. е. убитые иностранцы, союзники его. Въ этотъ роковой день два курьера привезли ему разныя извѣстія: одно весьма непріятное, изъ Испаніи, о томъ, что Французы потеряли тамъ сраженіе и братъ его, Иосифъ, бѣжалъ изъ Мадрида; другой вѣстникъ изъ Парижа привезъ ему письмо отъ жены его, Маріи Луизы, и портретъ сына, который велѣлъ выставить онъ предъ своею палаткою; около нея стали собираться толпы, но Наполеонъ вдругъ приказалъ убрать портретъ, сказавъ: рано еще ему показывать кровавое поле битвы».

скими. Осматривая русскихъ плѣнныхъ, Наполеонъ съ изумленіемъ спросилъ окружавшихъ его: отчего это ихъ такъ мало?»—Оттого, Государь, отвѣчали ему, что русскіе упрямы, не даются живыми. Эта битва для французовъ была побѣдою только по имени, не смотря на то, что солдаты ихъ были отборные, закаленные въ бою воины, а у русскихъ находилось много рекрутъ. Унгернъ говоритъ, что послѣ того, подходя къ Москвѣ, Неаполитанскій король, недовольный атакою конницы, которая исполнена была не съ должною быстротою, замѣтилъ это Генералу Нансути. Нансути отвѣчалъ ему: Это происходило оттого, что лошади мои не имѣютъ патріотизма; наши солдаты хорошо дерутся безъ хлѣба, но лошади не исполняютъ своей обязанности безъ овса.

Что же выигралъ Наполеонъ отъ этой битвы? Выгода Бородинскаго сраженія для французовъ была та, что послѣ нея въ Парижѣ продано было бюлетеней, содержавшихъ въ себѣ описаніе этой битвы, около 100,000 экземпляровъ въ одинъ день.

Кутузовъ произведенъ былъ за это сраженіе въ Генераль-Фельдмаршалы, и, сверхъ того, онъ получилъ 100 тысячъ рублей (а супруга его, Екатерина Пльинишна, произведена была въ Штатсъ-дамы къ Императрицѣ); прочіе начальники также получили щедрыя награды. *)

Кутузовъ отступалъ, сражаясь на каждомъ шагу, не оставляя ни пушки, ни обоза непріятелямъ и при-

*) Сѣв. Почта 1812 г.

крывая длинные ряды телѣгъ съ ранеными. Онъ берегалъ свои войска и стройно приближался къ Москвѣ: французы порывались къ ней, ожидая найти тамъ конецъ тяжелой войнѣ; Наполеонъ вполнѣ былъ увѣренъ, что подѣ Москвой будетъ еще ожесточенное сраженіе. *)

*) Шамбре говоритъ, что послѣ этого сраженія французская армія поражена была остоленіемъ (L'armée était frappée de stupeur).—Ласъ-Казасъ свидѣтельствуетъ въ своихъ запискахъ, что Наполеонъ на островѣ св. Елены отозвался о Бородинской битвѣ, что она была одною изъ тѣхъ, гдѣ выказано было много военныхъ дарованій, а приобрѣтено мало результатовъ.

Глава VI.

Москва предѣ Бородинскою битвою. Манифесты графа Ростопчина; переполюхъ въ Москвѣ. Митрополитъ Платонъ и преп. Августинъ. Казнь Верещагина.

еперь опять обратимся къ Москвѣ; взглянемъ, что происходило въ ней въ это грозное время.

Военныя донесенія Главнокомандующаго русскою арміею успокоивали Москву. До Бородинской битвы въ ней продолжало все еще идти по прежнему, (выключая того, что въ то время былъ упадокъ ассигнацій); въ барскихъ домахъ усердно танцовали экосезы, матрадуры и полонезы; въ ней преобладалъ еще тонъ старой Франціи, тонъ эмигрантовъ, псевдо-(ложныхъ) графовъ и маркизовъ, выброшенныхъ волнами революціи къ намъ въ Россію; извѣстно, что изъ плѣнныхъ, бѣглыхъ и отсталыхъ иностранцевъ, барабанщиковъ и маркитантовъ, въ 1812 году многіе поселились въ Россію, разбогатѣли и нѣкоторые изъ нихъ вышли въ большіе чины. Въ то время въ Москвѣ русская рѣчь подкрашивалась еще французскими фразами.

Въ англійскомъ и танцевальномъ клубѣ восклицали: вистъ! бостонъ! лябетъ! Гулянья были наполнены народомъ; многіе дворяне, по случаю пріѣзда Государя въ Москву, прохаживались тамъ въ мундирахъ,

а щеголи рисовались въ сѣрѣхъ шляхахъ à la Sandrillon, въ пышныхъ жабо съ батистовыми брызжками, съ хлыстиками, или съ витыми, изъ китоваго уса, тросточками, украшенными массонскими молоточками; франты щеголяли во фракахъ васильковаго, кофейнаго или бутылочнаго цвѣта, въ узкихъ панталонахъ гороховаго цвѣта, а сверхъ нихъ, въ сапогахъ съ кисточками. Дамы являлись туда въ платьяхъ съ высокой таліей, съ короткими рукавами и въ длинныхъ, по локоть, перчаткахъ, въ прическахъ à la Titus, въ погрузительныхъ шляпкахъ и въ башмакахъ à la Duroge, (извѣстный парижскій танцовщикъ, который незадолго до этого времени былъ въ Москвѣ и вскружилъ головы дамамъ всѣхъ націй. Модные романы того времени: Страстный Вертеръ, genre Troubadour, Матильда и Малекъ-Адель (изъ крестовыхъ походовъ), Бѣдная Лиза, Карамзина, Фоблазъ и Жилблазъ, Парижская дура, 1001 дурачество, мистеріи Редклифъ, чувствительные конфектные билетцы, пѣсни Нелединскаго-Мелецкаго, аріи изъ Русалки, разныя амурезныя картинки, изображенныя на махальцахъ или на веерахъ и т. п. довершали круженіе дамскихъ головокъ. Набожныя читали: Путь ко спасенію, Угрозъ Свѣтовостоковъ и т. п. Изъ гостинныхъ выбыли только лоценые, завитые и раздушенные чиновники французскаго посольства; также исчезли галантерейные лавочники изъ французскихъ магазиновъ *). Нѣкоторыя изъ дамъ,

*) Иностранцы, особенно Французы, уже около 70 лѣтъ до того времени гнѣздились въ Россіи, болѣе въ столицахъ. Еще

по общепринятому тогда обыкновенію, а многія, по внушенію добраго сердца, щипали корпию, кроили и шили перевязки для раненыхъ; въ рѣдкой комнатѣ, даже изъ парадныхъ, модная мебель желтой карельской березы не была завалена бинтами и засорена обрѣзками холста и полотна. Даже маленькія дѣти занимались этимъ. А въ дѣвичьихъ и поготово кишѣла эта работа.

Непріятель былъ еще далеко; немногимъ приходило въ голову, чтобъ онъ дерзнулъ посягнуть на Москву.

Тверской бульваръ, усаженный березками (еще при Оберъ-Полицмейстерѣ Каверинѣ (другихъ бульваровъ тогда не было), Нескучный и дворцовой сады посѣщались прилежно; московскимъ жителямъ была большая потребность въ свиданіи другъ съ другомъ: тамъ собирались кучки народа и мѣнялись политическими новостями. Нѣкоторые ударились въ богомолье, ѣзжали въ дальніе монастыри, на что очень косо посматривали простолюдины: «ишь, ударилъ громъ, и начали креститься,» говорили они. На народныхъ гуляньяхъ, у Новоспасскаго и у Андроньева монастырей, устроены были красивыя военныя палатки, вокругъ которыхъ гремѣла музыка, а внутри ихъ блестяло разное оружіе и военныя доспѣхи, уставленные пирамидами: тамъ возвышались вазы съ фруктами и на-

Посошковъ писалъ, что иноплеменики прорыли себѣ разные входы съ Россію. Шпіоны Наполеона, это невидимое войско, распространили слухъ, что Наполеонъ, идетъ не воевать съ русскими, а нестеть имъ свободу.

ходился буфетъ съ винами. Здѣсь вербовались охотники въ военную службу; повобранцевъ изъ простолюдиновъ принимали унтеръ-офицерами и обмундировывали на казенный счетъ. Посрединѣ палатки стоялъ столъ, покрытый краснымъ сукномъ, обшитомъ золотымъ галуномъ съ кистями, а на столѣ лежала книга въ пунцовомъ бархатномъ переплетѣ, съ гербомъ русской имперіи. Охотники вписывали въ эту книгу свои имена *). Механикъ и гимнастикъ Винстеръ, прибывшій изъ Або, съ акустической машиной, выставилъ ее на Тверской, въ гостиницѣ Парижъ; появилась еще новая труппа волтижоровъ, въ театрѣ играли болѣе русскія пьесы: Наталья боярская дочь, С. Глинки, Добрые солдаты, Илья Богатырь (оп. Каваса) Иванъ Сусанинъ (Шаховскаго). Сверхъ того, композиторъ Дехтеревъ написалъ тогда первую русскую Ораторію: Мининъ и Пожарскій, въ которой звуками рассказывалось то, что чувствовало русское сердце; музыка и театръ, гимны, кантаты, куплеты, пѣтыя въ честь русскихъ, служили патриотическимъ цѣлямъ, увлекали всѣхъ силою, проникавшего въ души русскихъ, настроенія.

30-го Юля объявлено было отъ театра, въ Московскихъ вѣдомостяхъ, представленіе комедіи: Модная лавка, Ив. Анд. Крылова, гдѣ живо изобразилъ онъ продѣлки французовъ обоюга пола; но вмѣсто этой пьесы сыграна была опера: Старинныя святки, въ которой, какъ въ панорамѣ, представлено было ста-

*) Воспоминанія очевидца о пребываніи Французовъ въ Москвѣ, въ 1812 году.

ринное житье-бытье Москвы, русскихъ бояръ и святочныхъ играща затворницъ боярышень. Обмѣнъ пьесъ произошелъ, по случаю полученныхъ извѣстій, объ одержанныхъ Витгенштейномъ побѣдахъ надъ французами, при Кобринѣ и при Клястицахъ. Утромъ въ этотъ день, въ Успенскомъ Соборѣ, торжественно отслуженъ былъ благодарственный молебенъ, съ колѣнопреклоненіемъ, а вечеромъ воспѣто было въ Театрѣ, въ громкомъ хорѣ пѣвчихъ и оркестрѣ музыки, съ трубами и литаврами, величаніе Царю Александру; потомъ, извѣстная, знаменитая въ то время, пѣвица, Сандунова, прибавила: Слава храброму Генералу Витгенштейну, поразившему силы вражескія! Слава храброму Кульневу, умершему за отечество! При общемъ, оглунительномъ рукоплесканіи, Сандунова должна была нѣсколько разъ повторить эти пѣвучія изрѣченія.

Въ Петербургѣ, въ это грозное время, съ большимъ удовольствіемъ смотрѣли пьесы: Пожарскій и Дмитрій Донской; когда въ послѣдней пьесѣ, вѣстникъ, вбѣгая на сцену, восклицалъ: Россія спасена!—театръ стоналъ отъ избытка душевныхъ потрясеній. Тогда особенно сочувствовали пьесѣ Висковатаго: Ополченіе, и присоединенному къ нему балету Каваса подъ названіемъ: Любовь къ Отечеству. Для публики приготовленъ былъ сюрпризъ. Славный, трагическій восьмидесятилѣтній артистъ, Иванъ Афанасьевичъ Дмитревскій, *) двадцать лѣтъ уже предъ тѣмъ време-

*) Настоящая фамилія его была Нарыковъ; когда артистъ Волкова, (при Императрицѣ Елизаветѣ) привезли изъ

немъ оставившій сцену, которой онъ былъ украше-
ніемъ, вдругъ явился на ней, предъ публикой, въ роль
престарѣлаго воина, возвѣщавшаго славу Румянцева и
Суворова, и жертвовавшего отечеству тремя медаля-
ми, блиставшими на израненной груди инвалида; тутъ
благословилъ онъ на брань и смерть внука своего
(Самойлова), возложъ трепещущую руку на голову
юноши; Дмитревскій не по заданнымъ словамъ, но
по вдохновенію души своей произнесъ живую рус-
скую рѣчь, завидуя не лѣтамъ юноши, но тому, что
онъ можетъ служить и умереть за отечество... Пу-
блика дошла до изступленія. Дмитревскій, отклани-
ваясь ей, произнесъ сквозь слёзы: «другимъ ничѣмъ
не могъ я выразить своей любви къ дорогой родинѣ
моей, какъ, собравъ слабыя силы свои, явиться предъ
вами».... Дмитревскій рыдалъ, его безъ чувствъ при-
вели домой; (на другой день утромъ онъ получилъ
драгоценный перстень отъ Государя). Въ балетѣ одно
появленіе знамени, съ надписью: «За отечество!»
также доводило зрителей до громкаго, одушевленнаго
восторга; кто плакалъ, кто кричалъ: «Браво, ура!»
кто рукоплескалъ, одни вскакивали съ мѣстъ своихъ,
другіе бросали на сцену кошельки съ деньгами, крича:
«въ пользу ополченцевъ, въ пользу раненыхъ!» Эти
представленія давали сряду нѣсколько разъ; многіе пос-

Ярославля въ Петербургъ, онъ игралъ женскую роль О с е л ь-
ды, въ піесѣ Х о р е в ь, Сумарокова. Императрица сама румявила
его и прилаживала на голову его бриліантовый уборъ: «Ты по-
хожъ на польскаго графа Дмитревскаго, сказала она ему, такъ и
называйся.»

лѣ того спѣшили въ комитетъ, записываться въ опол-
ченіе.

Въ продолженіе лѣта, проходили чрезъ Москву от-
дѣленіями башкирскіе полки, (отчасти и Калмыки) на
смоленскую дорогу, въ дѣйствующую армію, въ сво-
ихъ конусообразныхъ войлочныхъ башлыкахъ, воору-
женные стрѣлами, съ колчанами за плечами. На боль-
шихъ площадяхъ Гр. Растопчинъ дѣлалъ имъ смотръ,
при стеченіи народа, и тамъ производили они свои
военныя эволюціи. 14 Августа, въ Москвѣ, на земля-
номъ валу, противъ Спасскихъ казармъ, собралось
московское ополченіе, въ числѣ 6 тысячъ человекъ.
Туда, вмѣстѣ съ начальниками Москвы, прибылъ и
Преосв. Августинъ благословить крестноносцевъ на брань
за отечество. Народу собралось на то мѣсто со всѣхъ
концовъ Москвы. Преосв. самъ служилъ молебенъ и
совершилъ водосвятіе. Ополченіе стройными рядами
проходило мимо Архипастыря. Августинъ, окропляя
ихъ святою водою, возглашалъ: Господь силъ съ
вами! Господь побораеть по васъ! Эти слова
одушевили нашихъ крестноносцевъ; многіе прослези-
лись; народъ молился вмѣстѣ съ ними. Зрѣлище было
величественное и трогательное....

У ополченія не было еще знаменъ. Преосвященный
взялъ изъ церкви Спаса, что въ Спасской, хорухви,
одну съ изображеніемъ: Успенія Божіей Матери и Ни-
колая чудотворца, а другую съ изображеніемъ Воскре-
сенія Христова, и вручилъ ихъ ополченію. Долго, на
площади спасскихъ казармъ, тѣснились отцы и ма-

тери, благословляя своихъ сыновъ на службу за отечество.

Между тѣмъ, съ 16 Августа, начались уже отправленія казенныхъ вещей въ Казань, въ Нижній Новгородъ и во Владиміръ. Для этого опредѣлено было до 15 тыс. повозокъ. Одинъ только Сенатъ не прекращалъ своихъ дѣйствій до 29 Августа, такае Гражданская палата. Въ этоже время изъ Москвы выпроводили 2,100 челов. пожарной команды и 96 заливныхъ трубъ, на калужскую дорогу. Но Растопчинъ успокоивалъ московскихъ жителей. Онъ, дѣйствуя въ духѣ народномъ, подготавливалъ русскихъ къ войнѣ народной.

1-я афиша Ростопчина, безъ подписи его, явилась 1-го Юля, съ изображеніемъ вверху питейнаго дома, цѣловальника и Московскаго мѣщанина, Корнюшки Чихирина, который, бывъ въ ратникахъ и выпивъ лишній крючекъ на Тычкѣ, услышалъ будто Бонапартъ хочетъ идти въ Москву, разсердился, разругалъ скверными словами всѣхъ французовъ, вышелъ изъ питейнаго дома и заговорилъ, подъ орломъ, собравшемуся народу:

«Какъ! Къ намъ? милости просимъ; хоть на святкахъ на масляницѣ, да и тутъ жгутами дѣвки такъ припопнать, что спина вздуется горой. Полно демономъ то наряжаться, молитву сотворимъ, такъ до пѣтуховъ сгинешь! Сиди-ка дома, да играй въ жмурки, либо въ гулючки. Полно тебѣ фиглярить, вѣдь солдаты то твои карлики, да щеголки: ни тулупа, ни рукавицъ,

ни малахая, ни онучъ не надѣнуть. Ну гдѣ имъ русское житье-бытье вынести? Отъ капусты раздуются, отъ каши перелопаются, отъ шей задохнутся, а которые на зиму то останутся, такъ крещенскіе морозы поморятъ; будутъ у воротъ замерзать, на дворѣ околѣвать, въ сѣняхъ зазябать, въ избѣ задышаться, на печи обжигаться. Да что и говорить! Повадился кувшинъ по воду ходить, тамъ ему и голову положить. Карлъ-то Шведскій кожистѣй тебя былъ, да и чистой царской крови, да уходился подъ Полтавой, ушелъ безъ возврата. Да и при тебѣ будущихъ то мало будетъ. Побойчей твоихъ французовъ были: поляки, татары и шведы, да и тѣхъ наши такъ отподчивали, и что по сю пору кругъ Москвы круганы, какъ грибы, а подъ грибами то ихъ кости. Ну, и твоей силѣ быть въ могилѣ. Да знаешь ли, что такое наша матушка Москва? Вишь это не городъ, а царство. У тебя дома то слѣпой да хромой, старуха да рябятишки остались, а на нѣмцахъ не выѣдешь: они тебя смаху осѣдлаютъ. А на Руси что, знаешь ли ты, забубенная голова, у насъ выведено 600,000, да забритыхъ 300,000, да старыхъ рекрутъ 200,000. А все молодецъ къ молодцу; они: одному Богу вѣрують, одному Царю служатъ, однимъ крестомъ молятся, всѣ братья родные. Да коли понадобится, скажи намъ батюшка, Александръ Павловичъ: Сла христіанская, выходи!—и высыпнть безконечная, и свѣту божьяго не увидишь! Ну, переднихъ бей, пожалуй, тебѣ это по сердцу; за то остальные-то тебя доконають на вѣки вѣковъ. Ну какъ же тебѣ къ намъ

забраться? Не токмо что Ивана Великаго, да и Поклонной (горы) во снѣ не увидишь. Бѣлорусцевъ возьмемъ, да тебя въ Польшѣ и погребемъ. Ну, поминай, какъ звали! Посему и прочее разумѣвай, не наступай, не начинай, а на право кругомъ домой ступай, и знай изъ рода въ родъ, каковъ русской народъ.»—Потомъ Чихиринъ пошелъ бодро и запѣлъ: Во полѣ береза стояла, а народъ, смотря на него, говорилъ: Откуда берется! А что говорилъ дѣло, то ужъ дѣло.

Предъ этимъ временемъ писалъ Растопчинъ (26 июня) къ Аббатамъ двухъ католическихъ церквей, находившихся въ Москвѣ, напоминая имъ обязанность ихъ: внушать своимъ прихожанамъ, чтобы они вели себя скромно, «ибо,» выражался онъ: «здѣсь вамъ оказываютъ гостепрѣимство, бѣдняки ваши находятъ здѣсь изобиліе, несчастные покровъ, а бродяги свое счастье.»

Ужъ и въ окрестностяхъ Москвы начали готовить рогатины и вилы—тройчатки; тогда Растопчинъ написалъ еще афишу:

«Православные! не торопитесь оставлять бѣлокаменной; я сношусь съ Главнокомандующимъ арміею, Кутузовымъ; онъ клянется своими сѣдинами, что не допустить злодѣя—непріятеля въ нашу матушку Москову.» Дѣйствительно, отъ 21 Августа, Кутузовъ писалъ къ Растопчину:

«Разные слухи нарушаютъ спокойствіе жителей Москвы. Мы еще не имѣли генеральнаго сраженія; прошу увѣрить московскихъ жителей моими сѣдинами, что еще не было сраженія,

«тѣ бы мы не одержали поверхности надъ непріятелемъ; мы ожидаемъ съ нетерпѣніемъ минуты, «запечатлѣть кровію преданность свою къ престолу и отечеству. Всѣ движенія наши доселѣ были направлены къ спасенію первопрестольной столицы.»

Особенный, оригинальный языкъ Растопчина понятенъ, доступенъ былъ для каждаго; онъ скоро достучался до сердца русскаго человѣка и влилъ новыя силы, бодрость въ душу его: въ трудныхъ обстоятельствахъ узнается сила русскаго народа. Не смотря на то, богатые и смѣтливые люди еще въ Іюлѣ мѣсяцѣ начали укладываться и выѣзжать тайкомъ изъ Москвы. Тогда Растопчинъ, вслѣдъ за помянутой афисшей, разослалъ слѣдующую:

«Здѣсь есть слухъ и есть люди, кои ему вѣрятъ и повторяютъ, что я запретилъ выѣзжать изъ города. Если бы это было такъ, тогда на заставахъ были бы караулы, и по-нѣскольку тысячъ каретъ, колясокъ и повозокъ не выѣзжали бы во всѣ стороны; я радъ, что барыни и купеческія жены ѣдутъ изъ Москвы, для своего спокойствія; меньше страха, меньше новостей. Но нельзя похвалить мужей, братьевъ и родни ихъ, «которые, при женщинахъ, въ будущихъ, отправились безвозвратно. Если, по ихъ мнѣнію есть опасность, то непристойно, а если нѣтъ ея, то стыдно. Я жизнию отвѣчаю, что злодѣи въ Москвѣ не будутъ, и вотъ почему: въ арміяхъ нашихъ 130 т. войска славнаго, 1800 пушекъ и

«свѣтлѣйшій князь Кутузовъ, истинно Государевъ избранный воевода русскихъ силъ и надо всеми начальникъ; у него, сзади неприятеля, Генералы: «Тормасовъ и Чичаговъ, вмѣстѣ съ 85 тыс. славнаго войска; Генералъ Милорадовичъ изъ Калуги «пришелъ въ Можайскъ съ 36 т. пѣхоты, 3,800 «кавалеріи и 84 пушками пѣшей и конной артиллеріи. Графъ Марковъ чрезъ три дня придетъ «въ Можайскъ съ 24 т. нашей военной силы, а «остальные семь тысячъ вслѣдъ за нимъ. Въ Москвѣ, въ Клинну, въ Завидовѣ и въ Подольскѣ, «14 т. пѣхоты, а если мало того, для погибели «злодѣя, тогда ужъ я скажу: ну, дружина Московская, пойдемъ и мы! И выдемъ 100 т. молодцовъ, возьмемъ Иверскую Божию Матерь, да 150 «пушекъ и кончимъ дѣло всѣ вмѣстѣ. У неприятеля же своихъ и сволочи 150,000 человекъ, «кормятся они пареною рожью и лошадинымъ мясомъ. Вотъ что я думаю и вамъ объявляю, «чтобъ иные радовались, а другіе успокоились. «Прочитайте, понять можно все, а толковать нечего».

Незадолго до Бородинской битвы, привезена была въ Москву, изъ дѣйствующей арміи, икона Смоленской Божіей Матери; ее сопровождалъ тамошній Преосв. Приней и нѣкоторые изъ смоленскихъ жителей, бѣжавшіе изъ разгромленнаго города. Эту икону поставили въ Тверской-Ямской, въ церкви Василія Кесарійскаго. Августинъ отправилъ туда двоихъ Архимандритовъ, съ торжественнымъ крестнымъ ходомъ,

для встрѣчи и принятія чудотворнаго образа, который почти чрезъ 400 лѣтъ опять внесенъ былъ въ стѣны Москвы, и съ подобающимъ молебствіемъ поставленъ въ Успенскомъ Соборѣ. Эта икона перенесена была въ Москву въ 1398 г. а въ 1455 г., Іюля 28 числа, по просьбѣ смолянъ, возвращена въ ихъ городъ. (По этому случаю въ этотъ день въ Москвѣ совершается крестный ходъ изъ Успенскаго Собора въ Новодѣвичій монастырь). Въ день Бородинской битвы, когда наша церковь празднуетъ Срѣтеніе Владимірской Божіей Матери, Преосв. Августинъ, съ Архіереями: Іоною и Пафнутиемъ (грузинскими) обносили иконы Смоленской, Иверской и Владимірской Богоматери вокругъ Кремля, Китая и Бѣлаго города *).

Когда тронулся крестный ходъ отъ Срѣтенскихъ воротъ, по направленію къ арбатскѣмъ, явилось трогательное, надрывающее сердце зрѣлище: иконы понесли между рядами обозовъ, тянувшихся съ тяжело-ранеными, изъ которыхъ, кто только могъ, приподнималъ руку и съ благоговѣніемъ крестился. Зрители плакали на взрыдъ....

*) Въ Успенскомъ Соборѣ находится икона Владимірской Божіей Матери, украшенная драгоценными камнями и озаряемая неугасаемою лампадою. Предъ ней, въ часы скорби и грозящей опасности, падали ницъ наши Вел. Князья и Цари. По преданію, во время грознаго нашествія на Москву Темиръ Аксака или Тамерлана, въ 1395 г. эта икона перенесена была изъ Владиміра въ Москву; на мѣстѣ срѣтенія Ея основанъ Срѣтенскій монастырь. Въ эту же почъ Татарскому хану представилось какое то видѣніе и онъ тотчасъ приказалъ святясь своему лагерю и бѣжалъ отъ Москвы, никѣмъ же гонимъ, какъ сказано въ лѣтописи.

На другой день (27 Августа) происходило не менѣе грустное зрѣлище: по направленію отъ Кремля, къ Донскому монастырю, тянулась погребальная процесія—это были похороны Генерала Краснова, тяжело раненаго подъ Колоцкимъ монастыремъ. *)

Народъ отовсюду стекался въ Донской монастырь, гдѣ Краснова отпѣвали и схоронили подлѣ Г. Пловайскаго. (Настоятель Донскаго монастыря не принялъ денегъ, за мѣсто погребенія Краснова въ монастырѣ). Тамъ герой опочилъ подлѣ героя.

Отгремѣла Бородинская битва... Въ Москвѣ скоро, еще до полученія официального извѣстія о ней, носились уже неясные слухи объ этомъ погромѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ донеслась сюда вѣсть и объ тяжело-раненомъ Багратионѣ. Въ этотъ же день Кутузовъ сообщилъ афишей объ Бородинскомъ сраженіи, во всеобщее свѣдѣніе:

«Дрались упорно, побитыхъ съ обѣихъ сторонъ много; непріятель не выигралъ ни шагу «земли».

(Такъ онъ доносилъ и Государю). О Бородинской битвѣ говорили, какъ нѣкогда о Мамаевомъ побоищѣ. Москвитяне праздновали побѣду и торжествовали ее, особливо, когда афиши Растопчина, еще мокрая, только что снятыя съ типографскаго станка, тысячами разлетѣлись по Москвѣ. Онъ, въ этихъ дружескихъ по-

*) Генералъ Платовъ вызвалъ на войну старика Краснова. Онъ писалъ къ нему въ началѣ войны: «Именемъ дружбы и отечества зову тебя на поле ратное».

сланіяхъ къ жителямъ Москвы, дополнилъ свою афишу.

«Вчерашній день (26 Авг.) было весьма жаркое и кровопролитное сраженіе. Съ помощію «Божіею, русское войско не уступило въ немъ «врагамъ ни шагу, хотъ непріятель съ отчаяніемъ «дѣйствовалъ противъ насъ. Завтра Князь Кутузовъ, возлагая упованіе на Бога и на московскую святыню, сразится съ новыми силами, «теряя непріятели несчетная; онъ отдастъ въ приказъ, чтобъ въ нѣмъ не брать и что французамъ должно побѣдить или погибнуть. Когда онъ «еще разъ будетъ отраженъ, то всѣ злодѣи погибнуть отъ голода, огня и меча. Я посылаю «въ армію 4000 человекъ здѣшнихъ новыхъ солдатъ и на 250 пушекъ снарядовъ и провіанта. «Православные! будьте покойны; кровь нашихъ «проливается за спасеніе отечества и наша гостова, и если придетъ время, то мы поддержимъ «войско; Богъ укрѣпитъ наши силы и злодѣи «положить кости свои въ землѣ русской.»

Вотъ ужъ съ Бородинской битвы, когда московскіе жители узнали, что наши войска отступаютъ, началось въ Москвѣ большое волненіе: всѣ заведенія и фабрики перестали дѣйствовать; торги прекратились. Правительство сильно озабочено было успокоеніемъ народныхъ массъ, боялись возмущенія. Всѣхъ, говорившихъ по французски, считали за шпионовъ; тогда уже франты стали рѣже посѣщать греческія и французскія кондитерскія на Никольской и на Кузнецкомъ

мосту. и стали одѣваться попроще. Въ Москвѣ тогда было около 300 питейныхъ домовъ, герберговъ и трактировъ. Растопчинъ приказалъ Оберъ-Полцеймейстеру Ивашкину, привести ихъ въ пристойное положеніе и запираеть ихъ въ 10 часовъ по полудни.—Многіе потеряли присутствіе духа, но надѣялись, что скоро подѣ Москвой будетъ рѣшительная битва. Кромѣ афишъ Растопчина, читали, незадолго предъ этимъ вышедшую книжечку, подѣ названіемъ: Мысли вслухъ на красномъ крыльцѣ, Силы Андреевича Богатырева, гдѣ онъ, между прочимъ, говорилъ о модникахъ, приверженцахъ французовъ: *)

«Ихъ отечество на Кузнецкомъ мосту, а царство небесное въ Парижѣ. Послѣ прибавилъ онъ: «жалъ дубинки Петра перваго! взять бы ее, хоть на недѣлку изъ кунсткамеры, да выбить бы ею дурь изъ «дурь и дураковъ».

Отъ праздности народъ началъ волноваться еще болѣе. Университетъ кончилъ свои учебныя занятія; тогда посѣдрили экзаменами, чтобы скорѣе вынустить студентовъ; изъ нихъ многіе вступили въ военную службу, въ которую ретиво и охотно вписывались и семинаристы. Народъ болѣе толпился въ городѣ, около рядовъ, и на Никольской, у Казанскаго Собора, гдѣ расхватывались афиши и вывѣшены были разныя юмористическія дубочныя картины, со-

*) Въ Москвѣ находились въ то время до 30 ты. иностранцевъ; не бывъ никѣмъ оскорбляемы, они спокойно отправляли свои занятія. Правда о пожарѣ Москвы, Гр. Растопчина.

отвѣтствовавшія тогдашнему времени, напимѣръ: русскіе богатыри: Долбила и Гвоздила, казакъ съ длинной ногою, унизанной французами, старостиха Василиса, (Сычевскаго уѣзда) хворостинной гонящая партію плѣнныхъ французовъ; Изображеніе Наполеона изъ человѣческихъ костей (подражаніе нѣмецкой карриатурѣ; тамъ писали, что Наполеонъ хочетъ царствовать надъ трупами); семеро тощихъ французовъ, поднимающіе одну соломенку и т. п. Между прочими картинами, по случаю дороговизны сахара, получаемаго изъ Англии, (во время непріязненныхъ отношеній нашихъ съ нею, послѣ Тильзитскаго мира, онъ очень вздорожалъ) представлено было изображеніе двухъ особъ, пьющихъ чай, между которыми поставлена была голова сахару, на которую они только смотрѣли — это называлось: пить чай съ наглядкою.

А Растопчинъ, для успокоенія народа, все бесѣдовалъ съ нимъ, посредствомъ своихъ летучихъ посланій:

«Слава Богу, писалъ онъ все у насъ въ Москвѣ хорошо и спокойно. Хлѣбъ не дорожаетъ и «мясо дешевѣетъ. Одного всѣмъ хочется, чтобъ «злѣдья побить, — и то будетъ. Станемъ Богу «молиться, да воиновъ снаряжать, да въ армію «ихъ отправлять, а за насъ предъ Богомъ заступники: Божія Матерь и Московскіе Чудотворцы: предъ свѣтомъ — милосердый Государь «нашъ, Александръ Павловичъ; а предъ супо«статы — христолюбовое воинство; а чтобъ скорѣе

«дѣло рѣшить, Государю угодить, Россію одол-
 «жить и Наполеону насолить, то должно имѣть:
 «послушаніе, усердіе и вѣру къ словамъ началь-
 «никовъ, а они рады съ вами жить и умереть.
 «Когда дѣло дѣлать—я съ вами, на войну идти—
 «предъ вами, а отдыхать—за вами. Не бойтесь
 «ничего! нашла туча, да мы ее отдуемъ; все
 «перемелится, мука будетъ, а берегитесь одного:
 «пьяницъ да дураковъ. Они распустятъ уши, ша-
 «таются, да и другимъ въ уши врасплохъ наду-
 «ваютъ. Иной вздумаетъ, что Наполеонъ за доб-
 «ромъ идетъ, а его дѣло—кожу драть: обѣща-
 «етъ все, а выйдетъ ничего. Солдатамъ сулить
 «Фельдмаршалство, нищимъ—золотыя горы, на-
 «роду свободу: а всѣхъ ловить за виски, да въ
 «тиски—и пошлетъ на смерть: убьютъ либо тамъ,
 «либо тутъ. Для сего я и прошу, если кто изъ
 «нашихъ или изъ чужихъ станетъ его выхвалять
 «и сулить и то и другое, то, какой бы онъ ни
 «былъ—за хохоль да на съѣзжую: тотъ, кто возь-
 «метъ, тому—честь, слава и награда, а кого возь-
 «мутъ, съ тѣмъ я раздѣляюсь, хоть пяти пядей
 «будь во лбу; мнѣ на то и власть дана, и Го-
 «сударь изволилъ приказать беречь матушку Мо-
 «скву, а кому-жъ беречь мать, какъ не дѣткамъ!
 «Ей Богу, братцы, Государь на васъ, какъ на
 «Кремль надѣется, а я за васъ присягнуть готовъ.
 «Не вводите въ слово! Я вѣрный слуга царскій,
 «русскій баринъ и православный христіанинъ. Вотъ
 «моя и молитва: Господи, Царю Небесный! прод-

«ли дни благочестиваго земнаго царя нашего!
 «Продли благодать Твою на православную Россію;
 «продли мужество христіолюбиваго воинства, прод-
 «ли вѣрность и любовь къ отечеству православ-
 «наго русскаго народа! Направь стопы воиновъ
 «на гибель враговъ, просвѣти и укрѣпи ихъ си-
 «лою Животворящаго Креста, чело ихъ охраня-
 «ющая, и симъ знаменіемъ побѣдиша.»

Не смотря на то, что въ распоряженіи Растопчи-
 на оставалось только 2,800 рекрутъ, 160 полицей-
 скихъ драгунъ и пожарная команда, спокойствіе въ
 столицѣ не нарушилось до 2-го Сентября, т. е. до
 дня вступленія въ Москву французовъ. Впрочемъ бы-
 ли небольшія вспышки. Какіе то два иностранца рас-
 хаживали по рядамъ, и разговаривали по нѣмецки.
 Ихъ сочли за шпионовъ и избили; выручила ихъ по-
 лиція. Растопчинъ пришелъ въ негодованіе и издалъ
 новую афишу:

«Я знаю все, что въ Москвѣ дѣлается—писаль
 «онъ—а вчера было не хорошо и побранить васъ
 «есть за что: два нѣмца пришли деньги мѣнять,
 «а народъ ихъ катать, одинъ чуть ли не умеръ.
 «Вздумали, что это шпионы, а для этого допро-
 «сить должно—это мое дѣло! А вы знаете, что
 «я не спущу и своему брату, русскому; и что
 «за диковинка: ста человѣкамъ прибить костяна-
 «го француза или въ парикѣ окуреннаго нѣм-
 «ца. Охота руки марать! Когда думаете, что
 «шпионъ, ну, веди ко мнѣ, а не бей и не дѣлай
 «нареканія русскимъ. Войска-то французскія дол-

«жно доконать, а не шушерамъ глаза подбивать. «Сюда раненыхъ привезено; они лежатъ въ Головинскомъ дворцѣ; я ихъ смотрѣлъ, напоилъ, накормилъ и спать положилъ. Вѣдь они за васъ дрались, не оставьте ихъ, посѣтите и накормите. Вы и колодниковъ кормите, а это Государевы вѣрные слуги и наши друзья, какъ имъ не помочь!»

Въ этотъ день у Гр. Растопчина, въ Сокольникахъ, обѣдали: Князь Н. Б. Юсуповъ и Н. М. Карамзинъ. Вдругъ къ графу вводятъ какого то испитова ибмца, говоря, что это шампіонъ, т. е. шпіонъ. Графъ посмѣялся и освободилъ его. Предъ этимъ временемъ отъ графа скрылся французскій аббатъ, воспитатель дѣтей его: «туда ему и дорога», сказалъ графъ.

Очевидецъ, въ воспоминаніяхъ своихъ о пребываніи французовъ въ Москвѣ, говоритъ, что въ ней жили нѣсколько лѣтъ два француза: хлѣбникъ и поваръ. Первый имѣлъ на Тверской булочную, а второй будто бы находился у самаго Гр. Растопчина кухмистеромъ. Ихъ дѣйствительно изобличили въ шпіонствѣ и они приговорены были къ тѣлесному наказанію. Хлѣбникъ былъ маленькій, худенькій и блѣдный, но одѣтъ щеголемъ; въ цвѣтномъ фракѣ и штанахъ, въ нестерыхъ чулкахъ и башмакахъ съ пряжками. Когда его окружили конвоемъ и, въ присутствіи толпы народа, называвшаго его шелкоперомъ, повезли для наказанія, на конную, онъ смертельно испугался и началъ прежалостно восклицать: батюшки, переяславные, не пуду, не пуду! Поваръ, высокій, богатырскаго

сложенія, въ модномъ сертукѣ, въ пуховой шляпѣ и при часахъ, шелъ бодрою и твердою поступью на Болотную площадь. Вѣроятно онъ полагалъ, что никто не осмѣлится дотронуться до иностранной спины; но когда заплочный мастеръ началъ полосить ее своею плетью, то онъ такъ потерялся, что не могъ шевельнуться ни однимъ членомъ. Послѣ наказанія, его взвалили на телѣгу и повезли въ тюрьму, впредь до рѣшенія ихъ участи. Рѣшеніе судьбы подозрительныхъ иностранцевъ скоро послѣдовало, еще гораздо прежде этого происшествія, тѣмъ болѣе, что на нихъ было общее негодованіе простолюдиновъ. Растопчинъ приказалъ посадить многихъ иностранцевъ на барку и выслать на житье въ низовыя воложскія губерніи. Въ своемъ къ нимъ посланіи онъ сказалъ имъ каламбуръ: *entre dans la barque et rentrez dans vous mêmes.* (Взойдите на барки и въ самихъ себя).

Тогда уже Кузнецкій мостъ совершенно обрусѣлъ; исчезли затѣйливыя вывѣски Викторины Пешъ, Антуанеты Лапоторъ, Мадаме Шальме, Оберъ и соблазнительные магазины *a la corbeille au temple de bongout* и ресторанъ *goueux*; вмѣсто нихъ появились: Карпъ, Майковъ, Доброхотовъ, Абрамъ Григорьевъ, Иванъ Пузыревъ и другіе русскіе торговцы. *) На баркахъ отправлено было 47 якобинцевъ, съ приличнымъ увѣщаніемъ «что если

*) Известно, что еще Петръ I-й не жаловалъ французовъ и языка ихъ: «русскимъ можно учиться голландскому языку для мореплаванія, говорилъ онъ, вѣмецкому, по сосѣдству съ Германією, а французскій намъ ни къ чему не пригоденъ».

они изъ злыхъ французовъ не сдѣлаются добрыми русскими, то барки, на которыхъ они плывутъ, завезутъ ихъ куда нибудь подагбе, по владимірской дорогѣ....

Графъ Растопчинъ жилъ еще на своей Сокольничьей дачѣ. Онъ одѣвался въ полный ратническій костюмъ. Передняя его и залъ предъ кабинетомъ, наполнены были людьми разнаго званія. Съ Бородинскаго поля прѣзжали къ нему: казачій Атаманъ Платовъ, Генераль-адъютантъ Васильчиковъ, Графъ Никелай Петровичъ Панинъ, Генераль-Лейтенантъ Князь Сергѣй Николаевичъ Долгорукій, первый московскій ополченецъ Сергѣй Ник. Глинка (онъ содержалъ тогда пансіонъ, въ которомъ воспитывались дѣти богатыхъ донцовъ, въ томъ числѣ и сынъ Платова, секретарь графа, Арк. П. Руничъ, Н. М. Карамзинъ (семейство свое отправилъ онъ въ Нижній Новгородъ, Сенаторъ Юр. Ал. Меледенскій-Мелецкій, авторъ многихъ русскихъ пѣсенъ и романсовъ, домовый докторъ Графа, Шнаубертъ и пр. пр. Они приходили къ Графу прямо, безъ доклада, иные являлись запыленные, въ дорожныхъ пластьяхъ и передавали ему самыя свѣжія новости изъ армій. Нѣкоторыя изъ новостей были сомнительны, напримѣръ: слухъ носился, что будто Государь тайно пребываетъ въ Москвѣ. Уланскій полковникъ, Шульгинъ, (памятнѣй Москвѣ, послѣ бывшій въ ней Оберъ-Полицмейстеромъ), присланный къ Растопчину съ порученіями отъ В. К. Константина Павловича, рассказывалъ, что Мюратъ взятъ въ плѣнъ козаками и отправленъ съ конвоемъ въ Москву. Графъ,

улыбаясь, выслушалъ эту новость и сказалъ: «покуда Шульгинъ полонитъ у Наполеона королей, французы берутъ у насъ города; а Кутузовъ называетъ это побѣдами». (Графъ Растопчинъ не совсѣмъ ладилъ съ Кутузовымъ, особенно въ послѣднее время).

«Тамъ, въ арміи, дѣлали свое дѣло, жестоко дрались, «теперь моя очередь», говорилъ Растопчинъ; «дѣло доходить до Москвы, но Москва не Можайскъ, Москва «Россія! Все это ляжетъ на меня!»

— Но вѣдь вы одни не можете спасти столицу, замѣтили ему посѣтителю его.

— «Я буду во всемъ виноватъ», отвѣчалъ Растопчинъ; «меня станутъ проклинять, сперва барыни, а тамъ купцы, мѣщане, подьячіе, а тамъ и всѣ умники и православный народъ. Я знаю Москву»!...

Въ этотъ разговоръ вмѣшался Карамзинъ:

— «Повѣрьте, Графъ», сказалъ онъ вѣщательно, «будучи обязанъ всѣми успѣхами своими дерзости, Наполеонъ отъ дерзости и погибнетъ» *).

Раненые солдаты все прибывали въ Москву. Ввезя ихъ въ Дорогомилловскую заставу, имъ дѣлали роздыхъ на Смоленскомъ рынкѣ; тамъ лежали они на плащахъ, на шинеляхъ, на соломѣ. Московскіе жители носили туда цѣлые лотки калачей, вина, сбитню, и кто что могъ; нѣкоторые разрывали свои рубашки, дѣлали бинты, обмывали и перевязывали имъ раны. Ихъ посѣтилъ и Растопчинъ; за нимъ везли также разные припасы: «на здоровье кушайте, ребята», говорилъ онъ имъ; «это Государь вамъ жалуеть».

*) Москвитянинъ, 1843 г., № 2-й, ст. Ал. Булгакова.

Раненыхъ ввозили въ другія заставы, на телѣгахъ, устланныхъ сѣномъ. Медленно тянулись съ ними повозки, по Тверской. Легко раненые шли пѣшкомъ, возлѣ телѣгъ. Народъ толпился около ихъ, угощалъ ихъ водкою; купцы давали имъ деньги, спрашивали ихъ о Бородинской битвѣ. Главнымъ пристанищемъ для тяжелораненыхъ былъ Лефортовскій дворецъ. Тамъ происходило поразительное зрѣлищѣ: при видѣ навалки полуживыхъ страдальцевъ, стонающихъ въ предсмертныхъ страданіяхъ, Преосв. Августинъ, для успокоенія послѣднихъ минутъ жизни ихъ, отправилъ къ нимъ съ духовенствомъ иконы Иверской и Смоленской Божіей Матери. Съ умиленіемъ, слезами и восторгомъ втрѣтили войны святыню. Стоны ихъ замолкли. Собравъ остатки силъ своихъ, приподнялись они съ страдальческаго ложа своего; кто двигался на костыляхъ, кто, во время молебнаго пѣнія, подпалзывалъ ближе къ иконамъ, чтобы приложиться къ нимъ или окропиться св. водою. *)

За нѣсколько дней, до вступленія неприятелей въ Москву, прибылъ въ нее изъ Виѣаніи старецъ, Митрополитъ Платонъ, какъ бы желая проститься съ нею. Въ угасающемъ сердцѣ его теплилась еще горячая искра любви къ столицѣ и къ частвѣ своей. Онъ предсказалъ, что кроткая вѣра сразитъ внезапно главу кровожаждущей гордыни. Слухи носились, что онъ хотѣлъ ѣхать на Бородинское поле или на Поклонную гору, чтобъ благословеніемъ своимъ одуше-

*) Очерки жизни Преосв. Августина, Пв. М. Снегирева.

вить воинство къ битвѣ за Москву. Приѣхавъ въ Чудовъ монастырь, онъ сѣлъ въ кресла, на входномъ крыльцѣ, опираясь на жезлъ свой, въ простомъ поряскѣ и въ бѣлой вязанной шапочкѣ на головѣ; долго, долго, съ выступавшими слезами на глазахъ, задумчиво смотрѣлъ Архипастырь на Кремль. Это было безмолвное прощаніе его съ Москвою. Народъ толпился около него, подходя къ нему за благословеніемъ; осѣняя его крестнымъ знаменіемъ, онъ произносилъ: простите, простите, спаси васъ Господи! Спокойно хотѣлъ онъ ожидать въ Москвѣ неприятелей; Августинъ едва уговорилъ его удалиться въ Виѣанію *).

Въ народѣ пошла молва, что все смоленское предмѣстіе, до Дорогомиловской заставы, будетъ выжжено и на этомъ мѣстѣ устроятся батареи, для защиты Москвы. Многіе московскіе жители спѣшили вооружиться. Прежде въ городѣ, въ рядахъ, сабля и шпага продавались по 6 руб., ружье отъ 11 до 15 руб. (ассигн.); но когда настало большое требованіе на оружіе, тогда оно значительно вздорожало. Еще съ тѣхъ поръ, когда объявлено было о сформированіи ополченія, нѣкоторые цѣховые мастера также наложили цѣны на свои товары. Вслѣдствіе этого, Гр. Растопчинъ сдѣлалъ слѣдующую публикацію въ газетахъ:

*) Зареву Московскаго пожара видно было и въ Виѣаніи; приближенные къ Платону почти насильно увезли его оттуда въ Махру. «Вотъ до чего я дожилъ!» говорилъ онъ тамъ. Господи! придоша языцы, и оскверниша достоиніе Твое. (Очерки жизни Митр. Платона).

«Дабы остановить преступное лихоимство московскихъ купцовъ, которые беругъ непомѣрную цѣну за оружіе, необходимое для вступившихъ въ ополченіе, противъ врага, я приказалъ открыть цейхгаузъ, въ которомъ будетъ продаваться всякое оружіе дешевою цѣною».

Вскорѣ за этою публикаціей онъ издалъ еще афишу:

«Многіе изъ жителей желаютъ вооружаться, а оружія тысячъ на десять есть въ арсеналѣ, которое куплено дешево на Макарьевской ярмаркѣ. Всякое утро желающіе могутъ покупать въ арсеналѣ ружья, пистолеты и сабли; цѣны тутъ означены. *)

«За это скажутъ мнѣ спасибо, а осердятся одни изъ оружейнаго ряда; но воля ихъ, Богъ ихъ проститъ!»

Развязка кровавой драмѣ была уже близка. Авангардъ нашей отступающей арміи находился уже въ предмѣстіяхъ столицы; этого скрыть было нельзя. Графъ Раstopчинъ ободрялъ жителей Москвы тѣмъ,

*) Ружье и карабинъ стали продаваться по 2 руб., сабля по 1 р. ассигн. Но это оружіе было очень дурно, ружья безъ замковъ, стволы согнутые или измятые, сабли безъ эфесовъ, клинки зазубрены, а что было получше, то скупили оружейные торговцы. Описаніе происшествій въ Москвѣ въ 1812 г., Бестужева-Рюмина. 1700 починенныхъ ружей въ арсеналѣ было отдано московскому ополченію, 94 шести-фунтоваго калибра пушки были отправлены въ Нижній Новгородъ. Въ арсеналѣ остались неприятелю только 6 разорванныхъ пушекъ, безъ лафетовъ, и 2 гаубицы. Правда о пожарѣ Москвы Гр. Раstopчина.

что враговъ безъ битвы въ нея не пустятъ. Остальное оружіе раздавали уже даромъ, скоро стало недовоставать его; Раstopчинъ объявилъ:

«Жители еще требуютъ оружія—и оно готово; но я имъ вручу его наканунѣ того дня, который долженъ рѣшить участь Москвы. Если Провидѣніе опредѣлило Наполеону въ нее войти—онъ не найдетъ въ ней ничего, для удовлетворенія своего корыстолюбія. Деньги будутъ вывезены, вещи зарыты, армія и Москва соединятся воедино, для спасенія Россіи».

Народъ слушалъ назидательныя проповѣди Преосв. Августина и съ жадностію читалъ двусмысленныя афиши Раstopчина. Между тѣмъ прошелъ слухъ, что какой-то иностранецъ, Смитъ, предложилъ Раstopчину устроить большой огненный шаръ, могущій вмѣстѣ въ себя до 50 человѣкъ; что онъ вооружится огнестрѣльнымъ оружіемъ, наполнится солдатами и, поднявшись надъ неприятелями, осыплетъ ихъ громами и молніями; что этотъ шаръ уже готовится въ селѣ Вороновѣ, за 6 верстъ отъ Москвы. (Этотъ шаръ не полетѣлъ будто бы отъ вѣтренной погоды). Народъ вѣрилъ всему этому и волновался, особенно когда Раstopчинъ увлекъ его новою афишею:

«Здѣсь мнѣ поручено было отъ Государя сдѣлать большой шаръ, (писалъ онъ), на которомъ 50 челов. полетятъ куда захотятъ, и по вѣтру, и противъ вѣтра, а что отъ него будетъ, узнаете и порадуетесь; если погода будетъ хороша, то завтра или послѣ завтра ко мнѣ привезутъ

«маленькій шаръ, для пробы. Я вамъ объявляю, чтобъ вы, увидя его, не подумали, это отъ злодѣя, а онъ сдѣланъ къ его вреду и гибели. Ген. Платовъ, по приказанію Государя, и думая, что Его Императорское Величество уже въ Москвѣ, пріѣхалъ сюда прямо ко мнѣ и ѣдетъ послѣ объѣда обратно въ армію и послѣдетъ къ багратиону, чтобъ тамъ пѣть благодарный молебенъ: «Тебя Бога хвалимъ.»

Тогда многіе богатые люди содержали на свой счетъ конныхъ гонцовъ, которые безпрестанно скакали по Смоленской дорогѣ взадъ и впередъ, съ увѣдомленіемъ о движеніи непріятелей. День ото дня, часъ отъ часу, Москва все пустѣла и пустѣла; тогда говорили: Москва выходитъ изъ Москвы; Москва въ походъ пошла. Нѣкоторые отправляли свой багажъ на баркахъ въ Нижній и въ Казань. Лошади и повозки немовѣрно вздорожали; бѣдные уносили на себѣ свое имущество, а громоздкія вещи упрятывали въ секретныя мѣста, цѣнные закапывали въ землю, въ садахъ, на дворахъ, на огородахъ, или замуравливали ихъ въ каменныя стѣны. Иные нарочно разбивали и ломали дорогія вещи, музыкальные инструменты, зеркала, посуду, чтобъ не доставалось врагамъ. Сперва ставили въ ямы сундики, потомъ перины и подушки, чтобы остріе непріятельскихъ оружій упиралось во чтонибудь мягкое, потомъ наваливали на все это землю и щепы и накидывали дрова. Дѣти туда же, на сохраненіе, бросали свои игрушки: кубари, кнутики и проч. Иные имущество свое хоронили ночью, чтобъ не ви-

дѣли сосѣди. Лавки постепенно запирались, одна за другой, или стояли настежъ, опустѣлыя. Два за два, до вступленія непріятелей въ Москву, и полиція съ пожарными инструментами выбыла изъ столицы. Оставались только: старые, больные, немощіе и т. п. изъ простонародія, которые вполнѣ были увѣрены, что московскіе чудотворцы не допустятъ враговъ въ богоспасаемую Москву. Были и такіе, которые не боялись французовъ: «и бабы бьютъ ледащихъ басурмановъ, какъ поросятъ, такъ какъ же намъ не постоять за себя и за домъ Божій», говорили они, потрясая своимъ разнообразнымъ оружіемъ. Были и такіе, которые радовались прибытію французовъ въ Москву...

Растопчинъ, по совѣщаніи съ Преосв. Августиномъ, собирався идти на три горы съ крестнымъ ходомъ, для благословенія войска и народа къ упорной битвѣ. Неумолимый Главнокомандующій призывалъ Москвичей именемъ Божіей Матери дать врагамъ отпоръ отъ столицы:

«Вооружитесь, кто чѣмъ можетъ», писалъ онъ, «конные и пѣшіе; возьмите только на три дня «хлѣба, идите со крестомъ, возьмите хоругви изъ «церквей, и съ симъ знаменіемъ собирайтесь тотчасъ на трехъ горахъ; я буду съ вами—и вмѣстѣ истребимъ злодѣя».

Растопчинъ 30 Августа ѣздилъ на Поклонную гору, (видѣлся тамъ съ Кутузовымъ), долго разговаривалъ съ нимъ и остался въ полной увѣренности, что Москва безъ боя не отдастся врагамъ. День 30 Августа извѣстенъ Москвѣ и всей Россіи. Это день

тезоименитства Государя; въ благородномъ собраніи давался еще балъ-маскарадъ, но публики было немного, особенно изъ высшаго класса. Музыка гремѣла, залы сверкали огнями, но танцы шли вяло; не то было на умѣ у всѣхъ, и потому всѣ скоро разѣхались. Въ этотъ же день на арбатскомъ театрѣ давали драму: Наталья боярская дочь, въ которой важную роль игралъ пожаръ. Этого же числа, вечеромъ, появилась въ Москвѣ новая ободрительная и успокоительная афиша Растопчина, въ которой онъ, между прочимъ, говорилъ:

«Свѣтлѣйшій увѣряетъ, что онъ будетъ защищать Москву до послѣдней капли крови, и готовъ хоть въ улицахъ драться. Вы, братцы, не смотрите на то, что присутственныя мѣста закрыты; дѣла прибирать надобно, а мы своимъ судомъ съ злодѣемъ разберемся. Когда до чего дойдетъ, мнѣ надобно молодежь, городскихъ и деревенскихъ. Я кличъ кликну дня за два, а теперь не надо, я и молчу. Хорошо съ топоромъ, не дурно съ рогатиной, а всего лучше вилы-тройчатки: французъ не тяжеле снопа ржаного. Завтра, послѣ обѣда, я поднимаю Иверскую Богоматерь въ госпиталь къ раненымъ. (Къ вновь прибывшимъ. Тогда ежеминутно тащились по Москвѣ рогожаныя кибитки съ ранеными). Тамъ воду освятимъ; они скорѣе выздоровѣютъ, и я теперь здоровъ. У меня болѣлъ глазъ, а теперь смотрю въ оба» *).

*) Наканунѣ занятія Москвы, болѣе 16 тыс. раненыхъ от-

Тогда и многіе разсуждали, что если потеря войска подъ Бородиномъ ослабила нашу армію, то народное возстаніе въ Москвѣ значительно наполнило бы ее, и, при видѣ московскихъ храмовъ, при всемѣстномъ, дружномъ звонѣ стоустыхъ колоколовъ, русскіе удвоили бы свое мужество. Растопчинъ и къ Государю писалъ:

«Москва и армія соединятся для спасенія Россіи.»

Онъ, за нѣсколько времени подъ этимъ, писалъ и къ Кутузову:

«Если вы станете драться подъ Москвою, я выду къ вамъ со ста тысячами жителей. Въ случаѣ же неудачи, я оставлю врагамъ одинъ пепель Москвы.»

Только 31 Авг. Растопчинъ переѣхалъ изъ Сокольниковъ въ свой московскій домъ, на Лубянку. Въ это время, близъ Поклонной горы, дѣлались укрѣпленія. Войска наши стояли уже у Дорогомиловской заставы. Народъ валилъ толпами на три горы съ пиками, вилами, топорами, рогатинами и долго все ожидалъ тамъ Растопчина, но тщетно; съ досадой и уныніемъ разошлись всѣ. Преосв. Августинъ, съ мѣста своего жительства, изъ Савинскаго подворья, также неоднократно посылалъ къ Главнокомандующему навѣдать-

правлено было на 4 тыс. подводъ въ Коломну, а оттуда, Окюю, на большихъ крытыхъ баркахъ, въ рязанскую губернію, гдѣ устроены были для нихъ большіе госпитали; нѣкоторыхъ не могли и не успѣли увезти; изъ нихъ многіе, во время пребыванія французовъ въ Москвѣ, помѣщались въ Шереметевской больницѣ.

ся: когда онъ назначить крестный ходъ на три горы; но Графъ отвѣчалъ ему уклончиво. Осторожный Кутузовъ, рѣшивъ въ мысляхъ своихъ отдать Москву французамъ безъ боя, не могъ объявить объ томъ безъ приговора военнаго совѣта. 1-го Сентября, въ Воскресенье, въ день Симеона Лѣтопроводца, (прежній нашъ новый годъ—новолѣтіе) Преосв. Августинъ служилъ еще въ Успенскомъ Соборѣ обѣдню и молебень о пріятномъ лѣтѣ Господнемъ. Послѣ всѣхъ колѣнопреклонились, моля Бога о низложеніи врага и супостата и о спасеніи Москвы. Задушевна и трогательна была эта горячая молитва, сопровождаемая слезами и рыданиями. Тогда многіе напутствовали себя, какъ на смерть, приобщеніемъ Св. Таинъ. Окончивъ Литургію и складывая антимишь, Преосвященный воскликнулъ: скоро-ли Богъ удостоитъ насъ служить въ семъ храмѣ!

Когда онъ возвратился домой, народъ толпился уже у его подворья, ожидая крестнаго хода на три горы; но ворота подворья были заперты, и, на всякій случай, ему готовили лошадей, къ выѣзду изъ Москвы. Патриаршую ризницу Преосвященный отправилъ уже въ Вологду, съ рукописями, съ драгоценностями всѣхъ соборовъ и нѣкоторыхъ монастырей, также нужнѣйшія дѣла консисторіи, на 600 подводяхъ, съ заиконспасскимъ Архимандритомъ Семеономъ; но убирать утварь въ приходскихъ церквахъ не было настоящаго предписанія, чтобы не привести въ смятеніе народъ.

Перваго же Сентября, вечеромъ, когда уже стало смеркаться, съ берега Москвы рѣки, у Дорогомиллов-

скаго моста, видно было, какъ освѣтились биваки нашей арміи, расположенной у Поклонной горы; тамъ толпился народъ смотрѣть на плѣнныхъ французовъ, взятыхъ въ бородинскомъ сраженіи. Версты за три отъ столицы, изъ непріятельскаго лагеря, слышны были выстрѣлы и музыка; гдѣ то били вечернюю зорю. А Растопчинъ морочилъ еще легковѣрныхъ; наканунѣ этого дня онъ писалъ въ афишѣ своей:

«Я завтра рано ѣду къ Свѣтлѣйшему князю, «чтобъ съ нимъ переговорить, дѣйствовать и по- «могать войскамъ истреблять злодѣевъ; станемъ «и мы изъ нихъ духъ искоренять и этихъ го- «стей къ черту отправлять. Я пріѣду назадъ къ «обѣду и примемся за дѣло, додѣлаемъ и зло- «дѣевъ отдѣлаемъ».

Посылая народъ на три горы, онъ писалъ еще:

«Братцы, сила наша многочисленная и готова «положить животь, защищая отечество; не вну- «стимъ злодѣя въ Москву; должно и намъ свое «дѣло сдѣлать. Грѣхъ тяжелый своихъ выдавать. «Москва наша мать; она насъ поила, кормила и «богатила. Собирайтесь на трехъ горахъ; Слава «въ вышнихъ Богу—кто не отстанетъ, вѣчная «память—кто мертвый ляжетъ; горе на страш- «номъ судѣ—кто отговариваться станетъ!»

Послѣдняя афиша произвела страшную сумятицу и волненіе въ народѣ. Остальная полиція тихомолкомъ стала удаляться изъ Москвы. Замѣчательно, что въ это время Оберъ-Полицмейстеръ, П. А. Ивашкинъ, строилъ большой деревянный домъ подъ Новинскомъ.

Полицмейстерами тогда были: Ал. Ал. Волковъ, Ег. Ал. Дурасовъ и Брокеръ). Чернь просто взбунтовалась; скромные и робкіе жители заперлись въ домахъ своихъ и только лишь украдкой выглядывали на улицу. Въ нѣкоторыхъ домахъ служили напутственные молебны. Изъ ямы и острога выпустили колодниковъ; съ полуобритыми головами, звѣрскаго вида, бросились они разбивать кабаки, погребки, трактиры, герберги и просто грабить кого и что попало; нѣкоторые расхищали оставшіяся хлѣбъ въ коммерсіатѣ. Вооружившись ножами, топорами, дубинами, кистенями, они бѣгали по улицамъ и, останавливая прохожихъ, неистово кричали: «гдѣ французы! гдѣ басурманы! давай ихъ сюда! Не давай имъ пардону; бей, колн, руби, рѣжь!» Разбивъ питейную контору на Поварской, они выбили у винныхъ бочекъ дно, втулки и краны, и чего не могли вышить, разливали по землѣ. Волны вина хлестали по улицамъ... Повсюду слышался шумъ, вопль, охриплыя восклицанія, битье и хрустенье стеколъ подъ ногами; къ этому присоединился еще вой собакъ, отыскивавшихъ своихъ хозяевъ. Это неистовство продолжалось во всю ночь, на второе сентября, послѣднюю ночь свободной Москвы... Военный караулъ стоялъ еще на гаубтвахтахъ—(его сняли только 2-го сентября, утромъ.)

Между тѣмъ, въ это время, рѣшилась судьба Москвы. На крутой горѣ, близъ Можайской дороги, въ деревнѣ Филяхъ, стоялъ одинокой домикъ, (недавно сгорѣлый,) съ красными окошками, обнесенный валомъ и неглубокимъ рвомъ. Онъ находился въ одной

верстѣ отъ села Покровскаго, (теперь Фили переведены ближе, къ усадьбѣ Кунцеву, Нарышкиныхъ). Тамъ, въ этомъ домикѣ, происходилъ роковой военный совѣтъ, на которомъ присутствовали: Фельдмаршалъ Кутузовъ, Генералы: Барклай, Дохтуровъ, Уваровъ, Остерманъ, Раевскій, Ермоловъ, Коновницынъ и другіе. Тамъ, послѣ долговременныхъ преній, рѣшено было отдать Москву французамъ, безъ боя, особенно когда Кутузовъ сказалъ, что потеря Москвы не есть еще потеря Россіи *).

Уже вечеромъ, 1-го сентября, прискакалъ къ Главнокомандующему курьеръ отъ Кн. Кутузова, съ увѣдомленіемъ, что Москва безъ боя отдается неприятелю. Растопчинъ хоть и давно догадывался о намѣреніи Кутузова, но былъ пораженъ этимъ извѣстіемъ. Ему было неприятно, что его не пригласили на совѣщаніе, происходившее на Филяхъ. Опасность была въ виду, ближнія села и деревни, вокругъ Москвы, уже пылали, неприятельскія полчища двигались уже по направлению къ Москвѣ. Растопчинъ тотчасъ послалъ слѣдующее донесеніе къ Государю».

«Князь Кутузовъ прислалъ ко мнѣ письмо, въ коемъ требуетъ отъ меня полицейскихъ офицеровъ, для сопровожденія арміи на рязанскую дорогу. Онъ говоритъ, что съ сожалѣніемъ остав-

*) На голыхъ стѣнахъ этого домика висѣли портреты героев 1812 г. на столѣ стояла чернильница и книга для вписыванія именъ любопытныхъ посѣтителей. Въ немъ, въ 1826 г., останавливался Великій Князь Константинъ Павловичъ, проѣздомъ въ Москву, на коронацію своего брата, Николая Павловича.

«ляетъ Москву, Государь! поступокъ Кутузова рѣ-
 «шаетъ жребій столицы и Вашей имперіи. Россія
 «содрогнется отъ уступленія города, гдѣ сосредото-
 «чивается величіе ея, гдѣ прахъ вашихъ пред-
 «ковъ.. Я послѣдую за арміею. Я все вывезъ,
 «мнѣ остается только плакать объ участи моего
 «отечества!..»

Глава VII.

Бѣгство Московскихъ жителей изъ Москвы. Неприятель предъ
 Москвою; вступленіе ихъ въ Москву. Пожары; грабежи.

 В поздній, темный, осенній вечеръ пріѣхалъ къ
 Преосв. Августину чиновникъ отъ Гражданскаго
 Губернатора, Обрѣзкова, съ извѣстіемъ, что неприя-
 тель уже предъ Москвою и что Губернаторъ, предъ
 выѣздомъ своимъ, проситъ себѣ у Преосвященнаго
 благословенія. Это поразило и Пр. Августина, онъ на-
 чаль спѣшно собираться къ выѣзду изъ Москвы.

Наконецъ и Гр. Растончинъ, ровно въ полночь,
 увѣдомилъ его офиціально объ этомъ же и назначилъ
 ему безопасный путь на Владиміръ, съ иконами: Вла-
 димірскою, Иверскою и Смоленскою. Уже ночью, на-
 скоро, распорядился Преосвященный: Св. иконы до-
 ставлены были къ нему въ крытыхъ экипажахъ, и
 онъ, среди мрака, освѣщеннаго только заревомъ по-
 жаровъ, втихомолку отправился съ иконами въ дале-
 кій путь....

Наступило 2-е Сентября (понедѣльникъ, тяжелый
 день). Утро было тихое, безоблачное, улыбчивое; ве-
 ликолѣбно сіяло солнце надъ позлащенными крестами
 и куполами московскихъ храмовъ. Природа не при-
 нимала участія въ распрѣ людей. Съ ранней зари
 этого утра народныя толпы толклись уже на дворѣ до-

ма Главнокомандующаго (нынѣ Г. Шипова, тогда дворъ его не былъ еще такъ тѣсно застроенъ флигелями). Въ этотъ же день Правителемъ канцелярїи его, А. П. Руничемъ, раздавалась послѣдняя афиша Графа. Народъ громко требовалъ, чтобъ Главнокомандующій велъ его на три горы: «что же это насъ все обманываютъ» роптали и восклицали хмѣльные и неистовые, «Французъ ужъ подь Москвою, говорятъ вся Европія идетъ на насъ, а мы резонту не дождемся, толку не добьемся; въ печатныхъ граматкахъ всѣхъ православныхъ призываютъ именемъ Бога къ защитѣ Москвы, а насъ не ведутъ на супостатовъ!» На этотъ громкій, угрожающій зовъ, Растопчинъ долженъ былъ показаться народу. Онъ вышелъ на крыльцо и сказалъ: «погодите, братцы, дайте мнѣ сперва управиться съ измѣнникомъ!» Тутъ представили ему, долго содержавшагося во временной тюрьмѣ (въ ямѣ,) несчастнаго, блѣднаго, изнеможеннаго, двадцатилѣтняго Верещагина, сына пивовара). *) Онъ былъ одѣтъ по купеческому: въ тулупѣ на лисьемъ мѣху. Растопчинъ взялъ его за руку и воскликнулъ, обращаясь къ народу: «вотъ измѣнникъ! вотъ отъ кого погибаетъ Москва!» Верещагинъ только что успѣлъ проговорить: «грѣхъ вамъ будетъ, Ваше Сїятельство!..»—Растопчинъ махнулъ рукою, и, стоявшій подлѣ Верещагина, ординарецъ Графа, Бурдаевъ (онъ послѣ былъ квартальнымъ надзирателемъ въ Москвѣ), ударилъ его саблею въ лицо. Несчастный упалъ, испуская стоны... Народъ съ остервенѣніемъ накинудся на него, началъ его добивать,

*) Домъ его находился на Покровскомъ бульварѣ.

терзать и трупомъ его мести улицы, по направленію отъ Лубянки къ Никольской, а Растопчинъ, воспользуясь этимъ смятеніемъ, сошелъ съ крыльца, и въ заднія ворота дома своего выѣхалъ изъ Москвы, на дрожкахъ, въ серпуховскую заставу. Долго трупъ Верещагина, обезображенный, валялся на Тверской, на углу Чернышевскаго переулка *).

Безъ Главнокомандующаго и безъ прочихъ правительственныхъ лицъ, Москва еще болѣе осиротѣла; вотъ появился авангардъ отступающей нашей арміи; онъ выступалъ тихимъ, похороннымъ маршемъ; съ унылымъ видомъ, въ глубокомъ молчаніи; сперва шли ряды пѣхоты и кавалерїи, за ними тянулись фуры, госпитальные повозки; барабаны звучали, мостовая грохотала подь грузными экипажами. Нѣкоторые купцы растворили свои лавки и зазывали солдатъ на даровое угощеніе.—У кабаковъ бушевали толпы народа и отсталые солдаты. Грабители, расхищая чужое имущество, шли, обремененные ношами. Оставшіеся жители Москвы робко спрашивали: «куда вы идете?» «Въ обходъ», коротко отвѣчали имъ.—«Не наше дѣло,

*) Почти одновременно съ Верещагинымъ арестованъ былъ престарѣлый Почтъ-Директоръ, Федоръ Петровичъ Ключаревъ, по мнѣнію Бестужева-Рюмина, личный врагъ Графа Растопчина. Его арестовалъ бывший его подчиненный, служившій въ Почтамтѣ экзекуторомъ, 3-й Полицмейстеръ Брокеръ, съ давнихъ лѣтъ приверженный къ Графу, и когда этотъ послѣдній утвержденъ былъ Главнокомандующимъ въ Москвѣ, онъ взялъ Брокера къ себѣ на службу и переименовалъ его въ военный чинъ. Ключерова обвиняли въ связи съ Верещагинымъ и сослали въ Воронежъ, а имѣніе его было расхищено.

про то вѣдаютъ командиры,» нехотя говорили другіе. Дворники, оставленные караулить господскіе дома, стояли у воротъ въ раздумьѣ, а нѣкоторые, подпившіе изъ нихъ, принимали грозныя мѣры къ оборонѣ жилищъ своихъ хозяевъ. Еще не все колокольни были заперты и не все веревки обрѣзаны у колоколовъ, (въ видахъ предосторожности); кое-гдѣ слышался благовѣсть къ обѣднямъ, кое-гдѣ встрѣчались священники съ Св. Дарами. Иные изъ нихъ, въ полномъ облаченіи, стояли на папертяхъ церквей и благословляли проходившее мимо ихъ войско *). Это было какое-то унылое торжество, какой-то нерадостный праздникъ **). Бѣдные Москвитяне толклись взадъ и впередъ въ недоумѣніи и въ испугѣ: «войско насъ покидаетъ!» восклицали они, «пойдемъ и мы съ ними. Многіе примкнули къ рядамъ арміи—и все это перемѣшалось, повозки стѣснились, зацѣплялись осями одна за другую. Покинутыхъ экипажей оставалось много въ Москвѣ, на произволь всякаго, но некъмъ было ихъ вывозить, лошадей не доставало. Неимуціе, преклонныхъ лѣтъ старики, едва передвигая ноги, шли, окруженные своимъ семействомъ; матери несли

*) Многіе священники, съ дозволенія Преосвященнаго, выѣхали изъ Москвы, а нѣкоторые остались при своей паствѣ.

***) Предъ 1812 г. были отмѣнены нѣкоторые двенадцатые праздники, (такъ-какъ и въ наше время, предъ крымской войной). Тогда вышла поговорка: Архіерей Амвросіи (Петербургскій) праздники отбросилъ. По окончаніи отечественной войны, отмѣненные праздники опять были восстановлены. Это помнятъ старожилы.

на рукахъ грудныхъ младенцевъ, и, сверхъ того, вели еще за собой малолѣтокъ. Нѣкоторые потеряли въ толпѣ своихъ дѣтей, и съ плачемъ бросались во все стороны отыскивать ихъ. Больныхъ тащили на плечахъ. Нѣкоторые ѣхали верхами съ большими узлами, по сторонамъ сѣдла. Иные влеклись съ котомками за спиной, а другіе, въ противоположность имъ, неслись въ каретахъ, на лихихъ четверкахъ или двигались въ разныхъ объемистыхъ повозкахъ, загроможденныхъ, набитыхъ перинами, подушками, баулами, сундуками, чемоданами, картонами, картинами, статуями, влѣтками съ попугаями, обезьянами на цѣпочкахъ, музыкальными инструментами, фаворитными собаками и даже курятниками. Иныя изъ женщинъ были разряжены, одѣты въ нѣсколько платьевъ, чтобъ лучше сохранить ихъ на себѣ; это была уже драма—комедія. За иными гнали коровъ, овецъ, козъ и бѣжали охотничьи собаки; полное хозяйство. Это было уже нѣчто въ родѣ патриархальнаго переселенія народовъ; здѣсь не доставало только верблюдовъ и драматеровъ.—Такъ какъ церкви, мимо которыхъ проходило войско, были отперты, то нѣкоторые изъ солдатъ, оставляя свои ряды, входили въ нихъ и усердно молились; народъ, простершись на помостахъ, вслухъ читалъ свои молитвы; многіе плакали, били земные поклоны и рыдали. Все московскіе жители ясно видѣли, что имъ уже не будетъ защиты: приходится разставаться съ роднымъ гнѣздомъ или схорониться подъ его развалинами. Армія имѣла направленіе на рязанскую дорогу; пронесся слухъ, что она пойдетъ въ обходъ

на Звенигородку, чтобъ ударить въ тылъ непріятелямъ: «да нѣтъ, братцы, насъ морочать, дѣло-то нечисто,» говорили солдаты; «сами-то мы, пожалуй, уцѣлѣемъ, а Москву отдадимъ». Проходя чрезъ Кремль, нѣкоторые начальники командовали своимъ отрядамъ! «стой! кивера долой, молитесь!» Многие колѣнопреклонялись и, предъ глазами ихъ, полными слезъ, блѣднѣли золотыя маковки храмовъ; даже магометане - солдаты, проходя чрезъ Москву, утирали глаза и всхлипывали. Извѣстный партизанъ, Фигнеръ, будучи набоженъ, всегда носилъ подъ мундиромъ образъ Св: Николая. Фигнеръ также молился въ одной церкви; мундиръ носилъ онъ изъ толстаго солдатскаго сукна и былъ нечесанъ и не бритъ; дячекъ принялъ его за простаго солдата и подаль ему гривну мѣдью, сказавъ: «служивый! пріими малую толику;» Фигнеръ подаль ему серебряный рубль, сказавъ: «на, пріими большую толику.» Замѣчательно, что предъ этимъ временемъ, на шпилѣ у сухаревой башни, въ крылахъ двуглаваго мѣднаго орла, запутался ястребъ, съ путами на ногахъ; долго вырывался онъ, наконецъ, обезсиленный, повисъ и издохъ. Собранный тамъ народъ говорилъ: «вотъ такъ-то и Бонапартъ запутается въ крылахъ русскаго орла.»

Кутузовъ не у Растропчина, а у Ивашкина вытребовалъ частныхъ приставовъ, для препровожденія войска дальними, окольными дорогами, чтобы, коснувшись разныхъ заставъ, развлечь вниманіе непріятелей, и чтобъ не дать имъ возможности обойти себя

съ фланговъ *). Предписанія свои начертилъ онъ наскоро, карандашемъ. Онъ хотѣлъ показать непріятелю, что наша армія уйдетъ далеко отъ Москвы, къ Казани. Самъ онъ проѣзжалъ чрезъ Москву верхомъ, тихо, спокойно, величаво; вся свита его тянулась за нимъ въ глубокомъ молчаніи. Московскіе жители шумнымъ потокомъ бросились за войскомъ изъ Москвы — и вотъ этотъ потокъ раздѣлился, распылился на ручьи, направляясь къ разнымъ заставамъ, противоположнымъ дорогамилловской и сосѣднимъ съ нею. Казалось, что каждая улица сбиралась бѣжать. У самыхъ заставъ трудно было проѣхать, отъ тѣсноты спершихся экипажей, медленно тянувшихся длинныхъ обозовъ и бѣгущихъ пѣшеходовъ, опережающихъ, толкающихъ другъ-друга. Большая часть московскихъ жителей бѣжала по Владимірской дорогѣ; въ селѣ Купавинѣ былъ ихъ большой приваль. Повозки отъ тѣсноты тянулись шагомъ. У нѣкоторыхъ повозокъ были колокольчики, звучавшіе такъ жалобно....

Вышедъ и выѣхавъ за заставы, многіе въ послѣдній разъ оглянулись на Москву; солнце горьма горѣло на небѣ. Москва, облитая лучами его, будто улыбалась еще имъ на прощанье; еще слышался благоговѣсть, замирающій вдали.... «Москва, красавица ты наша!» восклицали нѣкоторые: «по камушку, по дощечкѣ растащили бы мы тебя и унесли съ собой, не доставайся врагамъ лютымъ.» За нѣкоторыми заста-

*) Главкомандующій арміею въ то время превышалъ своею властью власть Градоначальника столицы.

вами стояли пикеты, потому что, среди народного потока, находились и любители чужаго имуществва. Въ деревняхъ, чрезъ которыя двигались эти переселенія, встрѣчали ихъ недружелюбно: «что, продали Москву!» кричали мужики, вооруженные рогатинами; они съ постояльцевъ брали за все очень дорого, особенно за перевозку чрезъ рѣки; многіе располагались почевкою и отдыхомъ въ полѣ или въ лѣсу, въ родѣ цыганскаго табора—кочевья. Въ Москву же почти никого не выпускали.

День потухалъ, ночь стала заволакивать своимъ широкимъ пологомъ всѣ окрестности; вдругъ надъ Москвой будто блеснула заря—и разсвѣтъ ея сталъ распространяться все болѣе и болѣе, все свѣтлѣе и свѣтлѣе; весь городъ стоялъ, будто подъ огненнымъ сводомъ; но за клубившіяся черныя тучи скоро омрачили его; вдругъ изъ нихъ вспыхнуло алое пламя и опять ярко отразилось на горизонтѣ—вотъ очертилась стройная колокольня Ивана великаго и темный шатеръ Сухаревой башни, пламя разрослось въ цѣлое огненное море, и посыпался изъ него огненный дождь искръ. Москва потонула въ нихъ, картина была великолѣпная, но поражающая: «Господи, что это такое; Заступница милосердная, святые угодники, мать то наша горить, горить родная, какъ свѣча предъ Богомъ!» съ отчаяніемъ восклицали несчастные переселенцы, взглянувъ на пылающую Москву.—Взглянемъ и мы на покинутую столицу.

Графъ Растопчинъ съѣхался съ Кутузовымъ близъ яузскаго моста; одному хотѣлось узнать, куда полко-

водецъ ведетъ свое войско, но другой упорно молчалъ на его вопросъ; онъ не любилъ до времени ни съ кѣмъ дѣлиться своими замыслами; солдаты роптали вслухъ: «куда насъ ведутъ, враги-то на плечахъ у насъ!» Отъ прохода многочисленнаго войска, народа и экипажей, пыль вилась столбомъ надъ Москвой и за Москвой, такъ, что застирала солнце, начинавшее склоняться къ западу. Между тѣмъ, во время унылаго перехода войскъ чрезъ Москву, вдругъ раздались звуки военной музыки; всѣ съ изумленіемъ взглянули въ ту сторону и увидѣли, что Московскій комендантъ (Нѣмецъ) выводитъ изъ кремля гарнизонъ съ торжествомъ, форсированнымъ маршемъ, съ распущенными знаменами и съ музыкою. Въ войскѣ и въ народѣ послышались вскрики негодованія: «чему они радуются!» Тотчасъ послано было коменданту приказаніе совершить свой выступъ какъ можно скромнѣе. Угрюмость и негодованіе русскаго войска усиливалась воплями народа, толпы котораго втѣснялись въ ряды его и разстроили душу солдатъ и воинскій порядокъ. Послѣднія русскія войска проходили набережной около Воспитательнаго дома, а французы вступали уже въ Кремль.

Графъ Растопчинъ сдѣлалъ свое дѣло: онъ, по возможности, сохранилъ спокойствіе столицы до самаго вшествія въ нее неприятелей. Нѣкоторые современники не совсѣмъ были имъ довольны за то, что онъ своими афишами обманывалъ жителей и не далъ имъ возможности заблаговременно убратъся и спасти свое

имущество *): но болѣе всѣхъ остался имъ недоволенъ Наполеонъ; за то, по окончаніи войны, въ Англіи многіе старались достать портретъ Графа Растопчина, а въ Пруссіи дамы разнымъ моднымъ костюмамъ давали его имя. **) Положимъ, что въ его правдѣ ***) хоть и есть доля неправды, но онъ поступилъ самоотверженно. Растопчинъ оставилъ на расхищеніе врагамъ много своего имущества и сжегъ свой прекрасный каменный загородный домъ въ с. Вороновѣ. Только смерть Верещагина легла темнымъ пятномъ на его совѣсти.

Нашъ арріергардъ остановился въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Москвы, на рязанской дорогѣ; ночная темнота начала уже сгущаться надъ нею, какъ вдругъ, предъ глазами войска, обращенными къ столицѣ, вспыхнуло пирамидальное, огненно-лиловое знамя—и раздался страшный грохотъ: это былъ взрывъ барокъ съ комиссаріатскими вещами подъ Симоновымъ монастыремъ, а пламя сверкнуло отъ загорѣвшагося виннаго двора за Москворѣчьемъ; тамъ огромныя боч-

*) Тогда, по этому случаю, была поговорка: Растопчинъ, Растопчинъ, всю Москву растопилъ.

**) Правда о пожарѣ Москвы Гр. Растопчина.

***) Въ Ливерпулѣ дали имя Гр. Растопчина новой площади въ Берлинѣ сдѣлали ему почетный приемъ, въ Парижѣ Людовикъ XVII принялъ его также съ отличіемъ, регентъ Англіи, чрезъ Герцога Веллингтона, приглашалъ его въ Англію, Шведскій король прислалъ ему орденъ Меча. «Неудовольствіе противъ меня Наполеона», писалъ Графъ, — есть награда, гнѣвъ—слава, а печатная брань—грамота на безсмертіе».

ки взметывались и лопались въ воздухѣ. Всѣ содрогнулись. Около Фельдмаршала стѣснился весь главный штабъ его, на сторонѣ дороги стояли его дрожки. Въ глубокой задумчивости сидѣлъ онъ въ нихъ, опершись на правую руку и смотрѣлъ на Москву; онъ слышалъ ропотъ и негодованіе войска; вѣроятно все это явилось его душѣ, но онъ не отрывалъ своихъ глазъ отъ ненаглядной Москвы.—Что ни чувствовало его сердце, но онъ наружно оставался твердъ и непоколебимъ; спокойствіе, изображавшееся на лицѣ его, было противоположно лицамъ, окружавшихъ его. Тутъ подскакалъ къ нему Толь и доложилъ, что Москва занята французами. «Слава Богу», отвѣчала спокойно Кутузовъ; «это ихъ послѣднее пиршество». Послѣ того онъ велѣлъ повернуть лошадей, скомандовалъ походъ и медленно поѣхалъ за войсками—по рязанской дорогѣ. Вскорѣ послѣ этого онъ донесъ Государю въ своемъ рапортѣ, что потеря Москвы не есть потеря Россіи.

Многіе изъ немущихъ переселенцевъ московскихъ терпѣли большую нужду, истому. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, при рѣкахъ, дожидались они переправы по нѣсколько сутокъ, отъ столпившихся казенныхъ и обывательскихъ повозокъ; кругомъ, на нѣсколько верстъ, пылали прибрежные огни на ихъ бивакахъ, днемъ для приготовления пищи, а ночью для освѣщенія. Тамъ, по преданію, качались колыбели плачущихъ младенцевъ, раздавались вопли роженицъ и слышалось погребальное пѣніе. Тогда, въ короткое время, проживались всѣ эпохи житейскія, только что не соверша-

лись браки. Обозы Москвитянъ, повозки съ ранеными, и пушки изъ арсенала, тянулись болѣе по владимірской дорогѣ; тамъ ратники гнали и плѣнныхъ французовъ, конные смѣшались съ пѣшими; по этой дорогѣ ѣхалъ и Пр. Августинъ, а къ нему доносились упреки отъ крестьянъ за то, что онъ покинулъ свою паству. Не далеко отъ Москвы встрѣтился съ нимъ Князь Лобановъ Ростовскій, спѣшившій съ новоставленнымъ ополченіемъ въ Москву; онъ не зналъ, что она уже занята французами. Между тѣмъ Кутузовъ, пустивъ нѣсколько отрядовъ своего войска по Коломенкѣ, вдругъ съ главною арміею повернулъ на калужскую дорогу. Французы слѣдили за нимъ прямо а онъ очутился сзади ихъ *).

Теперь, проводивъ народъ и войско изъ Москвы, опять вернемся въ нее.

Опустѣла шумная Москва, не много осталось въ ней жителей; одни изъ нихъ, удерживаемые страхомъ, заперлись въ своихъ домахъ; другіе бродили по улицамъ безсознательно, не зная, что дѣлать, что предпринять; сердца ихъ сжимались при взглядѣ на безмолвный кремль и на опустѣлую часовню Иверской Божіей Матери. Смѣльчаки, въ числѣ которыхъ были женщины и даже дѣти, опрометью бѣжали около каменнаго моста, со ската кремлевскаго возвышенія, изъ арсенала, на встрѣчу французамъ, размахивая оружіемъ, взятымъ изъ этой кладовой. Близился роковой четвертый часъ по полудни...

*) «Нашъ командиръ», говорили русскіе солдаты про Кутузова, играетъ съ французами въ гюлочки (въ прятки).

Съ Воробьевыхъ горъ отчетливо видно было движеніе французской арміи къ Москвѣ, шедшей тремя колоннами. 1-я изъ нихъ переходила Москву-рѣку у Воробьевыхъ горъ, 2-я перешла ее на Филяхъ, и направилась въ Тверскую заставу; главная входила въ Москву чрезъ Дорогомилевскую, а нѣкоторые отряды ее въ Прѣсенскую. Вотъ Наполеонъ и предъ Москвой! исполнилось давно ожиданное, стремительное желаніе его, онъ въѣхалъ на поклонную гору.*) Оттуда, какъ будто изъ распахнутаго занавѣса, открылась предъ нимъ чудная панорама столицы; прежде всего ярко сверкнулъ предъ нимъ крестъ древняго благовѣстника нашего, Ивана Великаго, далѣе представились массивныя главы кремлевскихъ соборовъ, и наконецъ показала вся неоглядная масса зданій, среди зыбкой зелени садовъ. Пораженный этимъ великолѣпнымъ зрѣлищемъ, Наполеонъ пріостановился; долго разсматривалъ онъ Москву въ зрительную трубку, потомъ самодовольно улыбнулся и сказалъ: «Теперь война кончилась, мы въ Москвѣ; Россія покорена, я предпущу ей такой миръ, какой мнѣ надобенъ, и вы, французы, упившіеся всѣми удовольствіями, возвратитесь во Францію, въ новыхъ и неуздаемыхъ лаврахъ». Авангардъ его простроился надъ горою въ боевой порядокъ. Наполеонъ, съ планомъ въ рукѣ, со всею свитою своею, сошелъ съ лошади, чтобъ приготовиться къ сраженію (онъ все ожидалъ еще защиты Москвы); конвой его, шассеры, (стрѣлки) прежде всѣхъ были наготовѣ. Про-

*) За 3 версты отъ Москвы, по Смоленской дорогѣ.

стоявъ здѣсь съ полчаса, и не видя никакого движенія со стороны Москвы, Наполеонъ приказалъ сдѣлать сигналъ изъ пушки, къ дальнѣйшему движенію; потомъ онъ сѣлъ на лошадь и нетерпѣливо поскакалъ къ Москвѣ; всѣ бросились за нимъ. Быстро колонны арміи его начали спускаться съ горы, свергая оружіемъ и чрезъ 12 минутъ всѣ очутились у Дорогомилловской заставы. Здѣсь Наполеонъ остановился, при охриплыхъ восклицаніяхъ своихъ солдатъ, которые такъ были запылены и оборваны, что видѣвшіе ихъ окрестные жители говорили: «кто изъ нихъ капралъ, кто генералъ, никого не узнаешь, такъ они обносились».

Неистово обрадовалось все непріятельское войско при видѣ Москвы, которую почитали французы обѣтованною землею, источникомъ богатой добычи и ложемъ отдохновенія. *Moscou! Moscou!* (Москва! Москва!) восклицали офицеры и солдаты; они забыли всѣ претерпѣнныя бѣдствія и труды свои и даже воинскіи порядки, выступили изъ рядовъ и начали бить въ ладоши, обниматься и поздравлять другъ—друга съ преддверіемъ обѣтованной земли. Такъ мореходцы, долго носясь по волнамъ океана, надъ зіяющими безднами, увидя вождеденный берегъ, вскрикиваютъ отъ радости и стремятся къ нему. Авангардъ французской арміи, состоявшій изъ польскихъ и прусскихъ уланъ, подъ предводительствомъ неаполитанскаго короля, (Мюрата) вступилъ чрезъ Дорогомилловскую заставу въ Москву, прежде Наполеона и главной арміи его. *) Афи-

*) Французы шли за русскимъ войскомъ по пятамъ, но безъ

ши Растопчина, (которыя переводились Наполеону) увѣряли всѣхъ, что Москву не отдадутъ безъ боя; тѣмъ радостию и самодовольіемъ входилъ отрядъ французской гвардіи въ нашу столицу. На Спасской башнѣ только что уныло пробило 4 часа; и на Ивановской колокольнѣ раздался обычный вечерній благовѣстъ, раздался—и замеръ въ воздухѣ.... Настала тишина предъ бурей, и вдругъ, въ четыре заставы *), какъ въ четыре жерла, ринулись непріатели, подъ начальствомъ Ген. Себастіана; впереди всѣхъ ѣхали трубачи на бѣлыхъ лошадяхъ. На Арбатѣ появились шибко скачущіе русскіе всадники, кричавшіе: «спасайтесь, спасайтесь! Непріатели идутъ!» Вслѣдъ за ними слышались выстрѣлы (холостыми зарядами) изъ пушекъ, возвѣщавшіе Наполеона о вступленіи арміи его въ Москву; вдали раздавалась музыка и дробные звуки барабановъ. За Себастіаномъ вступилъ Мюратъ, который, вмѣсто ожидаемаго имъ привѣтливаго общества, встрѣтилъ только хромоногаго слесаря и двухъ пивоваровъ. **) Взирая на отрядъ французской гвардіи, нѣкоторые москвичи воскликнули: «это идетъ вспомогательное англійское войско!» — Но когда народъ, тол-

напора. Милорадовичъ остановилъ передовые отряды ихъ и сказалъ начальникамъ ихъ, что если они сдѣлаютъ хотя одинъ выстрѣлъ въ русскихъ, то онъ будетъ драться на всѣхъ улицахъ. Перестрѣлка между арміями началась тогда уже, когда за рогожской заставой выстроилась наша цѣпь, для прикрытія отступленія.

*) Въ Калужскую, Дорогомилловскую, Прѣсенскую и Тверскую.

**) Русскіе и Нап. Бонап. 1813 г.

Рассказы изъ отечеств. войны.

нами бѣжавшіи отъ Арбата, закричалъ: «французы, французы!»—тутъ-то пошла сумятица, раздались вопли, стоны, никто не зналъ, куда дѣваться, спрятаться; знакомые, столкнувшись другъ съ другомъ, стали прощаться, какъ предъ смертью. Нѣкоторые же, молча, съ любопытствомъ и съ затаенною злобою смотрѣли на незваныхъ гостей. Большая толпа народа, захвативъ въ арсеналѣ оружіе, заняла Никольскія ворота и всѣ пути, ведущіе къ соборамъ и ко дворцу.

Лишь только французы вступили въ Кремль, для занятія квартиры для Наполеона, какой-то неистовый горожанинъ, по преданію калачникъ, съ ожесточеніемъ бросился на польскаго генерала, почтя его за самаго Наполеона—и убилъ его; несчастнаго тотчасъ же изрубилъ; другой нашъ герой сшибъ съ ногъ французскаго офицера и началъ рвать тѣло его зубами; онъ также заплатилъ жизнью за свое самоотверженіе. *) Нѣкоторые русскіе заперлись въ арсеналѣ и стрѣляли изъ оконъ его во французовъ, чѣмъ произвели въ рядахъ ихъ смятеніе; ворота арсенала разбиты были пушками. Троицкія ворота, ведущія въ Кремль, были наглухо заколочены: оставлена была только одна калитка для пѣшеходовъ. Французы выломали ихъ пушками и ворвались въ Кремль. **) Они вступали въ него также чрезъ Никольскія, Боровицкія и Спасскія ворота, съ торжествомъ, съ разверну-

*) Полное собраніе анекдотовъ о 1812 г., изд. 1813 г.

**) Въ Кремлѣ найдено было до полтораста разныхъ огнестрѣльныхъ оружій, множество шпагъ и старинныхъ польскихъ и русскихъ знаменъ.

тыми знаменами, при звукахъ церемоніальнаго марша. Одни изъ первыхъ вѣхали туда польскіе уланы. Нѣсколько отчаянныхъ гражданъ, стоявшихъ у арсенала, бросились на нихъ съ тесаками и топорами, и разумѣется погибли. Вскорѣ за уланами начали входить въ Кремль прочія непріятельскія войска; впереди вѣхали Генералы. Грабежъ въ Москвѣ начался съ Кремля. Салтыкъ, польскій генералъ, въ какой-то изступленной ярости началъ рвать бархатъ съ царскаго трона. Изъ Кремля нѣсколько отрядовъ выступило въ Китай-городъ и далѣе. Вшествіе непріятелей въ Москву продолжалось до глубокихъ сумерекъ; сзади вѣхала гремящая артиллерія и дѣлала сигнальные выстрѣлы. Сенатъ и круглый дворъ его тотчасъ же заняты были непріятелями; они стали бѣгать по всѣмъ комнатамъ Сената и выкидывать изъ нихъ въ окна столы и стулья, для устроения себѣ биваковъ. Смерклося. Пламя, зажженнаго еще предъ самымъ вшествіемъ французовъ въ Москву, москательнаго ряда, разрослось и заревомъ своимъ обогрѣло окрестности. Губительная стихія начала уже пожирать Москву; какъ будто въ честь новоприбывшимъ, зажглась страшная иллюминація *).

Между тѣмъ Наполеонъ, съ главною арміею своею, съ маршалами и со всѣмъ штабомъ, стоялъ еще за Дорогомилловскою заставой (шла молва, будто онъ былъ въ Москвѣ инкогнито еще съ вечера, но возвратился опять къ заставѣ). Войско его переодѣлось въ парад-

*) Зарево горѣвшей Москвы видно было въ Коломнѣ, за 100 верстъ.

ные мундиры, все охорашивались, оправлялись, для торжественнаго вѣществія въ Москву; тамъ дѣлали уже и раскладку, сколько должно собрать контрибуціи съ Москвы. Тамъ ожидалъ Наполеонъ городскихъ ключей и покорной депутаціи отъ столицы, въ родѣ тѣхъ овацій, къ которымъ привыкъ онъ въ Вѣнѣ, въ Берлинѣ, въ Варшавѣ и въ прочихъ, завоеванныхъ имъ городахъ. Онъ думалъ увидать у оконъ разряженныхъ дамъ, любезно привѣтствующихъ его; воображенію его рисовались лавры и цвѣты: избалованный счастьемъ, онъ самодовольно помышлялъ о всѣхъ сословіяхъ русскаго народа, которыя припадутъ къ ногамъ его, быть можетъ онъ помышлялъ уже о новомъ бюллетенѣ, въ которомъ описано будетъ новое торжество его. Но, вглядываясь въ городъ, онъ изумился. Москва походила на какой-то сказочный, очарованный городъ, въ которомъ вымерла вся жизнь. Долго ждалъ онъ депутаціи, но она не являлась. Наполеонъ сошелъ съ лошади и сталъ расхаживать въ нетерпѣннн взадъ и впередъ: «можетъ быть эти варвары не знаютъ, какъ сдають города!» воскликнулъ онъ, подите кто нибудь, приведите ко мнѣ бояръ (les Boyards). Наконецъ нѣсколько подозрительныхъ личностей, дурно одѣтыхъ, вѣроятно иностранцевъ, потому что они свободно владѣли французскимъ языкомъ, предстали предъ Наполеономъ, съ поклонами. Сначала онъ презрительно отвернулся отъ нихъ, потомъ спросилъ ихъ съ насмурнымъ видомъ: «Гдѣ же начальство (Autorités) Москвы?—Никого нѣтъ, отвѣчали ему. — Гдѣ магистратъ. (Municipalité). Гдѣ Растопчинъ?—Поѣхалъ про-

вожать Кутузова. — Гдѣ жители? — Ихъ немного осталось въ Москвѣ, и тѣ спрятались,—были ему отвѣты.—Наполеонъ обратился спиной къ отвѣчавшимъ: «Прогоните эту сволочь!» закричалъ онъ. (Qu' on fasse retirez cette canaille!) Послѣ опять вздумалъ онъ послать въ городъ адъютантовъ своихъ за почетною депутаціею; они заметались во все стороны, но никого не могли отыскать. Гордость Наполеона уязвилась, ожиданія обманулись, онъ пришелъ въ изуступленіе, началъ ходить скорыми шагами взадъ и впередъ, то останавливался, то оправлялся, то надѣвалъ перчатку, то скидывалъ и мялъ ее, то опускалъ руки въ карманъ, то складывалъ ихъ; въ немъ видѣлись какія-то конвульсивныя движенія. Свита его стояла вокругъ него неподвижно, на лицахъ ея отражалась также затаенная досада. Дѣлать нечего, надобно было выѣхать въ заставу безъ приглашенія. Ужъ вечерѣло. Наполеонъ велѣлъ подавать себѣ лошадь. En avant! (впередъ!) скомандовалъ онъ—и поскакалъ къ заставѣ. Проѣхавъ Дорогомилловскую слободу, и приближаясь къ Москвѣ-рѣкѣ, остановился онъ на правой сторонѣ улицы, на береговомъ кособорѣ; здѣсь Наполеонъ опять сошелъ съ лошади и опять началъ расхаживать взадъ и впередъ. Пѣхота и артиллерія тянулись мимо его по мосту, конница перешла рѣку вбродъ, раздѣлилась на нѣсколько отрядовъ и заняла караулы по окрестнымъ улицамъ и переулкамъ *).

Наполеонъ полагалъ, что на другой день придутъ

*) Пораженія французовъ на сѣверѣ, изд. 1814 г.

къ нему хотя иностранцы изъ нѣмецкой слободы, и остался почевать недалеко отъ заставы, въ домѣ харчевника *).

3-го Сентября всталъ онъ съ безпокойнаго ложа своего, подъ звуки военной музыки, и, часовъ въ 10, сопровождаемый французскою, итальянскою и польскою гвардіею, конною и пѣшею, тронулся въ путь, по направленію къ Кремлю. Онъ сидѣлъ на бѣлой, богато убранной арабской лошади, окруженный блестящею свитою. Какихъ націй и костюмовъ не было въ этихъ пестрыхъ, мозаическихъ полчищахъ! Здѣсь были и лейбъ-гусары его, въ красныхъ мундирахъ и въ высокихъ киверахъ, подъ императорскимъ гербомъ, съ висящими вдоль спины лошадиными хвостами, и отрядъ безпардонныхъ, въ блестящихъ кирасахъ и въ косматыхъ киверахъ, и живые, легкіе уланы, и рослые гусары: синіе, зеленые, сѣрые, выступавшіе по-эскадронно, на статныхъ лошадяхъ, и мѣткіе, ловкіе шассёры, на игривыхъ скакунахъ, и желѣзная конница, въ шишакахъ, съ тигровыми шкурами, и гвардейскіе артиллеристы въ куньихъ шапкахъ, и тяжелые драгуны въ мѣдныхъ каскахъ и въ свѣтлыхъ плащахъ, съ висящими за плечами ихъ на ремняхъ карабинами, и старая гвардія Наполеона, усатая, рослая, стройная, закаленная африканскимъ солнцемъ, въ красивыхъ мундирахъ, съ разноцвѣтными отворотами и въ высокихъ медвѣжьихъ шапкахъ съ кистями. Прусаки въ синихъ колетахъ, **) и бѣлые, какъ

*) Сохранился ли этотъ замѣчательный домъ!

***) Камзолъ съ рукавами.

гуси, австрійскіе кирасиры, *) съ зелеными плюмажами на шляпахъ, и красные голландскіе копейщики, вооруженные копьями, и тяжелые ратники Мюрата, и смуглые итальянскіе стрѣлки, и малорослые Вестфальцы и чопорные Поляки, въ національныхъ костюмахъ, съ откидными рукавами; (они самодовольно ѣхали и шли подъ знаменами того бѣлаго орла, который за два столѣтія предъ этимъ водилъ ихъ предковъ на Москву и пр. пр. войны дробныхъ европейскихъ государствъ—двадцать языковъ. Генералы Наполеона одѣты были въ парадные мундиры, расшитые по швамъ золотыми голунами и украшенные орденовыми лентами разныхъ цвѣтовъ, артиллеристы съ вышитыми бомбами на фальдахъ. Это была движущаяся мозаика. При огромномъ, тянущемся обозѣ, ѣхали французенки и польки, ныне также верхомъ, въ полувоенномъ, изысканномъ, фантастическомъ костюмѣ,—это были жены воиновъ и искательницы приключеній. Какая смѣсь націй, какое смѣшеніе языковъ огласило центръ Россіи! Многіе изъ нихъ не понимали другъ друга, многіе, изъ разнородныхъ полчищъ, носили уже тѣніе въ одеждѣ и въ обуви своей.

Самъ Наполеонъ одѣтъ былъ въ простомъ сѣромъ сертукѣ и въ своей невысокой треугольной шляпѣ, какою онъ представляется въ безчисленныхъ бюстахъ—статуэткахъ, безъ всякихъ знаковъ отличій. Онъ поразительно отличался отъ сверкающей, блестящей

*) Войско у австрійцевъ состояло изъ всякаго сброда: нѣмцы, крматы, цыгане, жидаы и проч.

свиты своей, выказывая величіе въ простотѣ. *) Арбатъ, чрезъ который онъ проѣзжалъ, былъ совершенно пустъ; первыя лица, встрѣтившіяся ему въ поѣздѣ его, были: нѣмецъ аптекарь, торчавшій въ окнѣ арбатской аптеки съ семьєю своей и нѣскольکو раненыхъ французовъ, наканунѣ поставленныхъ къ нему на постой **). Увидя Наполеона, онъ скинулъ съ головы колпакъ и поклонился ему. — Вотъ и все привѣтствіе отъ Москвы завоевателю! Кое гдѣ на домахъ пестрѣли еще нарядныя вывѣски, но всѣ двери домовъ были заперты. Кое-гдѣ изъ за угловъ выглядывали летучіе отряды любопытныхъ ребятишекъ, перебѣгавшихъ съ одного мѣста на другое. Такъ ѣхалъ Наполеонъ, какъ по пустышѣ, до бороуицкаго моста; угрюмо посмотрѣлъ онъ на Кремль: Какія страшныя стѣны! (*voilà defiers murailles!*) воскликнулъ онъ, да и войско его было недовольно безлюдьемъ Москвы. Недоброе предзнаменованіе!

И вотъ—Наполеонъ въ Кремлѣ, въ самомъ гнѣздѣ двуглаваго орла; вотъ царскій дворецъ освѣтился огнями, французскіе военачальники успѣли отыскать себѣ квартиры, войско ихъ облегло столицу, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нея, ближе или далѣе, часть его расположилась биваками у заставъ и виѣ ихъ, на поляхъ и на огородахъ; по городу приказано было разѣзжать патрулямъ. Послѣ этого тотчасъ

*) Простой народъ не вѣрилъ, что это былъ самъ Наполеонъ: «да гдѣ же французскій Аполіонъ-то?» слышались вопросы въ толпѣ.

**) Полное собраніе анекдотовъ, изд. 1813 г.

велѣно было отыскивать типографію и написать объявленіе къ жителямъ Москвы, увѣщевая ихъ быть спокойными; но прежде всего администрація Наполеона распорядилась напечатать извѣстія о занятіи Москвы и успѣшно отправить ихъ съ курьерами по всей Европѣ. Эти извѣстія вышли изъ подъ редакціи самаго Наполеона и были слѣдующаго содержанія. «Великая битва 7-го сент., (нов. ст.) т. е. Бородинская, поставила русскихъ виѣ возможности защищать Москву, и они оставили свою столицу. Тенерь 3¹/₂ часа; наша побѣдоносная армія вступаетъ въ Москву. Императоръ сей часъ прибылъ сюда» *). Для поляковъ эти извѣстія были напечатаны по польски. Губернаторомъ въ Москвѣ назначенъ былъ Мортъе, комендантомъ—Дюронель, интендантомъ—Лессепъ. (Онъ былъ въ Петербургѣ консуломъ до 1812 г.). Сколько разъ Москва была сценою трагическиххъ дѣйствій! Массивныя стѣны Кремля оглашались: то ярыми, неистовыми восклицаніями монголовъ, то звуками польскихъ сабель, трубъ и литавръ, то, наконецъ, при Наполеонѣ, вся Москва представила собой позорище страшнаго разгрома; послѣдняя, широкая сцена ярко освѣщена была пожарами, въ которыхъ честолюбивый завоеватель, подобно Вальтасару, долженъ былъ прочесть свою будущность, начертанную огненными буквами....

Да, не холодна была встрѣча Наполеону; въ этотъ же день, еще утромъ, показались густые клубы ды-

*) Въ Парижѣ торжествовали это событіе: главный актеръ. Тальма прочелъ извѣстіе о вступленіи французовъ въ Москву, на театральной сценѣ. Во всѣхъ парижскихъ церквахъ велѣно

ма надъ гостинымъ дворомъ; но едва только Наполеонъ въѣхалъ въ Кремль—ярко вспыхнули москательныя лавки, масляные ряды, Зарядье, Балчугъ и окрестности яузскаго моста, гдѣ расположился было квартировать Мюратъ; наконецъ запылалъ и лѣсной рядъ (около Остоженки). Между тѣмъ французы, разсыпавшись по земляному городу, добрались до каретнаго ряда; тамъ оставалось еще много экипажей, (покинутыхъ хозяевами, за недостаткомъ лошадей); неприятельскіе генералы выбрали себѣ по экипажу и отмѣтили ихъ своими фамиліями. Но вдругъ запылалъ и каретный рядъ, вѣроятно зажженный самими хозяевами каретныхъ лавокъ, чтобы добро ихъ не доставалось врагамъ. Потомъ пожаръ забушевалъ на Солянкѣ, перекинулся за яузскій мостъ и далѣе; онъ вспыхнулъ вдругъ въ 11 мѣстахъ. Три дня особенно страшно свирѣствовало сокрушающее пламя въ Москвѣ; съ 5-го на 6-е число загорѣлось Замоскворѣчье, мосты на рѣкѣ, также барки съ хлѣбомъ охватились огнемъ. Общее пламя какъ будто слилось, сплотилось въ потокъ раскаленной лавы и обвилось яркимъ вѣнцомъ надъ несчастною Москвою. Оно представляло собой волнующееся, огнедышащее море, волны котораго хлестали по зданіямъ города. Къ довершенію этого бѣдствія, поднялся сѣверовосточный вѣтръ, страшный союзникъ пожара; отъ разрѣженія воздуха закрутилъ быстрый вихрь... Громкіе вопли народа, плачь дѣтей, рѣзкій барабанный бой, колокольный набатъ,

было пѣть *Te Deum*. Городъ иллюминировался; не догадались только служить панихиды за многихъ убитыхъ французовъ.

грохотъ падающихъ стѣнъ и выстрѣлы, прорѣзывавшіе воздухъ, заглушались порывами гудящаго вѣтра; всѣ эти звуки соединились въ какой-то неопредѣленный гулъ, въ адекую музыку, раздрающую слухъ и надрывающую душу отчаяніемъ. Съ колоколенъ обрывались колокола и падали съ глухимъ звономъ, огромныя головки летали изъ улицы въ улицу, вылающія бревна перекидывались съ дома на домъ; посыпались блѣстки искръ и закипѣли огненнымъ фонтаномъ, дождемъ, каскадами; особенно ярко горѣлъ казенный винный дворъ и сальные заводы; пламя яростно впилося въ нихъ и охватило ихъ своими огненными языками; змѣями извивалось оно по крышамъ зданій, выметывалось въ огна, и съ оглушающимъ шумомъ высоко взбрасывало на воздухъ лопающіяся винныя бочки, объятая пирамидальнымъ голубымъ огнемъ. По улицамъ потекли огненные рѣки, а бѣдные голуби,—разсказываютъ очевидцы,—снугнутые съ гнѣздъ своихъ, въ охотномъ ряду, вились—кружились надъ огнемъ, не находя себѣ нигдѣ пріюта. Собаки съ вытьемъ метались по улицамъ, разнузданныя лошади со ржаніемъ скакали въ разныя стороны; несчастные горожане, въ какомъ-то изступленіи, спѣшили вытаскивать изъ домовъ своихъ образа, ставили ихъ у воротъ и, задыхаясь отъ дыма, опаленные огнемъ, метались, сами не зная куда *).

Пепель Москвы орошался кровію, и въ сердцахъ русскихъ вспыхнуло пламя—пламя мщенія...

*) Нѣкоторые московскіе жители спасались отъ удушающаго жара на каменномъ мосту.

Что стало съ Москвой въ самое короткое время;— Груды каменье, пепелище, курящаяся головня;— огонь пожралъ три четверти ея. И храмы и большія улицы, обстроенныя рядами домовъ, представили собою смрадное пожарище, на которомъ валялись въ перемежку обгорѣлыя трупы людей, лошадей и другихъ животныхъ. Это еще только очерки общей картины; здѣсь изображена только одна сторона бѣдствій Москвы. Рѣдко въ исторіи представлялись явленія подобнаго содрогательнаго позорища; это былъ полный разгулъ гибельной стихіи. Но пожаръ Москвы опалилъ крылья французскихъ орловъ; въ Москвѣ не было сраженій, въ ней не гремѣли грома орудій, но шла тихая и осмысленная война. Москва вооружилась голодомъ и огнемъ, она начала воевать со врагами своими днемъ и ночью.

Замѣтно было, что непріатели съ досадою и ужасомъ смотрѣли на пожаръ и на всю добычу пламени, которой они сами хотѣли поживиться *): «какое самоотверженіе, какое варварство!» восклицали они. Не отыскавъ пожарныхъ инструментовъ, непріатели сами совались во всѣ стороны, расхищали что могли и, подъ грузомъ добычъ, шныряли по улицамъ, не зная, куда дѣвать свои ножи. Вѣроятно, иные изъ нихъ, упившись отысканнымъ въ подвалахъ виномъ, по неосторожности, раскладывая на дворахъ домовъ и въ самихъ домахъ огонь, способствовали дѣйствию пожаровъ. Историки не говорятъ положительно, кто

*) Тогда въ иностранныхъ вѣдомостяхъ называли Москву кладовою Европы и Азіи.

сжегъ Москву; французы полагали на нее всѣ свои надежды; особенно утѣшались они мыслию имѣть въ ней покойныя квартиры и обильное продовольствіе; по многимъ признакамъ, пожаръ Москвы есть болѣе дѣло русскихъ, но не будемъ упрекать ихъ этимъ: для спасительной операціи челоуѣкъ готовъ пожертвовать какимъ нибудь членомъ своего тѣла, чтобы сохранить себя отъ смерти. Москва спасла Россію. «O Sione, Sione, граде Божіи, (сказалъ Преп. Августинъ въ проповѣди своей) отъ тебѣ изыде спасеніе Израилево и всея земли. Определительно можно сказать только то, что безъ Наполеона Москва не была бы сожжена, безъ него не было бы изрыто столько могилъ. Онъ говорилъ, что Москва сожжена по начертанію Сентъ-Джемскаго (англійскаго) кабинета, но вмѣстѣ съ этимъ онъ прибавилъ: *La nation Russe une grande nation!* (Русская нація, великая нація).

Доказательствомъ моего мнѣнія о пожарѣ Москвы можетъ служить письмо Гр. Растопчина къ императору Александру (отъ 13-го Сент.): «Я въ отчаяніи, В. В., что Кутузовъ скрывалъ отъ меня свое намѣреніе, потому что я, не бывъ въ состояніи удержать города, зажегъ бы его и лишилъ бы Бонапарта славы взять Москву, ограбить ее и потомъ предать пламени; я отнял бы у французовъ плодъ ихъ похода и пепель столицы. Я заставилъ бы ихъ думать, что они лишились великихъ сокровищъ и тѣмъ доказалъ бы имъ, съ какимъ пародомъ имѣютъ они дѣло.»— Еще прежде бородинской битвы Растопчинъ писалъ

къ кн. Багратиону изъ Москвы: «Народъ здѣшній рѣшительно умретъ у стѣнъ московскихъ, и когда, въ благомъ предпріятіи, Богъ ему не поможетъ, то, слѣдующа русскому правилу: не доставайся злодѣю, обратитъ городъ въ пепель, и Наполеонъ получитъ, вмѣсто добычи, только мѣсто, гдѣ была добыча *)». Слѣдовательно, Раstopчинъ началъ, а клеветы его и московскіе жители привели въ исполненіе его замысль: жертвуя жизнию, не дорожить камнями.» «Гори Москва, но живи Россія,» говорили тогда. Теперь многіе согласны въ томъ, что 1-й пожаръ (2-го сент.), въ виду непріятелей, произведенъ былъ, по приказанію Гр. Раstopчина, слѣдственнымъ приставомъ, Воронковымъ. Это подтверждаетъ и Михайловскій-Данилевскій; согласно съ нимъ писалъ и Бутурлинъ: «Отступленіе нашей арміи воспрепятствовало Раstopчину зажечь тогда Москву; но, по его распоряженію, сжигаемыя вещества разложены были во многихъ домахъ, оставленныхъ жителями. Толпа наемныхъ зажигателей разбѣяна была по городу, подъ надзоромъ передѣланныхъ полицейскихъ офицеровъ.»

Смотря на горѣвшій Гостинный дворъ, купцы говорили: «теперь остается намъ торговать въ немъ золою да угольями. Набожные люди восклицали: «Гос-

*) Гр. Раstopчинъ печатно отказывается отъ этой славы; Наполеонъ назвалъ его Геростратомъ Москвы. Въ бытность Графа въ Парижѣ (уже по паденіи Наполеона) за Раstopчиннымъ бѣгала толпа любопытныхъ; тамъ печатали на него разные пасквили и представляли его на балаганныхъ вывѣскахъ съ факеломъ, зажигающимъ Москву. Русск. И в а л. 1846 г. № 271, ст. Кн. Голицына.

подъ даде, Господь и отъя», а нѣкоторые, произнося укору Раstopчину, говорили: вотъ онъ писалъ, что нашла туча, да мы ее отдаемъ; тучи-то онъ не отдасть, а насъ надусть.

Въ то время, когда огонь лился по улицамъ и по кривымъ узкимъ переулкамъ, всѣ гордыя и корыстныя помышленія Наполеона разсѣялись; ужасъ положенія его ярко освѣтился московскимъ пожаромъ *). При началѣ его ударили сборъ; Мортъ первый явился тушить его съ отрядомъ войска, но пожарныхъ инструментовъ, какъ было уже сказано, въ Москвѣ не нашлось; оставшіеся же въ ней были испорчены, и огонь продолжалъ пожирать зданіе за зданіемъ; тутъ то французы увидали, что горящая Москва была тоже своего рода ополченіемъ, а зарево ея—огненнымъ знаменемъ его. О распространеніи пожара донесли Наполеону. Онъ пришелъ въ сильное негодованіе и послалъ на тушеніе пожара большіе отряды войскъ. Они бросились въ огонь, волосы трещали на головѣ ихъ, но солдаты ничего не могли сдѣлать. Такъ тревожно прошли первыя ночи Наполеона въ Москвѣ; не радовали его и донесенія о трофеяхъ, найденныхъ въ ней. Особенно во вторую ночь, проведенную имъ въ Кремлѣ, чувствовалъ онъ себя безпокойно; въ какомъ-то тоскливомъ, сильномъ волненіи, рассказывалъ онъ по заламъ дворца и нѣсколько разъ изъ кабинета Александра выходилъ на терассу, обращенную къ Москвѣ—

*) И на островѣ св. Елены Наполеонъ говорилъ, что никакія описанія горѣвшей Трои не могутъ сравняться съ картиною Московскаго пожара.

рѣкъ; но видъ огненнаго океана, объявшаго городъ, пронзительный визгъ крутящагося пламени—все это побуждало его возвращаться въ комнаты дворца. *) Опасность пребыванія его въ Кремль умножалась болѣе и болѣе, во дворцѣ лопались стекла отъ жара, отовсюду летѣли въ него искры и головни, отъ дыма и огня воздухъ сталъ смраденъ и удушливъ. Ужъ Кремль сталъ заниматься огнемъ и зарядные ящики гвардейской артиллеріи, (находившіеся тамъ), близки были къ тому, чтобы вспыхнуть. Тогда приближенные къ Наполеону маршалы убѣдили его покинуть Кремль. **) Въ пасмурный осенній день, съ большою опасностію, съ окружавшей его свитой, началъ пробираться Наполеонъ по раскаленной мостовой, къ Прѣсенской заставѣ, а оттуда, по лѣвѣ, въ Петровскій дворецъ, ***) который тотчасъ окружили пушками. Гвардія его поселилась, на это время, на Ходынскомъ полѣ. ****) У каждой заставы стояли часовые.

Мюрать, до командировки своей за наблюдениемъ

*) А онъ надѣялся было, въ чертогахъ русскихъ царей дѣлать балы для московскаго дворянства.

**) Москвитяне говорили: «мы, по старинному обычаю, попочивали Бонапарта жаркой баней, истопили для его французскаго величества Кремль».

***) Есть преданіе, что на проводы Наполеона изъ Кремля къ заставѣ, явился какой-то русский простолюдинъ, (вѣроятно переодѣтый агентъ Растопчина), и, заведя его въ лабиринтъ переулковъ, охваченныхъ огнемъ, скрылся. Наполеонъ насилу могъ выпутаться изъ нихъ.

****) Часть гвардіи его стояла въ Кремлѣ, въ Потѣшномъ дворцѣ; это былъ отрядъ Мортъе; тамъ всякое утро происходилъ разводъ.

Тарутинскаго лагеря, занялъ домъ Гр. Разумовскаго на Гороховомъ полѣ, Лористонъ остановился въ домѣ Гр. Растопчина, на Лубянкѣ, Даву въ домѣ Г-жи Нарышкиной, на Дѣвичьемъ полѣ (туда къ нему должны были обращаться за пропускными билетами; желая выдти изъ Москвы); когда же онъ, по служебнымъ дѣламъ своимъ, пріѣзжалъ въ Кремль, то останавливался въ Чудовомъ монастырѣ, въ алтарѣ котораго устроилъ себѣ спальню. Голландскій Ген. Вендемень жилъ въ домѣ Г. Дурасова за покровскими воротами, близъ Яузскаго моста, (этотъ домъ славился хлѣбосольствомъ радушнаго хозяина до непріятельскаго нашествія); послѣ перешелъ генералъ ближе къ мельницѣ, у прѣсенскихъ прудовъ, гдѣ стояла итальянская гвардія и гдѣ мололи пшеницу для продовольствія французовъ; Лессенсъ жилъ на Пречистенкѣ, въ домѣ Княгини Голицыной; Канцелярія Лористона устроена была на Ивановской колокольнѣ; тамъ, со всѣхъ четырехъ сторонъ ея, ободраны были листы, для вида на Замоскворѣчье; оттуда и Наполеонъ смотрѣлъ на громады своихъ полчищъ. Рязанское подворье (гдѣ консисторія) было занято разными непріятельскими генералами, на Маросейкѣ, въ домѣ Гр. Румянцева, находился комитетъ городского правленія, на Покровкѣ, въ Колпачномъ переулкѣ (въ домѣ купца Колосова) помѣщался лазаретъ, за безопасностію котораго строго наблюдали; на Савинскомъ подворьѣ жилъ также французскій генералъ.*) Почтамтъ бдительно охранялся отъ

*) Троицкое, отчасти и Савинское подворье была разграблены: Разсказы изъ отечеств. войны.

пожара и расхищенія; въ немъ помѣщалась французская почта; ежедневно выѣзжали изъ него нѣсколько драгунъ съ сумками писемъ за плечами и направляли путь свой по смоленскому тракту; въ Иверской часовнѣ находилась гаубтвахта, у Спаса на Бору сохранялось сѣно для лошадей Наполеона: въ сенатѣ и въ оружейной палатѣ былъ штабъ его; *) замокъ или острогъ былъ укрѣпленъ и обращенъ въ запасный магазинъ, для продовольствія французовъ. Вообще уцѣлѣвшіе въ Москвѣ большіе дома были только тѣ, въ которыхъ жили французскіе военачальники.

Биваки французовъ были во многихъ мѣстахъ, на примѣръ: у обгорѣлыхъ лавокъ гостинаго двора, на площадяхъ, на тверскомъ бульварѣ, гдѣ солдаты раскладывали огонь и варили себѣ супъ или кашницу (въ чугунахъ, въ которыхъ варили прежде грязное бѣлье, а тѣсто мѣсили они въ поганныхъ корытахъ и помойныхъ лоханяхъ). Биваки ихъ за заставами или у самыхъ заставъ были самые неудобные; тамъ, въ грязи, курилось у нихъ топливо изъ расколонной мебели, рамъ, дверей, иконостасовъ; бараки или шалаши устраивали они себѣ изъ обломковъ разныхъ зданій, крышами для которыхъ служили большія картины, книги,

на Савинскомъ, во время пожара, образъ Преп. Саввы остался невредимъ.

*) Боровицкія и Тайницкія ворота были окопаны рвами; около нихъ подѣлали валы и поставили на нихъ пушки, за строгимъ присмотромъ караульныхъ; Никольскія ворота были въ такомъ же положеніи. Въ Кремль и французы входили съ особаго дозволенія начальства: Qui vive? спрашивали часовые входившихъ, и, послѣ двухкратнаго вопроса, стрѣляли въ неотвѣчавшихъ.

иконы, обгорѣлыя доски; вмѣсто стѣнъ стояли тамъ зеркала или ширмы. Около огней, скорчившись, сидѣли или прохаживались солдаты, обрызганные грязью, законченные дымомъ и пепломъ пожаровъ, въ изношенныхъ мундирахъ, въ стоптанной и обтрепанной обуви; нѣкоторые счастливы лежали на диванахъ, обитыхъ дорогою матеріею, иные нѣжились въ погружительныхъ креслахъ или на связкахъ мѣховъ, парчи, бархата. Предъ ними, въ золоченныхъ люстрахъ и жирандоляхъ, торчала горящая лучина и валялось въ кучахъ разное награбленное добро, въ томъ числѣ и бутылки съ виномъ, заткнутыя, вмѣсто пробокъ, листами вырванными изъ книгъ.

Многіе изъ непріятелей начинали уже роптать на Наполеона, за то, что онъ завелъ ихъ на край свѣта, въ Татарію, въ суровую сторону, особенно Нѣмцы, которые, по тяжелой неволѣ, должны были идти сюда на убой, съ береговъ своего Рейна, гдѣ въ это время собирали янтарный виноградъ, съ обычными потѣхами: пѣніемъ и плясками, съ объяденіемъ и упоеніемъ, а они должны были тутъ питаться пареною рожью, козиною и ходить на собственныхъ природныхъ подошвахъ.

4-го Сент. былъ самый ужасный пожаръ въ Москвѣ; направленіе улицъ ея можно было узнать только по рядамъ трубъ и обгорѣлыхъ печей; въ нѣкоторыхъ уцѣлѣвшихъ домахъ французы, готовя себѣ кушанье, опасались лазить по чердакамъ и не открывали трубъ, потому и угорали; Наполеонъ угорѣлъ первый въ Кремлѣ и удался на чистый воздухъ, въ Петровскій дво-

рецъ. Сначала онъ думалъ, что русскіе отступили за Волгу, для прокормленія себя, въ низовыя губерніи; *) по распоряженію его распустили молву о томъ, что русскіе просятъ мира, что побѣдители останутся зимовать въ Москвѣ; что французы скоро получатъ подкрѣпленіе. Для подтвержденія этихъ слуховъ, каждый день выѣзжали и входили какъ бы новые отряды ихъ въ заставы; за ними тянулись вагенбургъ и обозы. Говорили, что правительство заботится о доставленіи нужныхъ запасовъ для войска, что изъ Вильно идетъ большой транспортъ съ полушубками въ Москву, **) что Рига взята уже приступомъ, что Макдональдъ уже въ Петербургѣ, что русскій Императоръ, лишенный обѣихъ столицъ, удалился въ Казань, куда вызвалъ сенатъ, что изъ Парижа велѣно выписать въ Москву итальянскихъ артистовъ и артистокъ на всю зиму и пр. и пр. Всѣ эти вымыслы были выработаны на станкѣ собственной фантазіи Наполеона, между тѣмъ, какъ армія его, находясь въ Москвѣ, была сама въ осадѣ русскими войсками, партизанами и поселянами. Наполеонъ велѣлъ собрать свѣдѣнія о Пугачевѣ, чтобы, подобно ему, произвести волненія въ Россіи, въ отношеніи крѣпостнаго состоянія; онъ посылалъ своихъ шпионовъ даже въ Казань, бунтовать Татаръ противъ Россіи, но все это ни къ чему не повело.

*) Пусть дворяне уѣзжаютъ изъ Москвы; намъ нужны только ихъ запасы и погреба, говорили французы.

**) Обозы, шедшіе съ запада въ Россію, отбываемы были у французовъ казаками, партизанами и подмосковными поселянами.

Въ Петровскомъ дворцѣ Наполеонъ заваленъ былъ топографическими картами, съ воткнутыми въ нихъ разноцвѣтными булавками, * изображавшими границы Россіи и всей Европы; «вотъ,» говорилъ онъ приближеннымъ своимъ, «когда я запру англійскія гавани, что то скажутъ эти акулы, что то эти пираты всѣхъ морей будутъ дѣлать; сварить ли ихъ желудокъ жесткія гиней и залежалые товары; о, воображаю я, какую они сдѣлаютъ кислую гримасу, когда узнаютъ, что я въ Москвѣ! Включивъ русскихъ въ число моихъ солдатъ, пойду я въ Азію и нанесу имъ въ Индіи окончательный ударъ; тогда-то мой тронъ будетъ стоять надъ всѣми тронами и—тѣмъ кончится политическое землетрясеніе.

Наполеонъ пробылъ въ Петровскомъ дворцѣ трое сутокъ; его увѣдомили, что пожары въ Москвѣ стали утихать; онъ возвратился въ Кремль, и, взглянувъ на обезображенную огнемъ столицу, закипѣлъ негодованіемъ на русскихъ: «Я хотѣлъ поступить съ Москвою такъ,» сказалъ онъ, «какъ съ Вѣной и Берлиномъ; мы бы могли имѣть здѣсь правильное продовольствіе и открытые рынки; собственность каждаго была бы неприкосновенна, а русскіе варвары сожгли свой городъ. Сожженіемъ его они на сто лѣтъ отодвинулись назадъ въ образованіи, во сто же лѣтъ они и не поправятся съ Москвою; теперь мы сами должны заботиться о себѣ *). Вскорѣ, по прибытіи своемъ въ Кремль,

*) Это говорилъ онъ тогда, когда Москва была уже разграблена. Наполеонъ еще на походѣ къ Москвѣ обѣщалъ своему войску богатую поживу; это извѣстно по его прокламаціямъ.

Наполеонъ издалъ слѣдующую новую прокламацію къ своему войску: «Солдаты! каждый вашъ шагъ ознаменованъ побѣдами: въ трехъ мѣстахъ вы истребили войско, собираемое неприятелями три года, ваши головы поникли подъ тяжестью лавровъ; здѣсь 300,000 жителей умоляютъ васъ о пощадѣ» *). Вслѣдъ за этой прокламаціей во многихъ мѣстностяхъ Москвы, на воротахъ домовъ, появилась другая, къ русскимъ, на русскомъ языкѣ: «Жители Москвы! несчастья ваши ужасны, но его вел. Императоръ хочетъ прекратить ихъ; страшные примѣры васъ научили, какимъ образомъ онъ наказываетъ непослушаніе и преступления; строгія мѣры взяты, чтобы прекратить безпорядокъ и возвратить общественную безопасность» и т. д. Въ концѣ этой прокламаціи исчислены благодѣянія Наполеона, состояція въ томъ, что онъ приказалъ изъ русскихъ составить муниципальный совѣтъ, который бы пекся объ общественной пользѣ, что онъ позволилъ открыть нѣкоторыя церкви всѣхъ исповѣданій, что онъ всячески старается возстановить къ себѣ довѣріе.—«Живите, какъ братья, съ моими солдатами», сказано въ заключеніи **).

*) Жителей въ Москвѣ оставалось тогда, по показанію Растропчина, не болѣе 20 тыс.

**.) Наполеонъ неоднократно, чрезъ печатныя объявленія, приглашалъ къ своимъ занятіямъ русскихъ чиновниковъ, купцовъ, ремесленниковъ, и особенно крестьянъ, чтобы они пріѣзжали въ Москву, въ торговые дни, съ жизненными припасами; онъ также приглашалъ желающихъ освѣщать Москву фонарями, очищать улицы отъ труповъ и строить будки для часовыхъ, въ случаѣ зимовки въ Москвѣ; онъ обѣщалъ всѣмъ свое покровитель-

Теперь разсмотримъ, въ чемъ состояло наказаніе Наполеона, о которомъ онъ упоминаетъ въ прокламаціи своей. Вскорѣ послѣ пожаровъ учрежденъ былъ въ Москвѣ, подъ предсѣдательствомъ Мортье, комитетъ, въ которомъ судили пойманныхъ зажигателей; ихъ не судили, а просто осудили. Наполеонъ, для прекращения пожаровъ, хотѣлъ утратить зажигателей казнями; въ слѣдствіе этого стали ловить всѣхъ, перебѣгавшихъ изъ горѣвшихъ домовъ въ другіе дома, въ томъ числѣ и спасавшихся отъ огня; *) участь ихъ скоро была рѣшена: человекъ около тридцати привели ихъ къ Петровскому монастырю, поставили въ одну линію къ монастырской стѣнѣ—и разстрѣляли; послѣ тѣла ихъ повѣсили на фонарныхъ столбахъ, по разнымъ улицамъ, болѣе около тверскаго бульвара, съ приклеенными на нихъ надписями на французскомъ и русскомъ языкахъ: Московскіе зажигатели. Современники этой эпохи видѣли, въ числѣ труповъ, русскихъ, одѣтыхъ въ мундиры французскихъ солдатъ; этимъ хотѣли показать, что справедливое правитель-ство Наполеона не щадитъ и своихъ. (Есть преданіе, что французовъ вѣшали мертвыхъ).

Французы же, за-ство; но это былъ глазъ вопіющаго въ пустынѣ, никто не являлся на призывъ его, а онъ приготовилъ было расплачиваться съ торговцами фальшивыми ассигнаціями, привезенными имъ изъ Парижа. Въ приказѣ своемъ, отданнымъ имъ въ то же время, онъ объявилъ всѣхъ иностранцевъ, находящихся въ русской службѣ, лишенными покровительства законовъ.

*) Актеръ Бобровскій, спасая свое семейство, выскочилъ изъ горѣвшаго своего дома въ окошко; его сочли также за поджигателя и убили.

мѣтивъ, что ихъ боятся казнить, начали болѣе буйствовать по Москвѣ. Другая казнь совершилась надъ зажигателями около Тверской улицы, близъ церкви Космы и Даміана, у дома Кожина. Туда на дворъ, подъ большимъ прикрытіемъ солдатъ, привели 18 арестованныхъ лицъ разнаго званія, и, не смотря на вопли и на клятвенныя увѣренія ихъ въ своей невинности, также безошадно разстрѣляли *).

Пожары—это былъ первый періодъ бѣдствій для Москвы, первая жертва, для искупленія Россіи **).

Послѣ пожаровъ наступилъ второй періодъ страданій Москвы, усиленный грабежъ французовъ; впрочемъ, подъ именемъ французовъ понимались всѣ непріятельскія войска; должно отдать справедливость нѣкоторымъ французамъ: они не были тамъ жестоки, нахальны и неистовы, какъ другія націи; они заботились о маленькихъ дѣтяхъ, платили русскимъ за труды и услуги ихъ и даже носили бѣднымъ и больнымъ съѣстные припасы (особенно сахаръ и кофеи);

*) Не будемъ утверждать, чтобы въ числѣ казненныхъ русскихъ не было виновныхъ въ зажигательствѣ; предъ вшествіемъ непріятелей въ Москву, выпустили изъ тюремъ многихъ колодниковъ (не уголовныхъ, этихъ отправили изъ Москвы по разнымъ городамъ); изъ нихъ дѣйствительно были и зажигатели и грабители, особенно цыгане и Евреи.—Замѣтимъ, что въ числѣ жертвъ московскаго пожара была прекрасная бібліотека Гр. Бутурлина, которая, вмѣстѣ съ картинами, также сгорѣла; каталогъ ея напечатанъ былъ въ Парижѣ, въ 1806 г. Она состояла изъ 40 тыс. томовъ, собиралась 20 лѣтъ и цѣнилась въ миллионъ рублей.

**) Въ исторіи русской церкви сказано: Москва отдана была врагу, какъ жертва, но отдана пустая, въ огнѣ.

когда же эти припасы истощились, то, по неволѣ, всѣ стали поступать по праву сильнаго. Болѣе всѣхъ свирѣпствовали Баварцы, Вестфальцы, Прусаки и Поляки: «Отмстимъ за Прагу и Варшаву!» восклицали послѣдніе, буйствуя въ Москвѣ. Только 17-го Сентября учрежденъ былъ правильный образъ правленія въ Москвѣ; въ число членовъ его приглашали вступить и русскихъ; не скрывая истины, должно сказать, что нашлись измѣнники и корыстолюбцы изъ нашихъ соотечественниковъ, которые приняли на себя должность шпионовъ и комисаровъ временнаго правительства, *); изъ нихъ оффиціально упоминаются имена, избраннаго на то время московскаго головы, купца П. Пв. Находкина, Рюмина, **) какого-то бывшаго гувернера, при пансіонѣ Годфруа и другихъ ***). Они имѣли

*) Оно состояло изъ 2 полицмейстеровъ, 20 комисаровъ, назначенныхъ во всѣ части города, и изъ 70 членовъ, между которыми было 40 иностранцевъ.

**) Г. Рюминъ издалъ брошюру, въ которой оправдывается въ возводимомъ на него обвиненіи; онъ говоритъ, что гр. Рас-топчинъ имѣлъ къ нему личную неприязнь, и потому обвинилъ его.

***) Непріатели хотѣли еще избрать своимъ агентомъ купца Жданова; но онъ, оставя въ Москвѣ свое семейство, явился къ Милорадовичу и, объявивъ ему о положеніи города, вмѣсто того, чтобъ играть роль французскаго шпиона, оказался весьма полезнымъ для своихъ согражданъ. Ждановъ, въ описаніи приключеній своихъ въ Москвѣ, въ это время, говоритъ, что ему, за измѣну русскимъ, обѣщали французы подарить любой домъ въ Москвѣ и 12 тыс. червонныхъ; послѣ того (окт. 12, 1812 г.) Государь наградилъ его за усердіе къ отечеству золотою медалью на Анненской лентѣ, для ношенія на шеѣ.

отличительный знак своей должности, голубую ленту на лѣвомъ рукавѣ, выше локтя, и всѣ получали жалованье. А члены муниципальнаго совѣта носили красную ленту черезъ плечо; градской же голова имѣлъ бѣлый поясъ.

Глава VIII.

СОБЫТІЯ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ. ТЕАТРАЛЬНЫЯ ПРЕДСТАВЛЕНІЯ ГОЛОДЪ ВЪ МОСКВѢ. ПОЛОЖЕНІЕ ЖИТЕЛЕЙ ЕЯ.

Между тѣмъ въ Петербургѣ знали все, что дѣлалось въ Москвѣ; Государь выслушалъ донесеніе главнокомандующаго Москвы объ уступленіи столицы французамъ, чрезъ полковника Мишо; это его сильно и глубоко тронуло, но онъ давно уже приготовился дѣйствовать самоотверженно; чувства его вполне выразились въ слѣдующемъ манифестѣ, изданномъ 18 сентября: «Съ крайнею и сокрушающею сердце каждаго сына отечества печалію, симъ возвѣщается, что непріятель сент. 2-го вступилъ въ Москву; но да не унываетъ отъ сего великій народъ російскій. Напротивъ, да покланится всякъ и каждый воскипѣтъ новымъ духомъ мужества, твердости и несомнѣнной надежды, что всякое, наносимое намъ врагами зло и вредъ, обратятся напоследокъ на главу ихъ.» Далѣе слѣдуетъ описаніе положенія французовъ и русскихъ въ то время, потомъ изображается угнетенная Европа; въ заключеніи манифеста сказано: «Собственная земля его (Наполеона) не видитъ конца проливаемой ею своей и чужой крови. При томъ бѣдственномъ состояніи всего рода человѣческаго не прославится ли та-

кой народъ, который, перенеся всѣ неизбѣжныя въ войнѣ разоренія, наконецъ, терпѣливостію и мужествомъ своимъ, достигнетъ до того, что не токмо приобрѣтетъ самъ себѣ несокрушимое и прочное спокойствіе, но и другимъ державамъ доставитъ оное, и даже тѣмъ самымъ, которыя, противъ воли своей, вмѣстѣ съ нимъ, противъ насъ воюють. Приятно и свойственно добродушному народу за зло воздавать добромъ. Боже всемогущій! Обрати милосердія очи Твои на молящуюся Тебѣ съ колѣнопреклоненіемъ россійскую Церковь. Даруй, поборающему по правдѣ, вѣрному народу Твоему, бодрость духа и терпѣніе. Сими да восторжествуетъ онъ надъ врагомъ своимъ, да преодолѣетъ его, и, спасая себя, спасетъ свободу и независимость царей и царствъ» *).

Въ Петербургѣ знали и то, какъ Наполеонъ склонялъ и соблазнялъ въ Москвѣ русскихъ, быть ему полезными и преданными. (По выходѣ непріятелей изъ Москвы найденъ былъ во временномъ правленіи ихъ, въ домѣ Гр. Румянцева, списокъ именъ русскихъ измѣнниковъ). Вслѣдствіе чего издано было отъ министерства полиціи, за подписью Главнокомандующаго въ Петербургѣ, Вязмитинова, общее предостереженіе русскимъ, слѣдующаго содержанія:

*) Еще въ то время Государь твердо положилъ въ мысляхъ своихъ: освободить Россію отъ враговъ ея, освободить отъ нихъ и всю Европу. Онъ сказалъ, что согласенъ скорѣе удалиться въ Сибирь и ходить въ смуромъ кафтанѣ, нежели мириться съ Наполеономъ; и въ англійскихъ газетахъ писали тогда: «Отъ Александра Европа ждетъ своего спасенія».

Сѣв. Почта 1812 г.

«Извѣстно, что непріятель учреждаетъ въ Москвѣ нѣкоторыя, на французскій образецъ, присутственныя мѣста или начальства, стараясь разглашать, яко бы дѣлаетъ то для возстановленія порядка и спокойнаго въ ней пребыванія жителей. Между тѣмъ солдаты его продолжаютъ расхищать и производить разныя насилія и грабительства. Для прикрытія сихъ неистовствъ, успѣлъ онъ страхомъ или соблазнами склонить нѣкоторыхъ русскимъ простолюдиновъ принять на себя обязанности, быть членами сихъ учреждаемыхъ отъ него обществъ. Перехваченныя бумаги содержатъ въ себѣ имена ихъ. Правительство долженствовало бы обнаружить оныя, и про извести надъ ними строгій и праведный судъ, ибо вступать въ учреждаемыя непріателемъ должности—есть уже признавать себя ему подвластнымъ, а не просто плѣнникомъ; но правительство удерживается отъ сего только потому, что бумаги сіи не совсѣмъ достовѣрны, и что оно, безъ точнаго о томъ освѣдомленія, опасается преждевременнымъ и поспѣшнымъ осужденіемъ оскорбить невинность. Между тѣмъ, обращая вниманіе и попеченіе свое о благѣ каждаго и всѣхъ, не можетъ оставить безъ предварительнаго увѣщанія, чтобы всякъ опасаясь вѣрить лукавому гласу враговъ, пришедшихъ сюда устами обѣщать безопасность и покой, а руками жечь, грабить и разорять Царство наше. Какому надлежитъ быть или безумію, или крайнему развращенію, дабы повѣрить, что тотъ, который пришелъ сюда съ мечемъ, на убіеніе насъ изощреннымъ, съ пламенникомъ, для воспаленія нашихъ домовъ, съ цѣпя-

ми, для возложенія ихъ на вѣно нашу, съ кошницами, для наполненія ихъ разграбленнымъ имуществомъ нашимъ, что тотъ желаетъ устроить нашу безопасность и спокойствіе? Сохранить-ли тотъ славу и честь нашу, кто пришелъ отнять ихъ у насъ?—Пощадить ли тотъ кровь нашу, кто, ничѣмъ отъ насъ неоскорбленный, пришелъ проливать ее. Оставить ли тотъ безпрепятственно соблюдать намъ древнюю предковъ нашихъ вѣру, кто святотатственною рукою дерзаетъ обдирать оклады съ почитаемыхъ нами Святыхъ и Чудотворныхъ иконъ?—Что же значать его слова и обѣщаніе? Сынъ ли тотъ отечества, кто имъ повѣритъ?—По симъ причинамъ Правительство почитаетъ за нужное обвѣстить всенародно: 1) что оно прилагаетъ всевозможное попеченіе о помощи и призрѣніи разоренныхъ отъ непріятеля, скитающихся безъ пристанища людей; 2) что симъ предварительнымъ извѣщеніемъ надѣется спасти простоту отъ поздняго раскаянія въ легковѣрности, дерзость же, нестыдящуюся нарушать долгъ и присягу, устрашить праведнымъ и неизбѣжнымъ наказаніемъ» *).

Между тѣмъ въ Петербургѣ давали часто, по желанію публики, трагедію Хераскова: «Освобожденіе Москвы» (отъ поляковъ въ 17 ст:) **). Побѣдами Вит-

*) Въ одномъ изъ манифестовъ сказано: «потушимъ кровію непріятелей пожаръ Московскій».

**) Тогдашній главный Директоръ зрѣлищъ, Оберъ-камергеръ, Ал. Львовичъ Нарышкинъ, получилъ на свое имя рескриптъ отъ Государя, въ которомъ было сказано, что по настоящимъ обстоятельствамъ, находя французскую труппу не нужною, повелѣваю всѣхъ актеровъ и актрисъ, находящихся въ здѣшнемъ

генштейна надъ непобѣдимымъ Удино (какъ называли своего маршала французы) Петербургъ былъ совершенно обезнеченъ и успокоенъ. Теперь, сдѣлавъ необходимое отступленіе отъ разсказа о бѣдствующей Москвѣ, для выясненія обзора тогдашнихъ событій, опять взглянемъ на бытъ ея, на второй періодъ ея погрома.

Не смотря на учрежденіе правленія и дѣйствія комиссаровъ въ погорѣлой столицѣ, грабежъ въ ней продолжался. Не смотря на то, что многое вывезено было изъ Москвы, добра еще оставалось въ ней довольно; сперва грабила старая гвардія, потомъ молодая, потомъ корпусъ Даву, потомъ тирольскіе стрѣлки, потомъ команды, расположенныя по окрестностямъ — и т. д. по очередно; они на грабежъ ходили, какъ на фуражировку *), они грабили до тѣхъ поръ, пока ужъ нечего и некого было грабить. Всѣ корпуса, расположенные лагеремъ вокругъ города, приходили, такъ сказать, глотать оглоданныя уже кости; жителямъ нечего уже было терять, кромѣ жизни. Гдѣ находилось награбленное добро, тамъ была надпись: *Cette maison a été pillée plusieurs fois* (этотъ домъ уже ограбленъ). Тогда говорили: вывѣски, бывшіе, предъ

и Московскомъ Театрѣ, отпустить, а сумму, опредѣленную по штату, для содержанія ихъ, обратить на вспоможеніе разореннымъ жителямъ.

*) Сюррагъ, католическій священникъ, свидѣтельствуеетъ, что водка и вино затопили въ Москвѣ погреба и что нѣсколько солдатъ утонуло въ нихъ. Между тѣмъ, какъ въ приказахъ французскихъ начальниковъ сказано, чтобъ не грабить водку, опредѣленную для больныхъ и не растаскивать кожъ назначенныхъ для шитья башмаковъ солдатамъ.

нашествіемъ французовъ въ Москву, на кузнецкомъ мосту (*gobes et modes*), тоже значили: мы здѣсь грабимъ, (потому что тамъ проживали торгаша изъ польскихъ жидовъ и разныхъ бродягъ изъ Франціи, Германіи и Италіи). *) Вообще, гдѣ былъ постой непріятельскихъ солдатъ, тамъ было менѣе грабежа. Запертыя ворота и лавки разбивали они бревнами, даже пушками, въ стѣны же уцѣлѣвшихъ домовъ били ломами, чтобы узнать по звуку: не закладено ли что нибудь въ ихъ внутренности, а въ погорѣлыхъ домахъ разрывали пепель, ища добычи; съ проходившихъ по улицѣ жителей снимали платье, сапоги; вырывали серьги изъ ушей, сдергивали кольца съ рукъ, выпускали пухъ изъ перинъ, все отыскивая сокровищъ. **) Не вполне удовлетворенные, босые, въ худомъ исподнемъ платьѣ, непріатели ловили русскихъ и накладывали на нихъ свои ноши, какъ на вьючныхъ скотовъ; чтобы не дѣлать обхода на мостъ, на плечахъ дюжихъ мужиковъ перебирались они за Москву-рѣчку. Нѣкоторые врываются въ церкви; тамъ прободали они иконы, святотатственно распахивали царскія двери, обнажали престолы, сдвигали ихъ съ мѣста или опрокидывали; съ облаченій спарывали позументы, превращали храмы въ поварни, вносили туда таганы, котлы, раскладывали тамъ большіе пылающіе костры, изъ расколенныхъ иконъ; устанавливали надъ огнемъ, на камняхъ, желѣзные листы и пек-

*) Русскіе и Наполеонъ Бонапарте, изд. 1813 г.

**) Сынъ Отечества 1812 года.—Но тогдашней модѣ и мужчины носили серьги въ одномъ ухѣ.

ли на нихъ лукъ, рѣпу, картофель. Тамъ, на вбитыхъ въ иконахъ гвоздяхъ, висѣла у нихъ конская збруя и аммуниція; въ иныхъ церквахъ слышалось ржаніе лошадей, которыя, стоя въ алтаряхъ, были покрыты, вмѣсто попонъ, священническими ризами и ѣли овесъ изъ купели, въ которой крестили новорожденныхъ *).

Въ Петровскомъ монастырѣ, въ соборной церкви, устроенъ у нихъ былъ мясной магазинъ; на дворѣ монастыря распластывали быковъ; туда ежедневно ходили солдаты и русскіе комиссары-переметчики, за порціею мяса; внутри же церкви, вокругъ стѣнъ, на широкихъ лавкахъ, лежали приготовленныя порціи, а на панникадилахъ и на вбитыхъ въ иконостасѣ гвоздяхъ, висѣли внутренности животныхъ и разныя битыя птицы, между которыми было много голубей (а послѣ галокъ и воронъ), застрѣленныхъ на московскихъ улицахъ; изодранная церковная завѣса висѣла тамъ клочьями, алтари были обрызганы кровью.... священниковъ и монаховъ, не допуская ихъ грабить церкви, непріатели жестоко били, истязали, какъ на примѣръ въ Новоспасскомъ монастырѣ, у сорока Мучениковъ, (близъ этого монастыря) и у Гавріила Архангела. **) Самъ Наполеонъ издѣвался надъ старымъ священникомъ, Михаиломъ Пылаемъ, приказавъ его насильно облачить въ архіерейскую одежду, среди Успенскаго собора, чтобы видѣть изображеніе русскаго іерарха ***). Когда еще не было разрѣшенія служить

*) Воспоминаніе очевидца.

**) Сынъ Отечества. 1812 г.

***) Очерки жизни Преосв. Августина, Ив. М. Снегирева. Разказы изъ Отечеств. войны.

въ русскихъ церквахъ литургіи, однажды раздался звонъ на Мѣщанской, въ церкви Андріана и Наталиі; московскіе жители изумились и обрадовались, но оказалось, что это французы потѣшались *). Уже выше сказано было, что они не уважали и своихъ единовѣрческихъ костеловъ; тамъ, во время литургіи, сидѣли они развѣсивъ и посвистывая; духъ святотатственной революціи не испарился еще въ нихъ.

Куда-куда не прятались несчастные жители отъ неистовства враговъ: женщины скрывались между обнаженными трупами, марали себѣ лица сажею и повязывались по старушечьи платками, чтобъ спастись отъ нахальства ожесточенныхъ; двѣ дочери почетнаго гражданина, бѣжавъ отъ нихъ, бросились въ Москву-рѣку; **) старыхъ и пожилыхъ женщинъ сажали французы за урочную работу: стирать для нихъ бѣлье и шить его изъ награбленнаго полотна и холста. Нѣкоторыя женщины прятались подъ сводами трубъ, или въ порожнія кадки, или за обгорѣлыя печи; другія жили на кладбищахъ, укрываясь между могильными памятниками или въ ямахъ могилъ, въ погребѣхъ, въ подпольяхъ, и на огородахъ, между грядами ***). Нѣкоторые осмѣливались бродить между трупами, отыскивая своихъ родныхъ.... А ужъ чѣмъ питались они!

*) Послѣ дозволили служить въ нѣкоторыхъ нашихъ церквахъ, только безъ звона, также въ иновѣрческихъ и у раскольниковъ.

**) Русскій Вѣстникъ 1813 года.

***) Во время пожаровъ многіе спасались отъ огня на каменномъ мосту.

Иные доставали себѣ пшеницу и муку на баркахъ, горькую, подмоченную и питались ею, разводя ее водою; иные вырывали изъ земли полумерзлый картофель, нѣкоторые отыскивали въ москательномъ ряду, въ подвалахъ, медъ и соленую рыбу, и чтобы пронести все это скрытно въ корзинахъ, сверху закладывали ихъ книгами, которыхъ было большое изобиліе въ разбитыхъ книжныхъ лавкахъ на Никольской; французы не цѣнили русскихъ книгъ и, взглянувъ на нихъ, молча отходили; они сначала отворачивались и отъ русской пищи: квашенной капусты, соленыхъ огурцовъ и рыбы, а послѣ и того уже нельзя было достать. Многіе прятались куда нибудь за уголь, чтобъ съѣсть убогій кусокъ, опоясаясь, чтобъ его не отняли грабители. Иные, доставъ себѣ икры въ москательномъ ряду, покрывали ее слоємъ грязи, отвѣдавъ которую, французы морщились, плевали и оставляли несшихъ ее въ покоѣ. Лишь только непріятели вступили въ Москву, какой то спекулянтъ открылъ для нихъ на Знаменкѣ ресторацію. Тамъ явилась у него рулетка, биліарды, пѣвицы, танцы, фокусники и другія разныя потѣхи; агенты его бѣгали за провизіею по всей Москвѣ, съ большими палками, которыми они подпибали ноги разнымъ домашнимъ птицамъ, излавливая ихъ и послѣ укладывали ихъ въ корзины или въ мѣшки; но подобные поиски были не совсѣмъ удачны: домашнія птицы почитались тогда большою рѣдкостью. Другіе ловили карасей на прѣсенскихъ прудахъ: спекулянтъ-рестораторъ, не зная употребленія семги, доставъ ее, вздумалъ было ее жа-

рить; но это блюдо никому не понравилось. Запасы его скоро истощились—и ресторанъ былъ закрытъ.

Послѣ уже дѣло дошло до того, что голодные побѣдители дрались на сабляхъ за сапоги или за кусокъ мяса или хлѣба и бѣгали толпами по улицамъ, съ разинутыми ртами, крича: манже, манже! ѣсть, ѣсть! Русскіе говорили про нихъ: «видно ужъ они сманжетили всѣхъ крысъ и мышей.» Сначала неприятели, нашедъ у жителей что нибудь съѣстное, заставляли прежде хозяевъ отвѣдать его, боясь отравы, а послѣ ужъ ничего не разбирали; они полюбили и русское хлѣбное вино: *eh bien, Russe!* говорили они, прихлѣбывая его *); нѣкоторые историки того времени пишутъ, что, за недостаткомъ соли, французы употребляли порохъ; это, разумѣется, имѣло дурное слѣдствіе на ихъ здоровье **).

Гвардія Наполеона сохраняла еще воинственный видъ свой по одеждѣ; ей исправно выдавали жалованье и порціи мяса, (въ особенности большое изобиліе было у нихъ въ сахарѣ, чаѣ и кофе); но когда и въ этомъ сталъ ощущаться недостатокъ, тогда послали къ интенданту Лессепсу, за провизіей. Онъ отвѣчалъ посланнымъ: «я несчастнѣйшій изъ всѣхъ интендантовъ, потому что самъ не имѣю никакой провизіи, и не откуда достать ее; козаки и поселане от-

*) Духъ твердости Россіянъ, изд. 1814 года.

**) Многіе современные писатели того времени говорятъ, что голодъ въ Москвѣ происходилъ отъ дурной администраціи; надлежало бы расходовать продовольствіемъ всякаго рода съ правильностію и бережливостію; а нѣкоторые запасы Наполеонъ тщательно сберегалъ, на случай отступленія.

бываютъ всѣ наши запасы, идущіе къ намъ по Смоленской дорогѣ, а мародеры пропадаютъ цѣлыми партіями въ окрестностяхъ Москвы». Частные пристава: Реми, Морель, Фабръ и проч. доносили своему начальству, что они также не имѣютъ запасовъ и что у нихъ некому убирать мертвыхъ людей и животныхъ. Вотъ до чего истощилось у нихъ жизненное продовольствіе: Маршалъ Ней, (Князь Москворѣцкій) *) узналъ, что на Дѣвичьемъ полѣ, въ одномъ домѣ, скрыта корова, и, опасаясь, чтобъ кто нибудь другой не воспользовался ею, поспѣшилъ туда, взялъ ее, разумѣется, грабежемъ, на правахъ: что твое, то мое, а мое, не твое, и отправился на свою квартиру; корову вели вслѣдъ за нимъ, а то навѣрное голодные дѣти великой націи перехватили бы ее. Да кажется и у Наполеона было не большое изобиліе въ пицци; онъ поручилъ Генералу Красовскому достать себѣ стерлядей. Красовскій приказалъ наловить ихъ въ Москвѣ рѣкѣ **)!!! Современники той эпохи видѣли французскихъ генераловъ, въ полной формѣ, въ блестящихъ мундирахъ, съ золотымъ шитьемъ, таскавшихъ на спинѣ окорока похищенной ветчины. Всякой день команды ихъ изъ разныхъ полковъ толпились въ Интендантской (близъ квартиры Лессепса), около мѣшковъ, вѣсовъ и кулей, требуя провіанта и фуража; но сол-

*) Такъ назвалъ его Наполеонъ предъ бородинскимъ сраженіемъ; когда онъ вмѣстѣ съ прочими бѣжалъ изъ Москвы, въ иностранныхъ газетахъ писали: жаль, что Москворѣцкимъ равамъ не удалось полакомиться своимъ Княземъ.

**) Записки о 1812 годѣ С. Н. Глинки.

даты получали скудные порціи и громко роптали на это; немногимъ поживлялись и вертѣвшіеся между ними, съ сумками за плечами, маркитанты. Вслѣдствіе того, галки и вороны (русскіе называли ихъ городскою дичью,) стали быстро исчезать въ иностранныхъ желудкахъ.

Грабежъ непріятелей продолжался до самаго выхода ихъ изъ Москвы; Наполеонъ, видя себя въ стѣсненномъ положеніи, долженъ былъ сквозь пальцы смотрѣть на постепенное уничтоженіе дисциплины. «Я самъ былъ свидѣтелемъ», говоритъ очевидецъ, «какъ при Генералѣ Себастіани непріятельскій солдатъ ограбилъ дочиста одного московскаго обывателя, и указалъ ему на эти геройскіе поступки. Себастіани хладнокровно отвѣчалъ: это не французъ, но должно быть нѣмецъ или полякъ *)!!! Онъ не вступился въ это дѣло, какъ будто разнородные пришельцы не были подвластны французскому начальству. Впрочемъ доставалось и французамъ: измученные, ожесточенные русскіе, подмѣтивъ враговъ своихъ, нировавшихъ въ погребяхъ, запирали ихъ тамъ, заваливали, камнями а иногда и зажигали дома, съ квартировавшими въ нихъ спящими французамъ; иногда, неся по ихъ приказанію какую нибудь тяжкую ношу, московскіе жители останавливались отдыхать у какого нибудь колодца, и какъ будто нечаянно роуяли туда свое бремя, и когда непріятели, грозясь и ругаясь, перевѣшивались посмотрѣть въ колодезь, съ намѣреніемъ

*) Le conservateur imperial, газета, издаваемая въ Петербургѣ, въ 1813-мъ году.

достать оттуда награбленное добро, русскіе сталкивали ихъ въ глубину колодца—и пускались бѣжать. Если непріятелямъ нужно было куда нибудь отправиться подалѣе, то, опасаясь попасть въ какую нибудь яму или погребъ погорѣвшаго зданія, они впередъ посылали русскихъ, съ палками, ощупывать мѣстности, а сами шли за ними; русскіе нарочно заводили ихъ въ опасныя мѣста и губили. По ночамъ русскіе подкарауливали ихъ, спрятавшись за уголъ разрушеннаго зданія—и также платили имъ въ свою очередь побоями или убійствомъ. Русскіе питали къ нимъ непримиримую ненависть также за расхищеніе и оскверненіе храмовъ: трупы французовъ лежали невидимками въ подвалахъ, въ помойныхъ ямахъ, въ погребяхъ, закопанные на огородахъ, въ садахъ и даже исчезнувшіе къ ретирадахъ. Напомнимъ читателямъ, что между московскими жителями находилось много выпущенныхъ на волю свирѣпообразныхъ колодниковъ, переодѣтыхъ полицейскихъ, партизановъ и охотниковъ-казаковъ; въ нахлобученныхъ на глазахъ шапкахъ, въ армякахъ, подпоясанные по крестьянски, они зорко подмѣчали непріятелей. *) Тогда были образцовые примѣры удали и отваги казаковъ: быстро

*) За заставой, гдѣ нибудь въ лѣсу, во рву, или въ оврагѣ, укрыты были у нихъ осѣдланныя лошади, на всякій случай. Казаки держали цѣпи вокругъ всей Москвы, сторожа враговъ, и, по мѣрѣ надобности, то подвигались, то отодвигались отъ заставъ; у нихъ были свои сигналы, маяки: шести съ пучкомъ соломы наверху, которую они зажигали, извѣщая товарищей о близости непріятелей. Казаковъ называли тогда: стрѣлы русскаго грома.

влетали они верхами въ заставы, арканили неосторожныхъ французовъ и скрывались отъ выстрѣловъ ихъ, виляя во всѣ стороны и ловко перевѣшиваясь чрезъ лошадей.

Счастливы были тѣ московскіе жители, которые могли пріютиться въ церквахъ, гдѣ они были безопаснѣе отъ пожаровъ; таковыхъ много было у Спаса на Глинницахъ, близъ Ильинки; тамъ каждая семья жила въ особомъ уголкѣ, женщины съ дѣтьми, по большой части, ютились въ трапезѣ; поочередно ходили они промышлять себѣ пищу; иные и не возвращались.... Въ самой церкви, противъ алтаря, лежали на наложкѣ крестъ и евангеліе; грамотные читали вслухъ каноны и акаѳисты Иисусу Христу, Божіей Матери и Ангелу-хранителю; прочіе молились. *) Часто моленіе ихъ прерывалось сильнымъ стукомъ въ запертыя изнутри желѣзныя двери; несчастные дрожали отъ страха, но боялись отпереть; иногда жданные но незванные гости вышибали двери, и, въ каскахъ и въ киверахъ вторгались въ церковь шумною толпою, шарили по всѣмъ угламъ ея, обнажали даже младенцевъ, срывали съ нихъ холщевыя пеленки, обирали у всѣхъ послѣднее достояніе, суму у нищихъ—и уходили. Случалось, (но рѣдко), что нѣкоторые французы, сжалившись надъ дѣтьми, приносили имъ сахаръ и бѣлый хлѣбъ. Ночью церковныя окна освѣщались заревомъ пожаровъ; часто сонъ истомленныхъ обитателей храмовъ прерывался выстрѣлами, раздававшимися въ окрестностяхъ, жалобными стenanіями, или восклицаніями: бьютъ! рѣ-

*) Воспоминаніе очевидца.

жутъ! и т. п. Въ нѣкоторыхъ церквахъ разставлены были кадки, ведра, ушаты съ водою и развѣшаны мокрыя рогожи на окнахъ, отъ пожара. Дѣти взбирались на колокольни: посмотрѣть, что дѣлается на улицахъ; но они боялись высовываться въ боковыя отверстія колоколенъ, потому что непріатели подстрѣливали ихъ, какъ птицъ въ гнѣздѣ.

Въ немногихъ церквахъ дозволялось богослуженіе *); впрочемъ туда русскіе допускали только своихъ; во время литургіи какъ-то собрались въ одну церковь непріатели и заплѣли охриплыми голосами походный свой маршъ; но вѣроятно устыдились и замолкли, когда всѣ присутствовавшіе богомольцы съ негодованіемъ обратили на нихъ свои взоры. Въ другую церковь силой ворвались французы и заставляли священнослужителей поминать имя Наполеона; но, разумѣется, это не было исполнено **). Извлекаю, изъ преданій очевидца, описаніе богослуженія, бывшее на Якиманкѣ, у Петра и Павла. Около 8 часовъ утра раздался отдаленный, унымый, рѣдкій благовѣсть, въ одинъ ко-

*) У Троицы въ Троицкой священнику дозволено было служить по охранному билету пристава той части; чтобы привлечь въ Москву болѣе жителей, Наполеонъ дозволилъ это сдѣлать. Почти всѣ церкви, находившіяся при богоугодныхъ заведеніяхъ, не были тронуты непріателями; грабившихъ церковныя вещи французовъ увѣрили, что эти вещи мѣдныя, только позолоченыя, и такимъ образомъ нѣкоторыя церковныя драгоценности были спасены отъ ихъ хищности. Описаніе Троицкой церкви, священника Ивана Орлова.

**.) Сынъ Отечества 1812 года.

локоль *) Многие радостно изумились и направились по звуку его къ храму; по сторонамъ церкви у дверей, стояли непріятельскіе часовые съ ружьями; богомольцы безпрепятственно проходили туда; большая часть изъ нихъ были истощенные, блѣдные, въ рубищахъ, едва влачащіе ноги, собравшіеся туда изъ разныхъ норъ: изъ подваловъ, погребовъ, какъ будто вызванные изъ могилъ трубнымъ звукомъ Архангела. Нечего говорить, что всѣ, предстоявшіе въ храмѣ, молились усердно. Это было еще первое богослуженіе; сперва началось водоосвященіе **); лишь только мелкнулъ блескъ зажженныхъ свѣчей предъ иконами, казалось, онъ воспламенилъ души богомольцевъ неосызаемо-высокимъ чувствомъ, и вотъ отдернулась церковная завѣса, отверзлись царскія двери и священнослужители выступили оттуда; одинъ изъ нихъ несъ на головѣ крестъ и Евангеліе, другой держалъ въ лѣвой рукѣ зажженную свѣчу, а правою кадилъ предъ иконостасомъ и народомъ. Священникъ остановился среди церкви, осѣнилъ крестомъ четыре стороны и воскликнулъ: Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази его!—Клиръ запѣлъ: Кресту Твоему поклоняемся, Владыко! Богомольцы, совершивъ поклоненіе до земли, присоединили къ нему голоса свои равно какъ и во время водоосвященія. При погруженіи креста, раздался общій хоръ молитвы: Спаси, Господи, люди Твоя!

*) Колокольный благовѣстъ позволяли тамъ только одинъ разъ въ день и не ранѣе 8 часовъ утра.

(• Въ этой церкви нашелся одинъ придѣлъ, не оскверненный врагами.

При пѣніи стиха: Къ Богородицѣ прилежно ныиѣ притедемъ, слышались другіе звуки; это были вопли и рыданія колѣнопреклоненныхъ богомольцевъ. *)

По окончаніи водоосвященія, началась всенощная, а послѣ ея стали слушать правила, готовясь къ Причащенію. Началась литургія, во время которой всѣ благоговѣнно, со слезами умиленія и отрады, приступили къ принятію Св. таинъ. Въ заключеніе всего, священнослужители совершили еще два христіанскіе обряда: въ церкви стояла купель для крещенія новорожденныхъ и нѣсколько гробовъ съ покойниками,—какая противоположность! Здѣсь были входящіе въ свѣтъ и отходящіе изъ него переселенцы въ другой міръ.... Тогда немногіе имѣли подобное счастье; сколько труповъ валялось въ Москвѣ неотпѣтыхъ и не погребенныхъ, неотысканныхъ, обезображенныхъ и потому не признаваемыхъ родными, въ иныхъ мѣстахъ сваленныхъ въ одну кучу, въ одну общую ямину. А что за могила безъ кадила!..»

Протоіерей Михаилъ Гратинскій (кавалергардскаго полка), предъ вступленіемъ въ Москву непріятелей, не успѣлъ изъ нея выѣхать и былъ ограбленъ французами. Проживая и бѣдствуя въ Москвѣ, онъ, по многимъ просьбамъ своимъ, получилъ отъ французской администраціи дозволеніе совершить богослуженіе въ одной изъ Московскихъ церквей. Едва отъ-

*) Однажды богомольцы съ большимъ изумленіемъ увидѣли между собою нѣсколькихъ непріятелей, усердно молящихся—это были наши единоплеменники и единовѣрцы, Австрійскіе подданные, Словаки.

искалъ онъ одну, удѣлѣвшую отъ всеобщаго разоренія, верхнюю церковь Архидіакона Евпла, на Мясницкой, въ которой нашлась и утварь, нетронутая врагами. 15-го сентября, въ день коронаціи Государя, приступилъ онъ въ первый разъ къ служенію въ этой церкви. Тамъ, при стеченіи пребывавшихъ въ Москвѣ русскихъ, отправлено было имъ молебствіе, за здравіе Императора и всей царской фамиліи; всѣ едиными устами и единымъ сердцемъ произносили имя Александра. Послѣ, въ продолженіе цѣлаго часа, народъ прикладывался ко кресту, во время чего пѣли многолѣтіе. Съ тѣхъ поръ служеніе въ этой церкви продолжалось до самаго очищенія Москвы отъ французовъ *). Жители Московскіе собирались также въ церкви Харитонія въ Огородникахъ; тамъ составилось особое дружное общество: они устроили себѣ палатки вокругъ церкви, чтобъ защищаться отъ изувѣровъ; каждый день молились они въ этой церкви; непріатели пробовали прекратить богомолье, но русскіе ударили въ набатъ, собирались толпами и рѣшались противиться врагамъ своимъ, съ опасностію жизни. Священникъ Срѣтенскаго монастыря также во всѣхъ молитвахъ своихъ упоминалъ имя Александра **).

*) Объ этомъ писали изъ Твери въ редакцію Сѣверной Почты, 1812 г.

***) Наполеонъ прислалъ ему грозный приказъ: исключить это имя изъ церковныхъ молитвъ, а упоминать имя его (Наполеона); но священникъ отвѣчалъ: донесите моему Государю, что я и подъ рукою палача буду молиться за Имп. Александра; это геройство непріатели уважали и оставили священника въ покоѣ. Походныя записки русскаго офицера, Ив. Лажечникова.

Теперь взглянемъ на бытъ Воспитательнаго дома, во время пребыванія въ Москвѣ французовъ. Воспитательный домъ и тогда вмѣщалъ въ себѣ многихъ, служащихъ при немъ чиновниковъ и малолѣтнихъ воспитанниковъ, съ ихъ прислугою ***); тамъ была и больница для непріятельскихъ солдатъ. Главнымъ смотрителемъ его былъ Ив. Акинѣ. Тутолминъ; съ нимъ оставался въ Москвѣ помощникъ эконома, Зейдель, и сынъ эконома, П. Христіани; Тутолминъ приказалъ прибить къ зданію дома доску съ надписью на французскомъ языкѣ: сіе заведеніе есть домъ несчастныхъ и сирыхъ дѣтей; 5-го сентября Наполеонъ, прогуливаясь по городу, увидѣлъ съ набережной Воспитательный домъ и спросилъ объ немъ; на другой день онъ прислалъ за Иваномъ Акинѣевичемъ, который исходатайствовалъ у Наполеона отрядъ солдатъ, состоявшихъ изъ 12 жандармовъ, при офицерѣ (этотъ караулъ стоялъ тамъ до 18 Октября), для защиты питомцевъ; къ Тутолмину прибѣгали многіе беззащитные, погорѣвшіе, ограбленные, ища себѣ убѣжища и онъ никому не отказывалъ въ немъ, до тѣхъ поръ, пока домъ уже переполнился безпріютными московскими жителями, которыхъ было тамъ такъ много, что нѣкоторые изъ нихъ помѣщались въ корридорахъ, на лѣстницахъ и даже на дворѣ этого зданія. Туда приведена была и престарѣлая, слѣпая княгиня Екатерина. Мих. Голицына, съ поручицею Бауеръ, потеряв-

*) Взрослые питомцы Воспитательнаго дома увезены были изъ Москвы.

шія все свое имущество и находившіяся по нѣсколькимъ дней безъ пищи *).

Нѣсколько разъ, во время пожаровъ, занимался огнемъ и Воспитательный домъ. Иванъ Акинѣевичъ собиралъ всю прислугу свою и проживавшихъ тамъ жителей, для охраненія зданія отъ огня, съ шайками съ водою и съ вѣшниками, чтобъ гасить искры, сыпавшіяся отовсюду, какъ дождь; тамъ употребляли для этого и свои собственныя пожарныя трубы; денно и ночью, по очереди, наблюдали они за этимъ и только дружнымъ усиленіемъ и неусыпною бдительностію спасенъ былъ Воспитательный домъ отъ пламени, пожиравшаго сосѣдственныя зданія его. 4-го Сентября, въ самый ужасный Московскій пожаръ, все воспитанники выведены были на дворъ; тогда сгорѣла тамошняя аптека. Мало того, Тутолминъ исходатайствовалъ еще позволенія у французской полиціи посылать въ окрестности Москвы за припасами для питомцевъ и чрезъ посланныхъ своихъ, (Данилевскаго, съ провожатыми) увѣдомлялъ Генерала Винценгеродъ, находившагося съ отрядомъ русскаго войска въ Клину, о положеніи Москвы **). Самая высокая черта великодушія Ивана Акинѣевича является тогда, когда онъ защитилъ больныхъ французовъ, находившихся въ Воспитательномъ домѣ, отъ нашихъ войскъ, вошедшихъ въ Москву, послѣ изгнанія изъ нея непріятелей.

Во время общаго погрома Москвы, жители ея, безсознательно бѣгая изъ мѣста въ мѣсто, ища крова

*) Подвиги русскихъ, изд. 1816 года.

**) Вѣстникъ Европы 1813 года.

и пищи, съ изумленіемъ увидѣли около главы Ивана Великаго устронные лѣса, съ которыхъ непріятели снимали крестъ. Кто то увѣрилъ Наполеона, что Москва можетъ существовать только до тѣхъ поръ, пока существуетъ крестъ на этой колокольнѣ, и онъ велѣлъ снять его *).

*) Въ 9 номерѣ Сына Отечества 1813 года напечатано было, «что изъ Кремля, вмѣсто трофеевъ, увезенъ былъ французами этотъ крестъ, вышиною въ 3 сажени, обвитый весь серебряными вызолочеными листами, стоящій 60 тысячъ рублей. На это извѣстіе, кремлевскій житель напечаталъ въ Вѣстникѣ Европы, (изд. въ 1813 г. № 1.) замѣчаніе, «что этотъ крестъ въ 1811 году вновь сдѣланъ былъ изъ желѣза и обложенъ мѣдью, вызолоченною чрезъ огонь. За крестъ и за яблоко, бывшее подъ нимъ, заплачено было 8 тысячъ рублей. Яблоко послѣ французовъ найдено было въ Кремлѣ поврежденнымъ, а желѣзо изломаннымъ; крестъ этотъ находится въ Успенскомъ Соборѣ. Быть можетъ французы, подстрегаемые жадностію, все блестящее почитали за золото. Взявъ приступомъ винный дворъ, они свяли съ башни его и русскій гербъ двуглаваго орла.»

свою скуку въ Москвѣ, онъ хотѣлъ быть новымъ Сауломъ, ищущимъ отряды въ звукахъ музыки; ужъ пупечные залпы надоѣли ему.

Впрочемъ Наполеона постоянно, въ походахъ его, сопровождали нѣкоторые артисты: теноръ Бринци, Г-на Перъ и другіе; по вечерамъ пѣли они ему избранныя имъ аріи изъ итальянскихъ оперъ. *) Онъ подражалъ Фридриху великому, который любилъ музыку вообще, но особенно въ часы скорби своей, отъ неудавшихся сраженій. Надобно замѣтить, что въ началѣ войны французскій театръ существовалъ уже въ Москвѣ; дорожа дружбою Александра, Наполеонъ, послѣ Тильзитскаго мира, уступилъ ему на время лучшихъ парижскихъ артистовъ: драматическую актрису Жоржъ и перваго танцовщика Дюпора: дирекція московскаго театра, находившагося на Арбатѣ, **) осенью, въ 1811 г., пригласила ихъ изъ Петербурга въ Москву; вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими персона-

*) Записки Г-жи Фюзи, которая въ 1812 г. принадлежала къ этой труппѣ и совершила ретираду вмѣстѣ съ французскою арміею.

**) Этотъ театръ, на Арбатской площади, выстроенъ былъ въ 1803 г. на землѣ, купленной у Кн. Хованскаго и сгорѣлъ, во время пребыванія французовъ въ Москвѣ. Это было хотя деревянное, но прекрасное, круглое, зданіе-ротонда съ галереями и множествомъ дверей для выхода, на случай пожара. Предъ описываемымъ мною временемъ, въ Москвѣ образовалась французская труппа, подъ управленіемъ Г-жи Бюрсей; при вступленіи непріятелей въ столицу, нѣкоторые французскіе генералы, проѣзжая по Арбату, мимо театра, говорили: здѣсь играла наша славная Жоржъ, гдѣ то она теперь?

ЧАСТЬ II

Глава I.

Прогулки и забавы Наполеона въ Москвѣ. Маневры русскихъ войскъ. Тарутано. Донцы.

Кромѣ Кремля и площади противъ Ильинскихъ воротъ, были у непріятелей вседневные разводы, (большею частію гвардіи), еще у тверскихъ воротъ; тамъ выстраивались французскіе полки для осмотра, туда пріѣзжалъ и Наполеонъ; это составляло любимую его забаву, развлеченіе однообразной жизни въ Кремлѣ, въ ожиданіи покорныхъ пословъ отъ Кутузова, съ просьбой о мирѣ. На всякій случай, думая зимовать въ Москвѣ, онъ хотѣлъ устроить въ ней театръ; этимъ желалъ онъ доставить большое, любимое удовольствіе своимъ войскамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ заглушить, прекратить ропотъ ихъ на тяжелое пребываніе въ Москвѣ. «Кормите глаза народа», писалъ онъ и въ Парижъ. Сдѣланы были уже и распоряженія о высылкѣ изъ Франціи лучшихъ артистовъ и приглашеніе итальянскимъ пѣвцамъ, прибыть на зиму въ Москву. Наполеонъ хотѣлъ разсѣять собственную

жами *); не задолго до войны, они возвратились въ свое отечество, а кое-кто, изъ сопровождавшихъ ихъ артистовъ и артистокъ, остались въ гостеприимной Москвѣ до самой эпохи 1812 г.

Между тѣмъ французы, въ ожиданіи парижскихъ и итальянскихъ артистовъ, составили въ Москвѣ общество любителей театра изъ своей среды, подъ покровительствомъ Мюрата; но главнымъ дѣятелемъ и директоромъ импровизированнаго театра былъ префектъ Наполеонова двора, Боссе, тотъ самый, который, накануне бородинскаго сраженія, привезъ ему портретъ его малолѣтняго сына. Отыскивая въ Москвѣ помѣщеніе для театра, Боссе узналъ, что на Никитской, въ домѣ Познякова**), находится готовая сцена и партеръ; онъ поспѣшилъ туда и нашелъ тамъ еще кулисы

*) Жоржъ почиталась соперницею первой парижской актрисы, Дюшенуа; въ то же время прибыла изъ Петербурга въ Москву наша актриса, Семенова; она являлась на сценѣ въ русскихъ спектакляхъ по четвергамъ, а Жоржъ во французскихъ, по субботамъ; оба эти дни театръ былъ наполненъ зрителями; для полученія билетовъ многіе приходили въ театръ съ вечера и всю ночь толпились у дверей конторы; обѣ актрисы являлись въ трагедіяхъ Расина и Вольтера. Любители и знатоки драматическаго искусства были отъ игры обѣихъ актрисъ въ восторгѣ. Публика раздѣлялась тогда на двѣ партіи: Жоржистовъ и Семеновистовъ; главою послѣдней былъ Гр. Ф. В. Растропчинъ, написавшій самъ нѣсколько театральныхъ пьесъ. Изъ ст. Н. Горчакова, помѣщенной въ Пантеонѣ русскаго театра.

**) Это былъ прекрасный домъ съ колонадой, выстроенный по плану архитектора Бове; по смерти Познякова его купилъ Кн. Юсуповъ и перестроилъ.

и прочія принадлежности театра. Но вся эта обстановка представляла самый печальный видъ; въ театрѣ побывали уже дѣйствующія лица: французы, грабители; тамъ бархатъ съ ложъ былъ содранъ, люстры, канделябры и мебель изломаны. Все это поспѣшили поправить, подновить, подкрасить, и, по-возможности, привести въ лучшей порядокъ. Къ Боссе явились, подъ предводительствомъ Г-жи Бюрсей, оставшіеся въ Москвѣ бродячіе артисты французской труппы въ рубищѣ, а артистки въ разныхъ лохмотныхъ театральныхъ костюмахъ, съ предложеніемъ своихъ услугъ. Наполеонъ, узнавъ объ этомъ, обрадовался и приказалъ ихъ прилично окопировать; Боссе съ мад. Бюрсей, не теряя времени, составили репертуаръ представлений; награбленная въ Москвѣ парча пошла на занавѣсъ, ложи снова удрапировали бархатомъ, съ потолка спустили похищенное, серебряное, церковное паникадило со свѣчами. Въ этомъ театрѣ явилась и дорогая, комфортабельная мебель, и бронза, и позлащенные жирандоли, и цвѣтные ковры. Костюмы для дѣйствующихъ лицъ подѣлали изъ разхищеннаго же величественнаго бархата, церковныхъ ризъ, атласа и алансонскихъ кружевъ. Уборныя также приведены были въ приличный порядокъ *). Наполеонъ назвалъ этотъ театръ своимъ придворнымъ.

И вотъ, когда все было готово, на Тверской, на другихъ большихъ улицахъ и въ Леонтьевскомъ переулкѣ, на столбахъ, прибыты были извѣстительныя

*) Пантеонъ русск. театровъ, 1840 г., ст. Ф. Кони.

объявленія объ открытіи театра; у входа въ него наклеены были афиши на разноцвѣтной бумагѣ. **) Наконецъ, среди погрома и пожарищъ, среди пепелищъ и развалинъ Москвы, вмѣстѣ съ звуками воплей и рыданій московскихъ жителей, загремѣли увертюры знаменитыхъ композиторовъ, раздались звучные стихи Корнеля и Расина и веселые, игривые куплеты парижскихъ водевилей. Партеръ тамъ занятъ былъ заслуженными солдатами; въ первыхъ рядахъ его находились драбанты старой гвардіи, въ полной формѣ, съ крестами почетнаго легіона на груди. Ложи, подъ богатой драпировкой, были наполнены высшими чиновниками штаба Наполеона и офицерами всѣхъ націй; по общему требованію, тамъ пѣлись патріотическія пѣсни ***); въ почетныхъ ложахъ сидѣли и усердно аплодировали дамы, состоявшія изъ разныхъ иностранныхъ гувернантокъ, авантюристокъ и героинь кузнецкаго моста. Оркестръ тамъ составленъ былъ изъ лучшихъ гвардейскихъ музыкантовъ, болѣе трубачей *); за входъ платили небольшую сумму, чтобы

*) Разсказъ современника той эпохи.

**) Пант. русск. театровъ, 1840 г. ст. О. Кони.

...*) Разсказъ бывшаго перваго солиста на скрипкѣ, при моск. театрѣ, Авд. Петр. Полякова; онъ самъ игралъ (по неволѣ) въ оркестрѣ этого театра и получилъ жалованье, 83 наполеондора золотомъ, въ чемъ и росписался въ кассовой книгѣ. Съ нимъ игралъ тамъ другой русскій музыкантъ, виолончелистъ, Татаринъ; они, наравнѣ съ французскими артистами, ходили за порціей говядины въ Петровскій монастырь, имѣли охранные листы и носили треугольныя шляпы съ кокардами. Послѣ они были за то судимы русскимъ правительствомъ, но оправдались

только покрыть освѣщеніе театра; въ немъ была почти вся Европа въ маломъ объемѣ.

Между остововъ погорѣлыхъ домовъ, среди ночнаго затишья и глубокой темноты въ Москвѣ, театръ, ярко освѣщенный, представлялся какъ оазисъ въ пустынѣ; между опустѣлыми улицами столицы, одна Никитская являла собою одушевленный видъ: она была загромождена экипажами, которые мчались по ней къ театральному подъѣзду, и по окончаніи представленій, сверкая каретными фонарями, разъѣзжались обратно, по разнымъ направленіямъ. Театръ окружала цѣпь солдатъ, состоявшая, попеременно, изъ разныхъ полковъ; они охраняли театръ отъ напора неприглашенныхъ и отъ тайнаго будто бы покушенія русскихъ: зажечь театръ; для этого, около него, разставлены были еще чаны съ водой. Представленій въ немъ было не болѣе десяти; аматерамъ театра готовились другія представленія, въ которыхъ они должны были сами быть: и дѣйствующими лицами и зрителями. Наполеонъ не былъ въ театрѣ, онъ только съ Боссе занимался репертуаромъ его, самъ назначалъ пьесы (Фигаро, Три Султанши, Разсѣянный, Проказы въ тюрьмѣ, Сидъ и Заира и проч.) и слушалъ отчеты о представленіяхъ. Мад. Бюрсей, къ дополненію собственной его капеллы, находившейся въ Кремлѣ,

тѣмъ, что имъ нечѣмъ было питаться; они окончательно были ограблены. (Театральные артисты жили до непріятелей въ Леонтьевскомъ переулкѣ, въ нанятомъ отъ казны домѣ Княг. Голыцкой). Подослушавъ прекрасную, отчетливую игру Полякова въ этомъ домѣ, французы завербовали его въ свой оркестръ.

рекомендовала ему проживавшаго въ Москвѣ учителя пѣнія, Итальянца Таркиню и пьянистку Мартини *). Для совершенія удовольствія европейской публики, въ этомъ театрѣ устроено было представленіе, въ родѣ дивертисмана, изъ русскихъ плясокъ; въ нихъ особенно отличались дѣвицы Ламираль, въ полномъ, роскошномъ русскомъ платьѣ, (отецъ ихъ и до и послѣ непріятельскаго нашествія былъ, вмѣстѣ съ Югелемъ, танцевальнымъ учителемъ въ лучшихъ домахъ Москвы). Эта невиданная французами пляска очень понравилась имъ, тѣмъ болѣе, что они не ожидали найти въ ней столько пѣги, чувствъ и граціи. Однажды французы, выходя изъ театра, съ изумленіемъ остановились противъ одного полуразрушеннаго дома, откуда раздавались унылыя, но стройныя звуки закатной русской пѣсни; они были очарованы этими звуками: Charmant, Charmant! да это прекрасно, bravo! воскликнули они. Русскую пѣсню: «Не одна-то во полѣ дорожка пролегала, пѣль извѣстный композитеръ русскихъ пѣсенъ, ученикъ славнаго Сартти, (бывшаго капельмейстера Князя Таврическаго), Кашинъ **).

*) Пант. русск. театровъ, 1840 г.

**) Сынъ Отечества, 1812 г. Кашинъ оставался въ Москвѣ, но нѣкоторые театральные артисты наши пріютились тогда въ Костромѣ, въ домѣ Губернатора Пасынкова и давали тамъ спектакли; иные были въ Ярославѣ, гдѣ потѣшала публику и извѣстная цыганка Стешка съ своимъ хоромъ. — Сундуновъ бѣжалъ въ Сумы, къ другу своему, А. А. Палицыну (переводчику новой Эловы Ж. Ж. Руссо): Палицынъ наслу узналъ

Наполеонъ выбѣжалъ прогуливаться, осматривать оставшуюся отъ пожаровъ Москву и ближнія окрестности ея, съ большой и съ блестящей свитой; онъ находился въ срединѣ ея; сверхъ того его окружали мамелюки съ заряженными ружьями: вѣроятно онъ опасался покушенія на жизнь свою со стороны русскихъ, не разъ испытавъ уже самоотверженіе ихъ къ жизни. Московскіе жители изъ за угловъ и заборовъ съ любопытствомъ глядѣли на французскаго Аполіона; болѣе всѣхъ, изъ свиты его, обращалъ на себя вниманіе Мюратъ, (на время пріѣзжавшій въ Москву изъ лагеря своего, по сосѣдству съ Тарутинымъ), настоящій типъ итальянца, видный и красивый брѣнетъ съ блестящими черными глазами, съ распущенными по плечамъ волосами и съ густыми бакенбардами, придававшими мужественный видъ физіономіи его; онъ рисовался на игривомъ, пляшущимъ подь нимъ сѣромъ конѣ. Одѣтъ былъ неаполитанскій король какъ-то сценически, маскарадно, пестро, мозаично, героемъ мелодрамы: въ курткѣ съ стоячимъ воротникомъ, на которомъ сверкало генеральское шитье, въ польской шапочкѣ (конфедераткѣ), надѣтой на бокъ на головѣ его

его въ бородѣ и въ крестьянской сермагѣ. — Шушеринъ, въ іюнь мѣсяцъ того года, выстроилъ себѣ уютный домикъ въ Москвѣ и праздновалъ въ немъ новоселье. С. Н. Глинка, бывшій въ числѣ гостей его, выпивая задравный бокалъ, пророчески сказалъ: «дай Богъ хозяину пожить 100 лѣтъ, а домикъ этотъ не уцѣлѣть.» Предсказаніе его сбылось: домъ Шушерина, въ общемъ пожарѣ Москвы, сгорѣлъ, а чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ не стало и самаго хозяина дома.

и украшенной пучкомъ страусовыхъ перьевъ. Пунцовыя гусарскія чинчиры (нижнее платье), дорогой персидскій кушакъ, желтыя сапожки, турецкая сабля, осыпанная брилліантами, легкое французское сѣдло съ яркочвѣтной азіатской збруей, тигровая шкура, вмѣсто чепрака, шелковая плетка въ рукахъ—все это довершало фантастическій костюмъ его. *) Нѣкоторые изъ москвитянъ принимали Мюрата за самаго Наполеона, но когда они узнали настоящаго Императора французовъ, то съ изумленіемъ осматривали простой, пепельно-сѣрый походный сертукъ его и низенькую треугольную шляпу: «ишь, птичка не величка, а ноготокъ востеръ у ней,» говорили они. Иногда Наполеонъ надѣвалъ темнозеленый мундиръ съ краснымъ воротникомъ (безъ штыря) и вывѣшивалъ на камзолѣ всѣ свои регалии.

Наполеонъ осматривалъ съ Сухаревой башни тропицкую дорогу, также, проѣзжая по набережной, Воспитательный домъ и велѣлъ снять рисунокъ съ фасада его. Онъ ѣздилъ по Замоскворѣчью, на раскольничье преображенское кладбище, гдѣ принимали его раболѣпно, и въ другіе дальніе концы Москвы, удивлялся обширности ея, своеобразной архитектурѣ нѣкоторыхъ зданій, и говорилъ: «Москва похожа на таборъ дикихъ народовъ, раскинувшійся въ степи.» Съ особеннымъ любопытствомъ обратилъ вниманіе на массивныя

*) Въ такомъ же костюмѣ проѣзжалъ Мюратъ и чрезъ польскіе города: тамъ называли его супругомъ Польши. Русскіе и Нап. Бонапарте: книга, писанная Мос. жителемъ, 1813 г.

стѣны монастырей: Донскаго, Новоспасскаго *) и Новодѣвичьяго **). Иногда онъ отправлялся на охоту,

*) Въ немъ особенно тогда неистовствовали французы: предъ нашествіемъ ихъ въ Москву, изъ монастыря вывезены были драгоценности, а нѣкоторыя скрыты надъ сводами, надъ кровлею. Настоятель монастыря, Амросій Орнатскій, удалился изъ него: въ немъ остался Намѣстникъ его, старецъ Никодимъ, съ немногими монахами и послушниками. Поляки прежде всѣхъ вторгнулись туда для грабежа, за ними явились уже и прочія разноплеменные націи; они схватили намѣстника, требовали у него денегъ, избили, изранили его саблями, притащили въ соборъ, гдѣ продолжали истязанія свои надъ нимъ, выпытывая: куда скрылъ онъ монастырскія сокровища, и не вынудивъ у него признанія, отпустили его, едва живаго. Тогда же принесено было въ монастырь, для погребенія, окровавленные тѣло Сорокосвятекаго священника, П. Вельяминова (церковь, противъ монастыря) также истязаннаго непріятелями. Вечеромъ, того же дня, отъ пожара лѣснаго ряда загорѣлся и монастырь; монахи и послушники бросились искать себѣ спасенія: кто въ Москвѣ-рѣкѣ, кто въ погребѣхъ и въ подвалахъ монастырскихъ. Ночью занялась и колокольня, съ которой, съ ужаснымъ трескомъ, упалъ колоколъ въ 1000 пудъ, прошибъ своды Сергіевской церкви и повисъ надъ ней.—Кельи настоятеля, съ Покровской церковью, обращены были въ казармы, а знаменская церковь въ конюшню; но сколько ни старались непріатели ввести лошадей въ Преображенскій соборъ, по насланнымъ подмосткамъ, никакъ не могли въ томъ успѣть. Они вездѣ искали сокровищъ, разрывали могилы на монастырскомъ кладбищѣ, разламывали каменные надгробницы въ усыпальницѣ, и даже престолы и жертвенники въ алтаряхъ. Найденныя серебряныя ризы разрубали они палашами и дѣлили между собою. Вскорѣ послѣ этого, настоятельскіе покои занялъ французскій генералъ; тогда въ святыхъ воротахъ расположилась гаубтвахта съ пушками, а монастырскій дворъ наполнился фургонами, разнымъ скотомъ и птицами, для удовольствія непріятелей. Описаніе Новоспасскаго монастыря, Ив. М. Снегирева.

**) Въ Новодѣвичьемъ монастырѣ непріатели жили, и потому

устроиваемую для него въ ближайшихъ къ заставѣ лѣсахъ; *) но она-не могла быть удачна, потому что и оттуда не только звѣри, но и птицы были выпугнуты или сбѣгались добычей голодныхъ, пригнанныхъ въ Москву европейскихъ полчищъ. Многіе изъ непріятелей, (егеря своего рода) потѣшались стрѣльбою птицъ на улицахъ, всякихъ, безъ разбора, особенно голубей, на сунъ и на жаркое. «Ишь, нехристи какіе, говорили про нихъ русскіе: бьютъ и голубей, Божью птицу». Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ устроены у нихъ были мишени; они упражнялись стрѣльбой въ цѣль.

Пока еще не совершенно проявъ французовъ холодъ и голодъ, кромѣ театральной забавы, они устроивали себѣ катанья по Москвѣ; экипажи набирали они какіе попало: кареты, коляски, линейки съ фартуками, брычки, таратайки на березовыхъ ресорахъ, да же госпитальныя повозки, фуры и простыя телѣги, трясучки, запряженныя какими попало лошадьми: бойки-

онъ былъ сохраненъ. Святыя ворота его были завалены пескомъ съ глиною и бревнами, передъ ними устроенъ былъ паранетъ (валъ), для защиты: на могильныхъ камняхъ и въ храмахъ его солдаты расположились биваками. Въ монастырѣ, съ дозволенія Мюрата, происходило богослуженіе: оберегательницею его въ то время была старица Сарра;—она внушила врагамъ такое къ себѣ уваженіе, что ни одна изъ просьбъ ея не оставалась тщетною. По удаленіи изъ монастыря французовъ, она, увидя на дворѣ зажженные фитили, которые проведены были къ церковнымъ подваламъ, наполненными порохомъ, собравъ старицъ-монахинь, съ спокойною твердостью потушила ихъ, и, опустившись въ подвалы, приняла всѣ мѣры къ безопасности монастыря. Живописныя виды москов. монастырей, изд. 1846 г.

*) Въ стникъ Европы, 1813 г.

ми рысаками, скакунами и смиренными клячами. Гулякъ, большею частію хмѣльныхъ, сопровождали и дамы, набранныя также откуда попало; поѣзды тянулись цѣпью по большимъ улицамъ, оглашаемые пронзительными и сильными звуками колокольчиковъ и бубенчиковъ и какими-то ухорѣзными звуками ручныхъ инструментовъ, соединенными съ пискомъ, хохотомъ и пѣснями на разныхъ языкахъ. Порою раздавались изъ экипажей выстрѣлы по сторонамъ, въ кого попало и самыя нецензурованныя выраженія *). Наполеонъ и вся администрація его смотрѣди на это безчестство снисходительно, слѣдуя русской пословицѣ: «чѣмъ бы дитя ни тѣшилось, только бы не плакало,» т. е. не ронтало. «Вотъ, погодите», говорили москвитяне, съ неудовольствіемъ смотря на бѣснующіеся поѣзды, «какъ придетъ Егорій съ гвоздемъ, да Никола съ мостомъ, такъ не такъ еще запоете, бѣлугой завоюете!» Катанье ихъ было неудачное подражаніе русской ямской ѣздѣ; у кучеровъ ихъ, фурманщиковъ, не доставало тѣхъ бойкихъ покрякиваній и понукиваній, какія свойственны нашимъ ямщикамъ.

Нѣкоторые, похитрѣе изъ непріятелей, старались войти въ довѣренность къ русскимъ, чтобы, посредствомъ ихъ указанія и совѣтовъ, воспользоваться случаями, къ облегченію себя отъ грозныхъ и неумолимыхъ враговъ: холода и голода. Замѣчательно, что непріятели, вступивъ въ Россію, снабжены были книжечками, въ которыхъ собраны были употребительнѣйшія слова и разговоры на четырехъ языкахъ: фран-

*) Разсказъ современника той эпохи.

цузскомъ, русскомъ, польскомъ и нѣмецкомъ; въ нихъ русскія фразы напечатаны были иностранными буквами, напримѣръ: дай меня кушать, подай меня пить, я лублу гофядинъ, вещьну, курица, я хочу спать, давай меня постель, мюжикъ! покажи меня дорогу и т. д. *).

Между тѣмъ Наполеонъ все ждалъ еще отъ русскихъ мирныхъ переговоровъ; онъ изыскивалъ всѣ средства—войти въ сношенія съ Имп. Александромъ: вызвавъ къ себѣ Тутолмина, онъ поручилъ ему составить донесеніе Государю обо всемъ томъ, что происходитъ въ Москвѣ, разумѣется выставить только невинную сторону происшествій, не дѣлая нареканій на поступки французовъ. Наполеонъ приказалъ Тутолмину включить и то въ донесеніи, что Воспитательный домъ сохраненъ его распоряженіемъ, что Москву сожгли сами русскіе, по внушенію Растопчина. Тутолминъ, сохраняя цѣлость своего заведенія, долженъ былъ безпрекословно исполнить это приказаніе, хотя, вѣроятно, не совсѣмъ въ такомъ видѣ, какъ желалъ Наполеонъ; письмо къ Государю было отправлено съ русскимъ чиновникомъ, пропущеннымъ чрезъ французскіе аванпосты. Не довольствуясь этимъ, Наполеонъ призвалъ къ себѣ отставнаго офицера гвардіи, Яковлева и отправилъ его съ собственноручнымъ послѣднимъ письмомъ къ Александру; содержаніе его состояло въ увѣреніи уваженія къ качествамъ Государя. Наполеонъ заключилъ его

*) Во время торопливаго выхода своего изъ Москвы, непріатели забыли въ ней эти книжечки. Моск. записки въ Вѣстникѣ Европы, 1812 г.

словами: «Безъ озлобленія веду я войну съ Ваш. Вел.; если бы прежде послѣдняго сраженія, или вскорѣ послѣ него, вы написали ко мнѣ дружеское письмо, то я остановилъ бы свою армію, не доводя ее до Москвы и охотно пожертвовалъ бы выгодною вступить въ вашу столицу. Если В. В. хотя отчасти сохраняете ко мнѣ прежнія чувства, то съ благосклонностію прочтите мое письмо. Во всякомъ случаѣ вы мнѣ будете благодарны за то, что я извѣстилъ В. В. о томъ, что происходитъ въ Москвѣ».

Отвѣта на это письмо отъ русскаго Государя не было.

Въ исходѣ сентября, когда уже непріателямъ начала представляться печальная будущность, маршалъ Бертье написалъ къ Кутузову извѣщеніе о томъ, что Наполеонъ желаетъ отправить къ нему Генераль-адъютанта своего, Лористона, для важныхъ переговоровъ. Кутузовъ изъявилъ свое согласіе на принятіе посла, но не иначе, какъ вечеромъ, извиняясь тѣмъ, что днемъ онъ очень занятъ *). Мы давно уже разстались съ русской арміей, уныло отступавшей чрезъ Москву на рязанскую дорогу; пока французы кочуютъ еще въ Москвѣ, посмотримъ на маршъ нашего войска и на Тарутинскій лагерь.

Чтобы представить послѣдовательность дѣйствій Кутузова, во времени отступленія его изъ Москвы, сдѣ-

*) Кутузовъ съ намѣреніемъ хотѣлъ принять Лористона вечеромъ; онъ имѣлъ въ виду показать ему тарутинской лагерь во всемъ блескѣ бивачныхъ огней и въ полномъ раздолѣ его, во время отдыха солдатъ, послѣ дневнаго обученія ихъ.

лаемъ извлеченіе изъ рапорта его (отъ 4-го сент.) изъ селенія Жилино къ Государю: «По извѣстнымъ В. И. В. причинамъ, я долженъ былъ впустить непріятеля въ Москву; съ арміею своею дѣлаю я движеніе по Тульской дорогѣ, чтобы прикрыть пособія, изготовленные въ хлѣбородныхъ нашихъ губерніяхъ. Другое направленіе пресѣкло бы мнѣ оное, равно какъ и связь съ арміями Тормозова и Чичагова. Партиями моими я буду пресѣкать всю линію непріятельскую, растянутую отъ Смоленска до Москвы; чрезъ это надѣюсь принудить непріятеля оставить столицу; теперь, вблизи отъ нея, собравъ мои войска, могу я твердою ногою ожидать непріятеля. Пока армія В. В. цѣла и движима храбростію, дотолѣ еще возвратная потеря Москвы не есть потеря отечества; дѣло идетъ о томъ, чтобы спасти его».

Отъ 6-го сент. изъ гор. Подольска Кутузовъ пишетъ: «Я продолжаю движеніе свое около Москвы; сдѣлавъ два марша по Коломенской дорогѣ, я повернулъ къ Подольску; часть козаковъ оставлена мною, для фальшиваго движенія ихъ на Коломну, съ тѣмъ, что будто бы и армія сдѣлала туда свое отступленіе; это фальшивое движеніе мое имѣло успѣхъ, ибо непріятель послѣдовалъ за козаками. Оно даетъ мнѣ ту удобность, что завтра наша армія, сдѣлавъ фланговой маршъ, 18 вер. на Калужскую дорогу, весьма озаботитъ тылъ непріятеля.

Отъ 11-го сент. изъ с. Красныя Пахры: «Армія, находясь нынѣ на старой калужской дорогѣ, и положеніемъ своимъ прикрывая Тулу, Калугу и Орель,

удачно совершила то движеніе, о которомъ я всеподданнически Вамъ доносилъ. Армія наша вводила непріятеля во всякомъ своемъ маршѣ въ неудоумѣніе, она сбила его съ толку, она маскировалась фальшивыми движеніями легкихъ войскъ, которыя дѣлали демонстрацію: то къ Коломнѣ, то къ Серпухову; за ними непріятель слѣдовалъ большими партиями, и, потерявъ изъ вида нашу армію, остался въ недоумѣніи и сталъ посылать въ разныя стороны сильные отряды, для открытія насъ».—19 сент. былъ Кутузовъ въ деревнѣ Богородицкой; слѣдующіе рапорты его идутъ уже изъ главнаго лагеря, при селѣ Тарутинѣ, въ которое вступилъ онъ 22-го сент. Французы думали, что онъ, выстуня изъ Москвы, идетъ защищать тульской оружейный заводъ, или Петербургъ, или Нижній-Новгородъ; только 14-го сент. непріятели открыли слѣды нашей арміи и увѣдомили о томъ Наполеона. Онъ приказалъ тѣснить ее; между тѣмъ армія наша отступила еще на нѣсколько переходовъ, по калужской дорогѣ, до Тарутина, расположеннаго по обѣимъ берегамъ Нары *). Кутузовъ остановился на высокомъ,

*) Тарутино находится на старой калужской дорогѣ, въ срединѣ между Москвою и Калугою; возвышенный берегъ Нары представлялъ для лагеря крѣпкую позицію съ фронта и съ праваго крыла; по лѣвую сторону сдѣланы были засѣки и построены укрѣпленія; Тарутино принадлежало Г-жѣ Нарышкиной. Оно превратилось во французскій казембуръ: *Ta toutin m'a de route*, т. е. «твоя привычка сбила меня съ толку».—Самъ Кутузовъ жилъ въ деревнѣ Лешаповкѣ (привадл. Кн. Волконскому), въ 4 верст. отъ Тарутина, къ югу, по дорогѣ, лежащей изъ Москвы въ Калугу.

правомъ берегу ея, и, окруженный своимъ генералитетомъ и арміею, произнесъ: «теперь ни шагу назадъ; здѣсь умремъ или отсюда пойдёмъ впередъ» *). Здѣсь хотѣлъ онъ выжидать дѣйствія непріятелей, стараясь усыпить Наполеона въ Москвѣ, и въ то же время дать отдыхъ своей арміи, разстроенной продолжительнымъ отступленіемъ и упорными битвами, а вмѣстѣ съ тѣмъ пополнить ее новоформирующимися отрядами; съ врагами же продолжалъ малую войну, болѣе партизанскую и народную. Впродолженіе этого времени, происходили небольшія стычки съ французами, въ особенности при фланговомъ движеніи нашей арміи; здѣсь въ первый разъ появились предъ ними Башкиры на сухонарыхъ лошадяхъ своихъ, и въ ушастыхъ шапкахъ. Эти новые козаки, какъ называли ихъ французы, начали выманивать изъ лѣсу непріятельскихъ фланкеровъ и тормозить ихъ; съ разными уловками пускали они въ нихъ мѣткія стрѣлы свои, увивались около манежныхъ шассеровъ: то бросались на нихъ, то увертывались отъ нихъ, то, вдругъ, опять съ гикомъ, съ визгомъ нападали на нихъ—и потомъ опять разсыпались въ разныя стороны...

Многіе наши воины желали повторенія бординскаго сраженія и роптали на излишнюю осторожность стараго тактика; нѣкоторые даже называли его трусомъ. Наши солдаты не понимали значенія фланговаго марша своего; они думали, что уже идутъ переговоры о мирѣ съ французами: между ними прошли

*) Журналъ военныхъ дѣйствій Кутузова.

слухи, что русское правительство уступаетъ Наполеону всѣ пройденныя имъ губерніи, съ городомъ Смоленскомъ и даетъ ему вспомогательный корпусъ противъ англичанъ! Ропотъ солдатъ увеличивался все болѣе и болѣе. Барклай развѣзжалъ по линіямъ войскъ и произносилъ сильную и ободрительную рѣчь солдатамъ, въ которой онъ выразилъ имъ увѣренность въ томъ, что Россія не заключитъ съ Наполеономъ мира до тѣхъ поръ, пока не выгонять всѣхъ непріятелей изъ нашего отечества. Солдаты съ радостію выслушивали эти извѣстія и стали уже менѣе горевать о Москвѣ: «Чтожь такое,» говорили они, «царь нашъ изъ каждаго города выдвинетъ столицу, такъ какъ Петръ великій изъ болота сдѣлалъ Петербургъ *). Были, впрочемъ, дальновидные наблюдатели за дѣйствіями Кутузова и одобряли ихъ. Кутузовъ все зналъ, что объ немъ говорили, но онъ молчалъ до времени.

Есть преданіе, что Ив. Андр. Крыловъ также проникъ его замыслы; онъ написалъ для него и прислалъ ему изъ Петербурга басню: Волкъ на псарнѣ **), и вотъ, получивъ ее, однажды Кутузовъ поѣхалъ осмотривать свой, быстро выстроенный, широкораскинув-

*) Стратегики обвиняютъ Наполеона въ томъ, что онъ не пустилъ за отступавшею русскою арміею часть своего войска а самъ не пошелъ на Боровскъ, чтобы стать ближе къ южнымъ губерніямъ; тогда онъ заслонилъ бы сообщенія главной нашей арміи съ арміями Тормазова и Чигагова. Утвердившись въ этихъ мѣстахъ, онъ могъ бы нѣсколькими днями позже овладѣть Москвою.

**) Нѣкоторые полагаютъ, что Кутузовъ получилъ эту басню во время преслѣдованія французовъ.

шійся лагерь, настоящей городокъ, съ госпиталями, съ улицами, съ площадками для рынковъ, съ большимъ плацъ-парадомъ и съ проч., только не каменный. Онъ скакалъ на маленькой, но бодрой лошаdkъ, верхомъ, въ мундирномъ сертукѣ, въ бѣлой фуражкѣ и съ шарфомъ черезъ плечо, въ видѣ перевязи; (ему было тогда 68 лѣтъ; онъ былъ тучень, но еще довольно свѣжъ и бѣзжалъ нѣсколько согнувшись). Козакъ везъ за нимъ скамейку, которую подставлялъ ему подъ ноги, когда онъ садился на лошадь, или слѣзалъ съ нея; (въ это время Кутузовъ былъ уже слабъ ногами и не могъ долго ни ходить, ни бѣздить верхомъ). Помахивая своей ногойкой, онъ вѣхалъ въ средину лагерь; тамъ весело блистали бивачные кашеварные огни. Кутузовъ остановился у одной палатки, гдѣ было большое сборище офицеровъ и солдатъ, ласково принялъ шумное привѣтствіе ихъ, сѣлъ на свою скамейку и, улыбаясь, сказалъ: «Господа! не хотите-ли послушать новую басенку Ив. Андр. Крылова?»—Всѣ стѣсненною толпою окружили своего предводителя, и онъ имъ прочелъ помянутую басню, сдѣлавъ особенное удареніе на послѣдніе стихи ея:

Послушай-ка, сосѣдь,

Тутъ ловчій нерервялъ въ отвѣтъ *):

Ты сѣрь, а я, пріятель, сѣдь

И волчью вашу я давно натуру знаю;

А потому обычай мой:

Съ волками иначе не дѣлать мировой,

*) Волка, который предлагалъ миръ и дружбу ловчему.

Какъ снявши шкуру съ нихъ долой—

И тутъ же выпустилъ на волка гончихъ стаю.

При словахъ: а я, пріятель, сѣдь, Кутузовъ снялъ свою фуражку, какъ бы показывая сѣдины свои—и тутъ-то всѣ поняли смыслъ басни и примѣненіе ея къ положенію своего вождя и враговъ. Радостно, съ громкими привѣтствіями, обнаружили слушатели свое сочувствіе къ расчетливому плану Кутузова. Жизнь въ лагерь кипѣла, полки наши укомплектовывались прибывающими изъ разныхъ губерній войсками, сформировавшимися Кн. Лобановымъ-Ростовскимъ. Въ лагерь производилось ежедневно ученіе рекрутъ цѣльной стрѣльбѣ и военнымъ экзерциціямъ, лошади кавалеристовъ имѣли достаточный фуражъ и стояли на здоровомъ водопоѣ; всѣ дороги, проложенныя къ арміи, покрыты были транспортами, идущими изъ хлѣбородныхъ губерній, со всевозможнымъ продовольствіемъ; туда шли парки съ зарядами, туда везли сукна, обувь и пр. Ежедневно прибывали въ Тарутино выздоровѣвшіе офицеры и солдаты; окрестные поселяне и партизаны приводили въ лагерь множество плѣнныхъ неприятельскихъ мародеровъ и просили пороха и огнестрѣльнаго оружія, въ чѣмъ имъ не отказывали. Туда пріѣзжали и жители Калужскіе, одѣляли нашихъ воиновъ всякой всячиною и усердно служили молебны Смоленской Божіей Матери, находившейся въ лагерьѣ, при гвардіи *).

*) Жители Калуги пришли въ ужасный страхъ, воображая, что Наполеонъ пробьется въ Калугу; градской глава ихъ, Торубаевъ, обратился къ Кутузову съ вопросомъ объ этомъ дѣлѣ.

полнялся разными посѣтителями, родственниками воеповъ и прочими. Духовные сановники присылали Кутузову, въ благословленіе, иконы, граждане Курска поднесли ему списокъ съ чудотворной иконы Знаменія Божіей Матери, нѣкогда защищавшей ихъ отъ враговъ отечества. Отличившимся въ схваткахъ съ французами крестьянамъ раздавали въ лагерѣ знаки военнаго ордена; даже дѣти изъ окрестныхъ селеній прибѣгали къ избѣ, въ которой проживалъ фельдмаршалъ, и просили у него оружія на враговъ. Вѣсть о занятіи Москвы французами влила новыя силы и одушевленіе въ сердца русскихъ.

Во время грозящей опасности отечеству, Гр. Платовъ отправилъ нарочнаго гонца на Донъ, съ извѣщеніемъ, что враги нахлынули на Россію. При этой разительной вѣсти встрепенулись сердца козаковъ: помутился нашъ тихій Донъ, всколыхнулся нашъ Ивановичъ! воскликнули они; старцы донскіе, отслужившіе уже свою службу, покрытые ранами, стали собираться на битву съ врагами; они скрадывали свои лѣта не для вѣнца брачнаго, (какъ сами говорили), а для подвига ратнаго, кроваваго. Они какъ будто помолодѣли, богатырскимъ полетомъ взлетѣли на засто-

Кутузовъ успокоилъ его: «погодите, вотъ я жду еще новыхъ союзниковъ,» сказалъ онъ, намекая на грядущіе морозы. Есть преданіе, что Калужане хотѣли испросить позволеніе у Государя, поминать имя Кутузова на экинѣ, за спасеніе Калуги отъ неприятелей; но Кутузовъ отклонилъ это ихъ намѣреніе, сказавъ, что подобная почеть принадлежитъ только Императорской фамиліи. Полное собраніе анекдотовъ изъ войны съ французами 1813 г.

явшихся коней своихъ, вооруженные копьями и дротиками и дали клятвенный обѣтъ, не прежде увидѣть внуковъ, когда выгонять изъ отечества враговъ.—Со многими изъ нихъ собрались и внуки, (лѣтъ съ 14 отъ рожденія). И вотъ, отъ стара до млада, изъ всѣхъ станицъ, рванулись Донцы на защиту отечества. Опустѣлъ Донъ, женщины принялись за плуги. Быстро, слишкомъ 20 полковъ сформировалось изъ козаковъ и прибыло въ Тарутино. Атаманъ ихъ, Гр. Платовъ, встрѣтилъ вѣрныхъ удалцевъ своихъ со слезами радости и произнесъ имъ слѣдующую, одушевленную рѣчь: «Врагъ идетъ на насъ съ адомъ, мы пойдемъ на него со крестомъ животворящимъ; если бы врагъ прорвался до береговъ тихаго Дона, не пощадилъ бы онъ ни женъ, ни дѣтей вашихъ. Кровь ваша смѣшалась бы съ волнами родимаго Дона, поруганы были бы храмы Господни, встревожился бы прахъ нашихъ отцовъ и дѣдовъ. Друзья и братья, воскликнемъ ко Господу силъ: не для насъ, Господи, для имени Твоего вспомоществуй намъ поразить, устыдить, изгнать врага изъ отчизны *):

*) Гр. Платовъ принадлежитъ къ фалангѣ героевъ 1812 г., которыми гордится Россія: онъ вступилъ на службу 13 лѣтъ; по заключеніи тильзитскаго мира, Наполеонъ хотѣлъ прислать ему орденъ почетнаго легіона, но Платовъ сказалъ: «зачѣмъ, я не ему служу.» Въ то время, когда Наполеону показывали ловкость Калмыковъ и Башкирцевъ, Платовъ показалъ ему искусство стрѣльбы изъ луковъ. Наполеонъ подарилъ ему табакерку съ брилліантами, а Платовъ ему свой лукъ. Въ послѣдствіи времени, когда Платовъ былъ въ Англіи, Принцъ-регентъ приказалъ списать съ него портретъ и помѣстить его въ своемъ дворцѣ. На скачкѣ,

«Готовы умереть, гдѣ ты укажешь намъ, нашъ отецъ!» дружно отвѣчали новые ополченцы. Вся армія въ Тарутинѣ приняла ихъ съ восторгомъ, всѣ стали обниматься, какъ братья кровные. А Наполеону доносили шпіоны его, что съ Дона собралось немного козаковъ, что война съ Турціею истощила силы русскихихъ.

Когда въ Уфѣ полученъ былъ манифестъ о составленіи ополченія, тамошнее дворянство также изъявило ревностное желаніе пожертвовать отечеству и собою, и достояніемъ своимъ; такъ какъ тотъ край населенъ, по большей части, воинственнымъ народомъ, то, бывшій тамъ Губернаторъ, Кн. Волконскій, сталъ собирать нерегулярныя войска; тотчасъ вооружилось также 20 полковъ. Отовсюду раздались отвѣтные голоса на ма-

въ Англии, народъ требовалъ видѣть Платова, и когда онъ появился, народъ такъ стѣснилъ его, что онъ не могъ ѣхать; даже женщины отрѣзывали по волоску изъ гривы боеваго коня его; англичане забыли тогда и объ любимомъ зрѣлищѣ своемъ, объ скачкѣ. Къ Платову являлись актера, просить его на свои бенефисы; чтобы собрать болѣе народа въ театръ, они помѣщали извѣстія объ его присутствіи въ немъ, въ пышныхъ афишахъ. Принцъ приказалъ снять изображеніе и съ величаваго бѣлаго коня Платова, на которомъ онъ носился вихремъ во время битвы, когда, по выраженію поэтовъ, онъ свистѣлъ бѣдою въ уши врагамъ. Платовъ разстался съ конемъ своимъ и, въ полномъ козацкомъ уборѣ, подарилъ его регенту. Регентъ же отдалъ Платова своимъ портретомъ на голубой подвязкѣ. Увѣнчанный славой, въ глубокой старости, Платовъ возвратился на родину свою, къ тихому Дону; тамъ взялъ онъ горсть земли и крѣпко, крѣпко поцѣловалъ ее... Жизнь Гр. Платова, изд. 1821 г.

нифестъ: жители береговъ Ледовитаго моря, рѣкъ: Оби, Енисея, Амура—всѣ пришли въ движеніе. Съ самыхъ хребтовъ уральскихъ также подоспѣло немалое число вооруженныхъ ратоборцевъ; вездѣ забряцало оружіе, вездѣ послышались восклицанія дикихъ, но храбрыхъ воиновъ: «Идемъ всѣ поголовно, луки наши натянуты, смертоносныя стрѣлы и острые пики готовы на пораженіе враговъ! И на побережьѣ Урала, старинные воины, потомки Новгородцевъ и Донцевъ, единодушно восклицали: «Не дадимъ святой Руси въ обиду иноплеменикамъ! Мордва, Тептеры, Мещеряки, Черемисы, Башкиры, (луговые народы) всѣ быстро двинулись на враговъ. Замѣчательно, что непріязненные намъ Киргизы не воспользовались удаленіемъ русскихъ войскъ, составлявшихъ пограничную цѣпь и прекратили свои грабежи. Якуты, узнавъ о вторженіи непріятелей въ Россію, начали усердно молиться, по своему обряду, за высокое солнце, т. е. за русскаго царя *)».

Не смотря на свои преклонныя лѣта, Кутузовъ дѣятельно занимался организациею сборнаго войска; въ простой крестьянской избѣ сидѣлъ онъ, погруженный въ глубокую думу; его окружили скоропицы, которымъ онъ диктовалъ донесенія свои Государю или приказы отдѣльнымъ начальникамъ русской арміи **) Хотя самъ онъ былъ важенъ и задумчивъ, но не любилъ видѣть около себя пасмурныя лица; если же за-

*) Сѣвер. Почта, 1812 г.

**) Для успокоенія Россіи. Кутузовъ приказалъ разсылать во всѣ губерніи печатныя извѣстія изъ дѣйствующей арміи; кромѣ того Милорадовичъ устроилъ летучую почту изъ козаковъ.

мѣчалъ ихъ, то отдалялъ отъ себя подобныхъ людей. Дума его уже созрѣла, только надобно было привести ее въ исполненіе. Наконецъ сталъ получать онъ благоприятныя извѣстія отъ командировъ отдѣльныхъ отрядовъ русскаго войска, (стоявшаго по разнымъ окрестностямъ Москвы) и объ славныхъ, лихихъ дѣйствіяхъ партизановъ и поселянъ; лицо его просіяло; въ это время подоспѣли и награды за бородинское дѣло, которыя онъ тотчасъ и роздалъ *).

*) Кромѣ другихъ, высшихъ наградъ, офицерамъ выдано было третное жалованье, а нижнимъ чинамъ по 5 рубл. на челоуѣка.

Глава II.

Народная война; партизаны. Троицкая лавра. Кутузовъ и Лористонъ. Тарутинская битва.

Народная, малая война подмосковныхъ поселянъ и самыя молодецкія дѣйствія партизановъ начинаются съ бородинской битвы. По вызову подполковника Давыдова, еще гораздо прежде взятія французами Москвы, образовалась, подъ его начальствомъ, небольшая партія легкаго войска, которая отбивала обозы, забирала и поражала отсталыхъ непріятельскихъ фуражировъ, по смоленской дорогѣ. Удачныя схватки поселянъ и партизановъ съ французами очень озабочивали Наполеона; Кутузовъ, видя успѣхъ этой войны, дозволилъ составить еще нѣсколько летучихъ отрядовъ— и двинулъ ихъ по разнымъ направленіямъ, на путь сообщенія непріятелей. Въ это время, и послѣ, являлись соревнователями и сподвижниками Давыдова: Фигнеръ *), который рыскалъ между авангардомъ непріятеля и главной его арміею, простирая кровавыя поис-

*) Многіе полагають, что Фигнеръ былъ переодѣтый, въ Москвѣ, во время погрома ея и много наносилъ вреда непріятелямъ.

ки свои до самыхъ московскихъ заставъ; Сеславинъ быстрыми набѣгами своими также поражалъ непріятелей, и, зорко наблюдавшій за движеніями ихъ, первый привезъ въ русскій лагерь важное извѣстіе о направленіи французской арміи къ Малоярославцу. Кн. Кудашевъ слѣдилъ непріятелей по тульской дорогѣ, преграждалъ путь подвозамъ ихъ съ продовольствіемъ и не разъ прорывался до главной квартиры Мюрата; Чернышевъ, въ послѣдствіи времени, приведя въ трепеть весь варшавскій округъ, летѣлъ на перерѣзъ французской арміи отъ Варшавы до Полоцка, съ извѣстіемъ о движеніи дунайской арміи къ рѣкѣ Березинѣ. Кн. Вадбольскій и другіе партизаны предшествовали отступавшей французской арміи до самой границы нашей, бились съ нею денно и ночью, преграждали ей переправы, заваливали тѣнины и безпрестанными тревогами ни на минуту не давали ей отдыха, столь необходимаго для непріятельскаго войска, изнеможеннаго голодомъ, стужею и усиленными переходами.

Въ особенности непріятели терпѣли большой недостатокъ въ фуражѣ для лошадей, вслѣдствіе чего они падали во множествѣ; сунутся ли, бывало, враги за заставу, для добычи хлѣба и овса, поселяне, закопавъ излишекъ своего запаса въ ямы, безстрашно озлобленно встрѣчаютъ ихъ рогатинами, цѣпами и топорами, а нѣкоторые ружьями и упорно защищаютъ свое добро; выстрѣлами они накликутъ партизановъ и, союдно съ ними, заставляютъ непріятелей отступить битыми и не сытыми, да еще съ большимъ недочетомъ солдатъ.

23 сент. была замѣчательная схватка между подмосковными поселянами и отрядомъ французскаго войска, въ которой помогли поселянамъ довершить побѣду надъ непріятелями крестьянскія бабы, вооруженныя чѣмъ попало, не смотря на то, что непріятели сражались уже не за Наполеона, а за свое собственное существованіе *). Почти въ это же время урядникъ Филатовъ, (козачьяго Власова полка) наблюдавшій за движеніями непріятелей по р. Нарѣ, съ небольшимъ отрядомъ козаковъ, напалъ на французовъ и, преслѣдуя ихъ, убилъ командовавшаго гвардіею Мюрата, Ген. Дери, а доломанъ его со звѣздою, съ крестами и лядункою представилъ начальству **). Подобныхъ соревнователей мужества и самоотверженія было много и между простолюдинами; имена ихъ сохранены въ донесеніяхъ по начальству и въ печатныхъ журналахъ военныхъ дѣйствій того времени. Не скроемъ истины: иногда ожесточенные поселяне поступали съ побѣжденными непріятелями безчеловѣчно; но кто-жъ довелъ ихъ до того своими насильственными и святотатственными поступками? По вѣрнымъ, официальнымъ преданіямъ, видимъ мы, что во всѣхъ городахъ, чрезъ которые проводили партіи плѣнныхъ французовъ, обрванныхъ, лохмотныхъ, жители смотрѣли на нихъ сострадательно и усердно снабжали ихъ, кто чѣмъ могъ, по русской пословицѣ: «лежачаго не бьютъ.» Тогда-то многіе изъ непріятелей увѣрились, что главнымъ врагомъ ихъ былъ Наполеонъ.

*) Походъ Наполеона въ Россію, Деминскаго.

***) Кутузовъ, по данной ему власти, произвелъ за то Филатова въ хорунжіи.

Къ числу замѣчательныхъ дѣйствій поселянъ и партизановъ принадлежитъ взятіе Верей у французовъ Ген. Дороховымъ (23 же сент.). Укрѣпленія этого города выстроены были на крутой горѣ, вышиною въ 5 саж.; на приступъ къ нимъ повели русскія войска четыре тамошніе мѣщанина, знавшіе хорошо мѣстность города. *) Почти въ это же время было чудесное спасеніе Троицкой Лавры отъ французовъ, которые стояли въ окрестностяхъ ея: Маршалъ Ней въ Богородскѣ (на пороховомъ заводѣ Беренца), а еще нѣсколько ближе къ ней, стояли французы въ Дмитровѣ; отовсюду грозились непріатели вторженіемъ въ обитель Св. Сергія и держали ее какъ бы въ осадѣ съ двухъ сторонъ; они рыскали по всѣмъ дорогамъ, ведущимъ въ Лавру, грабя и разоря окрестныхъ жителей. Три раза собирались идти они на нее, услышавъ, какими сокровищами она обладаетъ, но все какъ будто были останавливаемы чѣмъ нибудь въ этомъ предпріятіи **). Въ житіи Радонежскаго Чудотворца, Св. Сергія, сказано,

*) Ген. Дороховъ умеръ въ 1815 г. отъ ранъ, полученныхъ имъ въ разныхъ сраженіяхъ; предъ смертію своею писалъ онъ къ жителямъ Верей: «Если вы помните Ген. Дорохова, который освободилъ вашъ городъ отъ французовъ, то въ воздаяніе за это, дайте мнѣ 3 аршина земли, для вѣчнаго успокоенія, при той церкви, гдѣ я взялъ приступомъ непріательскія укрѣпленія.» — Разумѣется, желаніе его было исполнено. Вотъ примѣръ для честолюбцевъ, которымъ тѣсна вселенная. Не должны ли быть памяты и для потомства эти 3 аршина земли?... А некаждостопаматной войны русскихъ съ французами 1814 года.

**) Собраніе русскихъ историч. анекдотовъ, 1820 г.

что явившаяся ему въ видѣни Божія Матерь обѣщала защищать обитель его; есть преданіе, что въ преддверіи храма явился ночью одному лаврскому старцу инокъ—это былъ Св. Сергій *). Исторически извѣстно то, что французы боялись лѣсовъ, окружающихъ дорогу отъ Дмитрова къ Лаврѣ и караулившихъ ихъ тамъ казаковъ и поселянъ. Какъ бы то ни было, но Провидѣніе не допустило непріателей проникнуть въ это мѣсто. 1-го октября французы послѣшно выступили изъ Дмитрова и изъ Богородска, по приказанію Наполеона, который, видя грозившую ему отовсюду опасность, началъ стягивать около себя войска свои **).

Замѣчательно, что 1-го окт., въ праздникъ Покрова Б. М., учреждено было крестное хожденіе вокругъ Сергіевскаго посада, по просьбѣ жителей его и по соизволенію Митрополита Платона. Толпы окрестныхъ поселянъ, московскіе и Можайскіе выходцы, по звону монастырскаго колокола, стеклись въ обитель въ 7 часовъ утра. Въ предшествіи учениковъ и студентовъ тамошней семинаріи, троицкіе монахи, въ этомъ священнодѣйствіи, соединились съ іереями Троицкаго посада, и совершили съ колѣнопреклоненіемъ и слезами молебное пѣніе Всемилостивому Спасу, Божіей Мате-

*) Тамъ же.

**) Ней такъ послѣшилъ выбраться изъ Богородска, что вояхъ забылъ у себя въ комватѣ, на столѣ, кошелекъ съ наполеондорами.

ри и преп. Сергію. Въ этотъ самый день, два вѣка тому назадъ, отъ воротъ московскихъ отбиты были Поляки—и въ этотъ же день французскіе отряды оставили Дмитровъ и Богородскъ. Общая теплая молитва поселила надежду въ сердцахъ жителей посада; послѣ этого они вскорѣ узнали, что враги поспѣшно отступили изъ ихъ окрестностей, какъ нѣкогда татарскій ханъ Тамерланъ бѣжалъ изъ предѣловъ Россіи, никѣмъ же гонимъ *).

Возрадовалось сердце Митрополита Платона при этомъ событіи; извѣщая Св. Синодъ о чудесномъ сохраненіи Лавры отъ враговъ, онъ писалъ къ нему: «Острое лезвіе кроваваго меча извивалось надъ несчастными сынами первопрестольной матери Москвы, огонь, возгнетенный адскою злобою, пожиралъ всюду сопредѣльное; новорожденный Юліанъ (богоотступникъ) бѣшенствовалъ противъ неба и потрясалъ въ Москвѣ самое сердце земли; между тѣмъ Лавра и Виѳанія, по судьбамъ Провидѣнія, не испытали на себѣ пагубныхъ перуновъ. Падеть отъ страны твоя тысяща и тьма одесную тебѣ, къ тебѣ же гибель не приблизится. Это суть мѣста, иде же миръ и тишина положили селеніе свое, это суть остатки гроздія, восхищавшаго здѣсь благопопечительные взоры російскаго Вертоградяря. И—странное чудо! отъ Москвы, гдѣ огонь истощилъ силы, къ Лаврѣ и Виѳаніи,

*) Извѣстно, что въ 1608 г. Поляки, осаждая Лавру, не могли проникнуть въ обитель ея; извѣстно и то, что въ 1771 г. въ ней не было моровой язвы, между тѣмъ какъ она свирѣпствовала во всѣхъ окрестностяхъ ея.

не болѣе разстоянія, какъ съ одной стороны къ намъ отъ Дмитрова, а съ другой отъ Богородска, гдѣ мечъ пресѣкъ свои дѣйствія; въ разстояніяхъ разницы нѣтъ никакой, или самая малѣйшая. Дивенъ Богъ во Святыхъ своихъ, дивенъ въ преп. Сергіи! Аще не Его ради, Азъ погубилъ быхъ васъ. Сему вѣрую, на сѣмъ утверждаюсь, сіе исповѣдую».

Въ это время престарѣлый Платонъ жилъ въ Матрицкомъ монастырѣ; тамъ, однажды, въ концѣ Сентября, онъ слушалъ вечерню и когда надобно было запѣть стихъ Дамаскина: Твоя побѣдительная, по ошибкѣ запѣли другое, тогда Платонъ, сидя у лѣваго клироса, какъ бы вдохновенный какою-то мыслию, всталъ и воскликнулъ: «Пойте Твоя побѣдительная!» и вдругъ зарыдалъ.. Всѣ предстоявшіе тронулись этимъ зрѣлищемъ и также заплакали *)... Архипастыръ, по какому-то предчувствію, не обманывавшему его никогда, говорилъ, что онъ умретъ на ногахъ; онъ непремѣнно хотѣлъ дожить до того времени, когда рѣшится судьба отечества его **).

Вотъ при такихъ-то вышеописанныхъ обстоятельствахъ Наполеонъ, затаивъ въ душѣ своей уязвленную гордость, нашелся вынужденнымъ послать Лористона

*) Жизнь и дѣянія митр. Платона, изд. 1822 г.

***) Онъ скончался 11-го Ноября 1812 г., тогда, когда неприятели бѣжали уже опростетью изъ Россіи.—Съ Государемъ видѣлся онъ въ послѣдній разъ въ 1809 г. (Декар. 6), въ Москвѣ; прощаясь съ царемъ, онъ сказалъ тоже какъ бы по предчувствію: нынѣ отпущаеши раба твоего...

къ Кутузову, переговорить сначала будто бы о размѣнѣ плѣнныхъ, а потомъ уже склонить разговоръ къ миру; по этому случаю сдѣлано было между авангардами, на нѣсколько часовъ, перемиріе. Лористонъ прибылъ въ Тарутино; въ это время весь русскій лагерь блисталъ огнями; въ немъ, предъ вечерней зарей, раздавалась музыка, а въ иныхъ мѣстахъ закатныя хоровыя пѣсни. Всюду видѣлъ Лористонъ веселіе, изобиліе, даже роскошь. Кутузовъ принялъ Лористона въ присутствіи своихъ генераловъ *), со всею вѣжливостью Екатерининскаго вельможи. Лористонъ сказалъ, что онъ присланъ предложить размѣнъ плѣнныхъ, заключить перемиріе и просить князя о доставленіи письма отъ Наполеона къ Александру.—Кутузовъ отвѣчалъ, что онъ не имѣетъ полномочія принять предложеній ни о перемиріи, ни о мирѣ, также не можетъ принять письма къ своему Государю, потому что онъ запретилъ ему даже произносить слова миръ и перемиріе **). На это Лористонъ возразилъ, что надобно же наконецъ прекратиться войнѣ, особливо производимой русскими такимъ варварскимъ образомъ. Князь сдѣлалъ ему замѣчаніе, что варварство началось отъ выродковъ французской революціи, отъ питомцевъ Ро-

*) Выключая Барклая, который, для поправленія своего здоровья, уѣхалъ въ Лифляндію.

***) Вскорѣ Кутузовъ получилъ отъ Государя новое подтвержденіе: «не входить ни въ какіе переговоры съ непріятелями»; онъ заключилъ это слѣдующими словами: «никакія предложенія не побудятъ меня прервать брань, и тѣмъ ослабить священную обязанность—отмстить за оскорбленное отечество.»

беспьера, Дантона и Марата и отъ самаго Бонапарта *), и что о мирѣ нельзя помышлять до тѣхъ поръ, пока французская армія будетъ находиться по сю сторону Вислы. Не Россія начала войну,» продолжалъ онъ; «еслибъ мой Государь приказалъ сдѣлать нападеніе на магазины и на войска, находившіяся въ Польшѣ, предъ началомъ войны, то были бы истреблены все ваши запасы; а вы, не объявляя войны, вдругъ вторгнулись въ Россію и начали разорять ее. Вашъ Императоръ объявляетъ, что вступленіемъ въ Москву походъ его конченъ, а русскіе говорятъ, что война еще только начинается.»—«Въ такомъ случаѣ мы опять начнемъ дѣйствовать,» отвѣчалъ Лористонъ, «и опять начнется пролитіе крови». Тутъ сталъ онъ жаловаться на ожесточеніе русскихъ противъ французовъ и прибавилъ, что несправедливо обвиняютъ французовъ въ сожженіи Москвы, тогда какъ сами московскіе жители причиною своего бѣдствія.—«Я въ первый разъ слышу жалобы на любовь народа къ своему отечеству,» возразилъ ему князь; «что же касается до сожженія Москвы, то все это мнѣ подробно извѣстно; знайте, что я ежедневно и ежечасно получаю о ней свѣдѣнія; нѣкоторые тамошніе магазины я самъ приказалъ жечь; русскіе же истребили экипажи свои въ каретномъ ряду для того, чтобы они не достались вамъ. Но французы жгли столицу по обдуманному плану, они даже опредѣляли дни для зажигательства и назначали, по

*) Это было писано въ англійскихъ газетахъ и въ нѣмецкихъ: Der Patriot, 1812 г.

очередь, кварталы, когда и которому изъ нихъ надлежало горѣть; многія зданія, которыя трудно было истребить пламенемъ, разрушались пушечными выстрѣлами *)). Размѣнъ плѣнныхъ также не удался Лористону; «это дѣлается по окончаніи войны», сказалъ Кутузовъ.

Наполеону, обладателю міра, отказывали въ мирѣ.

Надобно было кончить эту аудіенцію; Лористону она въ особенности не понравилась тѣмъ, что онъ долженъ былъ выслушать все это при многихъ русскихъ генералахъ, которые потирали руки отъ удовольствія: видѣть заискиванье тонкаго французскаго дипломата у русскаго полководца. Очевидцы рассказываютъ, что когда сконфуженный Лористонъ уѣзжалъ изъ лагеря, въ слѣдъ ему раздался звучный маршъ...

Усыпленный Наполеонъ проснулся, но уже поздно. Разумѣется, ему щекотливо и неприятно было выслушать донесеніе посла своего; впрочемъ онъ долженъ былъ знать, что когда русскіе не предлагали ему мира въ Іюнѣ, находясь болѣе въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, то врядъ ли примутъ они его въ настоящее время **). Но Наполеонъ питалъ еще надежду,

·) Вѣстн. Европы, 1812 г.

**) Болѣе чѣмъ за годъ до открытія военныхъ дѣйствій, Наполеонъ предваренъ былъ о твердой рѣшимости Александра, не только отвергнуть миръ, не содѣйствующій чести его государства, но и не допустить посредничества другихъ державъ. Сѣв. Почта 1812 г.

что Имп. Александра извѣстятъ о его предложеніи; между тѣмъ, на всякій случай, началъ онъ подумывать о возвратномъ походѣ. По обыкновенію своему, завелъ онъ машину общественной молвы и пустилъ въ ходъ разные слухи, чтобы подкрѣпить ослабѣвающую бодрость солдатъ своихъ мечтами воображенія; «русская армія истреблена,» говорили имъ, «надобно отыскивать остатки ея. Россіи ничего не остается дѣлать, какъ просить мира *). Тѣ французы, которые были воспитаны въ лагерѣ, подъ вліяніемъ духа своего повелителя, вѣрили еще неистощимости его генія; другіе же, приближенные къ нему, знавшіе, что судьба ихъ зависѣла отъ его могущества, поддерживали всѣ вымыслы, выпускаемые изъ кремлевскаго дворца. Между тѣмъ положеніе ихъ становилось все болѣе и болѣе невыгоднымъ; они почти ничего не могли знать о намѣреніи и о средствахъ своихъ противниковъ; сообщенія французовъ съ отдѣльными корпусами ихъ все болѣе и болѣе затруднялись, народная и партизанская война тоже разгоралась все болѣе и болѣе, партизаны вошли въ связь одинъ съ другимъ и стали возвѣщать другъ друга о всѣхъ движеніяхъ непріятелей.

Между тѣмъ Гр. Растопчинъ, поступая самоотверженно, во время бытности французовъ въ Москвѣ, сжегъ собственный свой домъ въ селѣ Вороновѣ (на Калужской дорогѣ) и оставилъ непріятелямъ письмо, извѣщая ихъ объ этомъ, а самъ уѣхалъ во Влади-

*) Le Conservateur Imperial, издав. въ Петербургѣ, въ 1812 г.

миръ *). Онъ не переставалъ и въ то время дѣйствовать на умы поселянъ, возбуждая ихъ ненависть къ французамъ **); вотъ предпоследняя афиша его къ подгороднымъ московскимъ поселянамъ:

«Крестьяне, жители московской губерніи!

«Врагъ рода человѣческаго, наказаніе Божіе за грѣхи наши, дьявольское навожденіе, злой французъ, вошелъ въ Москву, предалъ ее мечу и пламени. Онъ ограбилъ храмы Божіи, осквернилъ олтари непотребствами, сосуды пьянствомъ, посмѣшищемъ. Враги наши надѣвали ризы вмѣсто попонъ, брачныя вѣнцы на животныхъ, посорвали оклады со святыхъ иконъ, поставили лошадей въ церкви православной вѣры нашей. Разграбили дома, имущества, наругались надъ женами, дочерьми, дѣтьми малолѣтними. Осквернили кладбища и до втораго пришествія тронули изъ земли кости покойниковъ, предковъ нашихъ, родителей. Непритель заловилъ, кого могъ, и заставилъ таскать, вмѣсто ло-

*) Въ Парижѣ, въ балаганахъ, появились вывѣски, гдѣ Рас-топчинъ изображенъ былъ какимъ-то чудовищемъ, съ факеломъ, зажигающимъ Москву, и съ надписью: Venez voir l'Erostrate Rostopzin, mettant le feu a la grande ville de Moscou. (Идите смотрѣть Герострата Растопчина, зажигающаго Москву.)

***) «Восемь лѣтъ,» писалъ онъ, «украшалъ я это село, въ которомъ наслаждался счастьемъ, среди моей семьи. При вашемъ приближеніи, обыватели, въ числѣ 1,720 чел., покидаютъ жилища, а я предаю огню домъ свой, чтобы онъ не былъ сквернѣе вашимъ присутствіемъ. Французы! Въ Москвѣ оставилъ я вамъ два мои дома и движимости на полмиліонъ рублей: здѣсь найдете вы только пепель». Это письмо было писано, разумѣется, на французскомъ языкѣ.

шадей, имъ краденое. Морить нашихъ съ голоду, а теперь, какъ самому ѣсть нечего, то пустилъ своихъ ратниковъ, какъ лютыхъ звѣрей, пожирать и вокругъ Москвы, и вздумалъ ласкою сзывать васъ на торги, мастеровъ на промыселъ, обѣщая порядокъ, защиту всякому. Ужли вы православные, вѣрные слуги Царя нашего, кормилицы матушки каменной Москвы, на его слова положитесь, и дадитесь въ обманъ врагу лютому, злодѣю кровожадному? Отыметъ онъ у васъ последнюю кроху и придется вамъ умирать голодною смертію; проведетъ онъ васъ посулами, а коли деньги дастъ, то фальшивыя, съ ними жъ будетъ вамъ бѣда; оставайтесь, братцы, покорными христіанскими воинами Божіей Матери, не слушайте пустыхъ словъ. Почитайте начальниковъ и помѣщиковъ; они ваши защитники, помощники, готовы васъ одѣть, поить и кормить. Истребимъ достальную силу непрительскую, погребемъ ихъ на святой Руси; станемъ бить, гдѣ ни встрѣнутся, ужъ мало ихъ и осталось; а насъ сорокъ миліоновъ людей, слетаются со всѣхъ сторонъ, какъ стада орлиныя. Истребимъ гадину заморскую и предадимъ тѣла ихъ волкамъ, вороньямъ, а Москва опять украсится, покажутся золотые верхи, дома каменные, навалитъ народъ со всѣхъ сторонъ. Пожалѣетъ ли отецъ нашъ, Александръ Павловичъ, миліоновъ рублей на выстройку каменной Москвы, гдѣ онъ муромъ помазался, гдѣ короновался царскимъ вѣнцомъ? Онъ надѣется на Бога Всесильнаго, на Бога русской земли, на народъ, ему подданный, богатырскаго сердца, молодецкаго. Онъ одинъ помазанникъ его и мы прися-

гали ему въ вѣрности. Онъ отецъ, мы дѣти его; а злодѣй французъ некрещенный врагъ. Онъ готовъ продать и душу свою; ужъ былъ онъ и туркою, въ Египтѣ обасурманился, ограбилъ Москву, пустилъ нагихъ, босыхъ, а теперь ласкается и говорить, что не быть грабежу, а все ужъ взято имъ и все въ прокъ не поидеть. Отольются волку лютому слезы горькія. Еще недѣльки двѣ—закричатъ они пардонъ, а вы будто не слышите; ужъ имъ одинъ конецъ, съѣдятъ все, какъ саранча, и станутъ тѣнью, мертвецами непогребенными; куда ни придутъ, тутъ и вали ихъ живыхъ и мертвыхъ въ могилу глубокую. Солдаты русскіе помогутъ вамъ, который побѣжитъ, козаки добьютъ; а вы не робѣйте, братцы удалые, дружина московская, и гдѣ удастся, истребляйте эту сволочь, гадину нечистую, и тогда къ Царю въ Москву явитесь и дѣлами похвалитесь. Онъ васъ опять возстановитъ по прежнему, и будете вы припѣваючи жить по старому. А кто изъ васъ злодѣя послушается, и къ французу преклонится, тотъ недостойный сынъ отечества, отступникъ закона Божія, преступникъ Государя своего, тотъ отдастъ себя на судъ и поруганіе, а душѣ его быть въ аду съ злодѣями, и горѣть въ огнѣ, какъ горѣла наша мать Москва.»

И по собственному чувству озлобленія противъ французовъ, и по внушенію Растопчина, какъ было уже сказано, поселяне принимали всѣ мѣры, для стѣсненія своихъ враговъ, для лишенія ихъ жизненнаго продовольствія, (особенно фуража) и для совершеннаго уничтоженія ихъ. Такъ по всей Стромынской дорогѣ, по

обѣимъ сторонамъ опушки далеко раскинушагося лѣса, на вершинахъ высокихъ деревьевъ, устроены были изъ сучьевъ шалаша, и въ этихъ воздушныхъ караульняхъ крестьяне окольныхъ деревень подстерегали непріятелей, чтобы тотчасъ дать знать о появленіи ихъ скрывавшимся въ лѣсу козакамъ. По тронцкой дорогѣ, въ деревнѣ Тарасовкѣ, вся улица заставлена была фурами и осѣдлыми лошадьми; здѣсь была штабъ-квартира козаковъ*), которые ждали своихъ товарищей, чтобы, на смѣну имъ, разсыпаться во всѣ окрестныя стороны—добывать французовъ. Не задолго еще до того, Малыя Мытищи наполнены были французами, а жителей селенія не видно было въ немъ ни единого; квартировавшая тутъ непріятельская конница наполняла ужасомъ всѣ окрестности. Французы тамъ молотили хлѣбъ на гумнахъ, а въ с. Алексѣевскомъ, около церкви, стояла ихъ артиллерія**). По этой (впрочемъ и по нѣкоторымъ другимъ дорогамъ), около Большихъ Мытищъ, тянулись крестьянскія телѣги, нагруженныя всякою всячиною: мебелью, желѣзомъ, разною рухлядью и пр.; пѣшеходы тащили на плечахъ мѣшки съ мѣдными деньгами, вытщенными изъ казенныхъ и частныхъ кладовыхъ, которыя брали они около Иверской часовни и присутственныхъ мѣстъ, гдѣ были эти деньги разсыпаны кучами***). Туда наѣзжало множество

*) Воспоминаніе очевидца.

***) Приключенія моск. жителя, изд. 1812 г. Эта книга посвящена Имп. Маріи Феодоровнѣ.

...*) Французы не мѣшали имъ считать мостовую, они не любили мѣдныхъ денегъ, за тяжесть и малую цѣнность ихъ: за

подмосковныхъ крестьянъ, тамъ происходилъ шумъ, брань и даже драки: кто нагружалъ мѣдными деньгами пазухи свои, кто сыпалъ ихъ въ карманъ, кто въ шапки, кто въ сапоги, куда только было можно; французы сидѣли въ Иверской часовнѣ, какъ въ партерѣ, смотря на этотъ спектакль: одни изъ нихъ аплодировали, другіе хохотали и погоняли нагруженныхъ деньгами палашами. Даже бабы таскали эти деньги подолами. Черезъ Алексѣевское село невозможно было пробраться, отъ стѣснившихся тамъ, выстроенныхъ въ шеренги, для смотра, козацкихъ взводовъ; крестьяне объѣзжали это село околицею. Вотъ какъ близко находились отъ Москвы козаки, съ нетерпѣніемъ ожидая приказа: хлынуть на непріятелей, выбравшихся изъ деревень въ Москву и колебавшихся уже постоемъ своимъ въ самой столицѣ.

Мюратъ отряженъ былъ Наполеономъ, для наблюдения за дѣйствіями тарутинскаго лагеря; растянувъ на далекое пространство войска свои, вдоль рѣчки Чернишны, Мюратъ не расчелъ могущей произойти отъ этого опасности; войска его, состоявшія большею частью изъ итальянцевъ, терпѣли еще болѣе недостатокъ въ фуражѣ и въ провіантѣ, нежели французы въ Москвѣ, изъ которой имъ присылали только остатки разнаго продовольствія. Главная пища въ отрядѣ Мюрата состояла изъ пареной ржи, изъ овощей, добытыхъ въ окрестныхъ огородахъ и изъ конины, къ

мелкую серебряную монету давали они русскимъ цѣлый мѣшокъ мѣдныхъ денегъ. Вѣстникъ Европы 1813 года.

которой, впрочемъ, они давно уже привыкли, варя изъ нея супъ; и лошади то ихъ были тощи, питаясь соломой, покрытою, по утрамъ, ледяною корою; они падали во множествѣ. Начались уже заморозья, запорошили снѣгъ, солдаты стояли подъ открытымъ небомъ, между ними было много больныхъ.

Во время долговременнаго бездѣйствія, непріатели и русскіе стояли такъ близко другъ къ другу, что могли перекликаться; форпосты ихъ завели уже знакомство между собою. Мюратъ былъ давно лично знакомъ съ Милорадовичемъ; объѣзжая передовые посты свои, однажды они встрѣтились и обмѣнялись привѣтствіями. Мюратъ сталъ жаловаться Милорадовичу на ожесточенныя нападенія поселянъ на французовъ. Милорадовичъ отвѣчалъ ему: *O, ma foi, vous en verrez bien d'autres, sire!* то ли еще вы увидите, государь *)!

Несмотря на то, что многіе выздоровѣвшіе офицеры и солдаты русскіе возвратились въ лагерь, опять готовые къ боевой жизни, не малое число раненыхъ прирѣввались подъ гостепріимнымъ кровомъ Генераль-Адъютанта Графа Михаила Семеновича Воронцова, который, бывъ самъ раненъ подъ Бородинымъ, пріѣхалъ лѣчиться въ свое село Андреевское, находящееся въ 30 верстахъ отъ Владиміра. Проѣзжая отъ Бородина черезъ Москву, онъ узналъ, что въ ней находится въ больницахъ и въ разныхъ домахъ много раненыхъ русскихъ офицеровъ и солдатъ и приказалъ привести ихъ на собственныхъ подводахъ къ себѣ въ Андреев-

*) Москвитининъ, 1843 года, статья А. Булгакова.

ское *); это исполнили адъютанты его: Н. В. Арсеньевъ и Дмитрій В. Нарышкинъ.

Андреевское превращено было въ госпиталь **); между ранеными находились: генералы Гр. Сен-При, Н. В. Крестовъ; полковники: графъ Гудовичъ, Де-ла-Гардь, Богдановскій, Врангель и проч. проч., бородинцы; они были размѣщены покойно и удобно. Нижніе чины помѣщены были въ деревенскихъ избахъ и снабжаемы всѣмъ нужнымъ въ избыткѣ ***). Туда, для пользова-нія ихъ, (кромѣ другихъ докторовъ) приглашенъ былъ извѣстный въ то время хирургъ Гильебрантъ. Каждый выздоровѣвшій рядовой получалъ отъ графа полную аммуницію и 10 руб. и отправленъ былъ въ армію; изъ раненыхъ офицеровъ, кто хотѣлъ, обѣдалъ въ своей комнатѣ, а кто хотѣлъ, садился за графскій столъ. Общество тамъ было самое оживленное, прекрасный домъ, садъ, библіотека, портретная галерея, бильярдъ, музыка, заботливыя попеченія о больныхъ, все способствовало къ скорѣйшему выздоровленію бородинцевъ. Не смотря на то, что хозяинъ самъ ходилъ еще на костыляхъ, онъ всякое утро посѣщалъ своихъ больныхъ гостей-постояльцевъ. У другаго, па-

*) Эти подводы назначены были для отвоза пожитковъ графа изъ Москвы въ дальнія деревни его; но онъ пожертвовалъ ими, чтобъ спасти однополченцевъ своихъ.

***) Тамъ находилось до 50 раненыхъ Генераловъ, Штабъ-и Оберъ-офицеровъ и болѣе 300 рядовыхъ.

...*) Это помѣщеніе стоило графу ежедневно до 800 рублей; эти издержки начались съ 10 сентября и продолжались около четырехъ мѣсяцевъ. Въ это время былъ еще живъ отецъ Михаила Семеновича, графъ Семенъ Романовичъ.

мятнаго Россіи, особенно Москвѣ, вельможи, графа Растопчина, (во Владимірѣ) было также свое общество; его посѣтилъ, уѣхавшій изъ Тарутина, Графъ Михаилъ Богдановичъ Барклай; общія огорченія отъ недоброжелателей ихъ способствовали ихъ сближенію*). Графъ Воронцовъ былъ въ перепискѣ со многими генералами изъ дѣйствующей нашей арміи; адъютанты его и охотники изъ дворовыхъ людей ѣзжали, переодѣтые, въ Москву (французы строго наблюдали только за тремя заставами: Дорогомиловской, Спасской и Рогожской), развѣдывали, что тамъ происходило и доносили обо всемъ Графу, а онъ сообщалъ всѣ новости Растопчину, который и самъ получалъ многія вѣрныя свѣдѣнія о Москвѣ, чрезъ своихъ агентовъ. Еще собирались гости ко Льву Дмитриевичу Измайлову, въ богатое село его Дѣдново (по рязанской дорогѣ, на берегу Оки); особенно въ то время, когда въ немъ организовалось рязанское ополченіе, начальникомъ котораго былъ Левъ Дмитриевичъ, тоже большой хлѣбосоль и оригиналь.

Сообщенія Мюрата съ Наполеономъ почти прекратились, потому что курьеровъ надлежало посылать въ Москву, подъ прикрытіемъ большого конвоя артиллеріи; поселяне толпами выходили изъ своихъ тайниковъ на ловлю французовъ. Между тѣмъ извѣстіе о вожденномъ предложеніи отъ русскихъ о мирѣ не приходило, а Наполеонъ, еще при вступленіи въ Москву, мечталъ уже о программѣ мира и о распоряженіи

*) Москвитининъ, 1843 года, статья А. Булгакова.

дальнѣйшихъ дѣйствій своихъ; онъ желалъ присоединенія къ Франціи всей русской Польши и Курляндіи, потомъ предполагалъ перевести войска свои въ теплый климатъ Молдавіи и Валахіи, а къ веснѣ, вѣроятно вмѣстѣ съ русскими, идти на Турцію, освободить христіанъ отъ ига невѣрныхъ, просвѣтить послѣднихъ, ограбить обоихъ, пройти оттуда въ Малую Азію и добраться до Остъ-Индіи, чтобъ уничтожить торговлю англичанъ. *) Послѣднее время пребыванія своего въ Москвѣ, Наполеонъ особенно былъ безпокоенъ; есть преданіе, что онъ видѣлъ тогда страшный сонъ; баронесса Сталь говоритъ въ своихъ мемуарахъ: «однажды, ложась спать, (въ кремлевскомъ дворцѣ) онъ тщательнѣе приказалъ осмотрѣть свою комнату, чтобъ предупредить чью нибудь измѣну; вооруженные мамелюки поставлены были у дверей спальни; и вотъ онъ засыпаетъ чутко и видитъ будто на яву, что всѣ жертвы властолюбія его поднялись изъ своихъ гробницъ и безмолвно грозятъ ему. Между ними возникаетъ новое привидѣніе, сбрасываетъ свой саванъ—и Наполеонъ узнаетъ въ немъ Дюка Ангіенскаго, (казненнаго по его повелѣнію), который предсказываетъ ему исходъ похода его въ Россію.—Наконецъ Наполеонъ просыпается, измученный, перепуганный, спрашиваетъ стражу свою: кто входилъ сюда? — Ему отвѣчаютъ: никто **)».

*) Полагаютъ, что еще во Франціи, а можетъ быть въ Польшѣ, выбита была медаль, съ надписью: Наполеонъ, Императоръ французскій и царь Московскій. Русскіе и Бонапарте, изд. 1814 г.

**) Этотъ сонъ изображался въ числѣ юмористическихъ кар-

Наполеонъ писалъ Мюрату, чтобы отъ крѣпко держался въ своей позиціи и готовъ былъ къ наступательнымъ движеніямъ. Наполеонъ хотѣлъ замаскировать собственные свои замыслы. Каково было ему сознаться въ своемъ безсиліи, ему, почти не знавшему неудачъ въ походахъ, растративши войско, не заключивъ мира, рѣшиться на отступленіе... Что скажутъ славолюбивые французы, что скажетъ Европа, закиданная бюллетенами его, постоянно возвѣщавшими о громѣ побѣдъ и славѣ французскаго оружія. Дорогъ на обратный путь представлялось ему много, но какую избрать? Наконецъ Наполеонъ приказалъ маршалу Маре извѣстить европейскіе дворы, что онъ думаетъ выступить на зимнія квартиры, что для него климатъ Московскій нездоровъ, что онъ выступаетъ чрезъ Калугу въ юго-западныя губерніи; въ 25 бюллетенѣ его доказывалось, что въ новой позиціи армія сблизится съ Петербургомъ и съ Кіевомъ, и что слѣдующій походъ на Россію чрезъ это облегчится для французовъ.

Лишь только выпалъ первый снѣгъ, встрепенулись французы; съ ужасомъ мысленно взглянули они на роковое пространство, отдѣляющее ихъ отъ отечества.

Съ 1-го октября началось передвиженіе непріятельскихъ войскъ и обозовъ; всѣмъ маршаламъ написанъ былъ маршрутъ, куда кому и по какой дорогѣ над-

тинъ, по выходѣ французовъ изъ Москвы; объ немъ напечатана была особая брошюра на французскомъ языкѣ, переведенная и на русскій.

лежало имъ выступить; въ Москвѣ, покаместъ, оставлялъ Наполеонъ только маршала Мортъе съ молодою гвардіею и съ безлошадными кавалерійскими полками, для наблюденія порядка, при выступленіи отрядовъ и обозовъ. Тогда вся Москва превратилась въ торжище; французы старались сбывать съ рукъ награбленныя русскія ассигнаціи или обмѣнять мѣдныя деньги на серебряныя или продать какія нибудь цѣнныя вещи за безцѣнокъ; но русскіе боялись ихъ покупать, думая, что французы опять ихъ отнимутъ. Въ то время многіе непріатели, выключая гвардіи, были въ самомъ крайнемъ положеніи: голодные, оборванные до такой степени, что не узнавали другъ друга; они, какъ на уличномъ маскарадѣ, обернуты были въ рогожи, въ лошадиныя шкуры или одѣты въ юбки, въ разные театральные костюмы, въ чепчики, кульки, въ колпаки, въ траурныя шляпы, въ шали, въ салопы, въ церковныя ризы и т. п., что только попадало имъ въ руки *).

Прежде всего потянулись изъ Москвы, по смоленской дорогѣ, повозки съ больными и съ ранеными и двинулся обозъ съ серебромъ и золотомъ, содраннымъ съ иконъ въ разныхъ московскихъ церквахъ, съ польскими и турецкими знаменами, изъ Оружейной палаты,

*) Французы, по вступленіи въ Москву, глаумясь надъ нашею религіею, рядились въ церковныя стихари и ризы, надѣвали на себя брачныя вѣнцы и, потѣшась, съ кадилами въ рукахъ, ходили по улицамъ. Предчувствовали ли они, что эти ризы будутъ служить для нихъ защитой отъ стужи, вспомнили ли они про свое шутовство—пансничество?

съ бунчуками, съ булавами, гербомъ, снятымъ съ крыши сената и съ прочими вещами, названными ими трофеями. Наполеонъ старался возбудить присутствіе духа въ своихъ войскахъ; имъ выдали запасный холстъ, вино, сухари, кожу на обувь (только некогда уже было шить ее); имъ объявлены были награды чинами и орденами; тогда онъ обращался со всѣми очень ласково. Между тѣмъ въ Тарутинѣ была тишина предъ бурей; тамъ произошло важное происшествіе съ Мюратомъ; Кутузовъ, съ свойственною ему медленностію и нерѣшительностію, не взирая на безпечность Мюрата, оставлялъ его въ покоѣ: чѣмъ долѣе пробудеть Наполеонъ въ Москвѣ, говорилъ онъ, тѣмъ лучше для насъ, зачѣмъ будить его *); но Беннигсенъ **), узнавъ отъ аванпостнаго начальника, Графа Орлова Денисова, о критическомъ положеніи неаполитанскаго короля, и видя растянутость войскъ его, выпросилъ у Кутузова позволеніе взять его живьемъ. Наконецъ Кутузовъ рѣшился дать ему на то свое соизволеніе. Если бы русскіе генералы стали дѣйствовать быстрѣе и дружиѣе, то это предпріятіе увѣчалось бы полнымъ успѣхомъ; но вмѣсто 4-го на 5-е Октября нашъ отрядъ двинулся на Мюрата ночью съ 5-го на 6-е; проходя лѣсомъ,

*) Сѣверная почта 1812 года, журналъ военныхъ дѣйствій Кутузова.

**) Который нѣкогда самъ предводительствовалъ русскими войсками противъ Наполеона и такъ храбро отразилъ его подъ Прейсшп-Эйлау, что Наполеонъ, послѣ увидѣвшись съ нимъ въ Тильзитѣ, сказалъ: vous etiez méchant à Eylau (вы были злы подъ Эйлау).

они сбились съ дороги и сдѣлали нападеніе на неприятельскій лагерь не въ одно и тоже время, и не съ разныхъ сторонъ, какъ было условлено (егеря наши во время перестрѣлки пѣли пѣсни) *). Мюратъ отбивался отчаянно; первое ядро, пущенное съ батареи его, убило нашего храбраго генерала Багговута. Въ это время десять козачьихъ полковъ съ орлиною быстрою налѣтели на враговъ и довершили надъ ними побѣду. Мюратъ отступилъ къ Воронову, потерявъ множество орудій, обозовъ и взятыхъ въ плѣнъ **). Неприятельскій лагерь представилъ побѣдителямъ разнообразную картину: тамъ, въ небрежности, валялась церковная утварь, обнаженные отъ окладовъ иконы, скелеты лошадей, зарѣзанныхъ для пищи; тамъ представлялись предметы пышной роскоши и крайней нищеты: разбросанныя головы сахару, бутылки съ винами, великолѣпная мебель, бронза, обрызганныя кровью, раздробленные картечью головы людей и лошадей, крестьянскія лапти, онучи, деревянные ложки, чаши и проч. проч.

Торжество побѣды огласилось пушечными залпами; быстро долетѣла въ Тарутино радостная вѣсть объ этой побѣдѣ; но Кутузовъ не велѣлъ преслѣдовать Мю-

*) Журналъ военныхъ дѣйствій Кутузова, 1812 г.

**) Между убитыми французами находились генералы: Фишеръ и Дери, (о немъ было уже упомянуто) котораго Мюратъ очень любилъ; онъ присылалъ въ русскій лагерь просить о возвращеніи тѣла его, или хоть сердца.—Въ этотъ же день Витгенштейнъ одержалъ надъ французами славную побѣду при Полицѣ.

рата: «намъ нельзя отдѣлится отъ позиціи» говорилъ онъ съ неудовольствіемъ, досадуя на то, что упустили Мюрата; между тѣмъ, онъ тотчасъ послалъ донесеніе объ этой побѣдѣ къ Государю, чрезъ полковника Мишо, котораго Государь приказалъ прислать къ себѣ съ первымъ радостнымъ извѣстіемъ. Мишо, опрапортовавъ Государю о Тарутинскомъ дѣлѣ, началъ просить его, отъ имени своей арміи, чтобъ онъ принялъ начальство надъ нею, на что Александръ отвѣчалъ: «Всѣ люди честолюбивы, признаюсь откровенно, и я не менѣе другихъ, и еслибъ только я внялъ одному этому чувству, то сѣлъ бы съ вами въ коляску и поѣхалъ въ армію. Я несомнѣнно увѣренъ, что побѣды у насъ неотъемлемы, и что остается только, какъ вы говорите, пожинать лавры. Знаю, что если я буду при арміи, то слава отнесется ко мнѣ, и я займу мѣсто въ исторіи; но когда подумаю, какъ мало опытенъ я въ военномъ искусствѣ, въ сравненіи съ Наполеономъ, и что, не взирая на добрую волю мою, я могу сдѣлать ошибку, отъ которой прольется драгоценная кровь моихъ дѣтей, то, не взирая на мое самолюбіе, охотно жертвую личною славою для благополучія арміи. Пусть пожинаетъ лавры тотъ, кто болѣе меня достоинъ ихъ» *).

6-го же октября Наполеонъ, приготовляясь оставить Москву, а между тѣмъ все ожидая на письмо свое отвѣта отъ Александра, вздумалъ сдѣлать смотръ корпусу Нея, послѣдшему пришедшему изъ Богородска. То-

*) Этотъ отвѣтъ долженъ быть достоианіемъ исторіи.

гда утренникъ былъ морозный (а до того времени стояла довольно теплая погода), на крышахъ зданій показался иней; во французскомъ войскѣ замѣтенъ былъ упадокъ духа, уныніе и отсутствіе дисциплины; озябшіе солдаты, въ ожиданіи своего Императора, стояли въ строю съ посинѣлыми носами, сторбившись отъ холода; иные держали ружья подъ мышками, а пальцы отогрѣвали, забывъ ихъ въ ротъ и стуча ногами объ землю *); офицеры, засунувъ руки въ карманы, суетливо бѣгали, вертѣлись и прыгали по плацу, выдѣлывая разныя морозныя па **). Нѣкоторые изъ нихъ ходили по шеренгамъ съ списками въ рукахъ и выкликали солдатъ; но многихъ изъ нихъ не оказалось на лицо ***). Вотъ явился и Наполеонъ, но его встрѣтили не такъ уже восторженно, какъ прежде. Онъ замѣтилъ беспорядокъ въ дисциплинѣ, нахмурился, сошелъ съ лошади, которую ординарецъ началъ кормить сахаромъ и подаль знакъ; начался разводъ, и въ то время, когда мимо его начали проходить съ распущенными знаменами и съ музыкою, примчался отъ Мюрата курьеръ, адъютантъ его, Беранже, съ донесеніемъ, что въ этотъ день, на развѣтѣ, русская армія атаковала французскій аванградъ, и они должны были отступить отъ своей прежней позиціи. Наполеонъ отъ

*) «Ишь зяблики, голоколѣвники, ужъ выучились плясать русскаго трепака,» говорили, смотря на нихъ, московскіе жители.

**.) Воспоминаніе очевидца.

***.) Они были убиты русскими; всѣ трупы французовъ хоронили въ Москвѣ, гдѣ ни попало и зарывали въ землю тѣла ихъ не болѣе, какъ на 2 и на 3 вершка. Русскіе и Нап. Бонапарте.

этого извѣстія пришелъ въ такое смущеніе, что забывъ всѣ распоряженія свои, началъ давать новые приказы и тотчасъ же перемѣнялъ ихъ. Геній сдѣлался простымъ человѣкомъ. Наконецъ, одумавшись, онъ приказалъ войску въ эту же ночь выступать на калужскую дорогу *). Адъютанты его бросились во всѣ стороны. Тотчасъ появился и дневной приказъ: «сего вечера, въ 8 часовъ, всѣ корпуса должны изготавиться къ выступленію изъ Москвы; каждый генераль возьметъ съ собою фуражи и съѣстныхъ припасовъ сколько можетъ **). Тогда всѣмъ войскомъ его овладѣлъ паническій страхъ, началась страшная суматоха: всѣ бросились торопливо укладывать свой багажъ и награбленныя вещи въ фуры. Къ довершенію ужаса французовъ, чрезъ Серпуховскую заставу потянулись повозки съ ранеными подъ Тарутинымъ; стоны ихъ далеко разносились по окрестностямъ. Еще не смерклося, а ужъ сборы непріятелей готовились къ окончанію; повсюду слышался разноязычный говоръ, ржаніе осѣдланыхъ лошадей, звукъ оружія, грохотъ артиллеріи, скрипъ обозовъ и фуръ; на каменномъ мосту въ особенности толпилось множество фран-

*) У Наполеона всегда войска готовы были къ выступленію; часто въ Парижѣ полки, прямо съ площади, по окончаніи смотра, отправлялись въ Испанію.

**.) Многіе французскіе историки, особенно Шамбре, свидѣтельствуютъ, что французы, по невозможности вывести съ собою запасы, предали ихъ огню; напр: сорочинское шено и проч., хранившееся въ зданіяхъ коммерціата, въ Симоновомъ монастырѣ и въ Кремлѣ.

пузовъ, сновавшихъ взадъ и впередъ *). Предъ самымъ выступомъ ихъ, трубачи возвѣстили о походѣ; разда-лось нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ, грянула му-зыка, но войско было въ уныніи; ужъ это была не та музыка, торжественные звуки которой оглашали ихъ непрерывныя побѣды. Обозы двинулись на Калуж-скую дорогу, которая была такъ стѣснена ими, что долго невозможно было ни пройти, ни проѣхать по ней; русскихъ брали проводниками **).

«И поднялись вѣроны съ орлинаго гнѣзда!»...

*) Москворѣцкій мостъ сгорѣлъ; вмѣсто его устроень былъ пловучій.

***) Выходъ французовъ изъ Москвы былъ въ день 7-го Все-ленскаго собора.

Глава III.

Отступление французской армии. Взрывъ Кремля. Москва по слѣ-
непріятелей.

Видъ французской арміи, выступающей изъ Мо-
сквы, былъ самый странный: верстъ на тридцать,
среди длинныхъ колоннъ немногихъ стройныхъ пол-
ковъ гвардіи и 600 пушекъ, влекомыхъ истощенными
лошадьми, тянулось болѣе десяти тысячъ каретъ, ко-
лясокъ, дрожекъ, брычекъ, телѣгъ и фургоновъ; кромѣ
того движеніе арміи затруднялось безчисленнымъ мно-
жествомъ обозовъ, (всѣхъ болѣе 40 тысячъ пово-
зокъ *).

Позади арміи тянулся длинный хвостъ нестроевыхъ,
принадлежавшихъ къ арміи чиновниковъ, маркистац-
товъ, придворнаго штата Наполеона и другихъ слу-
жителей, также иностранцевъ, жившихъ въ Москвѣ
и присоединившихся къ непріятелямъ актеровъ и про-
чихъ **). Эта армія представляла собою какъ бы ко-

·) Баронъ Деннье.

***) Директоръ придворнаго Московскаго театра Наполеона,
Боссе, далъ свое ландо и лошадей артистамъ: Андре и Бюр-
сей; прочіе помѣстившись какъ и гдѣ попало; морозъ и въ ка-
реты просовывалъ холодныя иглы свои; много потерпѣли они

чующую толпу народовъ, отыскивающей себѣ мѣсто для привала. На кавалерійскихъ лошадяхъ, на патронныхъ и на зарядныхъ ящикахъ находились выюки, а солдаты тащили, согнувшись, на себѣ награбленное московское добро. Было и такъ, что рядовые солдаты ѣхали въ роскошныхъ каретахъ, обгоняя нѣшихъ офицеровъ **).

Современные писатели полагаютъ, что Наполеонъ вступилъ въ Москву съ 410 тыс. человѣкъ (сверхъ того къ нему прибыло туда выздоровѣвшихъ и остальныхъ до 25 тыс.) а выступилъ изъ Москвы онъ съ 380 тыс. человѣкъ, слѣдовательно въ Москвѣ погибло у него отъ болѣзней, партизановъ и поселянъ до 30 тысячъ человѣкъ!...

Выступление свое изъ Москвы Наполеонъ провозгласилъ фланговымъ (боковымъ) движеніемъ, угрожающимъ Петербургу и приближающимъ армию его къ зимнимъ квартирамъ. Большая часть ея дѣйствительно осталась въ Россіи зимовать на вѣки!... Маршалу

и не всѣ достигли Парижа; лошади ихъ падали среди дороги, самъ Боссе ѣхалъ верхомъ на пушкѣ (на бронзовомъ конѣ, говорили французы). Г-жа Фюзи въ Вильнѣ нашла какую-то сиротку, 5 лѣтъ, покинутую въ суматохѣ родителями, во время приближенія къ Вильнѣ русскихъ; она привезла ее въ Парижъ. Это событіе подало поводъ Скрибу написать водевилъ: подъ названіемъ «О л г а, р у с с к а я с и р о т а.» По отъѣздѣ артистовъ, въ Московскомъ театрѣ нашли страшное запустѣніе; въ немъ валялись дохлыя лошади, корридоры завалены были разломанною мебелью и разбитыми зеркалами, уборныя засорены обрѣзками парчи и бархата. (Пантеонъ русскаго и всѣхъ Европейскихъ театровъ. 1849 года).

*) И. П. Липранди.

Мортъе, оставшемуся въ Москвѣ, кромѣ другихъ порученій, приказано было Наполеономъ, по сигналу, подорвать Кремль и другія зданія; это было какое-то дѣтское, малодушное мщеніе—казнить камни. Остатокъ французскаго войска находился въ Кремлѣ; рѣдко проходилъ патруль по Москвѣ или мелькалъ какойнибудь непріятельскій солдатъ по опустѣлымъ улицамъ, предварительно осмотрѣвшись хорошенько, нѣтъ-ли гдѣнибудь русскаго, не грозитъ ли ему откуда-нибудь смерть или увѣчье; кой гдѣ, изъ обгороженныхъ зданій, робко высовывались головы московскихъ жителей; по разнесшейся между ними молвѣ, всѣ ожидали, что городъ разрушится до основанія и всѣ жители будутъ побиты.

Между тѣмъ французская армія перешла на правый берегъ Пахры и повернула на Ооминское. Наполеонъ, узнавъ чрезъ шпионовъ своихъ, что Кутузовъ не думаетъ на него напасть, послалъ къ Мортъе приказъ: подорвать Кремль и очистить Москву. *) Въ это время Генералъ Винценгероде, стоявшій съ небольшимъ своимъ отрядомъ близъ Тверской заставы, узналъ о выступленіи непріятелей изъ Москвы и о пагубномъ намѣреніи ихъ взорвать Кремль; быстро атаковалъ онъ непріятельскіе посты, принудилъ ихъ отступить и, преслѣдуя ихъ, отдѣлился отъ своего отряда; онъ рѣшился вѣхаться въ Москву, чтобы убѣдить маршала оставить

*) Приготовленія къ подорванію Кремля, т. е. подкопы подъ зданія его, были уже сдѣланы; Наполеонъ, смотря на теченіе дѣлъ своихъ, думалъ еще имѣть для себя въ Кремлѣ укрѣпленное мѣсто, если бы надлежало ему воротиться въ Москву.

ее и не исполнить варварскаго повелѣнія Наполеона. Винценгероде ѣхалъ по Тверской съ адъютантомъ своимъ, ротмистромъ Нарышкинымъ, и съ однимъ козакомъ, безъ трубача; подпустивъ его къ себѣ на близкое разстояніе, непріатели, не взирая на то, что генералъ махалъ имъ бѣлымъ платкомъ (въ означеніе переговоровъ), схватили всѣхъ ихъ, какъ военнопленныхъ и представили Мортье, который, не входя съ ними ни въ какія объясненія, отправилъ ихъ въ главную квартиру Наполеона *).

10-го октября цѣлый день французы взрывали понтоны и зарядные ящики, вывозили больныхъ изъ госпиталей **); Мортье посѣщалъ сборами своими; смятеніе французовъ было чрезвычайное. Въ это время у Тверской заставы появились казаки; нѣкоторые, оставшіеся въ Москвѣ, французскіе генералы, просто бѣжали, не успѣвъ захватить свою добычу, а нѣко-

*) Баронъ Винценгероде представленъ былъ Наполеону въ Вереѣ; раздраженный Наполеонъ сказалъ ему: «если ты Саконецъ или Баварецъ, то мой подданный, и я велю тебя разстрѣлять.» Винценгеродъ отвѣчалъ ему: «Государь! 20 лѣтъ жду я французской пули и готовъ умереть». Его съ адъютантомъ Нарышкинымъ везли за арміею Наполеона, въ сопровожденіи трехъ жандармовъ. Проѣхавъ Минскъ, Винценгероде увидѣлъ мелькнувшаго вдали казака; привсталъ съ повозки и закричалъ «я русскій генералъ!» Козакъ исчезъ—и вдругъ опять явился съ 12-ю товарищами; мигомъ обезоружили они жандармовъ, пересажали пленныхъ на своихъ лошадей и ускакали съ ними къ главному посту флигель-адъютанта Чернышева. (Полное собраніе анекдотовъ 1815 года).

**) Многихъ изъ нихъ оставили въ Москвѣ, по недостатку повозокъ и лошадей.

торые не взяли даже нужныхъ плановъ и бумагъ (по которымъ послѣ увидѣли большія потери непріателей); они оставили болѣе тысячи повозокъ, за недостаткомъ лошадей, и потому не могли увезти русскихъ пушекъ. Тутъ появились изъ всѣхъ потайныхъ норъ Московскіе обыватели, крича: «ура, ура! казаки, казаки!» Въ это время было перебито множество отсталыхъ французовъ.

Надъ Москвою висѣла темная, непроглядная ночь и вдругъ за калужской заставой грянула пушка, у каменнаго моста отозвалась другая, въ Кремль, при блеснувшей молніи, раскатился третій выстрѣлъ... Послѣ этого настало глубокое затишье; всѣ изумились, услышавъ эти выстрѣлы; московскіе жители подумали что французы опять воротились въ Москву, но сигнальные залпы скоро пояснили свое дѣло: чрезъ нѣсколько времени раздался такой оглушительный, трескучій ударъ, отъ котораго заколебалась земля, застонала даль, задрожали и обрушились дома, въ дребезги разбились стекла; выметѣли оконницы, стѣны и потолки треснули, мебель въ домахъ сдвинулась съ мѣста и подала, бревна и камни полетѣли по воздуху... Эти взрывы и удары съ перекатами повторялись нѣсколько разъ... Запламенѣло небо, будто оболочнутое красною фольгою, къ нему брызнули фонтаны искръ, надъ Кремлемъ разверзлось огнедышащее жерло и, среди мрака, ярко обрисовались силуэты кремлевскихъ зданій и блестящіе кресты соборовъ.

Послѣдніе удары возвѣстили жителямъ Москвы окон-

чаніе ихъ бѣдствій и начало бѣгства французовъ *). Испуганный Мортье, не успѣвъ привести исполнѣ замысль Наполеона, т. е. подорвать весь Кремль, въ 6 часовъ вечера, поспѣшно выступилъ изъ Москвы; онъ успѣлъ зажечь только одну часть подкопа и, опасаясь плѣна, бросился догонять свою отступающую армію **). Къ счастью не всѣ мины были подорваны; въ это самое время, изъ безоблачнаго неба, вдругъ пошелъ дождь и залилъ вспыхнувшій пожаръ. Соборы уцѣлѣли, но пристройки подлѣ Ивана Великаго, арсеналь и многія башни были совершенно разрушены; также сгорѣлъ дворецъ. Къ общему изумленію, образъ св. Николая, находившійся на полуразрушенной Никольской башнѣ, остался невредимъ, тогда какъ въ Сенатѣ, близъ этой башни, не осталось не только ни одного стекла, но даже ни одной рамы. Описаніе этого чуда сохранено для памяти потомства въ надписи, изображенной, по повелѣнію Государя, на дскѣ, подъ

*) Предъ выступленіемъ французовъ изъ Москвы, былъ еще взрывъ пороховаго погреба на полевомъ дворѣ (около станціи Николаевской желѣзной дороги). Въ это же время изъ селъ: Петровскаго-Разумовскаго, Всесвятскаго, Покровскаго и прочихъ окрестностей, также изъ тамошнихъ лѣсовъ, выступили поселяне и помогли козакамъ разбить отрядъ французовъ, около Петровскаго двора; множество труповъ ихъ похоронено въ глиняныхъ ямахъ, за Тверской заставой.

**) Наполеонъ хотѣлъ уничтожить и церковь Василія Блаженнаго, назвавъ ее мечетью. По тогдашнему исчисленію, въ Москвѣ сгорѣло всѣхъ зданій съ церквами около шести съ половиною тысячъ. Полагаютъ, что убытковъ отъ пожара и войны доходило до 321 милліона, (по исчисленію Коммиссіи).

самымъ образомъ *). Многіе отъ этихъ страшныхъ, потрясающихъ звуковъ, попадали ницъ, иные, трепещущіе, стояли на колѣняхъ и молились Богу, ожидая вѣрной смерти. Ужасна была картина разрушенія, представляющаяся съ набережной: отъ силы взрыва, желѣзная рѣшетка набережной была изломана, исковеркана, дома, на другой сторонѣ берега Москвы-рѣки, облѣплены мусоромъ и вонзившимися въ стѣны осколками камней; поверхность Москвы-рѣки покрывалась, точно серебромъ, оглушеною и всплывшею на верхъ рыбою. Между одной взорванной угловой башней Кремля и Троицкими воротами, какъ будто бы текла сѣрая, волнующаяся масса, шизвергавшаяся, въ видѣ водопада, неписанная бумага, выброшенная непріятелями изъ кремлевскихъ архивовъ. Козаки никого не впускали въ Кремль **). Въ тотъ же день прискакалъ въ Москву генералъ Пловайскій, съ отрядомъ козаковъ; онъ возстановилъ наскоро возможный порядокъ и издалъ 2 объявленія слѣдующаго содержанія: 1) (отъ 12-го октября). Непріятель, тѣснимый и вседневно по-

*) Тамъ находится слѣдующая надпись: Въ 1812 году, во время непріятельскаго нашествія, твердыня сія почти вся была разрушена подрывомъ непріятеля, но чудесною силою Божіею, св. Образъ Угодника Божія, Святителя Николая, здѣ начертанный на самомъ камени, и не только сей образъ, но стекло, прикрывающее оный, и фонарь со свѣцею, остались невредимы. Кто Богъ велий, яко Богъ нашъ! Ты еси Богъ, творяи чудеса! Дивенъ Богъ во святыхъ своихъ.» Стекла въ кивотахъ у св. Образовъ на башняхъ Спасской и другихъ невзорванныхъ также совершенно уцѣлѣли съ всплывшими предъ ними фонарями.

**) Воспоминаніе очевидца.

ражаемый нашими войсками, вынужденъ былъ очистить Москву; но, убѣгая, умышлялъ онъ поразить новою скорбію христілюбивый народъ русскій, взорвавъ подкопами Кремль и Божіи храмы, въ коихъ почитаютъ тѣлеса угодниковъ. Дивенъ Богъ во Святыхъ Его! Стѣны кремлевскія и почти всѣ зданія взлетѣли на воздухъ, а соборы и храмы, вмѣщающіе мощи Святыхъ, остались цѣлы и невредимы, въ знаменіе милосердія Господня къ царю и царству русскому.»

2-е объявленіе отъ 14-го октября: «Слава Богу! первопрестольный градъ очищенъ отъ враговъ. Окрестные жители могутъ теперь быть спокойны и привозить безопасно въ древнюю столицу всѣ произведенія земли и издѣлія свои. Обитатели Москвы нуждаются въ жизненныхъ припасахъ; я увѣренъ, что всякій русскій будетъ продавать привезенное имъ за умѣренную цѣну; торговые дни назначаются тѣ же, какія и были прежде. Пріѣздъ въ Москву обезпеченъ воинскими отрядами: Господь милосердъ! Государь нашъ благотворителемъ! Народъ русскій единоплеменъ, и скоро древняя столица возвратитъ прежнюю свою славу и благоденствіе». Съ этого дня Москва почиталась окончательно свободною отъ враговъ.

Кто бы узналъ тогда, нѣкогда людную, обстроенную зданіями Москву? Высокіе храмы съ позолочеными куполами, барскія палаты—все это или исчезло, или исказилось, являло на себѣ клеймо пожара и представляло груды развалинъ; страшно промчался надъ Москвою ураганъ разрушенія и глубоко впились въ нее слѣды его. Въ иномъ мѣстѣ стояли стѣны безъ

кровель и обезглавленные церкви, въ другомъ мрачно чернѣлись закоптѣлыя трубы и печи, какъ остовы, или представлялись пепелища домовъ еще курящіяся, дымящіяся, наполнявшія улицы удушливымъ смрадомъ. Вѣтеръ былъ и свистѣлъ, пролетая сквозь выбитыя окна и выломанныя двери сколько нибудь сохранившихся домовъ и звучно шевелилъ полуоторванными желѣзными листами кровель. Опасно было по мостовымъ ходить отъ проваловъ въ погреба, колодцы и въ помойныя ямы; во многихъ мѣстахъ валялись дохлыя лошади и другія животныя, между которыми находились и человѣческіе трупы; полиція Наполеона, если и хоронила ихъ, то кое-какъ, умирающихъ съ умершими и, какъ сказано уже было, зарывали тѣло въ землю не болѣе какъ на 2 или на 3 вершка *).

Изъ ополченій прежде всѣхъ прибыло въ Москву Владимірское, съ начальникомъ своимъ, генераломъ Спиридовымъ; за ними пріѣхали Оберъ-полицмейстеръ съ полиціею и съ пожарными инструментами и Московскій комендантъ, Эссенъ **). Докторъ Воробьевскій официально доносилъ правительству, что отъ неуборки и гніенія труповъ угрожаетъ опасность: повальная болѣзнь, и потому тогда правительство тотчасъ озабочилось очистить городъ отъ смѣшаннаго зловонія, происшедшаго отъ гари, смрада и разложенія труповъ. Для этого назначены были фурманчики; они собирали

*) Русскіе в Нап. Бонапарте, сочиненіе московскаго жителя, 1813 года.

***) Извѣстный драматургъ, к в. Шаховской, одинъ изъ первыхъ вѣхалъ въ развалины Кремля. Моск. альманахъ 1826 г.

ихъ (какъ нѣкогда во время моровой язвы)—въ фуры и свозили за заставы въ Марьину рошу и въ прочія отдаленныя мѣста, также къ крымскому броду, гдѣ сожигали ихъ: сперва укладывали тамъ рядъ дровъ, а на нихъ трупы, изъ чего составлялись огромныя костры, которые сожигались по ночамъ, въ продолженіе мѣсяца. Картина была поражающая, невыносимо грустная *)... Между развалинами зданій двигались, какъ привидѣнія, жители Москвы, отыскивавшіе свои жилища; нѣкоторые изъ нихъ еще робко оглядывались, опасаясь возвращенія французовъ; но казаки, занявшіе все посты въ Москвѣ, афиши Пловайснаго и возвращеніе полиціи ободрили ихъ. Вотъ начали мало по малу съѣзжаться изъ разныхъ губерній и удалившіеся отъ непріятельскаго погрома жители; какова была въ Москвѣ встрѣча знакомыхъ!.. «Вы живы, и вы! Ну, слава Богу!» восклицали они, обнимаясь со слезами и повѣдуя другъ другу свои приключенія. Многіе еще не возвратились въ Москву, потому что негдѣ было жить въ суровое время года. Неимущіе погорѣлые жили на бивакахъ, иные приютились въ Лефортовскомъ дворцѣ, въ Спаскихъ казармахъ и въ чужихъ обгорѣлыхъ зданіяхъ, занавѣшивая оконницы и двери рогожами; тамъ вскорѣ открылись даже харчевни и начали варить новаго рода пиво изъ сахарнаго песку, во множествѣ собраннаго въ разныхъ частяхъ Москвы. Квартиры

*) Фурманчики жгли обнаженные трупы непріятелей; они пользовались одеждою ихъ, особенно мундирами французовъ, которые послѣ продавались на рынкахъ и площадяхъ. Разсказъ современника той эпохи.

въ уцѣлѣвшихъ зданіяхъ отдавался за дорогую цѣну, и потому въ одной комнатѣ тѣснилось нѣсколько семействъ.—Но вотъ раздались звуки топоровъ: сперва начали скалачивать шалани, и, покамѣсть, наскоро поправлять увѣчные дома *).

Для полной картины пожараща Москвы и для удовлетворенія любопытныхъ, особенно жителей Москвы, представляю оффиціальное статистическое свѣдѣніе о числѣ жителей въ ней, до нашествія въ нее непріятелей и о числѣ погорѣвшихъ въ Москвѣ зданій, сравнительно съ 1822 годомъ (десятилѣтняя разница).

Потомственныхъ и личныхъ дворянъ въ 1812 году было 14,247 ч., въ 1822—14,724; приказнослужителей 1898, въ 1822,—3101 **); Священно- и церковнослужителей съ монашествующими 4,804, а въ 1822 г. 4,388 ***); купцевъ 20,277, а въ 1822 г. 9392 (значительная разница †); мѣщанъ: 18,853 — 28,029; цѣховыхъ 6,192—10,384; иностранцевъ: 2,862—2,385; разнощниковъ 10,135—10,069; солдатъ 16,395—21,893; фабричныхъ: 4635—1854; ямщиковъ 1,654—1882; дворовыхъ людей: 84,880 — 53,541; (замѣчательныя

*) Позже всѣхъ казенныхъ зданій отстроены Арсеналъ.

***) Они поступали тогда въ государственную службу изъ всѣхъ званій, (выключая крѣпостнаго состоянія), особенно изъ духовнаго и вольноотпущенныхъ людей.

***) Послѣ 1812 года многія церкви въ Москвѣ уничтожены.

†) Вѣроятно многіе купцы, разорившись въ то время, приписались въ мѣщанское общество, а многіе разбогатѣли, посредствомъ разныхъ оборотовъ, пользуясь смутнымъ временемъ.

цифры для того времени); крестьянъ: 70,299—234,400 челов. Въ 1822 г., въ сравненіи съ 1812 г., число жителей въ Москвѣ оказалось менѣе на 22,731 человекъ.

Домовъ въ 1812 г. было въ Москвѣ каменныхъ: 2,567; изъ нихъ выжжено 2041 (осталось 526); деревянныхъ: 6,591, выжжено 4,491 (осталось 2,100); лавокъ каменныхъ было: 6,324, выжжено 5335 (осталось 989); деревянныхъ: 2,197, выжжено 1818 (осталось 379); не совсѣмъ сгорѣвшихъ, а только обгорѣлыхъ домовъ каменныхъ: 180, деревянныхъ 223; пороженныхъ загороженныхъ мѣсть: 367, незагороженныхъ: 223 *); кромѣ того сколько еще было обгорѣлыхъ церквей, безъ главъ и крестовъ, надтреснутыхъ отъ жара; (изъ 237 церк. 12 изъ нихъ сгорѣли, а 115 обгорѣли; прочія разграблены).

Теперь взглянемъ на мѣстность пожарницъ:

Нѣмецкая слобода вся была выжжена и съ слободскимъ дворцомъ; у Богоявленія (близъ Елохова моста), уцѣлѣлъ только домъ Гр. Головкина, а у Вознесенія, на Гороховомъ полѣ, дома Демидова и Гр. Разумовскаго. Въ старой Басманной уцѣлѣли только 4 дома, въ томъ числѣ большіе: Хлѣбниковой и Кн. Куракина; у Красныхъ воротъ остался запасный дворецъ, въ новой Басманной сгорѣли дома: Аршеневскаго, Гр. Гудовича, Высоцкаго, Кн. Голицына, Мѣщанинова и пр. небольшіе. На Земляномъ валу почти всѣ зданія сгорѣли, кромѣ Шереметевской больницы и больша-

*) Московскія Вѣдомости 1823 г., № 14-й—№ 1-й Москов. Вѣдомостей, послѣ выступленія непріятеля изъ Москвы, выпелъ 23-го ноября 1812 года.

го корпуса спасскихъ казармъ; домъ Оберъ-полицмейстера также сгорѣлъ: Сухарева башня уцѣлѣла. Отъ Никольскихъ воротъ до Мясницкихъ всѣ дома уцѣлѣли, а отъ Мясницкихъ до Красныхъ воротъ почти всѣ были выжжены. Отъ Никольскихъ воротъ до Срѣтенскихъ почти всѣ дома были цѣлы, также и къ Кузнецкому мосту, (кромѣ флигеля, въ которомъ помѣщалась славившаяся тогда конфетная лавка Гуа; также гражданскаго губернатора, Обрѣзкова, Анненкова и Рѣшетникова. На Лубянкѣ всѣ дома уцѣлѣли, въ томъ числѣ и Гр. Растопчина *). Отъ Воскресенскихъ воротъ, по Тверской, до дома Главнокомандующаго, всѣ дома сгорѣли, въ томъ числѣ и Гр. Гудовича; уцѣлѣли: домъ Главнокомандующаго и, близъ него, домъ танцевальнаго клуба. Отъ Покровскихъ воротъ до Мясницкихъ дома были цѣлы. Отъ Тверскихъ до Мясницкихъ также многіе уцѣлѣли, въ томъ числѣ, на бульварѣ, и большой домъ Соловова, также Пушкина, князя Гагарина (Н. Серг.); въ немъ тогда помѣщался англійскій клубъ. Отъ Покровскихъ воротъ до Ильинскихъ почти всѣ дома уцѣлѣли, исключая домовъ: кн. Трубецкаго, Мещерскаго и Мясоѣдова; Покровскія казармы сгорѣли, уцѣлѣлъ только нижній этажъ со сводами. Воспитательный домъ уцѣлѣлъ; половину его заняли раненые французы (1,500 чел., послѣ ихъ перемѣстили въ разныя больницы). Гостинные ряды и Замоскворѣчье сгорѣли. На Никольской уцѣлѣли только

*) Непріятели, предъ выходомъ своимъ изъ Москвы, начинили въ немъ всѣ трубы порохомъ; къ счастью источникъ это замѣтилъ и отвратилъ опасность.

дома: Гр. Шереметева, духовной типографіи и Кусовникова: книжныя лавки сгорѣли. На Моховой сгорѣлъ университетъ, дома Нарышкина и Пашкова (новый университетъ); на Пречистенкѣ домъ Всеволожскаго и сестры его, книгини Мещерской, уцѣлѣли; ихъ спасъ французъ, редакторъ типографіи; на Никитской почти всѣ дома сгорѣли, исключая домовъ: гр. Маркова (бывшій князя Меншикова) и Познякова; также многіе на Воздвиженкѣ сдѣлались добычею пожара. Въ заключеніе всего скажемъ, что часть Петровскаго дворца сгорѣла.

Ужъ нечего говорить о дальнихъ концахъ Москвы; надобно замѣтить, что большею частію тѣ дома уцѣлѣли, въ которыхъ помѣщались французскіе генералы и въ которыхъ находились разные казенные склады ихъ арміи, или лежали больные; эти дома зорко и строго караулили*).

Да, неприглядна была картина опустошенной, ужъ не бѣлокаменной, а чернокаменной Москвы; нѣкоторые обгорѣлые дома, безъ крышъ, дымилась еще; надъ ними безобразно высились, какъ мачты, черныя закоптѣлыя трубы; кой-гдѣ, въ подвалахъ этихъ домовъ, мелькали огоньки пріотившихся тамъ жителей; на улицахъ задымилась куча навоза, зажженные, для отвращенія отъ заразы мертвыхъ тѣлъ. Прибывшіе съ отрядомъ козаковъ толпы подмосковныхъ крестьянъ устремились за добычей. Они собирали богатую дань, особенно съ убитыхъ французовъ, которыхъ они

*) У Владимірскихъ и у Никольскихъ воротъ находились французскія батареи; слѣды ихъ видны были долгое время.

отыскивали по разнымъ ямамъ, по подпольямъ и по погребцамъ, а трупы ихъ выбрасывали, куда попадо, даже выкидывали изъ оконъ домовъ на улицы, или въ нечистыя мѣста. Вскорѣ около гостинаго ряда, на Моисеевской площади, на Тверской, противъ дома главнокомандующаго и на нѣкоторыхъ другихъ площадяхъ появились балаганы, шалаши, досчатые лавочки и треножки съ съѣстными и прочими припасами. Закипѣла мелкая промышленность; иные начали торговать просто, на разостланныхъ рогожахъ, всякою рухлядью, обломанною мебелью, одеждою, обувью; расхищенная собственность жителей собиралась въ кучи; здѣсь можетъ быть иной покупалъ свою собственную вещь. Сперва все шло за безцѣнокъ, потомъ всѣ товары, равно какъ и квартиры, ужасно вздорожали.

Наконецъ, въ третій день, утромъ, послѣ выступленія непріятелей изъ Москвы, въ Страстномъ монастырѣ послышался уже не унылый, но торжественный благовѣстъ къ обѣднѣ и къ благодарственному молебну; по его призыву раздались звуки колоколовъ и съ прочихъ уцѣлѣвшихъ колоколенъ. Шестъ недѣль Москва не оглашалась этими отрадными, торжественными звуками—и вотъ, она какъ будто очнулась; народъ съ восторгомъ поспѣшилъ на это радостное благовѣстіе, и въ воздухѣ какъ будто повѣяло освобожденіемъ; наболѣвшія сердца русскихъ воскресли....

Пока начала оживать Москва, взглянемъ, что въ это время дѣлалось въ Тарутинскомъ лагерѣ: скоро

мы опять воротимся въ нее, чтобы дорисовать общую картину возрождавшейся столицы.

Императоръ Александръ, еще 2-го октября, прислалъ Кутузову повелѣніе, начать наступательныя дѣйствія противъ непріятелей: «Вспомните», писалъ онъ ему, «что вы еще обязаны отвѣтомъ оскорбленному отечеству въ потерѣ Москвы». Кутузовъ получилъ это повелѣніе тогда, когда уже начались наступательныя дѣйствія на непріятелей, когда Мюратъ былъ уже разбитъ. Кутузовъ зналъ только о приготовленіи Наполеона къ выступленію изъ Москвы, но онъ не зналъ еще о совершенномъ отступленіи его на Калужскую дорогу. Наполеонъ хитрилъ; по его распоряженію, маршалъ Бертье, изъ селенія Омнинскаго, при поворотѣ на новую Калужскую дорогу, отправилъ къ Кутузову письмо, посланное будто бы изъ Москвы, въ которомъ маршалъ просилъ Кутузова о рѣшительномъ отвѣтѣ на мирныя предложенія Лористона. Наполеонъ хотѣлъ оставить Кутузова въ невѣдѣніи о движеніи своей арміи, чтобы имѣть время выбрать на сытую, перазоренную дорогу. Французскій полковникъ Бартеми, прибывъ въ Тарутинскій лагерь, не замѣтилъ тамъ никакихъ приготовленій къ походу; впрочемъ фельдмаршалъ, на всякій случай, принялъ мѣры предосторожности: всѣ наблюдательныя посты русскихъ были подкрѣплены войсками, въ томъ числѣ и корпусъ Дорохова, стоявшій около Боровска. Французскіе писатели превозносятъ обходный маневръ Наполеона, который, въ свою очередь, провелъ хитраго русскаго военачальника; никто не ожидалъ, что фран-

цузы желали прорваться на эту дорогу; казалось, счастье улыбалось еще непріятелямъ; но можно-ли было что нибудь скрыть отъ летучихъ отрядовъ нашихъ партизановъ, которые рыскали повсюду, тревожа непріятелей всегда и вездѣ? Такъ одинъ изъ партизановъ, Сеславинъ, тотчасъ открылъ движеніе и направленіе всей массы непріятельской арміи на Омнинское, и поспѣшилъ увѣдомить объ томъ Дохтурова; но Дохтуровъ не совсѣмъ вѣрилъ еще тому; тогда Сеславинъ, съ горяча и съ досады, бросился на французскіе биваки, расположенные около Боровска, схватилъ плѣнныхъ и представилъ Дохтурову офицера Наполеоновой гвардіи; офицеръ подтвердилъ это извѣстіе; Дороховъ тотчасъ же послалъ начальника своего штаба, Бологовскаго, съ донесеніемъ объ этомъ къ Кутузову, а самъ поспѣшилъ къ Малоярославцу, предупредить непріятеля.

Въ Тарутинскомъ лагерѣ давно уже скучали бездѣйствіемъ; всѣ чего то ждали, ждали—и наконецъ дождались... Лишь только что летунъ-курьеръ извѣстилъ Кутузова о выступленіи французовъ изъ Москвы и о намѣреніи ихъ тайкомъ пробраться въ хлѣбородныя наши губерніи, какъ вдругъ Кутузовъ явился посреди лагеря съ одушевленнымъ лицомъ и громко, торжественно поздравилъ нетерпѣливыхъ ратоборцевъ своихъ съ давно ожидаемой, наступающей битвой.... О, что тогда произошло! Встрепенулся весь лагерь, всѣ ожили, всѣ начали поздравлять другъ друга; явились пѣвцы молодые, голоса заливные, грянули веселыя пѣсни и пошла круговая!.... Въ дополненіе ко всему этому, вечеромъ, наканунѣ выступленія изъ лагеря,

среди разложенныхъ огней, съ поднятыми кубками въ рукахъ, наши воины, собравшись въ кружокъ, восторженно пѣли и читали сладкозвучные стихи русскаго Бояна-Жуковского *).

Хвала вамъ, чада прежнихъ лѣтъ!

Хвала вамъ, чада славы!

Дружиной смѣлой, вамъ во слѣдъ,

Бѣжимъ на пиръ кровавый.

Да мчится нашъ побѣдный строй

Предъ нашими орлами,

Да съѣтъ нашъ предтеча въ бой

Погибель надъ врагами!

Наполнимъ кубокъ! мечъ во длань!

Внимаи нашъ вѣчный мститель:

За гибель гибель, брань за брань,

И казнь тебѣ, губитель!

Отгизни кубокъ сей, друзья!

Страна, гдѣ мы впервые

Вкусили сладость бытія,

Поля, холмы родные,

Роднаго неба милый свѣтъ,

Знакомые потоки,

Златыя игры первыхъ лѣтъ

И первыхъ лѣтъ уроки!

Что вашу прелесть замѣнить?

О родина святая,

Какое сердце не дрожить,

Тебя благословляя!

Тутъ было сказано все!

Надо было сѣшнить, предупредить, остановить, отбросить непріятеля отъ юга Россіи. Ударили сборъ,

*) Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ.

быстро снялся лагерь и 11-го октября двинулись всѣ въ полномъ маршѣ въ походъ къ Боровску. Наполеонъ обходилъ лѣвый флангъ нашей арміи; Дохтуровъ, вмѣстѣ съ Дороховымъ, только съ 10 тыс. войска, сѣшнили по кратчайшему пути къ Малоярославцу, и 12 октября наши уже предъ нимъ Платова, съ отрядомъ козаковъ; но городъ былъ уже занятъ французами. Рано утромъ завязалось сраженіе, въ которомъ не могла участвовать конница, потому что бой происходилъ на улицахъ. Среди грома артиллеріи, городъ переходилъ изъ рукъ въ руки 5 разъ. Въ полдень прибылъ туда Наполеонъ со всею своею арміею и тотчасъ велѣлъ поставить нѣсколько батарей на берегу р. Лужи. Корпусъ Даву громилъ русскихъ; положеніе ихъ было критическое: отовсюду французская артиллерія мчалась по грудамъ тѣлъ; наши раненые отназывали въ сторону, но вдругъ блеснули вдали штыки русской арміи—и тогда началась рѣшительная, роковая битва. Ужъ наступила ночь; весь городъ объятъ былъ пламенемъ; оттуда, какъ тѣни, выскакивали: то французы, то русскіе; сквозь оглушительную пальбу прорывались звуки барабановъ. Ночью французы утвердились въ городѣ. Наполеонъ въ Маломъ Ярославцѣ, съ высоты уцѣлѣвшей колокольни, видѣлъ ужасные слѣды упорной битвы и 13 окт., рано утромъ, разсмотрѣлъ русскую армію, стоявшую немного далѣе ружейнаго выстрѣла отъ города, въ боевомъ порядкѣ, слитую въ сплошную массу. Прорваться къ Калугѣ ему надобно было сквозь наше войско; дать генеральное сраженіе онъ опасался; онъ видѣлъ оже-

сточенную упорность русских: не стороняться от него съ дороги, но наброситься на него всею массою силъ своихъ; онъ боялся расшибиться объ эту живую стѣну. На военномъ совѣтѣ французскихъ генераловъ положено было отступить, чтобъ сохранить свою разстроенную армію, и вотъ, ветераны Наполеона, привыкшіе къ непрерывнымъ побѣдамъ, съ поникшими головами, опять поворотили на прежнюю свою смоленскую дорогу, на Можайскъ, чрезъ Боровскъ, Верею, Гжатскъ и т. д.

Въ продолженіе этого времени, Наполеонъ чуть не попался въ плѣнъ козакамъ; его выручилъ маршалъ Бессьеръ.

Между тѣмъ и русскіе начали совершать отступление по Калужской дорогѣ къ Дѣтчину, чтобы предупредить непріятелей на пути ихъ къ Юхнову. Кажется оба полководца, Наполеонъ и Кутузовъ, были въ нерѣшимости: они не совсѣмъ довѣряли своимъ силамъ. Наполеонъ потянулся къ Боровску, оставивъ въ Малоярославцѣ корпусъ Даву, для замаскированія своего отступления, Кутузовъ же оставилъ тамъ Милорадовича съ его авангардомъ, а самъ, со всею арміею, тронулся къ Гончарову. Войска наши, отступая, роптали....

Изумительно было видѣть, что въ одну и ту же ночь (съ 13-го на 14-го октября) обѣ арміи отступали другъ отъ друга. И вотъ, начинаются, доселѣ неслыханныя, бѣдствія, для бывшей, нѣкогда стройной, громадной французской арміи; но пока она выбираетъ

ся на старую дорогу, въ разсказѣ моемъ опять переимѣняется декорация, и опять представляется Москва.

Москва постепенно оживала: изъ близъ лежащихъ около нее городовъ и деревень продолжалъ стекаться народъ, чрезъ заставы тянулись обозы съ жизненными припасами; воза ѣхали чрезъ неогороженные сады съ обгорѣлыми деревьями, съ жизненными припасами,*) на площадяхъ появились разные ремесленники, въ томъ числѣ каменьщики и плотники, предлагавшіе, кому угодно, свои услуги. Появились и мясныя лавки, изъ наскоро сколоченныхъ лубковъ; къ нимъ бросились испостившіеся голодные жители съ такимъ стремленіемъ, что къ дверямъ ихъ приставили козакъ съ нагайками; но врядъ ли продавцы остались съ барышемъ, потому что масса народа сдвинула эти лавки съ мѣстъ ихъ, и ужъ тутъ некогда было сводить счетовъ; за то продавцы хлѣба наживались; въ первые привозы его они брали за фунтъ ржаного хлѣба по 25 коп. (ассигн.), а за небольшой калачъ по 30 копѣекъ**).

Разумѣется, сначала большая часть московскихъ жителей, вмѣстѣ съ безпріютностію своею, не имѣла средствъ и къ пропитанію; если-жъ кто изъ нихъ рѣшился просить милостыню, то за этимъ надобно было обращаться тоже къ нищимъ. Продажа разной ме-

*) Духъ журналовъ 1817 г.

**) По свидѣтельству современниковъ.

лочи, въ послѣдствіи времени, открылась еще въ другихъ мѣстахъ Москвы; тамъ устали вверхъ дномъ кадки или подѣлали подмости и на нихъ расклали тоже разный смѣшанный товаръ, чай, деготь, сахаръ и соль, пенку и шелковыя матеріи, книги и стеклянную посуду, старое желѣзо и галантерейныя вещи. Кромѣ того тамъ сновали взадъ и впередъ ходящики съ съѣстными и другими товарами; кто носилъ въ глиняной корчагѣ масляную пшеничную кашу, и за веревочнымъ поясомъ его торчали деревянныя ложки, кто на лоткѣ похвалявалъ гороховый кисель, покрытый слоемъ войлоковъ или грязныхъ тряпицъ, на которыхъ лежали разной величины и формы деревянныя чашечки; изъ пазухи калашника высовывалось горлышко масляной бутылки. Иной густымъ басомъ кричалъ наименованіе своего товара, состоявшаго изъ разнаго тряпья, и очевидецъ, изъ воспоминаній котораго мы заимствуемъ описаніе этого торжища, узналъ въ немъ пѣвчаго Синодальнаго хора. Нѣмецъ, бывшій содержатель пансіона, въ алой уланской конфераткѣ, съ полуоторваннымъ козырькомъ, подпоясанный черной кожаной португеею, съ изображеніемъ на бѣлой бляхѣ ея буквы N, носилъ ящикъ съ нюхательнымъ табакомъ, оклеенный пестрыми обоями и уставленный вокругъ цвѣтными бумажными трубочками, разной величины: на копѣйка на два трубка, нюхай! кричалъ онъ. «Ишь, нѣмецъ-то, ишь мусьѣ-то, на все изловчится» говорилъ народъ, глядя на него. Деревенская баба въ кичкѣ, одѣтая въ непріятельскую шинель, съ гербовыми пуговицами и подпоясанная бѣ-

лою солдатскою португеею, носила, для продажи, на глиняномъ противнѣ, запыленную говяжью студень; мужикъ въ зипунѣ, въ высокой гусарской мѣдвѣжьей шапкѣ, продавалъ моченый горохъ; мальчишка, облѣпленный какими-то лохмотьями, кричалъ: «блины горячіе!» и чтобъ эти блины не стыли, они были покрыты кавалерійскимъ чепракомъ, съ вышитыми, по концамъ его, французскими гербами; другой продавалъ разныя иностранныя монеты, которыми охотники играли уже въ орлянку; дряхлая старуха съ усиленіемъ тащила оханку длинныхъ непріятельскихъ палашей, и, кланяясь проходящимъ, упрашивала ихъ: «родные, голубчики мои, избавьте старуху отъ тяжелой ноши, купите, дешево отдамъ, достались-то они мнѣ послѣ злодѣя ханцуза, годятся хоть на косари, щепать лучину. Sic transit!...

На смѣну козакамъ и ополченцамъ, для занятія карауловъ, вступили въ Москву нѣхотные полки, потомъ прибыла и полиція, на послѣдяхъ ужъ съѣхались и прочія городскія власти. Гр. Растончинъ, прибывъ въ Москву, засталъ уже угасающее, но все еще дымящееся пепелище ея. Онъ засталъ еще бродягъ, расхищавшихъ винныя подвалы, кладовыя и другія тайныя мѣста, гдѣ было запрятано достояніе Москвитянъ; онъ тотчасъ принялъ мѣры къ прекращенію всѣхъ безпорядковъ. Къ дому его начали стекаться толпы безпріютныхъ, съ просьбами о вспоможеніи; онъ озаботился о размѣщеніи ихъ, по возможности по квартирамъ и о доставленіи имъ одежды и пропитанія. Таковыхъ бѣдняковъ считалось до 3,000 человекъ.

По прибытіи своемъ въ Москву, онъ издалъ послѣднюю афишу къ крестьянамъ Московской губерніи: «По возвращеніи моемъ въ Москву узналъ я, что вы, недовольны бывъ тѣмъ, что таскали, что попада-лось вамъ на пенелищѣ, еще вздумали грабить дома господъ своихъ по деревнямъ и выходить изъ послушанія. Ужъ многихъ зачинщиковъ привезли сюда. Неужели вамъ хочется попастьъ въ бѣду? Славное вы дѣло сдѣлали, что не поддались Бонапарту, и отъ этого онъ околѣвалъ съ голоду въ Москвѣ, а тѣперь бѣ-жить, не оглядываясь и арміи его живой не приходи-ть; покойниковъ французскихъ никто не подвезетъ до ихъ дому. Ну, такъ Бонапарта не слушались а те-перь слушаетесь какого-нибудь домашняго вора. Вѣдь опять и капитанъ-исправники и засѣдатели есть на мѣстѣ. Гей, ребята, живите смирно, а то дураки, за-біачныя головы, кричатъ: батюшки, не будемъ!»*)

Сдѣлавъ наскоро распоряженіе въ Москвѣ о при-веденіи ея въ возможный порядокъ, графъ написалъ къ Преосв. Августину: «Врагъ человѣческаго рода, опустошивъ Москву и оскверня храмы, сопровождае-мый проклятіями російскаго народа, съ малымъ чис-ломъ оставшейся въ живыхъ печестивой рати своей, предался бѣгству, желая довершить злодѣйство разо-рениемъ Кремля подкопами; но рука Всевышняго спас-ла отъ паденія соборы и Ивановскую колокольную и

*) Гр. Растончинъ вышелъ въ отставку въ 1814 г. (на мѣс-то его поступилъ одинъ изъ героевъ войны 1812 г., Гр. А. П. Тормасовъ); Растончинъ умеръ въ Москвѣ, въ 1826 г. и захо-ренъ на Пятницкомъ кладбищѣ.

прахъ царей нашихъ съ державою Государя Импера-тора: они съ вѣрностію и мужествомъ народа, ему преданнаго, остались непоколебимы. Обманутый лож-ною надеждою и ослѣпленный успѣхами, онъ мечталъ покорить Россію, предписать ей законы, но Россія воз-стала вся на него, попрада его силу и повергла страш-ное могущество Наполеона къ подножію Александра I-го. Сообщая о семъ происшествіи Вашему Превосв— ству, прошу направить путь Вашъ къ первопрестоль-но му граду, коего жители желаютъ возвращенія Ва-шего, церкви освященія, и все истинныя христіане присутствія чудотворныхъ иконъ: Иверской и Влади-мірской Божіей Матери, для принесенія имъ теплыхъ молитвъ за избавленіе свое отъ нашествія врага и уничтоженія гордыни его».

Изъ Казани возвратился въ Москву Сенать, изъ Владиміра канцелярія Гражданскаго Губернатора; мно-гіе переселенцы прибыли изъ Ярославля, изъ Ниж-няго возвратилось Губернское правленіе, Архивъ ино-странныхъ дѣлъ; многіе купцы прибыли изъ Рязани и изъ другихъ мѣсть; тогда послѣя слухъ, что Ниж-ній-Новгородъ замѣнитъ сгорѣвшую Москву; въ немъ собрались литераторы: Карамзинъ, В. Л. Пупкинъ*), Малиновскій, Батюшковъ; выключая Жуковскаго, зву-

*) Тамъ онъ написалъ привѣтствіе свое къ городу. Прим-те насъ подъ свой покровъ, питомцы волж-скихъ береговъ; музыку къ нимъ сочинилъ извѣстный нашъ ученый естествоиспытатель, Григ. Иванов. Фишеръ фонъ Вальдгеймъ; къ Вѣстнику Европы 1813 г. приложены ноты на эту пѣснь.

ки пѣсенъ котораго сливались съ пушечными громами. (Изъ поэтовъ князь Вяземскій участвовалъ на Бородинскомъ сраженіи; также Батюшковъ и профессоръ русской словесности Дерптскаго университета, Кайсаровъ, были подъ градомъ пуль).

Преосв. Августинъ, проживая въ Муромѣ, получилъ письмо гр. Растопчина 18 октября. Нельзя выразить тотъ восторгъ, который охватилъ, преисполнилъ душу архипастыря, при извѣстіи о бѣгствѣ непріятеля изъ Москвы; весь городъ сочувствовалъ этой радости: тотчасъ всѣ отправились въ соборъ, для принесенія благодарственного молебна Спасителю. Тамъ всенародно, предъ литургією, прочитано было письмо гр. Растопчина, а послѣ литургіи, Преосвященный произнесъ на этотъ случай одушевленную рѣчь. Вскорѣ послѣ того муромскіе жители собрались на проводы чудотворныхъ иконъ и Преосвященнаго, изъ своего города въ Москву. Раздался колокольный звонъ, заколыхались хоругви, появился крестный ходъ. Народъ далеко, за городъ, несъ на рукахъ иконы Иверской и Владимірской Божіей Матери. Въ концѣ октября Преосвященный прибылъ въ подмосковное село Черкизово *), потому что въ Москвѣ негдѣ ему было пріютиться; архіерейскія подворья были сожжены; къ нему спѣшили на встрѣчу народъ и тѣснился около его

*) Черкизово отстоитъ въ 1-й верстѣ отъ Преображенской заставы, по Остромынской дорогѣ; это было пѣккогда любимое мѣстопробываніе митр. Платона; есть преданіе, что онъ тамъ хотѣлъ устроить новую Виапію.

экипажа и жилища, со слезами умиленія. Архипастырь привѣтствовалъ всѣхъ радостнымъ восклицаніемъ: Христосъ Воскресе! 7 ноября Августинъ перѣхалъ изъ Черкизова въ Срѣтенскій монастырь **) и внесъ въ него иконы, въ теплую церковь и совершилъ тамъ колѣнопреклонное молебствіе. На другой день, ночью, съ нѣкоторыми духовными сановниками, чрезъ Боровицкія ворота, вступилъ онъ въ Кремль— и что представилось его взорамъ! Весь Кремль заваленъ былъ мусоромъ, камнями, сѣномъ, соломой, разбросаннымъ оружіемъ, человѣческими и конскими трупами, сломанными экипажами, мебелью и даже разбросанными по землѣ иконами. Съ стѣсненнымъ сердцемъ подступилъ онъ къ Успенскому собору, двери котораго были заперты и запечатаны до его прибытія. Снаружи стѣпъ собора торчали брусья, вставленные въ пробитыя отверстія ихъ, для коновязей, а что таилось внутри? можетъ быть подкопы. Опасно было войти туда, но Августинъ приказалъ отворить сѣверныя двери собора; это было исполнено и изъ нихъ пахнулъ удушливый воздухъ. Августинъ сказалъ сопровождавшимъ его: «помолитесь,» и самъ первый совершилъ трижды земное поклоненіе; потомъ осѣнилъ входъ и себя крестнымъ знаменіемъ и воскликнулъ: «Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази его!» вступилъ въ храмъ; за нимъ вошли всѣ, сопровождавшіе его, держа предъ собою зажженные свѣчи. Лишь только мерцающій свѣтъ озарилъ внутренность

*) Онъ уцѣлѣлъ отъ сожженія, но былъ поврежденъ.

зданія и онѣмѣвшіе, безъ языковъ. Раки надъ мощами Черниговскихъ угодниковъ также были обнажены.

10-го ноябра Преосвященный служилъ обѣдно въ Срѣтенскомъ монастырѣ, во время отправленія которой онъ, со слезами на глазахъ, читалъ умиленную молитву, нарочно сочиненную имъ для этого времени. Послѣ литургіи тронулся изъ монастыря крестный ходъ; оттуда подняли и понесли икону Иверской Божіей Матери въ часовню, къ Воскресенскимъ воротамъ; большія толпы народа сопровождали ее; другой крестный ходъ, отъ часовни, съ кадилами и хоругвями, встрѣтилъ ее; это была чудная, поразительная, одушевленная картина! Масса народа затопила собой не только всю воскресенскую площадь, но и развалины строеній, обрушенныя башни и обгорѣлыя стѣны домовъ, находящихся близъ площади. Подошедъ къ часовнѣ, Августинъ совершилъ водосвятіе предъ входомъ въ нее и окропилъ св. водою самую часовню; послѣ чего, съ благоговѣніемъ и съ подобающею честію, икона была поставлена на прежнее свое мѣсто, и въ часовнѣ опять раздался умиленный нагѣвъ: Богородице! прилежно нынѣ къ Тебѣ притецемъ, грѣшніи и смиренніи припадемъ» *).

Въ этотъ же день Преосвященный сдѣлалъ обзорѣніе Чудову монастырю; онъ нашелъ и его въ такомъ же поруганіи, какъ и соборы; главный алтарь храма

*) Во время освященія соборной церкви въ Срѣтен. монастырѣ Гр. Растопчинъ читалъ тамъ извѣстія о побѣдахъ русскихъ надъ полчищами Наполеона и тогда въ 1-й разъ стрѣляли изъ пушекъ, отбитыхъ у непріятелей.

его обращенъ былъ въ спальню маршала Даву; *) но что болѣе смутило скорбію Августина, такъ это то, что онъ не нашелъ тамъ мощей основателя этого монастыря, Св. Митрополита Алексія; усиленно всюду стали искать ихъ и наконецъ, въ преддверіи Благовѣщенской церкви, въ хламѣ разорванныхъ ризъ, обрѣли ихъ и поставили на прежнее мѣсто. **) 1-го декабря Преосвященный освятилъ нижнюю церковь въ Покровскомъ соборѣ, потомъ, съ большимъ крестнымъ ходомъ, отправился онъ на лобное мѣсто, освящать Китай городъ и обошелъ его вокругъ; въ это время вся Москва оглашалась торжественнымъ колокольнымъ звономъ. Бѣлый городъ былъ освященъ въ день рожденія Государя (12 декабря). Два отдѣленія крестнаго хода сошлись въ Срѣтенскомъ монастырѣ, въ тамошнемъ новоосвященномъ храмѣ; послѣ литургіи, графъ Растопчинъ прочелъ тамъ депеши, полученныя изъ дѣйствующей арміи, о побѣдахъ ея надъ непріятелемъ и опять

*) Замѣчательно что Даву присягалъ всѣмъ, кому попало: королю, конвенту, директоріи, республикѣ, консулу и Императору. Однажды у Наполеона спросили: зачѣмъ онъ употребляетъ на свою службу негодяевъ?—Наполеонъ отвѣчалъ: Министры Людовика XVI всѣ были честные люди, а онъ погибъ на эшафотѣ; я знаю французовъ, ихъ должно держать въ желѣзныхъ когтяхъ:

**) На другой день (11 ноябра) скончался Митрополитъ Платонъ; онъ похороненъ въ Виѣвнѣ, въ церкви Лазарева Воскресенія. Викарію Августину поручено было управленіе Московскою митрополіею. 11 октяб. князь Шаховскій отправилъ своего адъютанта, поручика Палицына, къ Платону, въ Виѣвнѣ, съ извѣщеніемъ объ изгнаніи непріятелей изъ Москвы; этотъ вѣстникъ напомнилъ митрополиту доблестнаго келаря Троицкой Лавры, Авраамія Палицына.

храма—представилась ужасная картина заустѣнія и оскверненія этого святилища: кто содрогнулся, кто прослезился; окна въ соборѣ, отъ пороховыхъ взрывовъ, перебились, и сквозь нихъ нанесено было въ храмъ множество снѣгу; полъ былъ запыленъ, зачерненъ углями и навозомъ; на немъ шевелились отъ вѣтра стружки, валялись лоскутья отъ одежды, вмѣсто большого серебрянаго паникадила стояли вѣсы, на которыхъ неприятели вѣшали награбленные металлы (на иконостасѣ написаны были цифры награбленнаго: 325 пудъ серебра и 18 п. золота). Въ срединѣ храма стояли плавильные сосуды и патасканныя статуи изъ оружейной палаты, во всемъ вооруженіи ихъ. Съ иконостаса и съ иконъ содрано было серебро, ризница разбросана и все это, перемѣшанное съ валявшимися по полу иконами, загорожало входъ. Мощи св. Филиппа были изринуты изъ раки и лежали около нея на помостѣ; гробницы прочихъ Святителей обнажены отъ серебряныхъ украшеній, надъ гробницами митрополитовъ устроены были стойла для лошадей; мощи св. Петра, хотя находились на своемъ мѣстѣ, но также обнажены отъ бывшихъ украшеній и открыты (дотошъ съ давнихъ временъ они были запечатаны). Мощи Св. Юны, въ серебряной ракѣ, были неприкосновенны и при нихъ серебряная лампада, подсвѣчникъ и образъ Спасителя въ дорогомъ окладѣ. Соборы Архангельскій и Благовѣщенскій (также какъ и Успенскій) были неповреждены отъ пороховыхъ взрывовъ, но также разграблены и осквернены. Въ Архангельскомъ соборѣ навалена была разная рухлядь и бочки, потоки вина не просохли еще на помо-

стѣ храма. Мощи царевича Дмитрія были вынуты изъ раки и лежали близъ нея, на помостѣ.

По выходѣ французовъ изъ Москвы, священникъ Вознесенскаго монастыря, Ив. Яковлевъ, сокрылъ ихъ въ соборной церкви Вознесенскаго монастыря, за иконостасомъ, чтобы сохранить ихъ отъ святотатственнаго расхищенія неразумной набожности*). На Спасскихъ воротахъ уцѣлѣлъ, отъ грабежа враговъ, образъ Спасителя въ позолоченой серебряной ризѣ; Никольская башня близъ арсенала, при взорваніи подкоповъ, отъ сотрясенія, сверху до половины была разрушена; стѣна съ сѣверной стороны ея оторвана, но образъ надъ воротами св. Николая Чудотворца и хрупкое стекло, покрывающее ликъ Угодника, какъ было уже сказано, не потерпѣли поврежденія**). Въ Вознесенскомъ монастырѣ находились семь французскихъ хлѣбныхъ печей, а у подошвы Ивана Вел. лежали два колоссальные колокола, упавшіе отъ погрома съ высоты этого

*) Вскорѣ послѣ этого онъ умеръ, передавъ тайну сокрытія мощей брату своему, свящ. Казанской, въ Сушевѣ, церкви. По указанію его мощи были взяты изъ монастыря и перенесены на свое мѣсто; за это онъ награженъ былъ набедренникомъ и получилъ отъ Преосвященнаго часть волосъ отъ мощей Царевича.—
Описание московской Троицкой церкви, свящ. Иоанна Орлова.

***) На воротахъ Савинскаго подворья образъ преп. Саввы среди самаго лютаго пламени сохранился. Объ этихъ чудесахъ засвидѣтельствовалъ Августинъ въ одной изъ проповѣдей своихъ. Сильное колебаніе отъ пороховыхъ взрывовъ въ воздухѣ за полверсты повреждало зданія. Духъ журналовъ 1812 года.

раздался пушечный громъ, вмѣстѣ съ благовѣстіемъ о торжествѣ русскаго оружія *).

Между тѣмъ, съ 23-го ноября, возобновилось изда- ніе Московскихъ вѣдомостей, и въ 1-мъ № ихъ на- печатанъ былъ (отъ 14-го ноября) слѣдующій Высо- чайшій рескриптъ, на имя Главнокомандующаго:

«Хотя изгнанный изъ Москвы непріятель краткое время былъ въ ней, и хотя не преодоленъ проти- ву поставленной ему обороны онъ вошелъ въ нее и не силою осадныхъ орудій, но дѣйствіями неприлич- ныхъ и срамныхъ для война зажиганій, грабительствъ и подрываній нанесъ ей тяжкій вредъ; однако же онъ не престанетъ тѣмъ тщеславиться и величаться. Для уничтоженія и помраченія сего самохвальства его, по- велѣли мы Генераль-фельдмаршалу князу Кутузову, всю отбитую у него въ разныхъ сраженіяхъ артилле- рію препровождать въ Москву, гдѣ на память много- кратныхъ побѣдъ и совершеннаго истребленія всѣхъ, дерзнувшихъ вступить въ Россію непріятельскихъ силъ, имѣть изъ сихъ, отнятыхъ у нихъ орудій, быть воз- двигнуть увѣнчанный лаврами столбъ. Да свидѣтель- ствуетъ сей памятникъ не постыдныя и хищныя дѣла презрѣнныхъ зажигателей, но славные и знаменитые подвиги храбраго народа и войскъ, умѣющихъ на по-

*) Торжественное открытіе Кремля воспослѣдовало уже въ слѣдующемъ году, февраля 1-го, а на другой день (въ Срѣтеніе Господне) носили мощи Св. Царевича Димитрія вокругъ крем- левскихъ стѣнъ; въ день Св. Алексія Митрополита (12-го фев- раля) въ Чудовѣ монастырѣ освященъ былъ храмъ, во имя сего Святителя.

ляхъ брани карать враговъ и наказывать злодѣевъ. Вслѣдствіе сего, имѣете вы сдѣлать надлежащее распо- ряженіе о приѣмѣ и храненіи сей артиллеріи, по мѣрѣ доставленія которой доводите оное до нашего свѣдѣнія.»

И вотъ, Москва мало по малу начала возрождаться и принимать новую физиогномію; ее тогда сравнивали съ невѣстой, для которой все закупаютъ, запасаютъ и приготавливаютъ полною рукою: «Эта красавица (писали тогда), послѣ тяжкой болѣзни, съ блѣдными ланитами, съ небрежными власами, съ едва выступающимъ ру- мянцемъ; она еще немоществуетъ, но врачи обѣщаютъ ей скорое и лучшее прежняго здравіе *). Это проро- чество, какъ мы видимъ, исполнилось.

Глава IV.

Маскарадное бѣгство непріятельки. Сраженія; бѣдствія ихъ.

еперь сдѣлаемъ очеркъ отступленія французовъ отъ Москвы до конца русской границы.

Въ день отступленія непріятелей отъ Малоярослав- ца, доставленъ былъ Курскими гражданами въ нашу армію списокъ съ Иконы чудотворной Курской Божі- ей Матери изъ Казанскаго Богородицкаго монастыря; тамошняя игуменья также прислала Кутузову образъ Казанской Божіей Матери **).

*) Духъ журналовъ 1817-го года.

**) Во время отступленій производимыхъ непріятелями около

До половины октября русская армія продолжала еще отступать; всѣ удивлялись, что нигдѣ не слышно и не видно было неприятелей, какъ вдругъ получено было увѣдомленіе, что и они отступаютъ на старую смоленскую дорогу; наше войско заняло Малоярославецъ; отсюда Кутузовъ сдѣлалъ распоряженіе: полнымъ параллельнымъ маршемъ преслѣдовать враговъ *).

И вотъ опять усугубилась, разгорѣлась народная война, на походѣ русскихъ войскъ опять стали встрѣчаться войны мужики, явившіеся на проводы незваныхъ гостей, верхами, вооруженные чѣмъ попало: иной косою, утвержденною на длинномъ древкѣ, другой штыкомъ, прикрученнымъ къ дубинѣ, третій большимъ гвоздемъ, прикрѣпленнымъ къ толстой палкѣ, на подобіе пика. «Сперва,» говорили они, «мы боялись бить француза, чтобъ насъ за то не потянули въ судъ, а если случалось иногда изподтишка загубить нехристя, то мы прятали его въ колодезь или подъ солому;

Москвы, графъ Милорадовичъ прикрылъ войсками своими имѣніе графини Орловой Чесменской; въ изъявленіе признательности своей къ нему, графиня, при благодарственномъ письмѣ, прислала ему украшенный драгоцѣнными камнями мечъ, подаренный родителю ея Императрицей Екатериной II, за истребленіе турецкаго флота при Чесмѣ. За нѣсколько лѣтъ предъ этимъ, жители Бухареста поднесли Милорадовичу также дорогой мечъ, за побѣду, одержанную имъ съ русскими войсками надъ турками, въ Валахи.

*) 6 октября происходило тирутинское сраженіе; того же числа англичане и испанцы разбили французовъ и заняли Мадридъ. Россія и Испанія въ одно время, съ двухъ крайнихъ рубежей Европы, подавали другъ другу руки; въ Испаніи шла въ то время ожесточенная народная война.

но какъ пришелъ приказъ изъ Губернскаго и какъ сказалъ намъ исправникъ: ребята, бей француза на пропалую! тогда то мы развернулись, тогда такая пришла намъ охота бить поганого звѣря, что иные для того покупали плѣнныхъ у козаковъ *).

Кутузовъ съ главною армією, двинувшись за неприятелемъ, сказалъ Платону и Милорадовичу: «Ну, господа, провожайте гостей нога въ ногу, а мы проселкомъ, лѣвою сторонкою, впередъ забѣжимъ. Пылкій Милорадовичъ съ своимъ авангардомъ порывался ударить на неприятеля съ тыла и просилъ у Кутузова вспоможенія; но старый полководецъ хладнокровно отвѣчалъ ему: «и, полно, мой герой, погоди, я жду еще вспомогательныхъ войскъ, русскихъ морозовъ **); ты лучше побереги нашихъ солдатъ, а гдѣ нужно будетъ, дѣйствуй. Платовъ скомандовалъ своимъ Донцамъ: «шире шагъ!» и началъ трепать неприятелей, не давая имъ ни покоя, ни отдыха; французскіе маршалы хотѣли наказать его за это, но заплатили ему безчестіе убитыми и плѣнными. Русскій штыкъ и козацкая пика сильно напирала на неприятелей; отрядъ русскихъ вдругъ нагрянетъ на нихъ, сомнетъ и исчезнетъ какъ молніеносно-громовой ударъ. По старой тактикѣ, со временъ Суворова, который говорилъ: «пулядура, штыкъ молодецъ,» въ него вѣрили болѣе, нежели въ пушки.

**) Походныя записки артиллерииста, изд. 1835 года.

*) Въ иностранныхъ газетахъ писали: «Россія послала на Бонапарта троихъ ледяныхъ мужей—братьевъ: Декабрь, Генварь и Февраль.

Въ особенности Московская и Калужская губернии ополчились противъ непріятелей; отъ народнаго нападенія и погони козаковъ, французы боялись далеко отстраняться отъ большой дороги за провіантомъ; лѣса и болота для русскихъ обращались въ крѣпости: «Ну, французы потянули, какъ журавли осенью, къ теплымъ мѣстамъ,» говорили тогда русскіе поселяне.

При выходѣ изъ Москвы, Наполеонъ сказалъ своимъ солдатамъ: «я поведу васъ на зимніе постои, и если встрѣчу на дорогѣ русскихъ, то разобью ихъ.» Но то ли оказалось на дѣлѣ! Невыносимо тяжело было для ветерановъ-французовъ, привыкшихъ къ непрерывнымъ побѣдамъ, отступать по разоренной дорогѣ, отъ сильнаго напора русскихъ войскъ. Не смотря на то, что погода стояла еще сносная, дни свѣтлые и непріятели терпѣли только недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, по ночамъ началъ уже прохватывать ихъ холодъ отъ легкихъ заморозьевъ. Панорама отступленія ихъ была суетлива и поспѣшна: мѣшающіяся команды, артиллерійскіе парки, повозки, обгоняющія одна другую, тянущіяся въ нѣсколько рядовъ и запружающія дорогу, звуки скрипучихъ и дребезжавшихъ колесъ, громыханье кузововъ, телѣгъ и лафетовъ, крики понуканій, ругательства, по краямъ дороги палыя лошади, сломанныя повозки, на спускахъ и подъемахъ сгущенныя толпы солдатъ и возничихъ, гдѣ раздавался пронзительный гулъ криковъ и смѣсь осиплыхъ голосовъ, гдѣ непріятели утопали въ грязи, подхватывая орудія и фуры на руки. Въ иномъ мѣстѣ скользили копыта, лопались постропки, надрывались груди...

Наполеонъ, оставивъ въ сторонѣ Можайскъ, 16-го октября ночевалъ близъ Бородина и на другой день проѣхалъ чрезъ это роковое историческое поле; онъ былъ насмурень, ему какъ будто не хотѣлось и взглянуть на тамошніе холмы и равнины; печальные слѣды смерти и разгрома были тамъ еще явственны: полу-согнившіе и обезображенные хищными птицами трупы людей и лошадей, обломки оружія, клочки мундировъ, а тамъ, вдали, кое гдѣ мелькали деревянные кресты могилъ, поставленные родною или дружескою рукою, надъ отысканными и погребенными тѣлами падшихъ героев—все это производило грустное впечатлѣніе на отступающую армію. Наполеонъ шелъ въ авангардѣ съ своею гвардіею; арріергардомъ командовалъ Даву; онъ довершалъ опустошеніе во всѣхъ, проходимыхъ имъ, городахъ и деревняхъ. Опять появились столбы дыма и алая знамена огня на этой дорогѣ. Чтобы нѣсколько ободрить себя, гвардейская музыка заиграла извѣстную во французскомъ войскѣ пѣснь: *Ou peuton être mieux qu'au sein de sa famille*—что можетъ быть лучше, какъ находится въ своемъ семействѣ). Это почелъ Наполеонъ какъ бы укоромъ себѣ и велѣлъ музыкантамъ заиграть: *veillons au salut de l'empire!*—Эта пѣснь была ему привѣтствіемъ.

19-го октября Наполеонъ прибылъ въ Вязьму; отдохнувъ тамъ два дня, въ ожиданіи своихъ корпусовъ, онъ отправился далѣе; но слѣдовавшіе за нимъ отряды были остановлены при Вязьмѣ Милорадовичемъ, который, будучи подкрѣпленъ Платовымъ, сталъ по-

перегъ дороги и ринулся на французовъ. Послѣ упорнаго сраженія, Даву пробился стороной дороги къ Вязьмѣ, но потерялъ свой обозъ, орудія, знамена и множество убитыхъ и плѣнныхъ. Отсюда уже, вмѣсто отступленія, началось безпорядочное бѣгство французской арміи; замѣтимъ, что это произошло еще до большихъ ходоловъ.

Но что стало съ Вязьмой! Весь городъ превращенъ былъ въ развалины и кладбище: по улицамъ валялись обломки разнаго оружія, опрокинутыя фуры, погорѣлые остатки взорванныхъ ящиковъ; развалины зданій, преграждавшія дорогу, курились еще...

Въ самой срединѣ города собрано было до 2 тыс. плѣнныхъ французовъ; оборванные, загорѣлые, съ самыми плачевными физіономіями, занимались они дѣлежомъ мяса палыхъ лошадей; одни торопливо рѣзали себѣ большіе куски изъ окороковъ, другіе съ жадностію хватали печенку и легкое, а иные, воткнувъ на шомполы свои порціи, жарили ихъ надъ огнемъ развалинъ зданій, посыпая мясо, вмѣсто соли, порохомъ *). Вокругъ ихъ стояли конвойные русскіе солдаты, съ отвращеніемъ смотря на эту картину.

22-го октября (день Казанской Божіей Матери и день сраженія подъ Вязьмою), выпалъ большой снѣгъ на оледенѣлую землю, закрутились вьюги и метели,

*) По всей Смоленской дорогѣ наши воины часто встрѣчали издохшихъ лошадей, мягкія части которыхъ были вырѣзаны; въ утробѣ одной лошади видѣли француза, схватившагося обѣими руками за печенку; но лютый морозъ окаменилъ его въ этомъ положеніи. Записки артиллерииста, 1835 года.

забушеваль рѣзкій вѣтеръ; непріатели стояли на бивакахъ по колѣна въ снѣгу, и вотъ солдаты ихъ, не запасшись зимнимъ платьемъ и не бывъ достаточно обезпечены продовольствіемъ, начали бросать оружіе свое по дорогѣ; порядокъ и подчиненность исчезли, всякой заботился только о себѣ: никто не повелѣвалъ, никто и не подчинялся, полки мѣшались безъ разбору, корпуса распознавались только по тянувшимся за ними обозами, которыя отхватывали козаки *). Еще не доходя до Смоленска, многіе изъ непріателей погибли; иные изъ нихъ, обезсиленные, ползали по дорогѣ, другіе искали себѣ пріюта подъ опрокинутыми фурами, иные, едва двигая окоченѣлыми челюстями, скорченные, сгорбленные, въ какой-то апатіи, глодали кости дохлыхъ лошадей, которыя также падали голодныя и, не бывъ подкованы шипами, выбившись изъ силъ, ступая по скользкой дорогѣ, валялись, едва шевелясь, полуживыя. Сохранившія сколько нибудь силъ, лошади, запряженныя по 12 и болѣе, едва тащили одну пушку; бывшіе конные солдаты шли толпою пѣшкомъ. Впрочемъ на шныхъ бивакахъ сверкали еще огоньки; тамъ французы жарили конину и утоляли жажду снѣгомъ, распускаемымъ въ манеркахъ.—Иные, изъ срубленныхъ еловыхъ вѣтвей, устраивали себѣ шалаши. Это были какія-то темныя пятна на бѣлизнѣ снѣга.

*) Особенно отъ русской зимы терпѣли итальянцы, въ своихъ фантастическихъ костюмахъ—продуванчикахъ. Не съ тѣхъ ли поръ сложилась у насъ пословица: что русскому здорово, то нѣмцу смерть, т. е. всякому иностранцу.

Нельзя сказать, чтобъ и наша армія имѣла во всемъ изобиліе; «хлѣбъ да вода, солдатская ѣда,» въ придачу сухари, да жиденькая каша—въ походѣ и то слава Богу. Одеждой солдаты наши были обезпечены; еще въ Тарутинѣ розданы имъ были тулупы и валенки; днемъ, въ движеніи (при 10 градусномъ морозѣ) они не чувствовали холода, а ночью, на бивакахъ, офицеры разбивали себѣ палатки, а солдаты грѣлись около артельныхъ огней; иные спали подъ лафетами пушекъ. Лошади болѣе терпѣли: фуражировки, по опустошенной дорогѣ, доставляли не много продовольствія. Были больные и отсталые изъ нашей арміи, но большая часть, особенно главная армія, шла бодро и весело, нравственно успокоенная мыслию, что они гонятъ непріятелей съ родной земли. Такъ достигли они Дорогобужа; и этотъ городъ весь былъ выжженъ; тамъ у французовъ находились магазины, но они уже были разграблены ими въ послѣднемъ отступленіи, и вода текла по улицамъ. *) Здѣсь одинъ французскій корпусъ оставилъ всю свою артиллерію. Смоленскъ считали французы своимъ обѣтованнымъ пристанищемъ, но и тамъ уже было все расхищено проходившими ихъ войсками; тамъ пробыли французы два дня; проголодавшіеся солдаты съѣдали вдругъ припасъ, назначенный на нѣсколько дней, хотя онъ состоялъ не въ хлѣбѣ, а только въ мукѣ, да и ее солдаты вырывали

*) По свидѣтельству Шамбре, въ Дорогобужѣ (25 окт.) всѣ русскіе пѣнные, взятые при Малоярославцѣ, были разстрѣляны. Изъ записокъ Г. Липранди.

изъ рукъ другъ у друга *). Ужъ это была не раздача, а тотъ же грабежъ. Тамъ объявлено было еще о раздачѣ аммуниціи, но солдаты, бывъ уже нѣсколько разъ обмануты подобными приглашеніями, не являлись для полученія ея. **) Дойдя до Смоленска, Наполеонъ потерялъ уже убитыми, пѣнными и умершими отъ холода и голода до 60,000 человѣкъ и до 400 пушекъ. Въ окрестностяхъ Смоленска были у французовъ также устроены магазины и приготовлены для продовольствія арміи большія стада рогатаго скота; но наши козаки и партизаны прежде передовыхъ непріятельскихъ войскъ пробрались туда, разбили конвой, охранявшій эти живые запасы, и весь рогатый скотъ погнали къ своей арміи. Согласимся съ французскими историками, что войско ихъ много потерѣло отъ голода; но при хорошей, предусмотрительной распорядительности, этого бы не было; что же касается до холода, то французы, еще до большихъ морозовъ, отъ самой Москвы до Смоленска и далѣе, неоднократно разбитые, бѣжали уже въ безпорядкѣ; еслибы Наполеонъ не цвѣдалъ стойкости и храбрости нашей арміи, то, вѣроятно, далъ бы ей генеральное сраженіе, Отдѣльные корпуса его, безпрерывно тревожимые нашимъ войскомъ, часто вступали съ нимъ въ бой, но

*) Эту муку они заваривали въ кипяткѣ и дѣлали изъ нея мѣсиво, безъ соли и всякой приправы, а иногда протирали между двумя камнями сушенныя хлѣбныя зерна. Корпусъ Нея вступилъ въ Смоленскъ послѣдній и ничего уже не нашелъ тамъ.

**) Побѣгъ французовъ, брошюра 1813 года. Одна гвардія Наполеона получала провіантъ и аммуницію, но и то все скоро истощилось у нихъ.

постоянно были разбиваемы; это неопровержимые факты. Нерѣшительность и медленность въ дѣйствіяхъ Кутузова выкупаются приведеніемъ въ исполненіе удачно рассчитанныхъ стратегическихъ начертаній его. Въ то время въ Наполеонѣ нельзя уже было узнать генія; онъ потерялся и думалъ болѣе о личной своей безопасности и о сохраненіи своихъ любимцевъ, нежели о сохраненіи арміи; видя маршала Нея, шедшаго позади его и окруженнаго нашими отрядами, онъ нетерпѣливо восклицалъ: «я бы охотно далъ два милліона, чтобы спасти Нея» *). Но онъ самъ спасся, бѣжавъ, подобно предводителю своему, который съ самымъ безчеловѣчнымъ расчетомъ выставялъ подъ русскія пули сперва нѣмцевъ, потомъ уже поляковъ, итальянцевъ, швейцарцевъ, голландцевъ и наконецъ французовъ **).

Во всемъ этомъ согласны не одни нѣмецкіе журналы, но историки почти всей Европы. Въ заключеніе о губительномъ вліяніи морозовъ на непріятелей, замѣтимъ, что стужа не могла имѣть губительнаго вліянія на французовъ; эти же самые французы, при соблю-

*) У Наполеона хранились въ подвалахъ Тюльери большія сокровища; они принадлежали Бурбонамъ; надъ кроватью Наполеона блистала коронный алмазь, украшавшій прежде законныхъ обладателей Франціи. Жозефина (1-я жена Наполеона) смотрѣлась въ драгоценный золотой туалетъ, принадлежавшій казенной французской королевы (супругѣ Людовика XVI). Такъ сказано въ тайной исторіи Франціи, изд. 1805.

**) Справедливая повѣсть о походѣ Бонапарта на Россію, къ утѣшенію нѣмецкому народу. Переводъ съ нѣмецкаго языка Александръ Шишковымъ, 1814 года.

деніи дисциплины, нравственнаго состоянія и не упавшіе духомъ, выдерживали холода несравненно продолжительные и сильнѣйшіе, безъ всякаго улучшенія одежды и обуви. Напримѣръ, когда они переходили чрезъ Альпы, покрытыя вѣчнымъ снѣгомъ, гдѣ они чрезъ глубину его перенесли на плечахъ артиллерію. *) По свидѣтельству самихъ французовъ, самая большая стужа, (продолжавшаяся только три дня) между Дорогобужемъ и Краснымъ, была слабѣе, нежели въ 1795 году, когда французская армія, въ Голландіи, перешла по льду Вааль и овладѣла голландскомъ флотомъ въ Зюйдерзе; или во время компаніи въ Пруссіи и Польшѣ, въ 1807 году, когда большія массы войскъ, съ тяжелою артиллерією, сшибались между собою на озерахъ, болотахъ и рѣкахъ, покрытыхъ льдомъ; между тѣмъ, какъ во время отступленія французовъ отъ Дорогобужа (въ то время только началась зима) до самой Березины, рѣки не замерзали до такой степени, чтобы по нимъ можно было переходить по льду **).

Захвативъ наскоро что было заготовлено въ запасныхъ магазинахъ въ Смоленскѣ, Наполеонъ велѣлъ остальное сжечь, въ томъ числѣ и часть большаго обоза, сопровождавшаго его: орудія же велѣлъ онъ потопить въ рѣкѣ и зарыть въ землю, а самъ послѣдственно продолжалъ отступленіе свое; ***) но Платовъ съ

*) Не голодъ и морозъ были причиною гибели французскихъ полчищъ. Замѣчанія И. П. Липранди.

**) Тамъ же.

***) Наполеонъ пробылъ въ Смоленскѣ 5 дней; полагаютъ что онъ хотѣлъ тамъ остаться зимовать, но не нашелъ въ немъ до-

козаками своими накрылъ суматоху этого уничтоже-
нія и отбилъ у неприятелей обозъ со 120 пушками *).
Подъ Краснымъ, (5 ноября), гдѣ самъ Кутузовъ на-
стигъ неприятелей, произошло трехдневное сраженіе;
Наполеонъ сдалъ начальство маршалу Даву, который,
потерявъ жезлъ свой, бѣжалъ, оставивъ пришедшаго

статочныхъ запасовъ и видя отвсюду собиравшіяся надъ нимъ
грозовые тучи, онъ отступилъ далѣе, и вскорѣ послѣ этого раз-
дался грохотъ взрывовъ города. Башни его и древнія зданія по-
летѣли на воздухъ. Изъ переформированнаго имъ войска корпу-
совъ старой и молодой гвардіи, набралось еще до 35 тыс. Это
было еще грозное войско, снабженное всею гораздо лучше;
нежели прочіе скитающіеся оборвыши. Наполеонъ съ наступле-
нія холодовъ ѣхалъ въ каретѣ, въ собольей шубѣ и въ теплыхъ
сапогахъ; вокругъ него двигалась еще живая стѣна защитниковъ;
чтобъ окуражить ее, онъ приказалъ играть гвардейской музыкѣ
національныя пѣсни и славу побѣдъ. Тамъ веселились по указу
впрочемъ все видѣли, что и самому предводителю было жутко;
особенно поразила его, во время отступления, вѣсть о заговорѣ
Малле, который распространилъ въ Парижѣ слухъ о смерти На-
полеона;—тогда-то оказалось, что у него было много тайныхъ
враговъ и что власть его непрочна; но этотъ заговоръ скоро
открылся и виновные были арестованы и казнены.

*) Гибельна была переправа французовъ чрезъ рѣку Воль, а
послѣ чрезъ Днѣпръ. Кутузовъ не рѣшился напасть на главный
оплотъ французской арміи всею напоромъ войскъ своихъ: «пусть
неприятели сами пропадутъ», говорилъ онъ, а если мы потеря-
емъ много солдатъ, то съ чѣмъ же придемъ на границу. Ген.
Деп. Давыдовъ пишетъ въ своихъ сочиненіяхъ, что французская
гвардія представляла тогда еще грозную осанку и изъ сомкну-
тыхъ колоннъ ея образовалась гранитная стѣна: въ высокихъ
медвѣжьихъ шапкахъ, въ синихъ сюртукахъ, въ бѣлыхъ ремняхъ,
съ красными султанами и эполетами, они казались маковымъ
цвѣтомъ, среди бѣлоснѣжнаго поля».

къ нему на подкрѣпленіе, Нея на произволъ судьбы.
Французы защищались упорно, отчаянно; имъ хотѣ-
лось пробиться чрезъ корпусъ Милорадовича, который
застѣнилъ имъ дорогу; но они были опрокинуты во
всеихъ пунктахъ и понесли ужасную потерю убитыми,
плѣнными, разными орудіями и вещами, награбленны-
ми въ Москвѣ. Ужъ тутъ дѣйствовалъ не морозъ рус-
скій, а жаркій русскій огонь и холодный штыкъ. Меж-
ду тѣмъ въ Монитерѣ писали, что русскіе дѣйствова-
ли въ этомъ сраженіи на лыжахъ. Современники оче-
видцы говорили, что подъ Краснымъ все поля были
красныя, отъ множества пролитой крови, а про Нея
говорили, что онъ дѣйствовалъ какъ храбрый солдатъ,
но какъ плохой военачальникъ. Здѣсь также отличил-
ся съ своими козаками и Платовъ. Кутузовъ, по слу-
чаю этой новой побѣды, далъ большое празднество;
между трофеями его находилось много великолѣпныхъ
почетныхъ неприятельскихъ знаменъ; онъ велѣлъ ихъ
доставить въ гвардейскій русскій станъ и тамъ, предъ
каждымъ полкомъ, низко преклонять ихъ. Многіе фран-
цузы цѣлыми толпами, приходя въ нашъ лагерь, са-
ми напрашивались въ плѣнъ. Добыча русскихъ, состо-
явшая изъ разныхъ драгоцѣнностей, была неисчис-
лима; козаки нѣсколько возовъ съ нею послали къ се-
бѣ на Донъ; Платовъ препроводилъ къ фельдмаршалу
60 пудъ серебра, а Кутузовъ отправилъ его къ Пр.
Амвросію въ Петербургъ; даже мужички наши, Баш-
киры, Калмыки и ополченскія дружины (которыя такъ
французамъ удружили), *) горстями черпали золото.

*) Тогдашняя поговорка.

Тогда за русскую ассигнацію давали тамъ мѣшокъ серебра, каждая дорогая вещь шла за безцѣнокъ. Эти событія можно назвать первымъ періодомъ отступленія непріятелей! Второй начался отъ Краснаго до рѣки Березины.

За побѣды подъ Краснымъ и вообще за дѣйствія въ Смоленской губерніи, Кутузовъ получилъ титулъ «Смоленскаго», Милорадовичъ орденъ св. Георгія 2-го класса, а Платовъ графское достоинство. Смоленская Божія Матерь, сопровождавшая русскую армію, 10-го ноября, въ воскресенье, ровно чрезъ три мѣсяца, внесена была въ предмѣстіе Смоленска. По предварительномъ извѣщеніи о томъ, присутствующій Смоленской консисторіи, протоіерей Ал. Васильевъ, объявилъ въ уцѣлѣвшемъ отъ разоренія Успенскомъ соборѣ, собравшемуся тамъ народу, отношеніе о томъ генерала Коновницына и пригласилъ всѣхъ встрѣчать икону. Граждане съ восторгомъ и радостію приняли это приглашеніе. Въ соборѣ раздался торжественный благовѣсть; духовенство, войско и народъ изъ всѣхъ окрестностей Смоленска пошли изъ собора за городъ съ крестнымъ ходомъ. Комендантъ Смоленска, Горихвостовъ, поставилъ въ парадъ 20-й егерьскій полкъ и отрядъ козаковъ. Чудотворная икона встрѣчена была за Малоховскими воротами; смоленскіе жители приняли ее со слезами умиленія, духовенствомъ отправленъ былъ молебенъ Божіей Матери, а граждане, поднявъ ее, понесли въ городъ, чрезъ Никольскія ворота; у входа ихъ, стоявшее въ парадѣ войско, производило пушечную и ружейную пальбу, звуки кото-

рой слились съ повсемѣстнымъ колокольнымъ звономъ. У Троицкаго монастыря эта процессія встрѣчена была Архимандритомъ Іосифомъ; въ самый Успенскій соборъ икона внесена была и поставлена на прежнее мѣсто офицерами находящихся тамъ полковъ. Послѣ этого начался колѣнопреклоненный молебенъ; при воспѣтіи многолѣтія Государю, его Фамиліи и побѣдоносному русскому воинству, произведена была опять пальба. Всѣ стали прикладываться къ иконѣ и, въ заключеніи всего, Смольяне единогласно изъявили желаніе, чтобы, въ память сохраненія этой иконы, всѣ обстоятельства пребыванія ея въ арміи и возвращенія въ родной ихъ городъ, означены были въ приличной надписи на самой иконѣ. Общее желаніе это исполнено въ точности *). Текстъ Евангельскій: «пребысть же Маріамъ съ нею яко три мѣсяцы и возвратися въ домъ свой», было какъ бы истиннымъ пророчествомъ скорого возвращенія иконы въ домъ свой, ибо она привезена въ Смоленскъ 8-го ноября, изо дня въ день, чрезъ три мѣсяца, послѣ отсутствія Ея.

Во время сраженія подъ Краснымъ (6-го ноября) наши солдаты, при шумѣ зимнихъ бурь и при оглушительныхъ смертоносныхъ громахъ, ошиблись въ числахъ; они думали, что уже наступило 8-е ноября, день именинъ М. А. Милорадовича **); лишь только

*) Сѣверная почта, 1812 года № 27-и.

**) Число 6-е въ этой кампаніи также ознаменовано важными происшествіями: 6-го іюля Государь далъ слово, «что не положить оружія, доколѣ хотя одинъ врагъ останется въ Россіи: 6

онъ явился предъ рядами воиновъ, въ самый разгаръ битвы, какъ вдругъ раздался въ русскихъ полкахъ со всѣхъ сторонъ восклицанія: «Ура! поздравляемъ со днемъ ангела нашего отца!» Подъ свистомъ ядръ Милорадовичу нѣкогда было разувѣрять солдатъ въ ошибку и онъ обратилъ ее въ пользу русскаго оружія. Въ эту минуту показалась изъ лѣсу французская колонна, предводимая Неемъ: «солдаты-молодцы!» воскликнулъ Милорадовичъ, обратясь къ Павловскому гренадерскому полку, «дарю вамъ эту колонну!»—и поздравителя въ одно мгновеніе спустили этотъ именинный подарокъ съ высоты штыками *).

Въ Петербургѣ, 8-го ноября, въ Казанскомъ соборѣ, въ присутствіи Сената и многихъ знатныхъ особъ, совершенно было благодарственное колѣнопреклоненное молебствіе за побѣды русскихъ надъ французами и читано было донесеніе Кутузова къ Государю, отъ 28-го октября, начинающееся сими словами: «Великъ Богъ, Всемилостивѣйшій Государь! Припадая къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества, поздравляю Васъ вновь съ побѣдою: 4-й французскій корпусъ, подъ командою вице-короля Итальянскаго,

сентября Кутузовъ перешелъ на Калужскій трактъ, чѣмъ спасъ плодородныя наши губерніи отъ непріятелей; 6-го октября, при Тарутинѣ, разбитъ былъ Мюратъ; въ этотъ же день Витгенштейнъ разбилъ Сен-Сира и перешелъ Двину; 6-го ноября, при Красномъ, разбитъ былъ Ней, и наконецъ, 6-го декабря, французы оставили предѣлы Россіи.

*) Полное собраніе анекдотовъ достопамятной войны русскихъ съ французами. Москва 1815 года.

совершенно разбитъ.» Потомъ прочтенъ былъ манифестъ Государя (отъ 3-го ноября), въ которомъ обозначался весь ходъ войны, вѣроломное вторженіе непріятелей въ предѣлы Россіи, страшные, предосудительные предъ цѣлымъ свѣтомъ поступки ихъ въ нашемъ отечествѣ, самоотверженіе и храбрость русскихъ и проч.; кончается манифестъ слѣдующими словами: «При таковыхъ доблестяхъ нашего народа мы, вмѣстѣ съ православною церковію, св. Синодомъ и духовенствомъ призывая на помощь Бога, несомнѣнно надѣемся, что если неукротимый врагъ нашъ и поругатель святыни не погибнетъ совершенно отъ руки Россіи, то, по крайней мѣрѣ, по глубокимъ ранамъ и текущей крови своей, почувствуетъ силу ея и могущество. Между тѣмъ почитаемъ за долгъ и обязанность, симъ нашимъ всенароднымъ объявленіемъ изъяснить предъ цѣлымъ свѣтомъ благодарность нашу и отдать должную справедливость храброму, вѣрному и благочестивому народу російскому *).

29-го октября Кутузовъ издалъ приказъ своей арміи, извѣщающій о побѣдахъ, одерживаемыхъ ежедневно надъ непріятелями, ввѣренными ему войсками; онъ заключаетъ его слѣдующими словами: «послѣ таковыхъ успѣховъ остается намъ только быстро преслѣдовать ихъ и тогда, можетъ быть, земля русская, которую мечталъ непріятель поработить, усѣется костью его. Настаетъ зима, выюги и морозы, но вамъ ли бояться ихъ, дѣти сѣвера? Желѣзная грудь ваша не

*) Отъ 31 октября было донесеніе отъ генерала Ртищева объ побѣдѣ, одержанной генераломъ Котляревскимъ надъ Персами.

страшится ни суровости погодъ, ни злости враговъ: она есть надежная стѣна отечества, о которую все сокрушается. Добрые солдаты отличаются твердостью и терпѣніемъ; старые служивые дадутъ примѣръ молодымъ. Пусть всякій помнитъ Суворова: онъ научилъ сносить голодъ и холодъ, когда дѣло шло о побѣдѣ и о славѣ русскаго народа. Идемъ впередъ! Съ нами Богъ, предъ нами разбитый непріятель, за нами да будетъ тишина и спокойствіе *).

Почти въ тоже время войсковою атаманъ, графъ Матвѣй Ивановичъ Платовъ, отдалъ приказъ по всему донскому войску: «Я въ полной мѣрѣ увѣренъ, что всякій изъ насъ долженъ чувствовать очевидное милосердіе Божіе и Его святое къ намъ покровительство, подавшее намъ способъ къ прогнанію иноплеменинаго врага изъ нашихъ границъ.

Сія благодать Божія да пребудетъ во вѣкъ неизгладима изъ сердець нашихъ. Мы должны по всей справедливости доказать предъ всѣми наше душевное усердіе къ Богу и, въ знакъ признательности къ Нему, обязаны собрать перехваченное отъ французовъ серебро нашихъ церквей, ограбленныхъ святотатственными врагами, и соорудить въ Петербургѣ, въ Казанскомъ соборѣ, лики 4-хъ Евангелистовъ. Сей Божественный памятникъ, какъ нынѣ, такъ и въ будущіе вѣки, напоминать будетъ всему нашему потомству наши знаменитыя дѣла и наше усердное пожерт-

*) «Непріятель бѣжить отъ насъ нѣсколько сотъ верстъ, какъ школьникъ отъ строгаго учителя,» писалъ тогда Кутузовъ въ одномъ частномъ письмѣ своемъ.

вованіе Богу, и да возбудить и въ нихъ подобное мужество къ побѣжденію враговъ.»

Лишь только приказъ графа Платова разошелся по полкамъ, въ самое короткое время собрано было сорокъ пудъ серебра, которое тотчасъ отослали къ Кутузову; чрезъ 10 дней отправили къ нему еще 20 пудъ; на посылкахъ подписано было: «Твоя отъ Твоихъ.» Козаки толклись съ приношеніями своими около того мѣста, гдѣ пребывалъ ихъ атаманъ, какъ будто для получения наградъ. Церковную добычу отдавали своимъ начальникамъ и Татары, которыхъ въ каждомъ донскомъ полку находилось довольно число *). Въ отбитомъ у непріятелей обозѣ, при Красномъ, найдены были большіе, смятые оклады съ образовъ, ящики съ шампанскимъ и бургонскимъ виномъ, жезлъ маршала Даву, между сапогами и платьемъ; наши солдаты, точно на ярмаркѣ, за безцѣнокъ продавали богатые, разшитые золотомъ мундиры маршала, бѣлье его и пр. евреямъ, которые, будто по чутью, набѣжали въ русскій лагерь. Орловъ французскихъ, разбросанныхъ по землѣ, было такъ много, что они поширались ногами коней **).

Наполеонъ такъ былъ пораженъ всею этою потерей,

*) Подвиги добродѣтелей и славы русскихъ, 1816 года.

***) Во время сраженія при Красномъ, (ночью, съ 6 го на 7-е ноября) одинъ французскій офицеръ прибылъ въ лагерь къ генералу Раевскому, который узналъ въ немъ бывшаго у брата его камердинера, Колло, женившася на дворовой дѣвкѣ его. Колло объявилъ Раевскому, что колонна Нея готова сдать русскимъ и дѣйствительно, къ разсвѣту она сдалась.

что, подобно Юліану богоотступнику, грозно взглянул на небо, какъ будто упрекая его въ своемъ бѣдствіи *), а между тѣмъ онъ писалъ въ своихъ бюллетеняхъ, что громъ оружія его слышенъ уже въ Азіи.

Сраженіе при «Красномъ» замедлило преслѣдованіе французскихъ войскъ; они вступили уже на землю, почитавшуюся за союзническую, и погода сдѣлалась нѣсколько теплѣе; но эти благоприятствующія для нихъ обстоятельства получили противный ожидаію ихъ оборотъ, потому что адмиралъ Чичаговъ прошелъ уже Минскъ и спѣшилъ къ нимъ на встрѣчу, а графъ Витгенштейнъ соединился съ молдавскою армією; Наполеонъ зналъ объ этомъ и спѣшилъ предупредить ихъ при Березинѣ. Со времени выступленія изъ Краснаго, уже всѣ войска его представляли нестройную толпу, при которой почти не было кавалеріи и очень мало артиллеріи.—Онъ, для собственнаго своего охраненія, велѣлъ составить кавалерійскій эскадронъ изъ генераловъ; оберъ-офицеры составляли рядовыхъ, штабъ-офицеры унтеръ-офицеровъ; начальникомъ этого эскадрона, названнаго священнымъ, Наполеонъ назначилъ генерала Груши. Пѣхоту росписали по полкамъ, и, сколько можно, снабдили ее оружіемъ; но, не смотря на все это, за предводителемъ своимъ двигалась большая, нестройная масса безоружныхъ, неповинующихся никому. Тщетно Наполеонъ издавалъ строгіе

*) Записки адмирала Шишкова.

приказы—имъ никто не внималъ *). На переходѣ къ Оршѣ онъ шелъ пѣшкомъ, опираясь на палку; на половинѣ перехода онъ остановился, велѣлъ своей гвардіи построиться въ каре, и, ставъ по срединѣ ея, сказалъ: «вы видите разстройство арміи; я надѣюсь на васъ и вамъ ввѣряю спасеніе ея; если мы сохранимъ устройство, непріятель не побѣдитъ насъ; я обращаюсь не къ военнымъ законамъ, а къ чувству чести вашей, которое французскій солдатъ сохраняетъ въ самыхъ большихъ опасностяхъ **).

Могилевская губернія прислала къ Наполеону депутатовъ въ Оршу, для полученія повелѣній; но онъ отослалъ ихъ обратно, не видѣвшись съ ними; онъ стыдился показать имъ свое блуждающее войско. Въ Оршѣ нашлось небольшое количество съѣстныхъ припасовъ ***); тамъ велѣлъ онъ потопить въ Днѣпрѣ «трофеи», везенныя изъ Москвы и самъ истребилъ множество своихъ замѣтокъ и документовъ, которые имѣлъ онъ, для составленія записокъ (Mémoires). Въ г. Ор-

*) Разные приказы его и диспозиціи были перехвачены русскими.

**) Въ Дубровнѣ Наполеонъ ночевалъ въ домѣ к-ни Любомирской и, по причинѣ оттепели, бросилъ тамъ свои сани, которые, кажется, сохраняются тамъ и донинѣ.

***) Графъ Салтыкъ пишетъ въ своихъ замѣткахъ, что, вѣхавъ въ одинъ изъ домовъ Орши, онъ нашелъ тамъ нѣсколько солдатъ, варящихъ себѣ супъ. Условившись съ ними за 6 франковъ взять десять ложекъ, онъ отвѣдалъ его; найдя его отвратительнымъ, онъ узналъ, что супъ приготовленъ былъ изъ чловѣческаго мяса; приготовляющіе его присокоупили, что нечестно, находящаяся еще въ горшкѣ, очень вкусна. Записки И. П. Липранди.

шѣ французскій лазаретъ, по очищенію непріятелей, былъ въ самомъ жалкомъ положеніи; больные были лишены пищи и медицинскихъ пособій; раны ихъ, вмѣсто корпіи, были перевязаны сѣномъ и соломой; они у мертвыхъ товарищей своихъ вырѣзывали икры и тѣмъ питались.—По большой дорогѣ и во всѣхъ окрестныхъ городахъ и селеніяхъ лежало множество разбросанныхъ труповъ; тамъ появились стаи собакъ и волковъ, которые, въ виду жителей, пожирали трупы *). Вообще картина отступленія французовъ отъ Краснаго, до самыхъ границъ нашихъ, была особенно невообразимо-ужасна; вотъ общій очеркъ ея.

Каково было переписать имъ то пасмурныя, влажныя, то холодныя ноябрскія ночи, лежать подъ открытымъ небомъ во время дождя, снѣга или мороза и питаться чѣмъ попало! Это были истощенныя осеннія мухи: подобно подземнымъ тѣнямъ, живомертвые, синеглѣдные, шли непріатели, сами не зная куда, безъ памяти, безъ языка, съ помутившимися глазами. Казаки и поселяне таковыхъ уже и не трогали; ихъ находили во множествѣ въ копнахъ сѣна, въ сараяхъ, въ конюшняхъ, прижавшихся къ стѣнамъ и заборамъ, стѣснившихся въ кучи, чтобъ согрѣться. Подобныя скопища умершихъ находили вокругъ потухшихъ огней,

*) Въ одной Смоленской губерніи сожжено было слишкомъ шестьдесятъ тысячъ труповъ, а закопаны въ ямы болѣе ста тысячъ. Однихъ пушекъ найдено было тамъ 423, и послѣ много лѣтъ находили ихъ въ прудахъ, рѣкахъ и въ землѣ. Смолене долго послѣ того торговали разнымъ непріятельскимъ оружіемъ.

около издохшихъ лошадей съ ножами и кусками этой мертвячины въ окостенѣлыхъ рукахъ; въ иномъ мѣстѣ эти полуживые выморозки накидывались на мертвыхъ товарищей своихъ, стаскивали съ нихъ ветхія платья и сами кутались въ ихъ лохмотья. Французовъ находили и среди разложенныхъ огней, гдѣ одна сторона тѣла ихъ жарилась, а другая леденѣла; иные повертывались такимъ образомъ, какъ куропатки на вертелѣ, иные катались по горячей залѣ, чтобы хотя нѣсколько согрѣться; живые складывали изъ труповъ, какъ изъ бревень, стѣны, чтобы, лежа за ними, укрыться отъ зимнихъ вьюгъ *). Плѣнныхъ некуда уже было дѣвать **). Французы продолжали являться въ нашъ лагерь, напрашиваясь на плѣнъ и вымаливая себѣ кусокъ хлѣба; ***) солдаты наши дѣлились съ ними, чѣмъ могли. Въ иномъ мѣстѣ цѣлые эскадроны ихъ, полужанесенные снѣгомъ, стояли на поляхъ замерзлые. Кромѣ нашихъ солдатъ и поселянъ, свидѣтелями ужаснаго положенія непріятелей въ пустыняхъ были хищныя птицы, тучами летавшія надъ умирающими, лакомо заглядывая въ потухающія глаза ихъ. Много ли думалъ о нихъ Наполеонъ, когда онъ называлъ свою армію пушечнымъ мясомъ! †)...

*) Въ походныхъ запискахъ артиллериста сказано, что онъ видѣлъ длиннаго, тощаго Нѣмца, который едва двигался по полю; ноги свои онъ ухитрился завязать въ мѣшокъ.

**) Росточинъ говорилъ тогда: «боюсь, чтобы плѣнныхъ не набрали къ намъ въ гувернеры.»

***) O ciel, ciel! (о небо, небо!) восклицали тогда французы да что ты съѣлъ-то?—отвѣчали имъ солдаты.

†) Вѣстникъ Европы, 1814 года.

Для большаго удостовѣренія въ истинѣ описанія моего, почерпнутаго изъ разныхъ русскихъ и иностранныхъ писателей и въ подвѣсокъ къ изображенной картинѣ, предлагаю въ сокращеніи отрывокъ изъ воспоминаній объ отступленіи французской арміи въ 1812-мъ году, подъ названіемъ «бивакъ»; сочиненіе, изданное на французскомъ языкѣ, однимъ изъ участниковъ отступления:

«Ложе, состоявшее изъ льду и снѣга, на которомъ я успокоивалъ тогда свое уставшее тѣло, давно уже растаяло, и яркая зелень много разъ уже закрывала кровавый слѣдъ, оставленный нашей арміею. Я не хочу сказывать ни моего имени, ни другихъ лицъ, описываемыхъ мною. Напримѣръ: представьте себѣ, для образца, человека пяти футовъ и восьми дюймовъ роста; если подобный великанъ попадаетъ въ конскрипцію, то его не нужно уже вытягивать въ мѣрку. Но онъ тощъ и худъ, потому что три недѣли питается только отрубями, разболтанными въ водѣ; этотъ скелетъ прикрытъ шубою, которая много разъ уже была вымочена и высушена на его плечахъ; низъ этой шубы, въ видѣ фестоновъ, обожженъ бивачнымъ пламенемъ, воротникъ шубы загнулся въ видѣ жолубя, и въ немъ постоянно лежитъ нѣсколько футовъ снѣга. Лицо, выглядывающее изъ шубы, небрито и прокопчено пороховымъ дымомъ; оно осунулось, на немъ блеститъ пара глазъ, покраснѣвшихъ отъ блеску огня, во время ночи, и отъ яркости снѣга, во время дня. На этомъ бродящемъ остовѣ надѣта ушастая поповская шапка, на полотенцѣ, служащемъ вмѣсто пояса, привѣшана сабля,

безъ ноженъ, ноги его обвиты тряпицами. Онъ двигался вмѣстѣ съ товарищами своего бѣдствія не зная гдѣ и когда остановится, безъ заботы о будущемъ, потому что никто не былъ увѣренъ: будетъ ли у когонибудь изъ нихъ «завтрашній день».

Между тѣмъ холода усиливались; многіе солдаты жаловались что у нихъ окостѣли руки; они, и не подозрѣвали того, что руки ихъ отморожены и распдутся кровавыми кусками, если они попадутъ въ теплое мѣсто. Какое было для нихъ счастье, когда они находили на дорогѣ какуюнибудь хижину! Въ одну минуту она была разбросана—и бревна растасканы. Иногда лошади какогонибудь генерала, съ вечера поставленныя подъ навѣсъ, среди ночи были уже на вольномъ воздухѣ, потому что конюшня была быстро расхищена; каждая доска была для нихъ дорога потому, что хотя на одну ночь она могла служить для нихъ, если не мягкою, то сухою постелью. Изъ древесныхъ вѣтвей и груды снѣга дѣлали они себѣ защиту отъ вьюги и раскладывали огонь; съѣвши по лепешкѣ, приготовленной изъ отрубей и испеченной на горячей золѣ, они завертывались во что попало и спали. Иногда комунибудь надобно было стоять на часахъ, чтобъ не унесли у нихъ горящихъ головней. Передъ сномъ шли у нихъ разные толки, воспоминанія: одинъ говорилъ, что настали для нихъ черные дни, другой возражалъ, что напротивъ «бѣлые» (по снѣгу, ярко блиставшему вокругъ нихъ). Иной выражалъ желаніе, что ему хотѣлось бы напиться кофею, хоть по турецки, безъ сахара, другой тосковалъ, что онъ не

привыкъ отступать и идти такою капуцинскою церемоніею; иной хладнокровно говорилъ, что солдатъ есть наемщикъ у смерти, слѣдовательно надобно и имъ когда нибудь не подать голоса на переключкѣ. Нѣкоторые совсѣмъ потеряли надежду возвратиться къ роднымъ пенатамъ: «видно этотъ праздникъ для насъ выключенъ изъ календаря», говорили они; «это не то, что въ Испаніи, тамъ, бывало, ступаешь на землю, какъ на топленую печь», замѣчали иные. Были счастливыцы, сохранившіе нѣсколько зеренъ чаю въ узелочкѣ; они распускали его въ подогрѣтой снѣжной водѣ и пили съ величайшимъ наслажденіемъ; при этомъ питаніи дѣло обходилось у нихъ безъ зубочистки. Наставалъ новый день—день новаго страданья. Иной уже не вставалъ, и когда его расталкивали, онъ отвѣчалъ: «Que faire, il faut mourir (что дѣлать, надобно умереть)». Смерть, не давъ нѣкоторымъ протянуться, охватывала ихъ холодною рукою своею и окаменяла...

Наполеонъ набралъ подъ знамена свои цвѣтъ юношества всей Европы, и изъ нихъ составилъ легионъ призраковъ; они шли, какъ будто гонимые сквозь строй; по этой же дорогѣ, по временамъ, тянулись обозы съ сотнями замороженныхъ, увязанныхъ веревками труповъ, для сожженія. Въ нѣкоторыхъ иностранныхъ журналахъ писали тогда: «Французы получали отъ Наполеона приказаніе добровольно служить ему, что въ кошелькѣ его былъ одинъ уголь очень щедръ, а другой ужь очень скупъ. И кто же сопровождалъ его въ походахъ! Вожди, многіе прежніе товарищи его, отправлявшіеся съ нимъ на поприще славы; но какая

противуположность между египетскою и русскою войною! Французы, которыхъ пощадилъ жгучее солнце востока, погибли на снѣгахъ сѣвера *)! Французскій орелъ печально махаетъ своими окровавленными крыльями на безбрежныхъ снѣговыхъ поляхъ Россіи».

Немногіе изъ воиновъ Наполеона, когда ихъ охватывалъ уже холодъ смерти, приподнимаясь съ окровавленнаго снѣга, восклицали еще слабымъ голосомъ: *Vive l'empereur!* но большая часть ихъ, въ томъ числѣ и разноплеменники, проклинали его на всѣхъ европейскихъ языкахъ **)... Это все историческіе неопровержимые факты.

Въ сочиненіи, взятомъ изъ секретныхъ французскихъ записокъ Н. Гол-мъ, 1814 года, сказано: «Гензрихъ и Аттила, также какъ и Бонапарте, сражались не для счастья своего отечества, но для собственной своей выгоды»; авторъ этихъ записокъ говоритъ, что Бонапарте между государями былъ тоже, что блуждающій жидъ между людьми.—Въ политической картинѣ Европы (изданной на французскомъ языкѣ 1806 года, переведенной и напечатанной въ Петербургѣ 1808 года) сказано, что самыя воинственные времена Римлянъ едва

*) Въ нѣкоторыхъ французскихъ реляціяхъ, въ оправданіе поражений Наполеона, было сказано: «При Бель-Аланѣ мы потеряли сраженіе отъ какого-то сверхъ-естественнаго ужаса, при Эйлау—отъ снѣжной мятели, при Аспернѣ—отъ разлитія воды, въ Россіи—отъ стужи, въ Испаніи отъ жаровъ, а при Лейпцигѣ—отъ ошибки капрала: (Наполеона).

**) Особенно Нѣмцы, по неволѣ сражавшіеся съ русскими, ругали Наполеона: *sei er verdammt und verflucht in Ewigkeit*, (Будь онъ проклятъ на вѣки)! восклицали они съ ожесточеніемъ.

ли могутъ представить примѣръ такихъ усѣховъ въ завоеваніяхъ, какіе оказалъ Наполеонъ. Разборъ блистательныхъ походовъ Бонапарте показываетъ съ математическою точностію, что онъ былъ болѣе счастливъ, нежели искусень, что онъ умѣлъ пользоваться ошибками другихъ и умѣлъ выбирать полководцевъ.— Въ тайной исторіи новаго французскаго двора (часть III) прибавлено, что Пултускъ, Прейсишъ-Эйлау, Бородино, Мало-Ярославецъ и Красный исхитили нѣсколько листовъ изъ окровавленнаго лавра Наполеона. Авторъ книги: Французы въ Вѣнѣ говоритъ о Наполеонѣ, (до похода его на Россію): «Австрійскіе и прусскіе генералы, сражавшіеся съ нимъ, были: или не искусны, нерѣшительны, или стѣснены въ своихъ дѣйствіяхъ затруднительными предписаніями и ошибочными придворными планами. Въ отношеніи же политики, Бонапарте вспомоществуемъ былъ первымъ, дальновиднымъ и хитрымъ политикомъ своего времени, Талейраномъ, который, подобно Циклопу, помогалъ своему Вулкану ковать цѣпи на Европу».

Маскарадное бѣгство французовъ изъ Россіи вдохновило литераторовъ и художниковъ изобразить его въ разныхъ видахъ; у насъ называли тогда французовъ святочными ряжеными пугалами. И дѣйствительно, сколько карикатурныхъ сценъ, какую смѣсь костюмовъ представляли они изъ награбленныхъ въ Россіи, особенно въ Москвѣ, одеждъ: кто шель въ поповской рясѣ и въ треугольной шляпѣ, кто въ ризѣ и въ вязаномъ колпакѣ, кто въ салопѣ и съ муфтой на головѣ, кто въ мундирѣ и въ кокошникѣ, кто въ

женской тѣлогрѣйкѣ и въ гренадерской каскѣ, кто въ кафтанѣ стариннаго русскаго боярина и въ спальномъ чепчикѣ, кто въ лакейской ливреѣ съ галунами и въ крестьянскомъ треухѣ, а кто ужъ просто въ лошадиной попонѣ, въ рогожѣ или въ шкурѣ, содранной (можетъ быть ужъ и съѣденной имъ) валой лошади, съ повязанною тряпкою на головѣ; иные красовались въ сарафанахъ и въ гвардейскихъ косматыхъ киверахъ, обутые въ ланги *). Такъ стояли они и на караулѣ, съ ружьями на плечахъ. Иные, сидя у огня, прикрывались соломой, а ноги укутывали шанками, другіе холодили собою горячую золу, а нѣкоторые, въ безсиліи, ходили по сторонамъ большой дороги, безсознательно.

Надобно признаться, что французамъ мстили, и довольно жестоко, поселяне, которыхъ они вдесять разоряли, истребляли, ограбили, надругались надъ ними, особенно надъ русскими храмами и женщинами; но когда плѣнныхъ неприятелей прогоняли чрезъ наши города, удаленные отъ театра войны, многіе горожане и поселяне снабжали ихъ чѣмъ могли: одеждой, хлѣбомъ и деньгами; это тоже положительные факты, объ этомъ значится и въ періодическихъ русскихъ изданіяхъ того времени, и въ изустныхъ преданіяхъ.

Критическое положеніе Наполеона нѣсколько улучшилось, когда онъ соединился съ войсками Виктора,

*) Однажды, при преслѣдованіи неприятеля къ Березинѣ, нашъ солдатъ прицѣлился изъ ружья въ француза, одѣтаго въ женскую кофту и въ шляпку; во другой отвелъ его руку, сказавъ: «не стрѣлай въ барыню».

Домбровскаго и Удино; эти войска состояли изъ 35,000 человекъ, имѣли исправныя орудія и не были такъ изнурены, какъ тѣ, которыя велъ самъ Наполеонъ. Онъ отрядилъ Виктора противъ Витгенштейна, а поляковъ противъ Чичагова (предводительствовавшего дунайскою арміею), къ городу Борисову. Наполеона особенно опечалило взятіе русскими Минска, гдѣ хранились у него большіе запасы хлѣба; Чичаговъ послалъ графа Ламберта не допустить поляковъ въ Борисовъ, что Ламбертъ и исполнилъ блистательно; онъ ринулся на Домбровскаго, вступившаго въ городъ, съ быстротою, разбилъ его, вырвалъ изъ рукъ его городъ и утвердилъ за собою переправу чрезъ Березину. Узнавъ о занатіи Борисова, Наполеонъ съ отчаяніемъ ударилъ наклою въ землю и воскликнулъ: «видно намъ суждено дѣлать глупости!»

Въ отчаяніи, Наполеонъ составилъ новый планъ, для скорѣйшей переправы чрезъ Березину; онъ состоялъ не въ храбрости войскъ его: пробиваться силою, но въ военной хитрости; онъ вздумалъ обмануть русскихъ, оставить ихъ въ заблужденіи о мѣстѣ своей переправы; вслѣдствіе этого онъ тотчасъ же послалъ маршала Удино внезапно остановить войска Чичагова, овладѣть Борисовскимъ мостомъ и если бы мостъ былъ истребленъ русскими, то отыскать удобное мѣсто, для построения новаго моста. Удино быстро и внезапно обрушился, со всею громадою силъ своихъ, на авангардъ графа Палена, находившійся по сю сторону Березины, у Борисова. Началась страшная суматоха; войска наши были разрознены, у нихъ

захватили непріатели часть обоза и заставили ихъ перебраться съ лѣваго берега рѣки на правой, къ своей арміи, т. е. къ корпусу Чичагова. Впрочемъ, при выходѣ изъ Борисова, русскіе успѣли зажечь мостъ, но Удино, не теряя времени, открылъ бродъ у Студянки (верстахъ въ 15 выше отъ Борисова), велѣлъ тамъ наскоро строить мостъ и въ то-же время онъ дѣлалъ приготовленіе къ ложной постройкѣ моста, ниже Борисова. Чичаговъ, введенный этимъ въ заблужденіе, стянулъ все войска свои на нижнюю Березину, въ ожиданіи тамъ непріательской переправы, а въ прочихъ мѣстахъ, на большомъ пространствѣ, для наблюденія за непріателями, оставилъ только небольшой отрядъ. Армія Чичагова должна-бы была совершенно заградить бѣгство французовъ. Многіе полагали, что здѣсь вдосталь истребитися непріательское войско—и самъ Наполеонъ попадетъ въ плѣнъ.

Наполеонъ сильно обрадовался, узнавъ, что Чичаговъ не соединился съ Витгенштейномъ; онъ поспѣшно прибылъ съ своею гвардіею въ Борисовъ; за нимъ, въ ночной тишинѣ, слѣдовали все соединенныя войска его, назначенныя къ переправѣ*); онъ отдѣлилъ отъ нихъ только небольшую, часть, для демонстраціи, чтобы продолжать оставлять въ недоумѣніи русскихъ. На разсвѣтѣ (14-го ноября) онъ подѣхалъ къ деревнѣ Студянкѣ, гдѣ припасены уже были матеріалы

*) Странную противоположность представляли отступавшіе лютые французскіе солдаты съ войсками Виктора, сохранивъ, шими полный воинственный видъ; впрочемъ, въ составѣ своемъ, армія Наполеона имѣла тогда еще до 80 тысячъ человекъ.

для наведенія двухъ мостовъ. Тамъ кипѣла работа, тамъ разламывали избы, бревна которыхъ употребляли на постройку моста; одинъ артиллерійскій французскій генераль сохранилъ двѣ походныя кузницы и фургоны съ угольями. Присутствіе Наполеона ободряло работниковъ: пионеры, погружаясь по грудь въ воду, по которой неслись льдины, (по причинѣ оттепели) смѣлились утвердить въ ней козлы *). Дѣла шли быстро и усѣбно; къ довершенію радости Наполеона, на противоположномъ берегу не видать было русскаго войска, которое бы могло воспрепятствовать его намѣренію; тамъ только мелькали козаки. Для большаго обезпеченія своей переправы, Наполеонъ приказалъ поставить у Студянки сорока-пушечную батарею, и лишь только что раздались выстрѣлы изъ русскихъ орудій подоспѣвшей туда коинной роты отряда Корнилова, какъ вдругъ загрохотала французская батарея, пронизывая градомъ пуль слабый русскій отрядъ, который не въ силахъ былъ воспрепятствовать движеніямъ непріятелей. Наполеонъ торжествовалъ.... Но вотъ наступаетъ послѣдній актъ великой драмы, развязка кровавой европейской трагедіи 1812 года.

Еще мосты не навели, но Наполеонъ, въ нетерпѣннѣйшій моментъ, послалъ уже кавалерію генерала Корбишо вълавыть черезъ рѣку; сзади каждаго всадника посадили по пѣхотинцу, прочую пѣхоту двинули на паромехъ; этотъ первый отрядъ, высадившись на правый берегъ, от-

*) Замѣчательно, что почти въ томъ же мѣстѣ переправлялся черезъ Березину Карлъ XII.

тѣснилъ козаковъ и стрѣлковъ Корнилова. Наконецъ, одинъ мостъ, назначенный для пѣхоты, былъ конченъ послѣ полудня, и по немъ прошелъ корпусъ Удино; вскорѣ готовъ былъ и другой мостъ, по которому начала переходить артиллерія и потянулись обозы *). Французы, перебравшіеся на другую сторону, хотя утвердились на правомъ берегу, но не могли совершенно оттѣснить отрядъ Корнилова, усиленный подоспѣвшимъ къ нему отрядомъ генерала Чаплина. Между тѣмъ переправа продолжалась всю ночь. Утромъ, 15-го числа, перешелъ на правый берегъ и самъ Наполеонъ съ гвардіею: на лѣвомъ остался Викторъ съ двумя дивизіями; третья дивизія его находилась еще у Борисова. Вдругъ, около вечера, къ старому Борисову прибылъ Витгенштейнъ съ своимъ корпусомъ. Узнавъ что переходъ черезъ Березину непріятелей не можетъ уже быть остановленъ, онъ принялъ быстрыя и рѣшительныя мѣры для того, чтобъ помѣшать исполнить эти дѣйствія оставшимся по сю сторону рѣки французскимъ корпусамъ. Такъ какъ одна изъ дивизій ихъ была отдѣлена отъ прочей арміи, то онъ не только преградилъ ей путь, но, окруживъ ее, тотчасъ заставилъ сдаться (всѣхъ до 9 тысячъ человекъ). Борисовъ уже былъ занятъ Платовымъ и Сеславинымъ. Чигачовъ съ той стороны навелъ понтонный мостъ и соединился съ Витгенштейномъ. Здѣсь условились оба

*) Мосты, наскоро построенные, портились, но саперы и пионеры, съ самоотверженіемъ, стоя по грудь въ рѣкѣ, исправляли ихъ, продрогнувъ въ холодной водѣ, и почти всѣ они заплатили за то своею жизнію.

генерала въ слѣдующій день сдѣлать общее нападеніе на непріятелей.

Глава V.

ПЕРЕПРАВА ЧРЕЗЪ БЕРЕЗИНУ. ИСТРЕБЛЕНІЕ ФРАНЦУЗСКОЙ АРМІИ.
Послѣдствіе ея. Вильно.

На разсвѣтъ (16-го ноября) дунайская армія, съ подоспѣвшими къ ней отрядами Платова и Ермолова, на правомъ берегу, открыла огонь противъ Нея, защищавшаго береговой путь. Съ обонхъ сторонъ не было рѣшительнаго успѣха въ сраженіи. Бой кончился ночью; между тѣмъ въ это время Витгенштейнъ смялъ и отгѣснилъ Виктора къ самому мосту; неумолкаемая канонада поддерживалась съ той стороны самимъ Наполеономъ, который лично навелъ орудія противъ Витгенштейна. Въ этотъ день и на другой, въ продолженіи непріятельской переправы, картина смерти была невообразимо ужасна: едва только Викторъ, гонимый Витгенштейномъ, началъ приближаться и спускаться къ мосту, къ тылу корпуса его подвинулись русскія батареи и ядра ихъ начали пронизывать ряды переправляющихся продольными выстрѣлами. Слѣпшій переходъ черезъ мостъ непріятелей сопровождался большимъ замѣшательствомъ, безпорядкомъ и своевольствомъ; сильные, не разбирая чиновъ, переступая черезъ груды тѣлъ, пробивались сквозь слабыхъ; иные прочищали себѣ путь штыками,

многіе были столкнуты въ воду. Чичаговъ въ это же время опрокинулъ Домбровскаго и погналъ его назадъ, къ главному войску. Витгенштейнъ и Чичаговъ тѣснили французовъ съ боковъ и держали ихъ, какъ въ ящикѣ, а съ тылу напиралъ на нихъ Платовъ. Страшный ужасъ и смятеніе распространились между непріятелями: артиллерія, обозы, конница и пѣхота смѣшались, сперлись, стѣснились около моста и на самомъ мосту; иные, упавъ, въ толкотнѣ попадали подъ копыта лошадей или подъ колеса пушекъ и были раздавлены ими, иные бросились впасть черезъ рѣку, иные сѣлились перебраться черезъ несшіяся по ней льдины — и, сжатые ими, тонули.... Наконецъ бой закипѣлъ на обонхъ берегахъ, на мостъ посыпались ядра и свистящія пули, зарокоталъ адскій громъ пушекъ; гулко и раскатисто раздавался онъ и въ прибрежномъ лѣсу, наполненномъ непріятелями; высокія сосны, раздробленныя ядрами, падали съ трескомъ и осколками своими убивали многихъ. *) Съ самаго утра втораго дня переправы поднялась мятель, съ гудящимъ сѣвернымъ вѣтромъ; сильная вьюга залѣпляла сражавшимся глаза инеемъ и снѣгомъ; сдѣлалось сумрачно, только блескъ выстрѣловъ освѣщаль окрестность; каждое ядро поражаало людей, лошадей, или опрокидывало повозку. Къ довершенію ужаса и безвыходнаго положенія непріятелей, вдругъ одинъ мостъ, изгромленный

*) Въ это время французы потеряли множество убитыхъ, плѣнныхъ и орудій. Почти цѣлый корпусъ Виктора, не успѣвшаго перебраться на ту сторону, съ 7000 чел. и съ 5 генералами, сдался на капитуляцію русскимъ.

ядрами и отягощаемый войсками и артиллеріею, обрушился съ шумомъ... Въ одно мгновеніе все, что на немъ двигалось и толнилось, было поглощено волнами сердито рончущей рѣки; изъ нея показались одни только всплески воды... Всѣ, оставшіеся на лѣвомъ берегу, спѣшно, смоншной толпой, бросились на другой мостъ, но и тамъ уже зарядные ящики, взорванные гранатами, съ трескомъ летѣли по воздуху; артиллерійскія лошади съ опрокинутыми передками, и вьючныя, вырвавшіяся изъ рукъ вожатыхъ своихъ, пронзительно ржали, бѣгая по мосту взадъ и впередъ. Уцѣлѣвшіе изъ отряда Виктора, дѣлая рядъ траншей изъ мертвыхъ тѣлъ, грудами наваленныхъ на мосту, только къ утру перешли на другой берегъ. Французскіе военачальники, надрывая грудь, осиплымъ голосомъ кричали, понуждали команду свою скорѣе перебираться чрезъ мостъ, но изнуреніе и ужасъ непріятелей были такъ велики, что они насмь могли двигаться.

Передъ другимъ мостомъ, по сю сторону рѣки, послѣ несчастной переправы чрезъ нее французской арміи, оставалось еще множество усталыхъ, безоружныхъ, раненыхъ и нестроевыхъ непріятелей. Одному французскому офицеру приказано было, пропустивъ чрезъ мостъ бѣглецовъ, тотчасъ зажечь его, чтобъ остановить преслѣдованіе русскихъ; но онъ не спѣшилъ исполнить этого порученія, давая возможность перебѣжать чрезъ него отсталымъ; когда же, вслѣдъ за непріятельскою арміею, показалась мчащаяся наша кавалерія, и на возвышенномъ берегу блеснули рус-

скіе штыки, тогда офицеръ долженъ былъ скорѣе исполнить приказаніе своего начальства — и вотъ явилась новая, потрясающая чувства картина: мостъ запылалъ, на немъ загорѣлись и обозы, и люди, и лошади, раздалась смѣсь отчаянныхъ голосовъ... Многіе, съ пронзительными воплями, какъ и съ перваго моста, стали бросаться въ рѣку — и скоро Березина запрудилась трунами; изъ воды торчали морды утопшихъ лошадей, въ пномъ мѣстѣ высывались изъ льдинъ поднятыя руки, ноги и головы людей съ обмерзлыми волосами; это было ледяное кладбище.... Долго послѣ того запрещено было брать и пить воду изъ этой рѣки.

На берегу, въ числѣ больныхъ и отсталыхъ, находилось много женщинъ и дѣтей, слѣдовавшихъ за французскою арміею изъ Москвы (между которыми были и русскія авантюристки); вся Веселовская равнина, на которой снѣгъ багровѣлъ отъ крови, была покрыта каретами, телѣгами, переломанными, наваленными одна на другую, пушками безъ лафетовъ, разбитыми ящиками, просыпаннымъ порохомъ, баулами, сундуками, книгами, бумагами, несшимися по вѣтру, церковною утварью и пр. пр. всякою всячиною, награбленною въ Россіи — все это досталось въ добычу нашей арміи. Не менѣе ужасное положеніе было для самой послѣдней, запоздалой непріятельской толпы, состоявшей изъ разнаго сброда людей: солдатъ, прислуги, обозныхъ пассажировъ и прочихъ. Маршалъ Викторъ, не имѣя силъ защититься отъ Витгенштейна, покинулъ расхищенную деревню Студянки (на 19 ноября), оставивъ

небольшое число солдат прикрывать мостъ на Березинѣ; онъ обрекъ ихъ на вѣрное истребленіе. Всѣ эти несчастные, полуобнаженные, голодные, окованные отъ холода, какъ будто обезумѣвшіе, съ помутившимися глазами, вмѣсто того чтобы скорѣе бѣжать съ прочими на переправу, съ жадностью начали расхватывать обломки экипажей, устроить себѣ изъ нихъ лачуги и разводить огонь; нѣкоторые же изъ нихъ, чтобы сколько нибудь прикрыть себя, сдирали съ каретъ парусину, сукно, кожу. Между тѣмъ артиллерія лѣваго фланга русскихъ безпрестанно громила эту столпившуюся массу людей, къ которой, съ разныхъ сторонъ, прибывали, все болѣе и болѣе, новыя бродящія толпы. Каждый выстрѣлъ русскихъ, въ темную ночь, освѣщаль разныя содрогательныя картины; непріатели не считали уже для себя смерть бѣдствіемъ, самыя лютыя несчастія для нихъ были: холодъ, голодъ и жажда. Нѣкоторымъ, обезсиленнымъ, хотѣлось отдохнуть, соснуть хоть часокъ, и они падали въ сугробы снѣга безъ пробужденія.... Многіе предпочли быть раздавленными и перебитыми, чѣмъ тронутыми сѣмѣста.

Послѣ полуночи русскія пушки замолкли, блѣдно-мелькавшіе огоньки, посреди снѣжной пустыни, представляли обширные биваки и широкое кладбище полуживыхъ призраковъ, съ тусклыми глазами, разныхъ націй. Около самаго березинскаго моста, генераль Эбле съ той стороны, по данному знаку, приказалъ зажечь биваки, чтобы поудить безпечныхъ скорѣе перебраться какъ нибудь на другую сторону рѣки, по остат-

камь моста; между тѣмъ у офицера, исполнившаго это приказаніе, толпа, побуждаемая бѣшенствомъ голода, съ яростнымъ крикомъ отняла верховую, изнеможенную уже лошадь, которая нѣсколько дней питалась только тѣмъ, что грызла кору съ мерзлыхъ бревенъ. Ее прикололи штыками, потомъ быстро, съ ловкостію мясниковъ, содрали съ нее шкуру, притащили къ костру, распластали ее, и стали, съ звѣриною жадностію, снѣшно готовить себѣ изъ тощаго мяса ея ужинъ, считавшійся, въ ихъ положеніи, очень лакомымъ. Иные, обезсиленные, безчувственно спали; если кто нибудь изъ нихъ скатывался въ огонь, никто его не подымалъ; одни смотрѣли на это съ какою-то бессмысленностію, другіе логично понимали, что если онъ еще не умеръ, то и самъ выкарабкается оттуда. Между тѣмъ пожаръ на бивакахъ распространился и разросся въ море огня, пожирающаго шалаши и что ему попадало, въ движеніи его. Среди этого пылающаго, блокочущаго ада, двигалась небольшая колонна солдатъ, неласково побуждая всѣхъ слѣдовать за нею.

Раскатные выстрѣлы русскихъ пушекъ возвѣстили появленіе мерцающаго утра; отрядъ Витгенштейна, овладѣвъ Студянкою, началъ громить бѣлоснѣжную равнину, на фонѣ которой разметанные трупы представлялись темными пятнами; вотъ уже показались отряды русскаго войска на взгорьѣ, въ грозномъ движеніи. Инстинктивно понявъ близкую опасность, кто могъ, изъ непріателей, вскочилъ, и, вмѣстѣ съ остаткомъ своего войска, устремился къ обгорѣлому мосту; это была послѣдняя, хотя невѣрная, доска спасенія; но

мость, полуразрушенный, подавленный уже прежними бѣглецами и хлынувшей на него новою толпою, окончательно обрушился... Напоръ потока людей надъ самымъ крутояромъ былъ такъ стремителенъ, что многіе изъ нихъ неудержимо, стремглавъ, ринулись въ волны и только что раздались всплески воды съ глухимъ шумомъ, какъ отъ обломковъ скалы, опрокинувшись въ воду. Нѣкоторые, не находя себѣ спасеніе, добровольно бросались въ рѣку и начали перепрыгивать со льдины на льдину, пробираясь на противоположный берегъ. Понтонеры съѣнно принялись устранивать плотъ, думая найти въ немъ себѣ и другимъ ковчегъ избавленія; они кое-какъ устроили его, сбросили въ рѣку, и онъ тотчасъ же былъ покрытъ, подавленъ бѣглецами. Стоявшіе на краю его съ шестами, уперлись ими изо всѣхъ силъ въ берегъ, чтобы перебросить плотъ на ту сторону, сквозь груды льдинъ и труповъ, плавающихъ между ними. Тутъ никто не слушалъ команды: въ каждомъ преобладало чувство самосохраненія; здѣсь владычествовали права сильныхъ; многіе слабые, натиснутые толпою, попадали въ воду, и неснися по ней громадныя льдины оттирали имъ головы.... Русскіе! русскіе, казаки! казаки настигаютъ насъ! слышались голоса. Эти восклицанія усугубили силы спасающихся, плотъ съ отчаяннымъ усиліемъ брошенъ былъ на противоположный берегъ, и только небольшая кучка людей соскочила на землю.

Едва-ли Наполеонъ, перешедъ чрезъ Березину, остался съ сорока тысячами своего войска; и вотъ начинается послѣдній періодъ бѣгства французовъ отъ Березины до Немана. Положимъ, что французы, при этой переправѣ, понесли страшныя потери; но планъ Имп. Александра не совершенно приведенъ былъ въ исполненіе: хоть часть непріятельскаго войска да спаслась, и не только самъ Наполеонъ, но и ни одинъ изъ лучшихъ генераловъ его не попался въ плѣнъ. Иностранцы и наши историки-писатели обвиняютъ въ этомъ не успѣхѣ ошибочныя дѣйствія русскихъ военачальниковъ, особенно Чичагова; отчасти это справедливо, но кажется, что главная причина этой неудачи состояла въ томъ, что Наполеонъ хитрыми маневрами своими обманулъ русскихъ генераловъ, увернулся отъ нихъ и ловко проскользнулъ между отрядами ихъ войскъ; къ тому же и Кутузовъ, съ главною арміею, былъ далеко позади; преслѣдованіе и постиженіе непріятелей въ этомъ мѣстѣ производилось дунайскою арміею и корпусомъ Витгенштейна. Предоставимъ стратегикамъ оцѣнить дѣйствія фельдмаршала и прочихъ русскихъ генераловъ.

Остатки французской арміи продолжали тянуться оголоженною дорогою, по направленію къ Вильнѣ; вообще бѣдствія ея умножились, когда, послѣ оттепели, наступили такіе морозы (до 20 градусовъ), что отъ нихъ спиралось дыханіе; иные бѣглецы падали мертвые, другіе, забывъ о всякой подчиненности, бросали свои ружья и влеклись почти безъ обуви, безъ одежды, обертывая ноги тряпками, галстуками, влочь-

ями войлоковъ, соломою и чѣмъ попало. Вотъ и недавно бывшее свѣжее, бодрое войско маршаловъ Виктора и Удино, представило собою маскарадное шествіе; и здѣсь прикрытіемъ непріятелямъ служили ветхія, съ бахромою мочаль, рогожи, а содранныя шкуры съ разныхъ животныхъ прикрывали плечи ихъ. Жалкая драпировка! И вотъ опять появились кирасиры въ юбкахъ, лейбъ-гусары въ ризахъ и егеря въ длинныхъ монашескихъ эпанчахъ. Для нихъ также не было ни мѣста для отдыха, ни времени для пищи, ни способовъ для перевязки ранъ, потому что казаки и другія русскія войска гнали ихъ по пятамъ. Русскіе затруднялись большимъ количествомъ плѣнныхъ *) и оставляли многихъ безъ вниманія. Съ ногами, пораженными антоновымъ огнемъ, брели они безсознательно, или валялись по сторонамъ дороги и глодали собственныя руки или сосали кровь изъ ободранной падали. Иная сборная толпа, разложивъ огонь, не пускала грѣться другихъ, подошедшихъ къ нимъ: «принеси свое полѣно», говорили они, но жизнь ихъ самихъ гасла съ потухавшимъ пламенемъ...

Обозы непріятелей также всѣ были истреблены, сожжены и расхищены самими ими; оставалась одна карета Наполеона, которую онъ сохранялъ, какъ сокровище и самъ, при Березинѣ, перетаскивалъ ее чрезъ мостъ **).

*) Платовъ жаловался на то въ своемъ донесеніи Кутузову.

***) Въ одной нѣмецкой книгѣ, изд. въ 1814 г., сказано: «Въ этой каретѣ Наполеонъ сидѣлъ, какъ Вельзевулъ на своемъ адскомъ престолѣ, озирая повсюду распространенное вокругъ себя опустошеніе.

На запяткахъ и на козлахъ у него сидѣло нѣсколько приближенныхъ къ нему; сопровождалъ его конвой на крестьянскихъ клячахъ, подъ предводительствомъ Мюрата и марш. Груши; всѣ спѣшили скорѣй подвигаться впередъ, потому что слово: казакъ приводило всѣхъ въ страшный трепеть.*)

*) Въ одномъ изъ бюллетеней своихъ Наполеонъ говорилъ что онъ приведетъ въ Парижъ, для показу, плѣнныхъ русскихъ казаковъ; но они сами пришли туда въ 1814 г.—Въ 1813 г. въ Лондонъ прибылъ на гамбургскомъ пакетботѣ донской казакъ, 60 лѣтъ, Александръ Земленухинъ; англичане встрѣтили его на берегу съ восклицаніями: «ура! казакъ» и толпою проводили его до дома русскаго посланника, Гр. Ливена; всѣ усердно пріѣтствовали его, жали ему руку и осыпали подарками, отъ которыхъ онъ отказывался, что заявлено было въ англійскихъ газетахъ. Король приказалъ сдѣлать для него дорогую военную сбрую, а весь его снарядъ, на обмѣнъ, взялъ себѣ на память; англичанамъ особенно дорога казалась пика его, съ согнутымъ концемъ, отъ ударовъ, наносимыхъ имъ французскимъ латникамъ. Казака нашего возили въ каретѣ въ парламентъ и въ театръ, гдѣ онъ сидѣлъ въ ложѣ съ лордами; при появленіи его, раздавались восклицанія: «вивать Александръ, вивать Платовъ, вивать казакъ! Въ Лондонѣ награвированъ былъ портретъ Земленухина и отпечатанъ во многихъ оттискахъ. Бывшій тогда въ Лондонѣ Кн. Воронцовъ пригласилъ его съ собой говѣть на страстной недѣлѣ. Казака нашего полюбилъ тамъ даже маленькія дѣти и ласково гладили его бѣлую бороду: Англичане уговаривали его навсегда остаться въ Лондонѣ и хотѣли его женить; но онъ не пожелалъ промѣнять своего тихаго Дона на шумный городъ, и послѣ святой недѣли отправился изъ Лондона въ Россію. Англичане съ сожалѣніемъ провожали его и просили кланяться отъ нихъ всему молодецкому русскому войску. Гр. Платовъ представлялъ его Государю и прусскому Королю; Земленухинъ произведенъ былъ въ урядники и уволенъ на спокойствіе, домой. Анекдоты о войнѣ русскихъ

Послѣдняя катастрофа, приключившаяся съ арміею Наполеона, быстро разнеслась по Европѣ и обрадовала всѣхъ, угнетенныхъ французами. Въ Вильно военная полиція Наполеона еще скрывала отъ солдатъ своихъ и жителей города всѣ неблагопріятныя происшествія, касавшіяся до ихъ арміи. Въ Вильно было средоточіе союзныхъ польскихъ областей, дено французскихъ присутственныхъ мѣстъ и виталище чужестранныхъ посланниковъ. Пребывавшій тамъ администраторъ, герцогъ Бассано, имѣлъ неусыпный надзоръ за всѣмъ; онъ положительно отвергалъ всѣ доходящія туда тревожные слухи о положеніи главной арміи, и такъ какъ давно не было извѣстія о Наполеонѣ, то онъ послалъ одного молодаго поляка, одѣтаго въ женское платье, провѣдать объ участи Наполеона, а самъ, между тѣмъ, распустилъ слухи, чрезъ Виленскія вѣдомости, что Наполеонъ нарочно приманилъ Чичагова къ Минску, гдѣ поставилъ ему ловушку. Шніонъ герцога скоро возвратился и, по приказанію его, объявилъ жителямъ Вильно, что Императоръ находится при Березинѣ въ самомъ лучшемъ положеніи, и что Чичаговъ попался въ западню. И вотъ, 20-го ноября, въ день коронаціи Наполеона, въ Вильно было большое празднество, сопровождаемое блестящимъ баломъ и освѣщеніемъ всего города. Въ польскихъ костелахъ пѣли *Te Deum* (тебя Бога хвалимъ); впрочемъ на другой же день Бассано шепнулъ иностран-

съ французами и Русскій Вѣстникъ изданія 1814 г.

нымъ министрамъ, чтобы они скорѣе уѣзжали изъ Вильно въ Варшаву. Трудно было скрыть большое смѣненіе и суетню въ городѣ, по причинѣ сборовъ всѣхъ дипломатовъ къ отъѣзду; на станціяхъ многимъ изъ нихъ недоставало лошадей.

Пока французская армія бѣжитъ, спѣшитъ, а большая часть ея бредетъ, влечется по знакомой уже ей, опустошенной дорогѣ, а Наполеонъ впереди ея мчится во Францію, взглянемъ, какъ принято было это неожиданное событіе въ Европѣ. Летучіе листки нѣкоторыхъ европейскихъ газетъ начали передавать уже не ложныя извѣстія о конечной гибели наполеоновыхъ полчищъ, особенно нѣмецкія и англійскія газеты непрерывъ стали трубить объ этомъ событіи; первыя сначала осторожно, сдержанно пускали въ ходъ эти извѣстія, потому что Германія находилась еще въ тискахъ Наполеона; но вскорѣ потомъ жители ея сами стали постепенно снимать съ себя оковы, дыхнули свободой и громко, печатно заговорили, обращаясь къ падшимъ соратникамъ деспотическаго предводителя: «вы, которые пили воды Нила, Эбро, Дуная, Вислы и Москвы, вы, осквернившіе капітолій Рима, Нумидійскія развалины, Эскуриаль гордаго Филиппа, столицу Габсбурговъ, Санауси великаго Фридриха и священныя храмы Москвы, теперь валяетесь прахомъ на саванѣхъ русскихъ сѣговъ. Ни чья слеза не капнетъ надъ вами; ни чья молитва не изрѣчется за васъ. — Се Божій перстъ!»... Прусскій король и народъ его въ то время также связаны еще были союзомъ съ Наполеономъ, иначе не дойти бы французамъ отъ Нѣмана до Вар-

шавы. Состояніе храбрыхъ прусаковъ было невыносимо, даже уничижительно; но въ скоромъ времени послѣ того они не могли болѣе переносить своей рабской подчиненности французамъ, они первые подали собою примѣръ всей Германіи: твердо отстаивать общую независимость; въ Пруссіи послышался первый кличъ свободы—и разнесся сперва по всей Германіи, а потомъ далѣе *)...

Въ Лондонѣ, пишетъ П. П. Свинингъ**), побѣды надъ французами доставляли тамошнему дрюриленскому театру много удачныхъ представлений; Бонапарте въ нихъ являлся обыкновенно карликомъ, въ арлекинскомъ костюмѣ, въ ботфортахъ, съ длинною косою и

*) Въ то время въ Пруссіи сочинена была забавная пѣсенка-поговорочка: Einquartieren, Alimentiren, Requissiren, Einscribiren. Frau entführen, Haus verlieren, Nicht resoniren und doch illuminiren, das ist zum crepiren.—Тогда въ Германіи сложена была еще пѣснь на пораженіе французовъ, припѣвъ къ куплетамъ которой былъ: ein, zwei, drei, (разъ, два, три): «Нѣмцы французовъ откормили, а русскіе ихъ поколотили».—Общественное мнѣніе противъ деспотизма Наполеона издавна выказывалось во всей Германіи, особенно въ театрахъ, гдѣ, при пѣсни Валленштейна (Шиллера): «Гремить труба, знамена вѣютъ», зрители соединяли голоса свои съ торжественнымъ хоромъ. Брауншвейгскій герцогъ сформировалъ противъ Наполеона смертоносный черный легіонъ, изъ самыхъ отчаянныхъ наѣздивковъ; они были въ черныхъ мундирахъ, съ изображеніемъ мертвыхъ головъ на каскахъ. Берлинскія Вѣдомости, 1813 г.

**) Записки его изданы были въ Петербургѣ, въ 1817 г.

въ высокой треугольной шляпѣ. Во всей Англій, въ лубочныхъ театрахъ, на ярмаркахъ, для забавы черни, выводили Наполеона на сцену по нѣскольку разъ и заставляли его каррикатурно плясать. Иногда, забывая, что на сценѣ дурачится одинъ изъ ихъ единоземцевъ, а—не самъ Бонапартъ, зрители бросали въ него гнилыми яблоками.—«Мы такъ много пьемъ за здоровье русскихъ», говорили англичане, «что у насъ скоро вздорожаетъ вино».

Замѣчательно, что истребленіе большой французской арміи праздновалось съ живою и торжественною радостію въ сѣверной Америкѣ: въ филадельфійскихъ газетахъ описано было данное, по этому случаю, празднество, которое началось богослуженіемъ и ораторією, пѣтою двумястами пѣвчихъ, а кончилось великолѣпнымъ пиришествомъ, на которомъ была пѣта ода, нарочно для того сочиненная. При питіи за здоровье многихъ тогдашнихъ нашихъ героевъ, подъ звѣздистымъ знаменемъ, вдругъ появились прозрачныя картины, изображавшія наши побѣды надъ французами, при чемъ были произнесены приличныя тому случаю рѣчи. Первый тостъ предложенъ былъ въ честь Александра, который, сказано было въ этой рѣчи, не проливаетъ слезъ, подобно Македонскому, отъ того, что не покорилъ всего свѣта, но радуется, что можетъ избавить многихъ отъ ненасытнаго покорителя.

Въ Константинополь находился въ то время французскій повѣренный въ дѣлахъ, Жубертъ; онъ выставилъ на своемъ домѣ гербъ Наполеона, но Рейсъ-Эфенди приказалъ сказать ему, чтобы онъ снялъ его:

Жубертъ отвѣчалъ, что онъ поставилъ этотъ гербъ по повелѣнію своего государя, и если кто осмѣлится, пусть сниметъ его; тогда появились турецкіе чиновники съ вооруженными солдатами, и приставивъ къ воротамъ лѣстницы, сняли гербъ; между тѣмъ турки срывали трехцвѣтныя кокарды со всѣхъ, встрѣчавшихся съ ними, французовъ, осылая ихъ бранью, даже ударами *).

Въ Германіи начались бунты противъ французовъ, за новыя конскрипціи, влѣдствіе которыхъ волнующійся народъ нѣсколькихъ меровъ выкинулъ за окно; въ Любекѣ и въ Гамбургѣ начали срывать французскіе гербы съ крѣпостныхъ стѣнъ и отбивать у французовъ награбленныя ими вещи. Въ Берлинѣ, подобно Петербургскому Патріотическому обществу, основанному Имп. Елизаветою, для подавія помощи претерпѣвшимъ отъ войны, стало составляться общество, подъ названіемъ: Соединеніе женщинъ ко благу отечества. Тамъ же, въ началѣ 1813 г. даже мальчишки, увидя бѣглыхъ, оборванныхъ французовъ, кричали: «посторонитесь, большая армія идетъ!» А пѣшей конницѣ говорили: «не прикажете ли поддержать вашихъ лошадей»?... Въ Кенигсбергѣ, къ отступающему Мюрату, во время обѣда его, толпы народа подходили къ самымъ окнамъ съ ругательствами и не дали ему кончить обѣда. Бѣгство Наполеона открыло глаза и многимъ полякамъ, горячимъ приверженцамъ его. Въ Готѣ польскія войска послали къ нему депутацію,

*) Моск. Вѣдом. 1815 г.

съ просьбою объ увольненіи своемъ изъ его арміи раздраженный Наполеонъ спросилъ у посланныхъ: «Развѣ они льва считаютъ уже мертвымъ?» Потомъ, какъ будто опомнясь, прибавилъ: «пусть они подождутъ еще недѣлю, по прошествіи которой могутъ возвратиться по домамъ своимъ.» Поляки, согласившись на это, всякій день замѣчали новый наступившій день на киверахъ своихъ, проведенною чертою мѣломъ, и по истеченіи срока, покинули французовъ *).

Въ то время началась ожесточенная полемика между французскими и англійскими газетѣрами (отчасти и нѣмецкими). И въ самомъ Парижѣ между журналистами происходило междуособіе: образовались два враждебные лагеря; одни превозносили Наполеона, называли его: *L'homme extraordinaire* (необыкновенный человекъ) и написали въ честь его акростихъ: Бонапарте, въ которомъ, въ 1-мъ стихѣ сравнивали его съ Брутомъ, во 2-мъ съ Октавіемъ, въ 3-мъ съ Нумою, основавшемъ религію на политикѣ, въ 4-мъ съ Аннибаломъ, перешедшимъ чрезъ Альпы, въ 5-мъ съ Перикломъ, въ 6-мъ съ Алекс. Македонскимъ, завоевавшимъ весь свѣтъ, въ 7-мъ съ Ромуломъ, основавшемъ величіе Рима, въ 8-мъ съ Титомъ, прославившемъ царство свое милосердіемъ; 9-я строка содержала въ себѣ слова: «Это все соединено въ одномъ героѣ.»— Лъстецы называли его, (какъ было выражено въ катехизмѣ, изданномъ по повелѣнію его): *l'image de Dieu vivant* (образъ Бога живаго); въ этомъ катехизмѣ бы-

*) Анекдоты изъ войны русскихъ съ французами, изд. 1814 г.

ло сказано, что «нелюбящие Наполеона подвергаются вѣчному осужденію». Противники же его, на счетъ этой угрозы, въ тайной типографіи напечатали эпиграмму:

On nous l'enseigne et le precepte est claire,
Il faut l'aimez o Corse haissable!
Il faut l'aimer sous peine de l'enfer
A h! s'en est faite! nousirons tout au diable!

Сами же французы писали, что Наполеонъ родился 3-го февр. 1768 г., но для того, чтобы имѣть право называться французомъ, онъ провозгласилъ, что родился 3-го авг. 1769 г., потому что Корсика присоединена къ Франціи только 3-го мая, 1768 г.

Тогда же пущены были въ ходъ еще двѣ ѣдкія эпиграммы на Наполеона и на его любимцевъ, заключающія въ себѣ два рецепта:

Dans un chadron sur un feu ardent,
Mettez Davoust, Ney, et le brav Bertrand;
Joignez y sans artifice
Savary, digne chef de police,
Infusez et—ritires on fleur,
Vous aurez du vinaigre des quatre voleurs.

(Какъ составить уксусъ 4-й разбойниковъ изъ Даву, Нея, Бертранда и Савари).

Prenez de sang—de Robespère
Les os de Tibère,
Le crâne de Neron,
Vous aurez tout Napoléon.

(Возьми крови Робеспьера, кости Тиверія, черепъ Нерона, и выйдетъ Наполеонъ).

Въ англійскихъ газетахъ писано было тогда: «Если бы собрать всю кровь, пролитую Наполеономъ, то онъ могъ бы, стоя на вандомской колоннѣ, пить ее, не наклоняясь. Подобный отзывъ объ Наполеонѣ, въ стихахъ, появился, приклеенный на самой этой колоннѣ, съ прибавленіемъ: «вся Европа, облитая слезами и кровью, громко требуетъ мира, мира!»—Когда Наполеонъ, разбитый русскими, прибылъ въ Парижъ и приказалъ выставить на улицахъ черныя знамена, съ надписью: отечество въ опасности, подъ ними тотчасъ же появилась надпись: А кто этому виновать? *)».

Въ нѣмецкихъ газетахъ Наполеона называли солдатскимъ императоромъ (Soldatenkaiser); на ярмаркѣ, въ Лейпцигѣ, выставленъ былъ портретъ его, съ надписью: разрушитель ярмарокъ. **) Въ тѣхъ же газетахъ писали тогда: Рейнъ рѣка, а не граница Германіи; если бы Рейнъ остался за французами, то нарушилось бы равновѣсіе Европы; уголь, составляемый у Германіи, отъ Базеля до Роттердама, есть колѣно, которымъ Франція опирается на затылокъ Германіи, когда ей заблагоразсудится.» Болѣе всѣхъ полемизировали съ французами англичане; они исчислили что Наполеонъ, съ 1802 г., принесъ въ жертву честолюбію своему 5 милл. людей, что для человѣчества

*) Достопамятная война 1812 г., изд. въ 1813 г.

**) Моск. Вѣдом. 1815 г.

онъ былъ внятеро гибельнѣ Юлія Цесаря, который своими войнами истребилъ 1 мил. людей. Англичане писали еще въ *Morning chronicle* слѣдующее: «Наполеонъ желаетъ въ Черномъ морѣ — мыть бѣлье, въ Средиземномъ — купать лошадей, въ Балтійскомъ — ловить рыбу, по Атлантическому океану прогуливаться, въ Тихомъ — смотрѣться, вмѣсто зеркала. Въ *The Courier* сказано было: «труба славы Наполеона замерзла въ Россіи, бѣгство его изъ Египта было триумфомъ, въ сравненіи съ бѣгствомъ изъ Москвы; теперь онъ считаетъ своими войсками тѣхъ, кто лежитъ въ Россіи, подъ снѣжными сугробами. Въ Кенигсбергскихъ газетахъ дополнили эту эпиграмму, тамъ написали, что у французозъ появилась болѣзнь: тоска по родинѣ, потому что они опростыю бѣгутъ домой. — Наполеонъ въ прежнія войны, говорили англичане, давалъ генераламъ своимъ итальянскія, нѣмецкія и испанскія имена; не вздумаетъ ли онъ, въ память знаменитаго похода на Россію, пожаловать имъ и русскія названія, имѣющія одинаковое окончаніе на овъ съ безсмертными именами: Кутузовъ, Платовъ, Чичаговъ, напр. *Kill'doff* (убитый), *Taken-off* (взятый въ плѣнъ), *Knock'doff* (побитый на голову); а самому Наполеону хорошо бы принять титулъ: *Made-off* (убѣжавшій). Англичане отыскивали преданія Парацельса, (писанныя въ 16-мъ стол.), въ которыхъ онъ объяснялъ характеръ французозъ собственнымъ ихъ именемъ: «Они не только называются Галлами, сказалъ онъ, но дѣйствительно походятъ на пѣтуховъ (*gallus* по латыни знач. пѣтухъ), по тремъ причинамъ: по слѣси, по не-

вѣрности и по сварливости ихъ права. Возьмите на удачу француза, перегоните его въ кубѣ — выйдетъ парикмахерь. *)

Наполеонъ, ненавидя англичанъ, называлъ ихъ: *nation des boutiquierès* (нація торговцевъ-лавочниковъ) и *le génie du mal* (геній зла); «это вторые Алжирцы,» говорилъ онъ, «но моя шпага длинна, достанетъ до нихъ». Французскія газеты отвѣчали англичанамъ тоже злыми эпиграммами, между которыми замѣчательны слѣдующія: «Лондонъ диковинный городъ, тамъ истинные англичане только министры, тамъ изъ всѣхъ зрѣлыхъ плодовъ находятся только печенія яблоки, тамъ веселые люди только пьяницы, вся дичина у англичанъ состоитъ въ бивстексѣ, и, наконецъ, солнце лондонское грѣетъ менѣе неаполитанской луны.»

Въ одномъ парижскомъ журналѣ напечатана была еще курьезная статья, свидѣтельствующая о состояніи англійскихъ фабрикъ: «Геній искусства довелъ англійскія фабрики до высшей степени совершенства; въ Лондонѣ есть машина, которая одна стоитъ пяти мануфактуръ: въ нее впускаютъ живаго быка, машина въ одну минуту убиваетъ его, сдираетъ съ него кожу и правильно раздѣляетъ его на части, ноги его превра-

*) Въ 1811 г. Г-жа Сталь, бывъ въ Петербургѣ, на обѣдѣ у Гр. Н. П. Румянцева, увидѣла на форфоровомъ сервизѣ ястреба съ надписью: царь ястребовъ (*Roi des vautours*); этотъ сервизъ былъ подаренъ Графу Наполеонъ; Г-жа Сталь сказала: «это царь ястребовъ: а вы получили подарокъ отъ ястреба царей. (*vautour des rois.*) Известно, что она была личнымъ и непримиримымъ врагомъ Наполеона.

щаются въ гребни, кровь въ берлинскую лазурь, кости въ сушеный бульонъ, мясо, приготовленное въ рост-бифъ и въ бивстексъ, вываливается съ одной стороны машины, а кожа, вываренная, выдѣланная, вычищенная, падаетъ съ другой стороны, въ видѣ сапоговъ и башмаковъ послѣдней моды—въ 5 минутъ!..»

Въ гамбургскихъ газетахъ, въ послѣдствіи нѣкотораго времени, напечатано было прошеніе гамбургскихъ ословъ къ марш. Даву *): «Мы, гамбургскіе ослы, смиренные, сколько можетъ быть смиренъ нѣмецкій скоть, принуждены обезпокоить В. Прев. просьбою: Недавно приказъ, отданный меромъ, дошелъ до нашихъ длинныхъ ушей; въ силу его, тѣ обиватели добраго города Гамбурга, которыхъ захватятъ на льду рѣчки, должны содержаться подѣ карауломъ, заплатить штрафъ и получить нѣсколько палочныхъ ударовъ. Этотъ приказъ сначала обрадовалъ насъ, потому что граждане постоянно насъ били, а теперь они сами будутъ биты. Небезъивѣстно В. Прев., что есть старая нѣмецкая пословица: Когда ослу бываетъ хорошо, тогда онъ ходитъ плясать на ледъ; предки наши соблюдали этотъ обычай и мы отъ него не прочь. Намъ теперь хорошо, мы имѣемъ вдоволь корму, потому что у насъ на улицахъ растетъ высокая трава; теперь выраженіе: глупый осель относится только къ такимъ людямъ, которые не хотятъ вѣрить, чтобы они сотворены были на услугу французамъ. Теперь,

*) Это писано было въ 1813 г. Въ Гамбургѣ, какъ въ своемъ владѣніи, хозяйничали французы; Даву былъ главный ихъ начальникъ.

по нашему житію, хочется намъ сдѣлать выпляску на льду; вы знаете, какъ это пріятно, потому что сами изволили плясать на льду въ Россіи; а казаки подыгрывали подѣ вашу пляску: мы надѣмся, что вы не запретите намъ старой нашей забавы; ослиными голосами молимъ васъ объ этомъ. Позвольте вамъ еще замѣтить: мы имѣемъ нѣкоторыя одинаковыя склонности съ В. Пр-мъ: вы ненавидите людей, мы также, потому что они наши мучители, такъ-какъ, наоборотъ, и вы ихъ мучители; вы ненавидите писателей, мы тоже, потому что должны отдавать свою шкуру на выдѣлку пергамена, употребляемаго ими для письма.»

«Мы, за вышеномянутое дозволеніе ваше, съ благодарностію обѣщаемся вынести на себѣ всѣ мѣшки, которые будетъ угодно В. Пр. взять еще изъ гамбургскаго банка.»

Преклоняя съ покорностію уши, пребываемъ, готовые къ услугамъ Вашимъ, гамбургскіе ослы.»

Теперь обратимся къ окончательному выходу-бѣгству непріятелей изъ предѣловъ Россіи и взглянемъ на преслѣдованіе ихъ русскими до границы.

Видя неотвратимыя бѣдствія своей арміи, Наполеонъ рѣшился покннуть ее; но прежде надобно было ему приготовить умы какъ во Франціи, такъ и во всей Европѣ, для раскрытія истины. Прибывъ въ с. Молодечно, на пути къ Вильно, онъ издалъ 29-й бюллетень, въ которомъ, продолжая выставять себя побѣдителемъ, обвинялъ онъ въ гибели своей арміи

ужасную стужу, постоянно свирѣпствовавшую, во время его отступления изъ Москвы. Въ Сморгонѣ онъ объявилъ своимъ генераламъ о намѣреніи: возвратиться въ Парижъ; всѣ должны были одобрить его. Главнѣйшимъ надъ остатками бродящей арміи назначилъ онъ Мюрата. Отсюда поѣздъ его былъ очень скромный: въ карету свою посадилъ онъ Коленкура; польскій офицеръ (переводчикъ) и мамелюкъ Рустанъ, неразлучный его спутникъ, помѣстились на козлы, а въ саняхъ, слѣдовавшихъ за каретою, сидѣли Дюрокъ и Мутонъ. Конвой его состоялъ изъ 20 кавалеристовъ. Около Вильно встрѣтилъ его Маре и обрадовалъ извѣстіемъ, что въ Вильно находятся большіе запасы фуража и всякаго продовольствія. Поѣхавъ далѣе, онъ остановился не въ самой Вильнѣ (ему стыдно было явиться туда на легкѣ), но въ предмѣстіи города, для перемѣны лошадей—и опять помчался. Наконецъ, 26 ноября, переѣхавъ онъ русскую границу и направился чрезъ Ковно въ Варшаву. Тамъ пріѣздъ его изумилъ всѣхъ, особенно французскаго посланника, аббата Прадта, когда къ нему неожиданно вошелъ Коленкуръ, лице котораго скрыто было воротникомъ шубы, а голова обернута черною тафтою. Коленкуръ пригласилъ аббата къ Императору, остановившемуся въ l'hôtel d'Angleterre, ворота котораго охранялъ польскій жандармъ; на дворѣ гостиницы стоялъ небольшой каретный кузовъ, на сосновыхъ полозьяхъ: Наполеонъ какъ будто притаился въ небольшой холодной комнатѣ, окна которой были вполнѣ закрыты ставнями, чтобы лучше сохранить incognito пріѣзжа-

го; въ зеленой, бархатной шубѣ, въ мѣховой шапкѣ и въ теплыхъ сапогахъ, онъ прохаживался по комнатѣ; полька служанка раздувала огонь въ каминѣ. Увидя Прадта, онъ улыбнулся и сказалъ: «я только что пріѣхалъ; ну что, здоровъ-ли гр. Станиславъ Потоцкій? вы, кажется, обо мнѣ безпокоились? Вздоръ, пустяки, у меня еще 120 тысячъ подъ ружьемъ, скоро я опять еще приведу сюда 300,000, а теперь мнѣ надобно быть на тронѣ, а не на конѣ; я вездѣ билъ русскихъ, всѣ бѣды наши произошли отъ суровости климата ихъ.» Вскорѣ послѣ того онъ опять велѣлъ подавать смиренный свой экипажъ—и быстро началъ продолжать путь, чрезъ Германію во Францію; подъ чужимъ именемъ (Рейневаля, секретаря Коленкура, на имя котораго выданъ былъ паспортъ, подписанный маршаломъ Бертъе *).

Наполеонъ выѣхавъ изъ предѣловъ Россіи, и однимъ, самымъ главнымъ врагомъ ея, стало менѣе **). Безъ него уже самопроизвольно и беспорядочно бѣжали полузамерзлыя толпы неприятелей, смѣшавшись съ своими начальниками и устилая путь свой новыми

*) Мемуары Прадта, собранныя и изданныя Эмилень де с. Илеромъ.

***) Есть преданіе, что въ бумагахъ Наполеона найдена тетрадь съ географическими замѣтками, писанными имъ въ 1788 г.; послѣднія слова въ ней слѣдующія: *sante Elena petit île* (св. Елена есть небольшой островокъ). Еще замѣчательно то, что на памятникъ Наполеону (въ домѣ инвалидовъ, въ Парижѣ), мраморъ вывезенъ былъ изъ Финляндіи, нашей съ дозволенія Имп. Николая.

жертвами, новою повалкою тѣлъ. Впрочемъ и наши войска, особенно въ исходѣ ноября, на пути отъ Минска къ Вильнѣ, стали чувствовать жестокость зимы, не смотря на то, что солдаты наши, отчасти и офицеры, укутаны были въ полушубки, въ тулупы, въ валенки и въ мѣховыя шапки *). Отъ тяжести одежды имъ трудно было идти пѣшкомъ, да невозможно было и ѣхать, сидѣть безъ движенія отъ сильнаго мороза (около 30 град.); отъ этой напряженной жизни многіе заболѣвали, у нѣкоторыхъ же отморожены были какія нибудь части тѣла. Лошади у русскихъ также терпѣли крайнюю нужду: сѣна для нихъ не было, изъ овса же, возимаго на пушкахъ, давали имъ скудную долю; они жевали бессочную солому; къ тому же ихъ часто надобно было перековывать. Вплоть до Вильно всѣ селенія были мертвенно пусты: къ нимъ медленно приближалась главная наша армія. У самой Вильно, по обѣимъ сторонамъ дороги, какъ складенные костры, въ видѣ заборовъ, навалены были непріятельскіе трупы. Между тѣмъ какъ гр. Витгенштейнъ и адмиралъ Чигачовъ по пятамъ гнали французовъ, фельдмаршалъ расположился на кантониръ-квартиры около Вильно, гдѣ спѣшно занимались уборкою мертвыхъ тѣлъ, людскихъ и конскихъ и вообще чисткою города, въ ожиданіи прибытія туда Государя.

Вильно, послѣ перехода чрезъ нее бѣгущихъ непріятельскихъ войскъ, была въ безобразномъ состояніи; сперва тамъ появился Ней, за нимъ спѣшили другіе

*) Записки артиллериста, изд. 1835 года.

маршалы и принцы, съ какими то странными футлярами на лицахъ, отъ мороза, сдѣланными изъ чего попало; между ними былъ и Мюратъ, съ толстою суковатою палкою въ рукахъ, обернутый пестрою шалью; онъ отличался отъ всѣхъ своими странными ужимками и движеніями; защищаясь отъ мороза, онъ то подпрыгивалъ, то подвистывалъ, топя ногами, какъ будто въ потѣшномъ карнавалѣ *). Непріатели остановились было отдохнуть въ этомъ городѣ, уцѣлѣвшемъ отъ огня и расхищенія, какъ вдругъ (27 нояб.), раздались тамъ восклицанія: «русскіе идутъ, казаки!» Въ тревогѣ и смятеніи непріатели бросились бѣжать. Первые изъ русскихъ быстро вступили въ городъ: полковникъ Теттенборнъ и ген. поручикъ Кутузовъ; тутъ то началась суматоха.... Жидки, предшествуя русскимъ, указывали имъ на спрятавшихся кое гдѣ французовъ, выгоняли ихъ изъ ихъ убѣжищъ и натыкали ихъ на пики казаковъ. Вотъ какъ измѣнчива судьба людей! Побѣдители свѣта жалобно просили помилованія у жидовъ, которыхъ они такъ глубоко презирали. За городомъ произошло небольшое сраженіе, но Бертье не могъ собрать своего отряда, который раздѣлился на кучки, и скоро самъ побѣжалъ за испуганными бѣглецами. Въ Вильно русскіе получили большую добычу, которой ловко поживились и жида; при томъ тамъ множество взято было въ плѣнъ высшихъ и низшихъ непріятельскихъ чиновъ.

*) Справедливая повѣсть о войнахъ Бонапарта, сочиненная въ утѣшеніе нѣмецкому народу, перев. съ нѣм. яз. Ал. Шишковымъ, 1811 года.

5 декабря, въ 2 часа по полудни, вступила въ Вильно и гвардія наша, подъ предводительствомъ Цесаревича, Константина Павловича; она вошла въ городъ съ музыкою и проходила церемоніальнымъ маршемъ мимо фельдмаршала. Отовсюду раздавалось громкое ура! Стеченіе народа затопило всѣ улицы, чрезъ которыя проходили войска; вечеромъ въ тамошнемъ театрѣ данъ былъ спектакль, въ которомъ представлена была опера: Добрый панъ. Въ заключеніе спектакля, въ присутствіи главнокомандующаго, жители города торжественно изъявляли благодарность свою къ полководцу, избавившему ихъ отъ враговъ: въ театрѣ выставлена была прозрачная картина, съ изображеніемъ фельдмаршала и съ надписью: Избавителю отечества; надъ этимъ изображеніемъ видѣнъ былъ парящій орелъ, державшій вензелевое имя Александра. При этой сценѣ пѣты были привѣтственные стихи побѣдоносному русскому воинству *).

10 дек. получено было въ Вильнѣ извѣстіе, что Государь находится уже недалеко отъ нея, въ 70 верстахъ, у мѣстечка Михалишекъ; тамъ встрѣченъ онъ былъ инспекторомъ почтъ, Доливо-Добровольскимъ, а на послѣдней станціи, въ деревнѣ Язвѣ, полковникомъ Чернозубовыхъ съ козачьимъ полкомъ и виленскимъ Еврейскимъ обществомъ съ хлѣбомъ и солью, поднесеннымъ ему старшиною общества, Рубинштейномъ. При въѣздѣ Государя въ городъ, встрѣтили его генералы:

*) Такъ разъ Польша бендзе щенслива! кричали тогда Поляки. А что было незадолго предъ этимъ!...

Ставраковъ и Эртель, а у дворца—фельдмаршалъ со всѣмъ генералитетомъ *). Это дѣло было вечеромъ, въ 5-мъ ч.; во всемъ городѣ вспыхнула яркая иллюминація. Наступилъ день рожденія Александра (12 дек.); **) поутру онъ былъ въ вахтъ-парадѣ, возвратясь же во дворецъ, принималъ поздравленія отъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ; во время шествія его въ церковь, къ литургіи, передъ дворцомъ стояло виленское общество съ городскими значками, при наклоненіи которыхъ, во время появленія Государя, граждане оглушительно кричали ура!... Обѣденный столъ имѣлъ Государь у фельдмаршала (которому въ этотъ день пожалованъ былъ орденъ св. Георгія 1-го класса, большаго креста); въ продолженіи стола стрѣляли изъ отнятыхъ у неприятелей пушекъ, ихъ же порохомъ. Вечеромъ общее торжество ознаменовано было постав-

*) Губернаторомъ въ Вильнѣ, 1812 г., былъ генер. отъ инф. Римскій-Корсаковъ.

**) День рожденія Александра I-го, по календарю новаго стила, бываетъ 25-го дек., въ самый праздникъ Рождества Христова; по этому въ Лондонѣ сочинены были стихи:

Le jour de Noël 1812.

Le jour, où pour nôtre bonheur
Dieu pour nous daigna descendre,
On celebra un second Sauveur,
Et c'est l'empereur Alexandre.

Т. е. Въ день, въ который Богъ благоволилъ приняти въ міръ, для нашего спасенія, праздновали роженіе втораго избавителя, Имп. Александра.

Разсказы изъ отечеств. войны.

леннымъ у ратуши блистательно разсвѣщеннымъ транспарантомъ, съ изображеніемъ Минервы, стоящей на седьмиглавомъ змѣѣ, и изгоняющей враговъ Россіи. Въ театрѣ была другая прозрачная картина, представлявшая Государя, окруженнаго народомъ его, съ изъясненіемъ восторга, за избавленіе отечества отъ враговъ.

Ровно чрезъ полгода Государь прибылъ въ Вильну; но сколько роковыхъ событій прошло въ теченіе этого времени—и вотъ опять поляки кричатъ ему: падамъ до ногъ. Нѣкоторые энтузіасты-патріоты, наэлектризованные прокламаціями Наполеона, опасаясь мщенія русскихъ, бѣжали за мнимыми избавителями своими, французами, въ Варшаву; но манифестъ Императора Александра, изданный 12 дек. о всепрощеніи, побудилъ многихъ изъ нихъ воротиться въ свое отечество.

Дек. 15, вся Бѣлостокская область занята была уже русскими войсками; въ этотъ день французы, находившіеся въ Россіи 6 мѣсяцевъ и 3 дня (съ 12 іюня), были совершенно изгнаны изъ предѣловъ ея.

Исполнилось царское слово: наше оружіе не было положено до тѣхъ поръ, пока враги пребывали въ русской землѣ; въ ней остались только плѣнные, убѣдительно просившіеся въ нашу службу, да космополиты иностранцы, пришедшіе въ нее съ бѣдными котомками, которымъ тепло и въ самыхъ сѣверныхъ окрестностяхъ Россіи; потомки ихъ, съ новымъ наплывомъ земляковъ своихъ, благоденствуютъ у насъ и донныѣ...

На дальнѣйшемъ походѣ русской арміи къ границѣ, въ преслѣдованіи непріятелей, воины наши слышали отъ жидовъ рассказы объ вѣроломствѣ литовскихъ жителей, а именно: какъ они, при началѣ компаніи, при появленіи въ ихъ страну французовъ, напали на наши обозы, оставляемые съ слабыми прикрытіями, убивали больныхъ и въ мѣстечкѣ Ойшишкахъ захватили команду егерей съ офицеромъ *). Когда случалось отрядамъ русской арміи останавливаться, для квартированія, въ фольваркахъ, у помѣщиковъ, они принимали ихъ какъ виноватые, съ видомъ раскаянія и покорности; паня (хозяйки) радушно угощали ихъ, а цуречки (дочки) ихъ, кокетливымъ обхожденіемъ своимъ и подслащенными улыбками, вторили своихъ добродзеемъ, Почти въ каждомъ домѣ ихъ находились портреты Наполеона, въ нѣкоторыхъ же домахъ они были завшаны. Изъ Гродно шляхта, съ приближеніемъ русскихъ, также откочевала въ Варшаву; городъ былъ пустъ; его прежде всѣхъ занялъ партизанъ Давыдовъ, съ неутомимымъ, летучимъ отрядомъ своимъ. Старинный тамошній дворецъ былъ превращенъ въ госпиталь, въ которомъ помѣщалось нѣсколько тысячъ больныхъ-раненыхъ непріятелей. Въ русской церкви находился фуражный магазинъ; тамъ едва виднѣлись лики Святыхъ, изъ за насыпей овса и настилки сѣна; въ провіантскомъ магазинѣ найдено было нѣсколько тысячъ порцій бѣлыхъ сухарей, которые розданы были

*) Зап. артиллериста, 1835 года.

нашимъ солдатамъ. Эти сухари имѣли форму небольшихъ кирпичиковъ; они были прѣсны и потому не понравились русскимъ, въ сравненіи съ своимъ чернымъ и кислымъ землякомъ-хлѣбомъ: «Что въ нихъ толку-то», говорили они, «только что горло оцарапаешь ими». Услужливые спекуляторы, большею частію жидаы, въ ожиданіи русскихъ, открыли въ Гродно нѣсколько цукернъ (кондитерскихъ) и обержей (рестораций), въ которыхъ приготовлены были для нихъ разныя кушанья польской стряпни: недосоль, пересоль, недоваръ и переваръ приправяемъ былъ юркими и услужливыми полько-жидовками, ихъ привѣтствіями, улыбочивою ихъ многообщающихъ взоровъ и заискивающихъ граціозно-кошачьихъ движеній. Не совсѣмъ долюбивая русскихъ, они страстно любили (да и теперь любятъ) карбованцы, серебряные рубли ихъ.

Для солдатъ нашихъ было тамъ своего рода угощеніе: для нихъ открыты были шинки и корчмы, въ которыхъ жидовки, подобно древнимъ пифіямъ, сидя предъ жаровнями, пекли и жарили разныя мучныя снадобья, а суетливые и низкопоклонные жидаы за безцѣнокъ скупали у солдатъ цѣнныя вещи. Чтобы взойти болѣе въ довѣренность къ нимъ, нѣкоторые изъ жидковъ, съ таинственнымъ видомъ, шептали солдатамъ: «кавалеры, а вѣдь я зе перекрещенець, вѣдь я зе—вашей вѣры;*) на что наши смѣтливые солдатки отвѣчали: «такъ чтожь, тѣмъ хуже, конь леченый, да жидъ крещеный—никуда не годятся.

*) Преданіе ополченца того времени.

Такъ славно и побѣдоносно дошли наши воины до границы; незадолго до вступленія ихъ въ варшавское герцогство, Кутузовъ издалъ имъ приказъ, въ которомъ называлъ ихъ спасителями отечества: «Россія привѣтствуетъ васъ этимъ именемъ», писалъ онъ, «не было еще примѣра столь блистательныхъ побѣдъ. Не останавливаясь среди геройскихъ подвиговъ, мы идемъ теперь далѣе, перейдемъ границы и потщимся довершить пораженіе непріятели на собственныхъ поляхъ его. Но не послѣдуйте примѣру враговъ вашихъ, въ ихъ буйствѣ и неистовствахъ, унижающихъ солдата. Будемъ великодушны, положимъ различіе между врагомъ и мирнымъ жителемъ. Не порабощенія ихъ и суетной славы желаемъ мы, но ищемъ освободить отъ бѣдствій и угнетеній даже самые тѣ народы, которые вооружились противъ Россіи; мы идемъ доставить миръ Европѣ*).

Этотъ приказъ изданъ былъ на рубежѣ двухъ годовъ: кончающагося 1812 и возраждающагося 1813 г.

1-го генваря, наступившаго новаго года, подъ личнымъ предводительствомъ Государя и фельдмаршала, русскія войска съ торжественною музыкою и восторженнымъ крикомъ: ура!.. перенесли оружіе и знамена свои чрезъ границу; эти знамена, какъ хоругви спасенія всей Европы, развились и заколыхались сперва за р. Нѣманомъ, а послѣ далѣе и далѣе—до самаго Парижа.

*) Съверя. почта, 1813 года.

Глава VI.

Баррикатуры на бѣгство непріятелей.

Въ дополненіе къ эпиграммамъ и сатирамъ на Французовъ, представляю описаніе каррикатуръ на нихъ; они также характеризуютъ эту войну, особенно отступленіе непріятелей изъ Россіи и даютъ понятіе о юмористикѣ того времени. Замысловатыхъ каррикатуръ на бѣгство французовъ было довольно въ Англіи и въ Германіи, особенно въ Берлинѣ; тамъ они перешли на салфетки, на ковры, на платки и на дамскія шали; тамъ могли видѣть этотъ эпизодъ въ живописи на спинѣ и на плечахъ женщинъ. У насъ въ Россіи, болѣе въ Москвѣ, на Спаскомъ мосту, у Казанскаго собора и въ квасномъ ряду, (кромѣ нѣкоторыхъ помянутыхъ) продавалось множество разнообразныхъ каррикатуръ, такъ называемыхъ лубочныхъ, размазанныхъ сурикомъ и вохрою; между ними находились и гравированныя, историческаго, фантастическаго и аллегорическаго содержанія. Въ настоящее время они представляютъ большую рѣдкость; по случаю какого нибудь праздника или торжества, они на большихъ улицахъ транспарантами и щитами висѣли на окнахъ домовъ и воротахъ. Всѣхъ ихъ было болѣе пятидесяти; представляю самыя курьезныя изъ нихъ, ярко раскрашенныя:

Французскіе генералы, въ истасканныхъ мундирахъ съ соломенными эполетами и съ шитьемъ изъ мочалы; исподнее платье на нихъ было: одна половина изъ парчи, а другая изъ дыряваго холста. Они представлены были танцующими, съ кислыми гримасами, подъ барабанный бой самаго Наполеона.—Бѣгущій Наполеонъ, въ видѣ коршуна, преслѣдуемаго орломъ, съ подписью: Въ 1812 г. отецъ и сынъ научились бѣгать. (Сынъ его въ то время былъ еще малолѣтень). Эта карриатура служила подвѣскомъ къ портрету Кутузова.—Наполеонъ представленъ былъ то Фараономъ, утопающемъ въ Черномъ морѣ, то верхомъ на ракѣ, пятащемся назадъ, съ надписью: *Avanz* (впередъ). То изображенъ онъ былъ бѣдущимъ на своихъ генералахъ, съ подписью: Изъ знатныхъ воровъ бѣевъ надѣлалъ конюховъ.—Осада французами русской бани,—крестьянскія бабы, вилами подымающія тощихъ французовъ.—Изгнаніе изъ Москвы съ кузнецкаго моста французскихъ торговыхъ.—Наполеонъ съ маршалами своими выжигаетъ въ Москвѣ золото и серебро изъ церковныхъ ризъ. Французскіе мародеры, испугавшіеся козы.—Бѣгство Наполеона на лыжахъ.—Карантинъ для Наполеона, по возвращеніи его, изъ Россіи.—Ополченіе бабъ, идущихъ на французовъ съ вальками и ухватами.—Французы, бѣгущіе въ разныхъ маскарадныхъ костюмахъ.—Къ нимъ, кстати, вошла картина о томъ, какъ польскаго короля Попеля, мыши объѣли*). (Русскіе не добромъ вспо-

*) Вѣроятно эта картина подала мысль Нахимову написать свои саркастическіе стихи на смерть Попеля, которые оканчи-

минали поляковъ, которые неистовствовали въ Москвѣ болѣе французовъ).

Замѣчательнѣе по своей иден, по юмору и по исполненію каррикатуръ, съ подписями, были слѣдующія:

Представляется Наполеонъ, во весь духъ мчащійся въ дубочныхъ саняхъ, запряженныхъ въ клячу, мимо разбросанныхъ своихъ пушекъ, по смоленской дорогѣ; кучерь его, польскій уланъ и самъ онъ, привставъ, нещадно погоняють измученную клячу; сзади саней стоитъ Даву и Понятовскій, махая отмороженными руками; внизу подпись:

Бѣда! гони скорѣй съ грабителемъ Московскимъ,
Чтобъ въ сѣти не попасть съ Даву и съ Поня-
товскимъ.

Французъ, бросивъ свое оружіе и вышувъ изъ котла мертвую ворону, жадно рветъ ее зубами; по сторонамъ его стоятъ на колѣняхъ два товарища его, съ разинутыми ртами и просятъ у него знаками подѣлиться съ ними этимъ лакомымъ кушаньемъ:

Ворона, ахъ, ворона! Нельзя-ль хотъ ножку дать?
А мнѣ изъ котлика хотъ жижи полизать...

Бѣгущіе изъ Москвы французы, сторбленные, скорченные, съ самыми плачевными фізіономіями, маскарадно закостюмированные; впереди, высоко поднявъ ногу, маршируетъ начальникъ ихъ въ спальномъ жен-

ваются тамъ: «Какъ будто бы Король огарокъ свѣчки сальной.

скомъ чепцѣ; плечи его удрапированы лошадиной попоной:

Маршъ, маршъ! домой пора, довольно погостили,
Безъ носу, рукъ и ногъ домой насъ отпустили.

Между двумя мужиками, изъ которыхъ одинъ играетъ на дудкѣ, а другой замахивается кнутомъ на француза, послѣдній пляшетъ, выдѣлывая презабѣлывыя па; съ него сваливается киверъ:

Желаль насъ вышколить ты на свою погудку.
Анъ нѣтъ, не удалось, пляши подъ нашу дудку.

Французы, верхомъ на палочкахъ, на знаменахъ и на трубахъ своихъ, съ длинными натянутыми носами, вступаютъ во Францію:

Ликуй, о храбрый галль, встрѣчай насъ съ тор-
жествомъ,
Спустивъ все съ рукъ, снѣшимъ на палочкахъ
верхомъ.

Бонапартъ стоитъ величаво, осматривая новобранныхъ рекрутъ; предъ нимъ стоятъ на костыляхъ три плѣшивыхъ старика, а подлѣ ихъ двѣ сухопарыя лошади со впалыми боками; надъ головами ихъ развернутая хартія, на которой написано: отъ двухъ департаментовъ поставляются 3 рекрута и 2 лошади. Вдали катаются дѣти на телѣжкахъ, надъ ними надпись: волонтеры во французскую армію.

Не худо, славные конскрипты, галловъ честь.

А съ сколькихъ это душъ?—Послѣднее, что есть.

Надъ рѣкой высокая гора, съ арматурой; съ горы

скатываются французы вверх ногами, прямо въ рѣку;
за ними по горѣ катится оружіе ихъ.

Высоко влѣзъ мы и силою гордились,
Но вдругъ турнули насъ, на Эльбу мы спустились.

Бонапартъ стоитъ съ обнаженной саблею въ рукѣ
и съ угрожающимъ видомъ, предъ набраннымъ поль-
скимъ ополченіемъ, въ разнообразной одеждѣ, съ пла-
чевными физіономіями.

Цыць, цыць, негодный ляхъ, гни спину и молчи,
И также, какъ другой, въ рядахъ моихъ торчи.

Колесница, съ сидящей на ней фортуной, рьяные
кони шибко мчатъ ее; козакъ, сидящій на козлахъ,
погоняетъ ихъ, другой скачетъ за колесницей; по до-
рогѣ разбросанное оружіе французовъ, зарядные ящи-
ки и пр.

Счастье за галломъ, уставъ брестъ пѣшкомъ,
Рѣшилось въ станъ русской скакать съ казакомъ.

Представлено вертящееся колесо, съ котораго сле-
таютъ разные доспѣхи французовъ: оружіе, знамена,
ордена, труба славы и пр. Колесо окружено толпою
французовъ, съ воздѣтыми, отъ отчаянія, къ верху
руками.

Мечты и суеты войны, чины, перуны—
Слетѣли съ колеса капризные фортуны....

Еще представленъ былъ одноглавый французскій
орелъ съ повислыми крыльями и хвостомъ, низко ле-
тающій, съ надписью:

Куда ты, птица однобока,
Такъ низко надъ землею летишь,
Хвостомъ виляя, какъ сорока,
И крыльями песокъ чертишь?

Между историческими и аллегорическими картинами
замѣчательны: Возрождающаяся Москва и колес-
ница, мчащаяся на быстрыхъ коняхъ; ею управляютъ
геніи; на колесницѣ стоитъ Александръ. Миневра вѣн-
чаетъ его лаврами, подъ колесами лежитъ чудовище,
уже безглавое; у колесницы окованная Европа, пред-
ставленная въ видѣ женщины; донской казакъ снима-
етъ съ нея цѣпи—вверху летитъ слава съ трубой и
развиваетъ знамя съ надписью:

Ты чудо изъ чудесъ надъ солнцемъ совершилъ:
Ты міру цѣлому свободу возвратилъ.

Кромѣ всего вышеписаннаго на ту эпоху сочинены
были разныя театральныя и музыкальныя піесы *),
марши, ораторіи и выбиты медали. Въ уцѣлѣвшемъ
апраксинскомъ домѣ (близъ арбатскихъ воротъ), по
выступленіи непріятелей изъ Москвы, устроенъ былъ те-
атръ и въ немъ, кромѣ патріотическихъ піесъ: Празд-
никъ донскихъ казаковъ, Освобожденіе Смо-
ленска, Семейство старичковъ, Вѣсти или уби-
тый и живой (Растопчина) и пр. пр. представляли
балетъ; Казакъ въ Лондонѣ, или дань муже-

*) Нѣкоторыя литературныя произведенія того времени при-
ложены въ концѣ этой книги.

ству и давали различные концерты, между которыми особенно замѣчательнѣ былъ, по обстановкѣ своей и идеи, концертъ съ участіемъ театральнѣхъ и полковѣхъ музыкантовѣ, подѣ названіемъ: твердость и случай (аллегорическая кантата); онѣ начинался маршемъ русской арміи, музыка изображала сраженіе, молитву и торжество побѣды. Между пѣснями, пѣтыми въ концертахѣ, публикѣ особенно нравились пѣсни, соотвѣтственныя тому времени: Миновалась зла година, станемъ, братцы, гарцевать; За горами, за долами; Ъхаль казакъ за Дунай (муз. Каваса, слова Кн. Шаховскаго *) и пѣснь донскому воинству: (соч. Шатрова) Грянулъ внезапно громъ надѣ Москвою.

Восторженныя панегирики и привѣтствія Александру изображались разными проявленіями не въ одной литературѣ и не въ одной Россіи, особенно въ слѣдующихъ годахъ (съ 1812—1815). Такъ, во время Вѣнскаго конгресса, знаменитый скульпторъ, Капова, въ честь его изваялъ колоссальную статую, представляющую миръ; Ваттенштейнъ, въ память союза трехъ державъ, вырѣзалъ медаль и поднесъ ее Александру; на передней сторонѣ ея представлена была часть земнаго шара, съ подписью Еигора, а на ней изображенія императоровъ: русскаго, австрійскаго и прусскаго короля верхами; надѣ ними паритъ слава, вѣнчая ихъ лаврами; въ отрѣзѣ латинская надпись (взя-

*) Эта пѣснь переведена на нѣмецкій языкъ Крамеромъ.

тая изъ псалма): Вами Богъ просвѣтитъ тѣмю мою; на оборотѣ медали появляющееся изъ за облаковъ, озаренное сіяніемъ, око (въ треугольникѣ), по угламъ котораго находятся короны трехъ означенныхъ державъ, связуемые между собою узломъ. Вѣнская академія поднесла Александру дипломъ, на званіе почетнаго своего члена.

Къ 18-му окт. имп. австрійская сама вышила знамя для полка, шефомъ котораго былъ Александръ, съ словами: Александра и Франца соединяетъ неразрывный союзъ; внизу два вѣнца, въ одномъ изображено 18-го окт., въ другомъ Maria Lodovica*). Къ 12-му декабрю одинъ нѣмецкій бюргеръ выучилъ скворца произносить: вивать Александръ! и, въ отсутствіе Государя, отнесъ того скворца въ

*) 18-го окт. 1814 г. былъ роковой для Наполеона день Лейпцигской битвы; тогда въ Вѣнѣ нѣсколько лучшихъ художниковъ трудились надѣ картинами, изображавшими эту европейскую битву. Они избрали тотъ моментъ, когда Кн. Шварценбергъ, видя, что сраженіе склоняется въ пользу союзныхъ государей, прискакалъ къ нимъ съ поля битвы и объявилъ имъ эту радость. Союзные монархи сошли съ лошадей, положили шляпы и шпаги на землю, и, ставъ на колѣна, воскликнули: Съ нами Богъ! Всѣ присутствовавшіе въ свѣтъ ихъ генералы послѣдовали ихъ примѣру. Австрійскій императоръ сказалъ тогда: теперь судьба Европы рѣшена въ ея пользу! и, снявъ съ себя орденъ, надѣлъ его на Шварценберга. Послѣ этого: вмгъ раздались по всей арміи восклицанія на разныхъ языкахъ: Съ нами Богъ! Съ нами Богъ!... Полное собраніе анекдотовъ изъ отечественной войны, изд. 1815 г.

кабинетъ его и помѣстилъ тамъ въ скрытомъ мѣстѣ; когда Александръ, возвратясь домой, вошелъ въ кабинетъ, скворецъ произнесъ свое восклицаніе. Государь удивился и приказалъ своему камердинеру осмотрѣть комнату; камердинеръ отвѣчалъ, что кромѣ птицы тамъ никого нѣтъ; тогда Александръ понялъ, въ чемъ дѣло, и за этотъ сюрпризъ назначилъ бюргеру пенсію въ 300 флориновъ въ годъ *).

Замѣчательны были два исчисленія, сдѣланныя въ то время директоромъ саратовскихъ училищъ, Шестаковымъ; первое состояло въ изрѣченіи: И посла мірови Ангела кротости; если его привести въ цифры, по славянскимъ числамъ, т. е. вмѣсто буквы и взять 8, в.м. л—80, в.м. о—70 и т. д., то сумма чиселъ, означающихъ каждую букву въ томъ изрѣченіи, составитъ сумму 1777-ю, годъ рожденія Александра. Второе исчисленіе состоитъ въ томъ, что если число 1777-е и 24-е (дек., день рожденія Государя по нов. стилю) сложить, то выдетъ сумма 1801. Это годъ вступленія на престолъ Государя. Тогда многіе дивились догадкѣ и находчивости Шестакова и почитали эти числа мнозначительными, знаменательными.

Въ заключеніе представляю русскій алфавитъ⁶

*) Моск. Вѣдом. 1815 г.—Самая роскошная и торжественная овація (хотя заочная) была Имп. Александру въ Москвѣ, въ 1814 г. 19-го мая, по случаю взятія Парижа союзными войсками; для этого сочиненъ и представленъ былъ прологъ, подъ названіемъ: Хра м ъ б е з с м е р т ѣ я (въ домѣ Полтавцаго, у калужскихъ воротъ).

написанный, въ честь Александра, по окончаніи отечественной войны:

Александръ—Благословенный,—Высокою—Генія—
Державы—Европейскія—Жестокихъ—Золь—Изва-
вившій,—Короны—Лишившій—Мучителя—Наполе-
она,—Оградившій,—Предѣлы—Россіи—Союзами—
Твердыни,—Увѣнчавшій—Франціи—Христіанинѣй-
шихъ—Царей—Честію,—Шествуетъ,—Щастіе—
Югу—Явивъ.

Глава VII.

Избранныя патриотическія и юмористическія стихотворенія и пѣсни того времени *).

ПѢСНЬ

НА ПОРАЖЕНІЕ ГАЛЛЬСКАГО ФАРАОНА.

Возстани свыше вдохновенный,
Вознесшій гимнами Сіонъ!
Реки, вѣщай, греми вселенной:
Погибнуть Галловъ Фараонъ!
Гдѣ гордость Западнаго змія?
Ликуй и радуйся Россія!
Въ тебѣ прославился Господь:
Пресѣкъ Благій твои печали—
И конь и всадникъ купно пали!
И хищнымъ птицамъ въ снѣдь ихъ плоть!
Господь, Заступникъ, Покровитель,
Израиль новый паки спасъ;
Вотще врагъ Вожій—всегубитель,
Россію варварствомъ потрясъ!
Неся убійства предъ собою.
Онъ мнилъ повелѣвать судьбою,
Рязѣять Россовъ, яко прахъ!
Но, *Боже! кто Тебѣ подобенъ?*
Воззрѣлъ—и хищникъ инороденъ
Блуждаетъ въ адскихъ глубинахъ! и. т. д.

А. Уриваевъ.

*) Не въ отношеніи поэзіи, а чувствъ русскаго народа.

ПѢСНЬ

НА ОСВОБОЖДЕНІЕ ЦАРСТВУЮЩАГО ГРАДА МОСКВЫ, ОКТЯБРИ
11 дня, 1812 года.

Не въ чистомъ полѣ, не въ пустой степи,
Не въ темномъ лѣсу, не въ сыромъ бору,
Да не пташечки, не касаточки
Вкругъ тепла гнѣзда увивались;
А слетались Орлы Сѣверны
И сажались вкругъ каменной Москвы,
Вкругъ сердечушка Царства Русскаго.
Они думали крѣпку думушку—
Думу крѣпкую, пригорюнившись:
Да когда жъ было на святой Руси,
На святой Руси, въ каменной Москвѣ,
Храмы Божіи златоглавы
Опустѣли всѣ—службы нѣту въ нихъ?
Не видать въ Москвѣ силы Русскія,
Въ свѣтлыхъ теремахъ красныхъ дѣвушекъ,
Не видать по Москвѣ золотыхъ каретъ,
Не слышать совсѣмъ шуму градскаго?
Только видно лишь красно зарево,
Тучи мрачныя дыму чернаго;
Только слышны тамъ: плачь, да стонъ, да трескъ,
Вздохи тяжкіе, вопли смертные!

Вотъ воскликнули могучи Орлы:
Не прогнѣвался-ль православный Царь?
Не губить ли Онъ каменну Москву?
Да не быть тому, не бывать во вѣкъ,
Чтобы батюшка православный Царь

Такъ прогнѣвался на дѣтей своихъ;
 И не слыхано, и не видано,
 Чтобы *кроткой Царь* крѣпко гнѣвался.
 Чтобы *нашъ Отецъ* такъ каралъ дѣтей!
 Видно *матушку* каменну Москву
 Разорилъ злодѣй, *неприятель* нашъ,
 Неприятель нашъ—*Бонапартъ* *лихой!*
 Да и чтожь ему сдѣлалъ Рѣсской Царь?
 Никому нашъ Царь не завидовалъ,
 И на Царства Онъ не ходилъ войной;
 Всѣхъ Царей чужихъ Онъ за братьевъ чтетъ,
 Любитъ подданныхъ, какъ отецъ дѣтей.
 Видно *варвару* много надобно,
 Видно *извергу* не вмѣстимъ весь свѣтъ!
 Бога Вышняго *онъ* совсѣмъ забылъ,
 Православнымъ всѣмъ *онъ* присяжной врагъ.

Ужь какъ слышно намъ: *Бонапартъ* *злой*
 Не однихъ *скворцовъ* на Москву пустилъ;
 А привелъ *онъ* съ собой и *гусей* и *грачей*,
 И *чижей* и *синицъ*, *воробьевъ*, *журавлей*,
 И *сорокъ* и *воронъ*, *коршунъ* и *сычей*,
Вислоухихъ совъ и *ночныхъ филиновъ*,
 Да и тѣхъ дураковъ—*полевыхъ дудаковъ*...
 Такъ возможно ли могучимъ Орламъ,
 Могучимъ Орламъ, *Орламъ Сѣвернымъ*,
 Таковую *дрань* на себя пустить?
 Слово молвлено—дѣло сдѣлано.

Не густой туманъ подымается,
 Не черны тучи собираются;
 Не дѣса шумять, не моря кипятъ,
 Поднялись Орлы, *Орлы Сѣверны*
 На безчисленны стада *мелкихъ птицъ*:

Гдѣ *Орелъ* махнетъ—лежитъ стадо птицъ;
 А гдѣ два и три—тамъ и *смѣты нѣтъ!*
 Какъ поднялся крикъ да отъ *мелкихъ птицъ*:
Бонапартъ *злой*! ты *ушатый сынъ!*
 Ажно межъ Орловъ ты *летуча мышь!*
 Да зачѣмъ ты насъ *мелкихъ пташечекъ*
 Ты завелъ въ Москву на *святую Русь?*
 Поднялись стада и грачей и сорокъ,
 Полетѣли стада куда Богъ унеси!
 Неоглядкой летять, темны ночи не спять,
 Не садятся стада покормиться въ лугахъ;
 Межъ собою стада перешептываютъ:
 Вотъ такая-то честь *намъ незванымъ гостямъ!*
 Будь проклять ты отъ насъ врагъ *оципанной сынъ!*
 Не изъ рода Орловъ—*Корсиканской пѣтухъ!*
 Осрамилъ ты насъ всѣхъ *мелкихъ пташечекъ*,
 Разорилъ, поморилъ, побираться пустилъ;
 Впередъ будемъ умнѣй, не обманешь ужъ насъ!
 Да и кто же видалъ, да и кто же слыхалъ,
 Чтобъ *ободранной сынъ* могъ сразиться съ Орломъ?
Орелъ *всѣмъ птицамъ Царь*, *всему свѣту судья!*...
 А *оципанной сынъ* всему свѣту—на смѣхъ!

Степанъ Юшковъ.

26 ноября 1812 года.

Бѣлгородъ.

Русская пѣснь

во время занятія Москвы неприятелями.

Гдѣ ты, матушка, бѣлокаменна,
 Москва красная, златоглавая,
 Царства Русскаго дщерь любимая,
 Милой родины коренной удѣль,

Царя блага самопервый градъ,
Трудолюбія мать заботлива,
Древней старости слава вѣчная?

*

Гдѣ краса твоя?... гдѣ величіе?
Облаковъ главой ты касалася,
И молвой людской возносила
Чѣмъ гордились православныя,
Дѣти вѣрныя, люди Русскіе.

*

Ахъ! въ тебѣ-ль, Москва, сердцу милая,
Цари Русскіе, православныя
Золотымъ вѣнцомъ увѣнчались?
Ахъ! въ тебѣ-ль клялись Богу вѣчному,
Насъ какъ чады любить, насъ отъ бѣды хранить?

*

О престольный градъ правовѣрныхъ всѣхъ!
Въ тебѣ юноши обучались
Свой законъ блюсти и Царямъ служить;
За Отечество, Вѣру Русскую,
Смерть наградой чтить, кровь ручьями лить.

*

Ахъ! въ тебѣ-ль, Москва величавая,
Красны дѣвицы воспитались.
Дѣти сирья, безпризорныя,
Царской милостью воскормились?
Стариковъ была гнѣздо теплое,
А убожества—мать кормилица!

*

Но гдѣ блескъ твоихъ лучей солнечныхъ?
Гдѣ глава твоя престарѣлая?
Ужъ не видимъ мы золотыхъ крестовъ,
Крыльца краснаго, славной площади,

Зданій пышныхъ, ни Кремлевскихъ стѣнъ,
Ни Князей, Бояръ, палатъ каменныхъ,
Ни купеческихъ свѣтлыхъ теремовъ,
Ни убогаго мирной хижины....

*

Ужъ не слышимъ мы колокольный звонъ;
Ахъ! не слышимъ мы пѣсней радостныхъ.
Пепель, смрадъ и страхъ, и развалины—
Вотъ что видится въ Москвѣ матушкѣ;
Вопли, стонъ, печаль—вотъ что слышится
Въ славномъ городѣ Царства Русскаго!

*

А Москва-рѣка.... обагрилася,
Не струей течетъ—но котломъ кипить,
Не мосты по ней... тѣла мертвыя,
Не суда плывутъ.... жертвы мщенія.

*

Чудо дивное, небывалое,
Во святой Руси совершилося:
Послѣ двухъ вѣковъ славы, счастья,
Страна Русская сокрушилася
Такъ какъ въ старь была, въ время слезное,
Во нашествіе злыхъ Литовскихъ силъ.

*

Сокрушилъ ее не *Сарматы* лихой,
Не *Отрепьевъ* злой, самозванный царь
Погубилъ ее врагъ неистовый,
Корсиканецъ злой, ада выродокъ.

*

Встань, Пожарскій Князь!... встань, Великій Мужъ,
Отъ глубока сна пробудись на часъ:
Смерти лютыя ты разрушишь власть.
Ахъ! взгляни на градъ, ты которой спасъ,

Посмотри Москву въ униженіи;
 Посмотри Славянъ, скорби преданныхъ!
 Сбрось свой саванъ бѣлъ, Вождь Россійскихъ силъ:
 Облекись въ броню ты нетлѣнную;
 Препоаясь, Князь! ты стальнымъ мечемъ,
 Въ праву длань возьми страшну палицу,
 И булатнымъ ты воружись копьемъ;
 Оградись щитомъ вѣры Русскія,
 Воструби въ трубу громогласную,
 Собери ты рать, рать могучую,
 Силу грозную, богатырскую;
 Воспали ты кровь храбрыхъ воиновъ,
 Ободри ты духъ Русскихъ юношей;
 Поведи полки исполинскіе
 На разбойника *Бонапартия*.

*

Тѣнь священная! устраши враговъ,
 Отомсти ты злымъ за Отечество,
 За престольный градъ, за Славянску кровь!
 Ты разсѣй во прахъ адски полчища,
 Сокруши врага нечестиваго;
 Защити еще Царство славное,
 Ты прославь, прославь Вѣру Русскую,
 Царя бѣлаго, храбро воинство!

А... Н...

Исповѣдь Наполеона французамъ.

(Русской переводъ хвастливыхъ Наполеоновыхъ бюллетеней или военныхъ известій).

Я винюся и признаюся,
 Что полки всѣ растерялъ
 И что въ торопяхъ я мчуся,
 Чтобъ въ просакъ самъ не попалъ!

*

Растерялъ я пушки, войски,
 Нѣтъ и конницы со мной;
 Но повѣрьте, что геройски
 Я походъ окончилъ мой.

*

Черезъ *Ньманъ* осторожно
 Тучи войска перевелъ:
 Говорили: *то безбожно!*
 Я смѣялся и летѣлъ.

*

Занялъ *Вильну*; за *Двиною*
 Очутился, какъ былъ тутъ;
 Я сказалъ: *и за Окою*
 Мнѣ вѣлки побѣды плетутъ!

*

Отъ *Двины* шагнулъ къ *Смоленску*,
 Сталъ смирише течь и *Днипро*;
 Много было шуму, треску:
 Но гдѣ я—тамъ все лишь вѣтры!

*

Скоро сказка говорится:
 Дѣло сдѣлалъ я скорѣй;
 Я шагнулъ... *Москва* мнѣ зрится!
 Ну, ребята! удалы!

*

Бородинская потѣха,
 Правда, жаркимъ днемъ была;
 Но французамъ что помѣха?
 Хмѣлемъ трусость ихъ прошла.

*

Страшенъ сталъ для насъ *Кутузовъ*,
 Я умѣлъ перехитрить:
 Весь мой сбродъ и всѣхъ французовъ
 Зельемъ я давай поить.

*

Будто листь передь травою,
Точно такъ и я, друзья!
Очутился подь Москвою:
Помутилась мысль моя!

*

Думаль: «Туть-то пиръ горою,
Голь мою туть разряжу;
«И владѣя надь *Москвою*,
«Всю *Россию* я свяжу.»

*

Но погудка мнѣ иная!
Растопчинъ такъ все смекнулъ,
Что пришла мнѣ доля злая:
Въ усъ съ досады я подулъ!

*

Кое-какъ пріосанился,
Голь мою чтобъ ободрить,
Въ разны замыслы пустился,
Началь все кутить, мутить.

*

Но *Тарутино* лихое
Стало новой западней;
Бородинска треску вдвое
Тише было мнѣ, но злѣй!

*

Какъ въ Москвѣ ни умудрялся,
Все я дѣлалъ не въ попадъ!
Чѣмъ пришелъ, скорѣй убрался:
Но и туть попалъ не въ ладъ...

Русскіе за мной бѣжали;
Я отъ нихъ давай бѣжать:
Такъ они меня прижали
Что не вѣдалъ, что начать.

*

Наконецъ разсудкомъ здоровымъ
Я въ *Парижѣ* направилъ бѣгъ;
И, чтобъ быть предъ вами правымъ,
Я одинъ летѣлъ на спѣхъ.

*

Ничего хотя съ собою
Къ вамъ, друзья! я не принесъ:
Все же правъ я!... надо мною
Русской подшутилъ морозъ.

~~~~~
Побѣгъ Наполеона Карловича изъ земли Русской.

Шутиливое стихотвореніе.

Чтобъ Бонапартьевску пѣть шайку,
Возьму нестройну балалайку:
Въ разладъ брягну по струнамъ,
Какъ стало тошно шалунамъ,
Когда Москву они златую,
Всѣхъ Русскихъ матушку родную,
Мечемъ ограбя и огнемъ,
И все поставя въ ней вверхъ дномъ,
Лишася хлѣба и бутылокъ,
Вернули нехотя затылокъ.

*

О *Карловичѣ Наполеонѣ!*
Разладной балалайки звонъ
Звенить дѣламъ твоимъ подобно!
Когда, затѣявъ дѣло злобно
Всю Русь святую осквернить
И насъ въ Камчатку всѣхъ забить,
Скажи: какъ, не спросяся броду,
Нырнулъ по шею въ мутну воду?
Какъ въ дуръ себя ты потопилъ?

И *Дон-Кихотъ* умнѣе былъ!
 Желая удалцомъ казаться,
 Во чтобъ ни стало—но подраться,
 На стадо онъ барановъ шель;
 А ты—сбродъ шутовской повель
 На бой, на рать съ богатырями!
 За то и доказалъ ногами,
 Чего не сдѣлалъ головой:
 Какъ заяцъ, уплелся домой.

*

Но за тобой помедлю гнаться,
 И ногъ проворству удивляться;
 Иной мнѣ подвигъ предлежитъ:
 Еще въ Москвѣ твой сбродъ стоитъ,
 Въ Москвѣ сей сбродъ... но уже страждетъ;
 Желудокъ пусть и горло жаждетъ.
 Ужъ свовочъ, хлѣбъ свой переѣвъ,
 Голодной смерти видя зѣвъ,
 Повсюду ропотъ начинается:
 «Нѣтъ хлѣба, пиво пропадаетъ;
 «Ужъ нѣтъ почти и душика *);
 «Придетъ невольная тоска!
 «Похлебки-бъ, калачей наѣлись;
 «Бѣда! всѣ галки разлетѣлись **).
 «Хорошъ же нашъ Наполеонъ!
 «Куда завестъ насъ вздумалъ онъ?
 «Ему вѣдь по колѣно море!
 «Мы терпимъ голодь, холодъ, горе,
 «А онъ, съ *Египетскимъ* страмцомъ,
 «Съ своимъ *Рюстаномъ* удалцомъ,
 «Коньякъ лишь въ кофе подливаетъ,

*) Такъ называли французы простое наше вино.

**) Въ этомъ увѣрили всѣ тѣ, которые оставались въ Москвѣ.

«И горе хмѣлемъ прогоняетъ..
 «Въ Москвѣ онъ рай намъ посулилъ,
 «А кажется—въ просакъ всадилъ.

*

Но чтожъ великій изъ великихъ
 Въ напастихъ дѣлаетъ толикихъ?
 Въ дворцѣ Кремлевскомъ онъ сидитъ,
 И въ мысляхъ—цѣлый свѣтъ вертитъ:
 «Ужъ я въ Москвѣ!» онъ восклицаетъ:
 «Во всемъ мнѣ счастье угождаетъ:
 «Оно за мной, какъ скороходъ,
 «Куда пойду, туда и мчитъся:
 «Французской вѣтренной народъ
 «Моей премудрости дивится;
 «Европа подъ моей пятой,
 «Россіи буду я главой!...
 «Тогда все кончу безъ помѣхи!
 «Потомъ, для рыцарской утѣхи,
 «Я сволочи моей махну,
 «И съ нею—въ Индію шагну!
 «Тамъ Англійскую спѣсь унижу,
 «И съ *Индіей Парижъ* такъ сблизу,
 «Какъ будто-бъ—нѣтъ совсѣмъ морей!
 «Бездѣлка быстротѣ моей
 «И въ Африку шагнуть оттолѣ;
 «Въ Америкѣ—въ моей быть волѣ.
 «Ужъ все, ужъ все придумалъ я:
 «И вся вселенная—моя!»

*

Въ такихъ пріятнѣйшихъ мечтаньяхъ
 И въ *Дон-Кихотскихъ* ожиданьяхъ
 Онъ кофе съ коньякомъ глотнулъ,
 И безъ вина ума буянство
 Есть тотъ же хмѣль, есть то же пьянство.

*

Заснул! вдруг вихорь заревълъ;
 Лѣса дремучи закачались,
 И воды бурно взволновались,
 И съ молніею громъ гремѣлъ,
 И вся была природа въ страхѣ!
 Въ такой ужасной передригѣ,
 Въ желѣзной ступѣ, съ помеломъ,
 Летитъ старушка вѣковая,
 Въ полетѣ вихрь перегоняя,
 Опережая быстрый громъ,
 Пестомъ клячонокъ погоняетъ
 И костяной ноги толчкомъ
 Еще имъ рыси прибавляетъ,
 А помеломъ слѣдъ заметаетъ.
 Вздрогнулъ во снѣ Наполеонъ!
 «Постой! задамъ тебѣ трезвонъ!»
 Старушка грозно возгласила:
 «Какая нечестъ осквернила
 «Святую Русь, старинный градъ?
 «Какой тутъ бусурманской чадъ?
 «Какъ на *Руси* не—*Русью* пахнетъ?
 «Но нечестъ скоро горько ахнетъ:
 «Вонъ, вонъ отсель нечистый духъ!
 «Ты здѣсь, Наполеонъ! самъ другъ
 «Съ своимъ любимцемъ закоптѣлымъ,
 «И съ нимъ однимъ ты улизнешь...
 «Съ *Рюстаномъ* ты оледенѣлымъ
 «Отъ сброда своего качнешь;
 «На мѣсто золота съ собою
 «Картофлей наберешь кой-какъ,
 «И быстро пустишься стрѣлою,
 «Услыша: *вонъ летитъ казакъ!*
 «Ты придурью такъ очадился,
 «Что съ цѣлой Русью въ споръ пустился!
 «Наглецъ!... ты вѣсти шлешь въ Парижъ»

«Что колдуномъ ты здѣсь проказишь,
 «Луной, звѣздами, солнцемъ правишь,
 «Зимѣ быть Русской запретишь.
 «Прогнавъ за тридесять земель,
 «Куда и самъ ты съ дурью мчишься.
 «Напрасно такъ, дружокъ! храбришься;
 «Какъ ракъ столкнешься ты на мель.
 «Смотри! Русакъ вонъ престарѣлой
 «Тамъ подъ Тарутинымъ засѣлъ;
 «Смотри! вѣдь онъ шутить не любитъ,
 «Въ военной только рогъ затрубитъ,
 «Ты, братъ, заплешешь *горюна*.
 «Ты мнилъ: *бирюлька вѣдь война*;
 «*Умлы собратъ лишь только шайки*,
 «*И грань наглѣ по-буянски*.
 «Постой же, удалой дружокъ.
 «Задасть тебѣ старикъ урокъ!»

*

Сказавъ, пестомъ вдругъ поновѣснымъ
 Старуха размахнувшись,—хлопъ
 Въ затѣливый и буйный лобъ;
 Въ добавокъ же еще чудеснымъ
 Ноги ударомъ костяной
 Со стула бухнула долой.
 Тутъ *Корсиканецъ* повалился
 Очнулся, вскрикнулъ, изумился,
 И, близъ *Рюстана* очутясь,
 Робѣя, злобствуя, бѣсясь,
 Вскричалъ: «Не ты ли, дерзновенный!
 «Самовластителя вселенной
 «Со стула на полъ повалилъ,
 «И чуть мнѣ лба не разкромилъ?...
 «Нѣтъ! нѣтъ! не ты, *Рюстанъ* мой милый!
 «Волшебницы какой-то силой
 «Такъ нагло опрокинуть я;

«Ну, данъ толчокъ мнѣ исполинской!
 «Хоть помutilась мысль моя,
 «Но помню, что въ странѣ Россійской
 «*Яга* есть баба межъ духовъ;
 «Объ ней *Левекъ* писалъ рассказы!
 «Но я дрожу отъ тумачковъ;
 «Мнѣ что-то очень стало страшно!
 «Нѣтъ! въ Индію идти опасно;
 «*Рюстанъ!* безъ всѣхъ обвиняковъ,
 «Напившись кофею съ коньякомъ,
 «Махнемъ къ спасенію головъ...
 «Пусть скажутъ, что поползъ я ракомъ;
 «Хоть *блгъ* безчестенъ, да здоровъ.
 «Поди-жь! и Маршаловъ скорѣе
 «Ты скликай изо-всѣхъ сторонъ;
 Я трушу—будь ты посмѣлѣе;
 «Скажи: *зоветъ Наполеонъ!*»

*

Съ поспѣшностью *Рюстанъ* уходитъ;
Великій пуце колобродитъ,
 Страшнѣе стало одному!
 Куда ни взглянетъ—все боязни,
 Все страхи грезятся ему!...
 Равно приговоренный къ казни,
 Преступникъ въ ужасѣ дрожить
 И мечъ, и смерть, и адъ ужъ зреть!
 Кто съ совѣстью своей въ разладѣ,
 Кто Бога правды позабылъ,
 Боятся тотъ живущихъ въ адѣ,
 Себя чертямъ тотъ подчинилъ.
 Давно *Наполеонъ* проказникъ,
 Другъ ада, сатаны согласникъ,
 И трусъ великой и хитрецъ,
 По картамъ, запершись, ворожить,
 Гадать кодовоко часто про ситъ;

Тогдажъ отважный онъ храбрець,
 Когда себя заслонить стражей,
 Когда толпа гвардейцевъ, пажей,
 Его какъ туча облежить:
 Онъ смѣлъ тогда, за тѣмъ—что скрытъ!

*

«Что приключилося со мною?»
Великій яростно гласить:
 «Чьей дерзкой сброшенъ я рукою,
 «И кто бѣдами мнѣ грозить?
 «Я съ Богомъ властію дѣлюся,
 «И никого я не боюся;
 «Однакожъ лобъ я такъ зашибъ,
 «Когда со стула повалился,
 «Что чуть совсѣмъ не позабылся:
 «Къ такимъ толчкамъ я не привыкъ.»

*

Межъ тѣмъ новопечатна стая
 Наполеоновскихъ чиновъ,
 Въ пути другъ друга обгоняя,
 Летитъ на властелинской зовъ.
 Тутъ Дюки, Маршалы различны,
 Давно къ затѣямъ хотъ привычны,
 Но въ нашу забредя Москву,
 Они во снѣ и на яву
 Скорѣй кой-какъ хотятъ убраться,
 Чтобы козакамъ не попасться!

*

Пришли: возсталъ *Наполеонъ*;
 Возсталъ, и громко возглашаетъ:
 «О вы, мой чтущіе законъ!
 «Кто всю вселенну удивляетъ,
 «Кто Герцоговъ и Королей
 «По волѣ жалуетъ своей:

«Тотъ въ Кремль васъ Русской созываетъ.
 «Россія наша! мѣрь весь знаетъ...
 «Вы Герцоги Московскихъ странъ;
 «Въ награду вамъ—весь Сѣверъ данъ;
 «По волю, мною вамъ врученной,
 «Россіей правьте и Москвой;
 «А я—чтобъ быть Царемъ вселенной,
 «Я долженъ поспѣшить домой.
 «Я кончилъ все; не выдавайте!
 «Россія ваша! управляйте!»

*

Всѣ Маршалы, остолбенѣвъ,
 Поглядываютъ другъ на друга;
 Въ волненіи, въ смятеніи духа,
 Ни слова вымолвить не смѣвъ,
 Стоять, какъ будто истуканы.
 Ней быстроногій, дерзкій, рьяный,
 Изъ *Богородска* прибѣжалъ,
 И, на пролетъ всю ночь не спавъ,
 Чуть можетъ на ногахъ держаться.
 Гвардейской генераль *Мортъе*
 Языкъ свой закусилъ зубами;
 И наконецъ хитрецъ *Бертъе*
 Рѣчь началъ хитрыми словами:
 «Великій изъ великихъ всѣхъ!
 «Твои дѣянья всѣ—успѣхъ!
 «Ты нашъ владыка, нашъ создатель;
 «Какъ мракъ ночной мы безъ тебя:
 «Нѣтъ! не лишай ты насъ себя!
 «Коль мы Россію побѣдили,
 «Не мы, не мы то учинили;
 «Твое всевѣдѣнье одно
 «Дѣла безсмертны совершаетъ,
 «Побѣдою повелѣваетъ;
 «Тебя въ управу все дано.

«Мы безъ тебя оцѣпенѣемъ;
 «Здѣсь быть—минуты не посмѣемъ;
 «Твоимъ мы движемся умомъ.
 «Ты насъ привелъ; ты выведешь можешь;
 «Шагнешь! Россію уничтожишь;
 «Куда велишь—туда пойдемъ!»

*

Сквозь лестъ и хитрости приправы
 Сметнулъ Наполеонъ лукавый,
 Что другъ его *Бертъе* хитритъ,
 И что нашла коса на камень.
 Властительскій сдержавъ свой пламень
 Онъ началъ просто говорить:
 «Вѣдь мы давно другъ друга знаемъ;
 «На что же намъ слова терять?
 «Друзья! намъ нечего зѣвать
 «И тагъ, оставя лишні лясы,
 «Скажу вамъ: *надо во своеси*
 «Кой-какъ отсюда поспѣшать.
 «Походъ мы въ *Индію* отложимъ,
 «А быстроту свою умножимъ,
 «Чтобъ быть въ *Парижъ* поскорѣй.
 «Приходить намъ не до затѣй!
 «Одѣньтесь-ка вы потеплѣе,
 «И чтобъ убраться повѣрнѣе,
 «Друзья! вотъ что придумалъ я:
 «*Особа будетъ гдѣ моя,*
 «*И вы туда все поспѣтайше;*
 «О войскъ же не помышляйте.
 «Какъ думать намъ о пустягахъ!
 «Мы только-бъ были на ногахъ:
 «Все-жъ прочее пустое дѣло.
 «Людей бросайте, пушки смѣло,
 «Не затрудняйтесь ни въ чемъ.
 «Когда себя мы сбережемъ,
 Разказы изъ отечеств. войны.

«Все будетъ! мы французовъ знаемъ;
«Вновь сбродъ и сволочь нахватаемъ!...
«И такъ, мы выступимъ—уйдемъ!»

*

Взоръ Маршаловъ всѣхъ прояснился;
Въ Кремль ихъ голосъ повторился:
«Мы за властителемъ своимъ
«Всѣ побѣдимъ, всѣ побѣдимъ!»

Село Ст арорусино.

СОЛДАТСКАЯ ПѢСНЬ.

Хоть Москва въ рукахъ французовъ,
Эго, право, не бѣда!—
Нашъ Фельдмаршалъ, князь Кутузовъ,
Ихъ на смерть впустилъ туда.

*

Вспомнимъ, братцы, что поляки
Встарь бывали также въ ней;
Но не жирны кулебяки—
Бли кошекъ и мышей.

*

Напоследокъ мертвячину,
Земляковъ пришлось имъ жрать,
А потомъ, предъ Русскимъ спину
Въ крюкъ по польски изгибать.

*

Свѣту цѣлому извѣстно,
Какъ платили мы долги;
И теперь получаютъ честно
За Москву платежъ враги.

*

Побывать въ столицѣ—слава,
Но умѣемъ мы отмщать:
Знаетъ крѣпко то *Варшава*,
И *Парижъ* то будетъ знать!

Ив. Ковалько.

ПѢСНЬ

къ Русскимъ воинамъ, написанная изъ Фанагорійскаго
Гренадерскаго полка солдатомъ, Никаноромъ Остафье-
вымъ, юля 5 дня, 1812.

Братцы! грудью послужите,
Гряньте бодро на врага,
И вселенной докажите,
Сколько Русь вамъ дорога!

Посмотрите, подступаетъ
Къ намъ соломенный народъ:
Бонапарте выпускаетъ
Разныхъ націй хилый сбродъ.
Не въ одной они всѣ вѣрѣ,
Съ принужденьемъ всѣ идутъ;
При чувствительной потерѣ
На него же нападутъ*).

Братцы! грудью послужите,
Гряньте бодро на врага!
И вселенной докажите,
Сколько Русь вамъ дорога.

Всѣмъ навѣрно далъ онъ слово,
Что далеко къ намъ зайдетъ;
Знаетъ, дома нездорово,
Дома также пропадетъ.
Мыслить: коль пришла невзгода,
Должно славу потерять,

*) Истина этихъ словъ сбылась въ 1813 году.

Такъ отъ Русскаго народа
Мнѣ и смерть честнѣй принять.

Братцы! грудью послужите,
Гряньте бодро на врага,
И вселенной докажите,
Сколько Русь вамъ дорога!

Вся Европа ожидаетъ
Сей погибели его,
Бонапарта почитаетъ
За злодѣя своего.
Ахъ! когда слухъ разнесется
Что отъ насъ сей врагъ исчезъ,
Слава Русскихъ вознесется
До превыспреннихъ небесъ.

Вологда.

СОЛДАТСКАЯ ПѢСНЬ.

Ночь темна была и не мѣсячна,
Рать скучна была и не радостна:
Всѣ солдатушки призадумались,
Призадумавшись, горько всплакивали.
Велико чудо совершилося:
У солдатъ слезы градомъ сыпались.
Не люта змѣя, кровожадная
Грудь сосала ихъ богатырскую,
Что тоска грызла ретивы сердца,
Ретивы сердца, молодецкія,
Не отцевъ родныхъ оплакивали
И не женъ молодыхъ и не дѣтушекъ,
Какъ оплакивали родимую,
Мать родимую, мать кормилицу,
Златоглавую Москву милую,
Разоренную Бонапартіемъ.

Тутъ какъ вдругъ они вострепенулися,
Словно вихрь—орлы взоръ окинули,
Во всѣ стороны и воскликнули
Всѣ въ одинъ голосъ, какъ въ злату трубу:
Молодцы братцы, удалы друзья,
Неизмѣнныя чада Руссїи!
Что дадимъ, братцы, клятву кровную,
Клятву кровную, задушевную,
Чтобъ не взвидѣть намъ и домовъ своихъ,
Ни отцевъ родныхъ, ни молодыхъ намъ женъ,
Малыхъ дѣтушекъ, роду—племени,
Ни самой души красной дѣвицы,
Не побивъ силы Бонапартовой,
Не отмстивъ врагу за родну Москву!
Отсѣчемъ ему мы возвратный путь,
И мы примемъ по старинному,
По старинному, по Суворовски;
Закричимъ: ура! и пойдемъ впередъ:
На штыкахъ пройдемъ силы вражія;
Перобьемъ мы ихъ, переколемъ всѣхъ.
Кто пятокъ убьетъ, кто десяточекъ,
А лютой боецъ до пятнадцати.
Не дадимъ, друзья! люта промаху;
Постараемся всѣ, ребяташки,
Чтобы самъ злодѣй на штыкѣ погибъ,
Чтобъ вся рать его здѣсь костями легла,
Ни одна-бъ душа иновѣрная
Не пришла назадъ въ свою сторону;
А народы всѣ матерой земли
Чтобъ повѣдали, каково идти
Со оружіемъ во святую Русь.
И тогда, братцы, крикнемъ: друзья!
Еще дай Боже сто лѣтъ царствовать
АЛЕКСАНДРУ Царю на бѣломъ свѣтѣ!

Николай Ильинъ.

АВАНГАРДНАЯ ПѢСНЬ,

СОЧИНЕНА ВО ВРЕМЯ КОМАНДОВАНІЯ АВАНГАРДОМЪ ГЛАВНОЙ
АРМІИ ГРАФОМЪ МИХАЙЛОМЪ АНДРЕЕВИЧЕМЪ МИЛОРАДОВИ-
ЧЕМЪ ВЪ БУНЦЛАУ, МАРТА 16-ГО, 1813 Г.

(На голосъ: Веселися въ чистомъ полѣ).

Скоро зовъ послышимъ къ бою
И пойдёмъ опять вперёдъ:
Милорадовичъ съ собою
Насъ къ побѣдамъ поведеть.

Надъ Дунайскими берегами
Слава дѣлъ его гремитъ;
Гдѣ ни встрѣтится съ врагами,
Вступитъ въ бой, враговъ разить.

Вязьма, Красный, Ней разбитый
Будутъ вѣкъ гремѣть у насъ;
Лавромъ мечъ его обвитый
Бухарестъ отъ бѣдствій спасъ.

Чтобъ летѣть въ огни, въ сраженья
И стяжать побѣдъ вѣнецъ,
Дай одно лишь мановенье,
Вождь полковъ и Вождь сердець!

Другъ солдатъ! служить съ тобою
Всѣ желаніемъ горять
И къ трудамъ готовясь, къ бою,
Общимъ гласомъ говорить:

Милорадовичъ гдѣ съ нами,
Лавръ повсюду тамъ цвѣтеть;
Съ вѣрой, съ нимъ, и со штыками
Русской строй весь міръ пройдетъ!

Въ главной квартирѣ
Русской арміи.

ХОРЪ

(для Польскаго)

НА НОВЫЙ 1813 ГОДЪ, НАЧАВШІЙСЯ ПОДЪ ЗВУКАМИ СЛАВЫ
ПОВѢДОНОСНЫХЪ РОССИАНЪ.

Обыедше обыдоша мя, и именемъ Господнимъ
противляхся имъ. Царь Давидъ.

Годъ преславный, возрожденный
Подъ вѣнцами Россіанъ!
Счастьемъ будь сопровождаемый
Громкихъ вѣрностью племянъ!

Хоръ вселенной, трубы славы,
Разносите похвалу
Генію-Царю Державы,
Самодержецу Орлы!

Протекая скоротечно,
Кончись годъ, какъ начался;
Возрождайся безконечно,
Какъ ты нынѣ родился.

Хоръ вселенной, трубы славы, и пр.

Отъ сарыни лютой, гладной,
Россъ очистилъ свой предѣлъ,
Вѣтръ унесъ и запахъ смрадной
На Секвану падшихъ тѣлъ.

Хоръ вселенной, трубы славы, и пр.

Чести онъ храня уставы,
Всю Европу превозмогъ:
Доказалъ на полѣ славы,
Что лишь Россъ... есть брани богъ.

Хоръ вселенной, трубы славы, и пр.

Чѣмъ тиранъ насытилъ душу?
Что пожалъ съ злодѣйскихъ нивъ?
Обагрѣ кровями сушу,
Паль... исчезъ, какъ злочестивъ!

Хоръ вселенной, трубы славы, и пр.

А тирану хвальны хоры
И трофеи отъ людей
Будь проклятiе и горы
Человѣческихъ костей!

Хоръ вселенной, трубы славы, и пр.

Ты же, дщерь старѣйша Царства,
Градовъ Сѣверныхъ глава!
Скорбь забывъ, на зло коварства
Обновись, живи, Москва!

Хоръ вселенной, трубы славы, и пр.

Скоро матеръ нашу, зрящу
Въ сердцѣ язвы рокомъ бѣдъ,
Мы узримъ, какъ день, блестящу
Обелисками побѣдъ.

Хоръ вселенной, трубы славы, и пр.

Скоро сверхъ вѣнцовъ лавровыхъ
Вѣтвѣя оливъ узримъ,
А въ Москвѣ, средь зданій новыхъ,
Съ счастьемъ, славой—древнѣй Римъ.

Хоръ вселенной, трубы славы, и пр.

Но уже отвсюду плески
Раздалися въ честь Ему!
Отъ вѣнцовъ безсмертныхъ блески
Свѣтять міру ужъ всему.

Хоръ вселенной, трубы славы,
Разносите похвалу
Генію—Царю Державы,
Самодержецу Орлу!

Н. Николаевъ.

СОЛДАТСКАЯ ПѢСНЬ

въ память Князя Кутузова-Смоленскаго.

Что солдатшки, что кручинны такъ?
Не бѣда ли вамъ отъ злодѣйскихъ рукъ?
Ужъ не дрогнуло-ль сердце Русское,
Сердце Русское, богатырское?
Не ослабли ли руки крѣпкія?
Не колыхнулся-ль вашъ булатный штыкъ?
Какъ промолвили всѣ солдатшки:
Не бывать тому, чтобъ злодѣй сломилъ!
Не дрожать сердцу Русскому, богатырскому!
А печаль, тоска, горе лютое,
Отъ очей, какъ ночь, гонить бѣлый свѣтъ.
Ахъ! не солнышко закатилося,
Не свѣтель мѣсяць тучей кроется;
Какъ отъ насъ ли, отъ солдатшекъ,
Отошелъ нашъ батюшка Кутузовъ Князь!
Не за горы за высокія,
Отошелъ онъ отъ насъ въ мать сыру землю.
Ахъ! не темный боръ завылъ, зашумѣлъ,
Разрыдалося, слезно всплакало
Войско Русское, Христіанское!
Какъ не плакать намъ, не кручиниться?
Нѣтъ отца у насъ, нѣтъ Кутузова!
Какъ бывало намъ онъ возговорить:
*Вы ли Русскіе, добры воины,
Вы-ль солдатшки Царя блага,*

Царя блага, православнаго,
 Вы припомните приказаніе,
 Приказаніе богатырское
 Какъ Суворовъ шелъ по крутымъ горамъ
 Какъ онъ войско велъ по темнымъ облакамъ;
 Онъ солдатушкамъ завѣтъ завѣщалъ:
 Вы солдатушки земли Русскія,
 Къ Царю Русскому впрямъ твердые,
 Вы не бойтесь ни злодѣевъ злыхъ,
 И ни голоду, и ни голоду *)
 Разгорѣлися всѣ солдатушки,
 Какъ онъ батюшка далъ приказъ такой.
 А какъ кланялся онъ солдатушкамъ,
 Какъ показывалъ сѣдины свои,
 Мы солдатушки въ одинъ голосъ всѣ
 Прокричимъ: ура! ура! съ нами Богъ!
 И идемъ въ походъ припѣваячи.
 Ахъ! и зимушка не знобила насъ,
 И безхлѣбца не кручинила:
 Только думали, какъ злодѣевъ гнать
 Изъ родимыя земли Русскія...
 Побѣждалъ злодѣй неоглядкою,
 Побѣждалъ злодѣй со злодѣями.
 Мы за нимъ во слѣдъ... и бить некого!
 Село Загорье.

РАДОСТНЫЙ ГЛАСЪ

первопрестольнаго града Москвы при прибытіи АЛЕКСАНДРА ПЕРВАГО, Юля 11 дня, 1812 года.

Ты входишь въ древнюю Столицу,
 Ты лавры съ пальмами несешь,
 Тебя срѣтаемъ, какъ денницу,

*) Слова Вязя Кутузова изъ приказа, выданнаго вскорѣ послѣ пораженія враговъ подъ Маламъ-Ярославцемъ.

Ты въ души намъ покой ліешь;
 Ты миръ приносишь вождѣнный,
 И миръ во всѣ сердца вселенный.
 Однимъ пришествіемъ Твоимъ,
 Намъ мнится, солнце показалось:
 Чего же намъ желать осталось,
 Когда лице Твое мы зримъ?

*

Ты здѣсь въ первопрестольномъ градѣ,
 Ты здѣсь—среди Твоихъ сыновъ,
 Ты съ нами къ общей всѣхъ отрадѣ!
 Здѣсь всякъ умереть съ Тобой готовъ.
 Не страшны здѣсь все козни злобы,
 Возри-Твоихъ здѣсь предковъ гробы:
 Ихъ тѣни насъ пріосѣнятъ,
 Они изъ нѣдръ земли возстанутъ,
 Ихъ Россы вѣрные вспомнятъ,
 И тьмы противныхъ сокрушатъ.

*

Возри Ты на Кремлевски стѣны,
 Омыты кровью праотцевъ;
 Но въ ихъ потомкахъ нѣтъ премѣны.
 Для нихъ не страшень сонмъ враговъ.
 Течеть та-жъ вѣрность съ кровью въ жилахъ,
 Они потрясть вселенну въ силахъ,
 Когда въ Монархъ зрятъ Отца—
 Не нужны для Тебя бойницы:
 Подъ кровомъ Божеской десницы
 Оплотъ Твой—Россовъ всѣхъ сердца.

*

Какъ прахъ, исчезъ весь мракъ сомнѣнья,
 Лишь Твой приходъ восхитилъ насъ:
 Среди восторговъ упоенья,
 Одинъ торжество здѣсь слышенъ гласъ!
 Мы зримъ Монарха, мы блаженны!

Не грозны намъ враги надменны;
Мы ихъ сотремъ кичливый рогъ.
Сердца лишь радостью трепещутъ,
Лучи намъ новой жизни блещутъ.
Ты съ нами здѣсь— и съ нами Богъ!

Павелъ Г. Кутузовъ.

Къ Россійскому дворянству.

Сыны Отечества избраны!
Се вашей славы часъ приспѣлъ;
Непримиримый, кровожадный
Галль нынѣ въ нашъ вступилъ предѣлъ...
Течетъ— и въ ярости стремленья
Считаетъ жертвы, расхищенья,
Грозитъ со скрежетомъ зубовъ
Омыть въ крови Россійской длани.
Къ щитамъ, друзья! о братья, къ брани!
За олтари, за прахъ отцовъ.

Уже **МОНАРХЪ** великодушный
Ударилъ въ щитъ, несется гуль...
Воспрянь, о Россъ, Царю послушный!
Вспомни *Пультускѣ* и *Кагулѣ*,
И *Гейльсбергѣ*, *Гутштадѣ*, *Ейлау*,
Свою и предковъ вспомни славу!...
И се—отвсюду внемлю гласъ:
«Вотъ золото, дѣти, вотъ мы сами;
«Готовы лечь въ бою грядями!
«Пожарскій, Мининъ живы въ насъ.»

Познай, о врагъ! вспоенный кровью,
На зыби основавъ мечты! —
Сонмъ, братской связанный любовью,
Во браняхъ съ нами встрѣтишь ты.
Изгибы тщетны днесъ змѣины,
Соблазна чужды исполины:

Повсюду встрѣтишь мѣдну грудь,
Къ тебѣ кипящу ярой местию.
Ты златомъ побѣждалъ, иль лестию....
Теперь о чарахъ сихъ забудь.
Вспомни Карла въ громкой славѣ:
Весь Нордъ руки его дрожалъ,
Но гордость завела къ Полтавѣ,—
И гордый съ колесницы палъ!
Стремись—стремись къ подобной части,
Не лавры ждуть тебя—напасти.
Къ знаменамъ, Россы! ко щитамъ!
Къ Царю, друзья!—съ Нимъ, въ ратномъ полѣ,
Что славу любимъ жизни болѣ,
Явимъ грядущимъ мы вѣкамъ!

Ө. Ивановъ.

Къ жителямъ Нижняго-Новгорода.

Примите насъ подь свой покровъ,
О Волжскихъ жители береговъ!

Примите насъ: мы всѣ родные!
Мы дѣти матушки Москвы.
Веселья, щастья дни златые,
Какъ быстрый вихрь, промчались вы.

Примите насъ подь свой покровъ,
О Волжскихъ жители береговъ!

Чадь, братій нашихъ кровь дымится
И стонетъ съ ужасомъ земля,
А врагъ коварный веселится
На башняхъ древняго Кремля!

Примите насъ подь свой покровъ,
О Волжскихъ жители береговъ!

Святые храмы оскверненны,
Сокровища расхищены,

Жилища въ пепель обращены
Скитаться мы принуждены.

Примите насъ подь свой покровь,
О Волжскихъ жители береговъ!

Давно ли славою сияла,
Своей гордилась красотой?
Какъ нѣжна мать всѣхъ насъ питала?
Москва! что сдѣлалось съ тобой?

Примите насъ подь свой покровь,
О Волжскихъ жители береговъ!

Тебѣ-ль платить поносны дани,
Подь игомъ пришлеца стенать?
Отмсти за насъ, Богъ сильный брани!
Не дай ему торжествовать!

Примите насъ подь свой покровь,
О Волжскихъ жители береговъ!

Погибнетъ онъ! Москва возстанетъ
Она и въ бѣдствіяхъ славна!
Погибнетъ онъ! Богъ Русскій грянетъ:
Россія будетъ спасена!

Примите насъ подь свой покровь,
О Волжскихъ жители береговъ!

В. Пушкинъ.

Освобожденіе Европы и слава Александра I.

Конецъ побѣдамъ! Богу слава!
Низверглась адская держава:
Сраженъ, сраженъ Наполеонъ!
Народы и Цари! ликуйте!
Воскресъ порядокъ и законъ:
Свободу міра торжествуйте!
Есть правды Богъ: тирана нѣтъ!
Преходитъ тьма, но вѣченъ свѣтъ,

Сокрылось ноци привидѣнье!
Се утро, жизни пробужденье!
Се гласъ Природы и Творца:
«Уставовъ Я не премѣняю,
«Не будутъ камнямъ сердца;
«Безумства въ умъ не обращаю.
«Злодѣй торжествовалъ; гдѣ онъ?
«Исчезъ, какъ безобразный сонъ!» и т. д.

Н. Карамзинъ.

Надпись къ портрету Александра I.

Мужъ твердый въ бѣдствіяхъ и скромный побѣдитель,
Какой вѣнецъ Ему? какой Ему оltарь?
Вселенная! пади предъ нимъ: Онъ твой спаситель!
Россія! Имъ гордись: Онъ Сынъ твой, Онъ твой Царь!

Кн. Вяземскій.

СОЛДАТСКАЯ ПѢСНЬ.

Вспомнимъ, братцы! Россю славу,
И пойдемъ враговъ разить!
Защитимъ свою Державу:
Лучше смерть, чѣмъ въ рабствѣ жить!

Ну, впередъ, впередъ, ребята!
Съ Богомъ, Впррой и штыкомъ;
Вѣра намъ и вѣрность свята:
Побѣдимъ, или умремъ!

Подь Смоленскими стѣнами,
Здѣсь, Россіи у дверей,
Будемъ биться со врагами;
Не пропустимъ злыхъ звѣрей!—

Вот! рыдаютъ наши жены,
Дѣвы, старцы вопіють,
Что злодѣи разъяренны
Мечъ и пламень къ нимъ несутъ.

Врагъ строптивый мечеть громы,
Храмовъ Божьихъ не падить;
Топчетъ нивы, палитъ дома,
Змѣемъ *лютымъ* въ Русь летить!

Русь святую разоряетъ!..
Нѣтъ ужъ силъ владѣть собой:
Бранный жаръ въ крови пылаетъ,
Сердце просится на бой!

Ну, впередъ, впередъ ребята!
Съ Богомъ, Вѣрой и штыкомъ;
Вѣра намъ и вѣрность свята:
Побѣдимъ, или умремъ!

Федоръ Глинка.

П Ъ С Н Ъ. *)

За горами, за долами,
Бонапарте съ плясунами
Вздумалъ въ ровень стать.
Конь куда съ копытомъ мчится,
Ракъ туда жъ съ клешней тащится,
И давай плясать.

*

Не въ попадь пошелъ *Англезу*,
Вздумалъ, бросивъ *Экосезу*,
Польскую пройтить;

*) Подражаніе французской пѣснѣ, напечатанной въ первой книжкѣ Вѣстника Европы 1813 года.

Не видавши пыли Русской,
Къ верху вздернулъ носъ французской,
И давай кружить.

*

А *Сарматы* пустословы
Подъиграть ему готовы:
Гостикъ дорогой!
Скрипки, басы заревѣли
Звонки трубы загремѣли,
То-то пиръ горой!

*

Скоро *Польскимъ* онъ наскучилъ,
Музыкантовъ перемучилъ.
«Самъ на Русь пойдю!»
«Тамъ я *Бариню* пройдуся,
«Фертомъ въ боки подопруся,
«Пляску заведу!»

*

Бородинскія заботы
Не отбили въ немъ охоты
Въ матушку *Москву*.
«Тамъ мнѣ есть гдѣ разойтисься,
«А чтобы повеселитьсяся,
«Барынь позову.»

*

Побывать-то удалось,
Да не такъ отозвалось,
Не съ кѣмъ поплясать.
Только проложилъ дорогу,
Занозилъ скоренько ногу,
Пришлось отдыхать.

*

Гнззъ Кутузозъ помвилъ слово
 Хотъ не скоро, да здорово,
 Старый воробей!
 Знавши вывертки французски,
 Заиграть велѣлъ по русски
 Музыкѣ своей.

*

Наши грянули по-свойски:
 «Мы не знаемъ по заморски,
 «Нутка Казачка!»
 Чуть прослышалъ Корсиканецъ—
 «Провались проклятой танецъ;
 «Дастъ онъ мнѣ толчка!»

*

«То ли дѣло по нѣмецки,
 «Танцовать по молодецки,
 «Старой Алемандъ!»
 «Эта пляска мнѣ сходнѣе,
 «И для ногъ моихъ сносноѣе:
 «Ну, назадъ, назадъ!»

*

«Видно хватъ ты изъ французозъ»
 Говорить ему Кутузозъ:
 Нѣтъ, братъ, погоди!
 «Шаркать мастеръ ты ногою,
 «Сѣмъ попляшемъ мы съ тобою,
 Нутка выходи!»

*

«Захотѣлъ плясать по русски,
 «Присѣдай-ка по французски
 «Ты, Наполеонъ!»
 Бонапарту не до пляски.
 Растерялъ свои подвязки,
 И кричить «пardonъ!»

*

Сталъ онъ въ стороны кидаться,
 Мелкимъ бѣсомъ извиваться,
 Дрогнула нога!
 Его музыки не стало,
 Скрипокъ будто не бывало:
 Пляска дорога!

*

Морганулъ онъ Коленкуру:
 «Сѣмъ-ка выкинемъ фигуру
 «На Цыганской ладъ.»
 Бросивъ пышныя ухватки,
 По Цыгански, безъ оглядки,
 Шаркнули назадъ.

*

Не соваться было въ воду,
 Не спросяся прежде броду,
 Хватъ—богатырю!
 —Мать Россійская Держава,
 Силы много!—слава! слава!
 Бѣлому Царю!

С. Черная Свобода.

Пойте, радуйтесь, ребята!
 АЛЕКСАНДРЪ намъ вѣрный щить,
 Имя Русскаго солдата
 Тамъ и за моремъ гремитъ!

Бѣлый Царь шутить не любить:
 Онъ французамъ доказалъ
 Что тому жить плохо будетъ,
 Кто зло Русскимъ помышлялъ!

Гость незваной къ намъ явился
 Не во снѣ, а на яву,
 И тѣмъ, извергъ! веселился,
 Что жегъ матушку Москву!

Сердца вздрогнули!—ребята!
Мы въ Париж!—слава намъ!
Ужъ не стало супостата!
Миръ землѣ!—и миръ врагамъ!

Пойте, радуйтесь, ребята!
АЛЕКСАНДРЪ намъ вѣрный щить!
Имя Русскаго солдата
Тамъ и за моремъ гремитъ!

В. Путькинъ.

Пѣснь Донскому воинству.

Грянулъ внезапно громъ надъ Москвою!
Выступилъ съ шумомъ Донъ изъ береговъ:
Все запылало мщеньемъ, войною
Противъ враговъ.

Ай Донцы
Молодцы!

*

Только взгремѣло Царское слово:
Россы-полканы! врагъ подъ Москвой!
Тотчасъ сто тысяча храбрыхъ готово
Броситься въ бой.

Ай Донцы
Молодцы!

*

Кто противъ Бога? кто противъ Русскихъ?
Выхвативъ саблю, рекъ Атаманъ;
Пряха не будетъ полчищъ французскихъ!
Гдѣ вражій станъ?

Ай Донцы
Молодцы!

*

Царь православный! всѣ мы готовы
На супостата бранью идти.
Натискомъ быстрымъ адскія ковы
Предупредить.

Ай Донцы
Молодцы!

*

Русскимъ знакома къ славѣ дорога:
Съ Нары до Рейна вдругъ пролетимъ;
Всѣхъ превозможемъ съ вѣрой на Бога—
И отомстимъ.

Ай Донцы
Молодцы!

*

Вѣрь и надѣйся—Русь безопасна:
Силъ крестоносныхъ мышца крѣпка.
Страшенъ арканъ, сабля ужасна,
Пика мѣтка.

Ай Донцы
Молодцы!

*

Тщетны всѣ козни Наполеона,
Не утрашить насъ множествомъ силъ:
Матери Божьей съ нами Икона
И Михайлъ!

Ай Донцы
Молодцы!

*

Время на кони,—врагъ наступаетъ,
Вѣра святая къ брани зоветъ;
Правому дѣлу Богъ помогаетъ:
Дѣти! впередъ!

Ай Донцы
Молодцы!

*

Грянемъ на встрѣчу полчищъ французскихъ,
Встанемъ какъ горы на уперти,
Да не посмѣють въ сердце странъ Русскихъ
Далѣ идти.

Ай Донцы
Молодцы!

*

Грянули чада тихова Дона:
Миръ изумился, врагъ задрожалъ,
Рушилась слава Наполеона—
И побѣжалъ.

Ай Донцы
Молодцы!

*

Гдѣ ни посмотришь, пики мелькають,
Граду подобно стрѣлы шумятъ,
Пули, какъ пчелы, роємъ летаютъ.
Сабли звучать.

Ай Донцы
Молодцы!

*

Противъ силъ Русскихъ не устояли
Полмиліона буйныхъ головъ;
Сернамъ подобно вострепетали
Отъ Козаковъ.

Ай Донцы
Молодцы!

*

Бросили пушки, ружья, снаряды,
Чая спасенье въ бѣгствѣ найти!
Всѣми корыстями жертвовать рады,
Только бѣ уйти.

Ай Донцы
Молодцы!

*

Но не успѣли, какъ ни хитрили:
Врань кроважадный палъ при Орлѣ;
Славу и кости всѣ положили
Въ Русской землѣ.

Ай Донцы
Молодцы!

*

Тако разрушенъ замысль крамольный,
Тако ужасный врагъ истребленъ;
Такъ православный, первопрестольный
Градъ свободенъ.

Ай Донцы
Молодцы!

*

Богу силъ горнихъ благодаренье!
Честь и спасибо мудрымъ Вождямъ!
Слава МОНАРХУ, Царству спасенье,
Лавры Донцамъ!

Ай Донцы
Молодцы! *)

Н. Шапировъ.

ПѢСНЬ

РАТНИКОВЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО ОПОЛЧЕНІЯ.

Не труба трубить звонка золота,
Какъ возговорить православный Царь:
Охъ вы Русскіе добрые молодцы!
Вы сѣдлайте всѣ ретивыхъ коней,

*) Эта пѣснь переведена на нѣмецкій языкъ Крамеромъ и пѣта въ Германіи.

Надѣвайте вы сабли вострыя,
 Что идетъ злодѣй на святую Русь.
 Есть ли Миныны и Пожарскіе?
 Намъ тогда снимать нашъ булатный мечъ,
 Когда выгонимъ врага лютаго,
 Врага лютаго, кровожаднаго.
 Лишь успѣлъ нашъ Царь слово вымолвить,
 Не рѣка течеть, не волна шумить,
 То народъ къ нему весь стекается:

«Охъ ты батюшка, православный Царь!
 Есть и Миныны: и Пожарскіе,
 Ты бери у насъ золото, серебро,
 Ты и насъ возьми во ряды свои;
 Наши дѣды какъ шли за родину,
 Такъ и мы теперь за Тебя идемъ,
 Рады головы за Тебя нести.
 Мы тогда снимемъ нашъ булатный мечъ,
 Когда выгонимъ врага лютаго,
 Врага лютаго, кровожаднаго.
 Ты Отецъ будешь сиротамъ по насъ.»
 Не расти травѣ на Невѣ рѣкѣ,
 Не владѣть чужимъ землей Русскою!
 Наши Русскіе дѣти барскіе,
 Наши въ Питерѣ веселилися.
 Всѣ бѣгутъ они встать дружинами,
 Имъ забавушки опостылили.
 Намъ работишки ужъ на умъ нейдуть.
 Жены, дѣтушки не удержатъ насъ:
 Покидаемъ все, сами въ строй спѣшимъ.
 Не орлы летать по поднебесью,
 То дружинишки идутъ къ Полоцку.

Какъ встрѣчаетъ насъ витязь Витгенштейнъ:
 «Удалые вы, добръ молодцы!
 Мы послужимъ-те Царю бѣлому,
 Не дадимъ врагу поругаться намъ!»

«Славный витязь нашъ, храбрый Витгенштейнъ!
 Прикажи ты намъ за собой идти!
 За тобою всякъ и въ огонь готовъ!»
 Засвистѣли вдругъ ядра смертныя,
 Застонала вся мать сыра земля,
 Засверкала огнемъ нашъ граненый штыкъ;
 Мы дралися тутъ три дня, три ночи;
 Съ нами вмѣстѣ шелъ сенаторъ отецъ,
 Впереди у насъ всѣ начальники:
 И вскочили мы въ стѣны Полоцка,
 И стремглавъ злодѣй побѣжалъ отъ насъ.
 Не свѣтлѣй свѣтитъ солнце красное,
 А громчѣй гремитъ слава Русская.

«Ты бѣги, бѣги, нашъ злодѣй, отъ насъ!
 Не дадимъ тебѣ поругаться намъ.
 Ты взгляни, взгляни на солдатъ своихъ:
 Между реберъ ихъ ужъ трава ростеть.
 Мы прогонимъ васъ изъ чужихъ земель;
 Вы узнаете, что мы Русскіе,
 Что мы Русскіе, православные.

М. Щудленниковъ.

Наполеоновъ бостонъ.

Наполеонъ, открывъ любимый свой бостонъ,
 Обетилъ всѣхъ почти, а самъ взомель на тронъ.
 Но львою схватясь за Царскій скиптръ рукою,
 Онъ принужденъ держать колоду картъ другою,
 Чтобъ тѣмъ финансы всѣхъ къ своимъ рукамъ прибрать,
 И славу игрока потомкамъ передать.
 Чтобъ всѣхъ обещивать, брать взятки безъ расчёту,
 Вотъ правило игры, извѣстной нынѣ свѣту!

Съ начала игранъ былъ въ Египтѣ сей бостонъ!
 Въ которомъ рисковалъ чрезчуръ Наполеонъ.

Играя *гранъ-мизеръ*, онъ ставилъ *бетъ* за *бетомъ*,
И чуть *игру* свою не кончилъ тутъ *расчетомъ*,
Но видя предъ собой ужасной бездны край,
Онъ Небо промѣнялъ на Магометовъ рай;
Началъ неправильно брать на *ремонсахъ* призы,
И средствомъ симъ успѣлъ сыграть свои *ремизы*.

Потомъ въ Италиі великой сей *игрокъ*
Игралъ, какъ и вездѣ, на деньги, на *мьлокъ*.
Но болѣе всего, надѣясь на *сюры*,
Мастъ въ руку подбиралъ и снашивалъ *фигуры*;
А наконецъ уже открылъ и *Короля*,
Чтобъ *призую* ему досталася земля.

Въ Германіи ему *игру* всѣ уступили,
Въ *кросстихъ* и безъ *опера бостона* играть давали:
Ну, словомъ, тутъ ему *вистъ* совершенной былъ,
И не смотря на то, онъ *игрокомъ* прослылъ;
Однако скрыть того никакъ не могъ предъ свѣтомъ,
Что *призы* бралъ онъ тамъ и *дамой* и *валетомъ*.

Въ Испаніи всегда несчастливо игралъ,
За тѣмъ, что въ сей землѣ никто не *вистовалъ*.
Хоть *Короля* поддѣлъ, хоть сдѣлалъ новы *сюры*,
Но *масти* разошлись, и разошлись *фигуры*;
Худой бостонъ, какъ *пльтъ* ни *масти*, ни *фигуръ*,
Сто бетовъ можно тутъ въ одинъ поставить *туръ*,
Вотъ отъ чего *игра* надолго завязалась,
И трудно вѣрить, чтобъ безъ *бетовъ* разыгралась.

А въ Римѣ съ Папою безъ риска, безъ хлопотъ,
Наполеонъ сыгралъ двѣнадцать и *шано*;
Но счастливо игралъ и Пана въ *первы туры*.
Какъ въ руки шли къ нему и *масти*, и *фигуры*.

Наполеонъ, возмнивъ, что онъ большой *игрокъ*,
Пошелъ на Русь играть, взялъ *карты* и *мьлокъ*,
Но *коренной Русакъ*, всегда въ *сюрахъ* игравшій,
Надѣлалъ чудеса, *колоду* въ руки взявши;
Другой *Русакъ* подвелъ, *воспользуясь* рукой,
Наполеоновы фигуры подъ убой;
А третьему изъ нихъ тогда достались въ *призы*
Наполеоновы и *марки* и *ремизы*,
И такъ ввели въ Руси *Наполеона* въ *бетъ*,
Что нынѣ и всегда дивиться будетъ свѣтъ.
Но какъ *Наполеонъ* въ *игрѣ* сей рассчитался:
То ужасъ всѣхъ объялъ: онъ—голь, какъ перстъ, остался.
Тутъ проигралъ онъ все: казну, людей, багажъ;
Фурлетовъ, лошадей и весь свой экипажъ.
Герои Русскіе въ *игрѣ* сей знаменитой
Заставили его играть *мизеръ* открытой.
Пришлось теперь ему не скиптръ держать, а хлысть,
И не надѣяться впередъ на Русскій *вистъ*.

Яковъ Пожарскій.

АКРОСТИХЪ.

Нерона злобнѣе, Калигулы гнуснѣе,
Атилле лютостью, коварствомъ превзошелъ;
Пилъ кровь, ругался всѣмъ, что въ мирѣ есть святѣе;
Ограбивъ свой народъ, чужими завладѣлъ.
Лія коварства ядъ, союзы расторгая,
Европу въ дикую степь хотѣлъ преобразить;
Отличенъ звѣрствомъ былъ, въ вѣкахъ блистать мечтая:
Но что всего страннѣй—мнилъ Россю покорить!..

Н. И. Писаревъ.

НАДПИСЬ

КОРОНОВАВШЕМУСЯ ЖЕЛѢЗНОЙ КОРОНОЮ *).

Въ желѣзномъ ты вѣнцѣ, съ желѣзною державой,
Желѣзомъ ты творишь изъ подданныхъ рабовъ;
Желѣзной оболѣстясь губительною славой,
Свободу, правоту считаешь за враговъ;
Въ желѣзномъ сердцѣ ты весь свѣтъ опредѣляешь
Носить желѣзные оковы на рукахъ;
Желѣзомъ ты свой вѣкъ желѣзный сохраняешь,
Желѣзомъ будешь ты преобращенъ во прахъ!

Совѣтъ Русскаго Французамъ.

НАРОДНАЯ ПѢСНЬ.

Чу!... и къ намъ ужъ налетѣла
Иноземна саранча!
Иль отвѣдать захотѣла
Богатырскаго плеча?
Черной гадъ на Русь святую
Наглу лапу протянулъ.
Вотъ затѣялъ мысль шальную,
Будто лишнее хлебнулъ.

*

На страну ты благодатну
Зубы волчи наострилъ!

*) Желѣзная корона (La couronne de fer) есть та самая, которую некогда короновался Шарлемань. Ся корона, будучи отыскана,—вѣроятно между старымъ заржавленнымъ желѣзомъ, увѣнчала голову бывшего правителя французовъ въ день его, такъ называемой, коронаціи, и онъ, по страстию своему къ желѣзу, учредилъ орденъ Желѣзной короны.

Иль забылъ ты грудь булатну,
Ихъ объ кою иступилъ?
Иль забылъ, что Воевода
Русскихъ воиновъ—самъ Богъ?
Что рукой Его народа
Онъ сотретъ продерзкихъ рогъ?

*

Иль забылъ, что нами править
Царь-Надежа Александръ?
Что въ сердцахъ у насъ пылаеть
Вѣрности къ Монарху жаръ?
Онъ Отецъ—Его мы дѣти;
Онъ нашъ щитъ—Его мы мечъ:
Трудно-ль вражьи ковы, сѣти
Намъ, какъ мягкой пухъ, разсѣчь?

*

Съ нашей матушкой Москвою
Оглядайся, да шути:
Къ намъ пришедши съ головою,
Не утащишь и пяты.
Русской рукъ не пожалѣть:
Такъ те хватить по горбу,
Инда свѣтъ затуманѣть,
Будь хоть семь пядей во лбу.

*

Кожи, рожи не оставить,
Кости, какъ въ мѣшкѣ стряхнуть;
Словно гадину раздавить,
Иль, какъ луковку, сожметъ;
Небо съезится въ овчину,
Искры вылетятъ изъ глазъ,
Коль Русакъ, взмахнувъ дубину,
Треуха тебѣ задасть.

*

Войски ваши всѣ размечеть.
 Махомъ сто головъ снесеть,
 Съ грязью, съ пылью всѣхъ васъ смѣситъ,
 И какъ щепки покладеть;
 Трупы ваши разбросаетъ
 Въ чистомъ полѣ, будто соръ!
 Нечестивцевъ—Богъ караетъ
 Всему свѣту на позоръ!

*

Такъ послушайся жь совѣту:
 Сломя-голову бѣги;
 А чтобъ не было въ примѣту,
 Кучу глупостей налги.
 Зло оставь—твори благое,
 И Европы не тряси.
 Помни времячко худое,
 Какъ бывалъ ты на Руси.

ЗАВѢЩАНІЕ Н. БОНАПАРТЕ.

Предчувствуя мою кончину,
 Законнымъ королямъ я уступаю тронъ,
 Чтобы изъ милости производили сыну
 Хотя сиротской пенсіонъ.
 Отъ братьевъ не видалъ я никакой заслуги,
 Пускай живутъ ихъ, чѣмъ хотятъ,
 Пускай изъ королей пойдутъ они хоть въ слуги,
 Сестеръ же въ госпиталь подъ старость помѣстятъ.
 Остатки гвардіи и войска распускаю,
 И благодарность имъ мою
 За службы, раны ихъ и голодъ объявляю,
 Но жалованья не даю.
 Гдѣ взять его, когда я сдѣлался банкротомъ?
 Всѣ знаютъ, что война была безъ барыша,

(Обмануть жестоко я Коленкуромъ плутомъ!)

Всѣ я собственность моя теперь: одна душа.

Одинъ мой только геній!

Отказываю ихъ я Князю-Сатань,
 Который сочинялъ со мною бюллетени,
 И помогалъ во многомъ мнѣ.
 Предъ смертію своею прошу у всѣхъ прощенья.
 Не требую себѣ богатыхъ похоронъ:
 Я даже обойтись могу безъ погребенья;
 Прощайте; помните, что *былъ Наполеонъ!*..

Празднества и увеселенія въ Москвѣ

по случаю взятія Парижа союзными войсками въ 1814 году,
марта 19-го.

Вотъ уже прошло болѣе полвѣка съ тѣхъ поръ,
какъ совершился судъ Божій надъ исполиномъ міра,
Наполеономъ.

Въ 1812 году Москва, залитая кровью, обгорѣлая,
разграбленная, посыпала пепломъ главу свою; въ
1813 году, когда гулъ военныхъ громовъ раздавался
уже за границей, Москва только начинала еще воз-
рождаться. Новый 1814 годъ былъ встрѣченъ жите-
лями ея торжественно и весело, съ надеждою на луч-
шее будущее. Незадолго предъ этимъ временемъ, уже
всѣ губерніи изъяты были изъ военнаго положенія *)
и московское ополченіе, славно исполнивъ свое свя-
тое призваніе, воротилось домой 7-го января **). За

*) 30-го ноября 1813 г.; освѣщеніе медалей 1812 г. про-
исходило 1813 г., августа 30-го, въ Петербургѣ.

***) Оно вступило въ Кремль; преосвященный Августинъ, предъ
началомъ литургіи, въ полномъ облаченіи, вышелъ къ нему изъ
сѣверныхъ дверей Успенскаго собора; гр. Марковъ, начальникъ
ополченія, возвратилъ ему разстрѣленную хоругвь (которую пре-
освященный Августинъ далъ ополченію, при отправленіи его въ
армію, взявъ ее изъ церкви Спаса во-Спасской); святитель при-
нялъ ее и поставилъ въ Успенскомъ соборѣ, а потомъ совер-
шилъ благодарственное молебствіе.

тѣмъ прочитанъ былъ манифестъ, извѣщавшій Россію
о новыхъ побѣдахъ, одержанныхъ союзными войсками
надъ французами; за этимъ загремѣла пушечная паль-
ба, и вмѣстѣ съ нею раздался звонъ съ Ивановской
колокольни, всегдашній благовѣстникъ торжества Мо-
сквы и всей Россіи; ему откликнулись всѣ храмы сто-
лицы, и это продолжалось цѣлый день.

Вечеромъ въ этотъ же день вся Москва была ил-
люминирована; предъ домомъ главнокомандующаго яр-
ко горѣлъ щитъ съ вензелевымъ именемъ государя и
съ надписью:

Добродѣтель—его законъ,
Предъ нимъ пагъ и Наполеонъ *).

На другой день открыта была, послѣ непріятель-
скаго погрома, губернская гимназія, ректоромъ уни-
верситета, Геймомъ, а послѣ нея вскорѣ и Благород-
ный пансіонъ.

Торжество слѣдовало за торжествомъ: 15-го фев-
раля праздновали побѣду союзниковъ при Бриеннѣ;
вскорѣ потомъ русскіе штыки сверкнули уже предъ
Парижемъ.

Вѣроятно, еще помнятъ нѣкоторые старожилы лю-
бимцевъ тогдашней публики: Померанцева, Шупери-
на, Сахарова, Ожогина, Понова, Кондакова, Моча-
лова (отца), Лисицына; артистокъ: Снявскихъ, Кали-
графову, Виноградову, Борисову, Воробьеву и пр.;
танцовщиковъ: Морелли, Сиверсова, Шеглова; танцов-
щицъ: Зальцинину, Понову, Шиллину, Олсуфьеву и пр.

*) Моск. Вѣд. 1841 г.

Театръ, въ описываемое мною время, перемѣщенъ былъ на Знаменку, въ домъ ст. сов. Апраксина (гдѣ нынѣ военное училище); тамъ давали пьесы: Медея и Язонъ, въ особенности славившуюся тогда оперу: Діана и Эндиміонъ, въ которой гремѣли охотничьи рога, за кулисами слышался лай гончихъ собакъ, а по сценѣ бѣгали живые олени; Ямъ, Филаткину свадьбу, Русалку, и пр. и пр. Тогда же поставили новый дивертисментъ, подъ названіемъ: Праздникъ въ станѣ союзныхъ войскъ, съ современными пѣснями*). Благородное Собраніе было въ полномъ своемъ блескѣ: оно было очень людно, несмотря на то что въ него имѣли свободный входъ не всѣ желающіе, а по рангу. На масляной недѣлѣ были пышныя катанья по набережной Москвы-рѣки: высокія кареты, лондо и берлины, запряженныя цугомъ, женевскія сани съ барсовыми полостями, гайдуки, лакеи, кровныя одностаяныя лошади—все это двигалось парадно, церемониально и по набережной, и по Неглинной и по Покровской улицѣ, за Разгуляй, гдѣ бывали въ то время и лѣтнія, многолюдныя катанья и гулянья.

Это былъ еще періодъ стариннаго, пышнаго барства, впрочемъ доживавшій уже свои дни...

Великимъ постомъ начались обычные концерты, тоже въ Апраксинскомъ домѣ, который былъ пощажень французами по той причинѣ, что Наполеонъ затѣвалъ устроить тамъ театральныя представленія, думая зимовать въ Москвѣ**). Піанистъ Керцелли далъ тамъ пер-

*) Вѣстн. Европы 1814 г.

***) Французскіе актеры играли, для потѣхи его, разныя пьесы въ домѣ Познякова, у Никитскихъ воротъ.

вый концертъ; тамъ развивался талантъ молодаго пѣвца Булахова и собирала рукоплесканія пѣвица Верни; извѣстный тогда Суханекъ управлялъ оркестромъ, въ которомъ участвовалъ фаготистъ Лазарь Костинъ съ дѣтьми. Замѣчательный концертъ былъ тамъ 5-го марта, съ участіемъ музыкантовъ театральныхъ и полковыхъ: онъ данъ былъ въ честь побѣдъ союзныхъ войскъ надъ французами и назывался—Твердость и Случай; это была аллеогрическая кантата на италіянскомъ языкѣ. Твердость представляла г-жа Фантоци; Случай—Верни. На сценѣ были и воины, и начальники разныхъ полчищъ. Концертъ начался общимъ маршемъ русской арміи; музыка изображала сраженіе при Лейпцигѣ, молитву и торжество побѣды.

Послѣ 19-го марта, въ самый день вшествія союзныхъ войскъ въ Парижъ, (о чемъ еще, разумѣется, въ Москвѣ не знали), давалъ концертъ Губинъ на англійскомъ рожкѣ: онъ игралъ варіаціи, соч. Роде; Фроловъ пѣлъ пѣсню на пораженіе французовъ подъ Бриенною, потомъ съ хорами и оркестромъ сыграна была новая и любимая публикою пѣсню: Ъхаль казакъ за Дунай, муз. соч. Каваса, сл. кн. Шаховскаго; далѣ шли русскія пѣсни: Ахъ, что жъ ты, голубчикъ, не весель сидишь, Я цыганка молодая и Милый мой сердечный другъ: ихъ пѣла славная тогда пѣвица Носова. Но особенно вызвала неудержимый восторгъ и рукоплесканія публики пѣсню (соч. Шатрова) Донскому воинству, тогда еще новая:

Грянулъ внезапно громъ надъ Москвою,
Выступилъ съ шумомъ Донъ изъ береговъ,

Все запылало мщеньемъ, войною—
Противъ враговъ!

Но когда грянулъ хоръ: Ай Донцы-молодцы!—
взрывъ тысячи голосовъ: форо, браво, бисъ—покрылъ
его...

Тогда какъ будто предчувствовали, что этотъ день
(19-го марта) будетъ великъ для всей Европы.

Въ началѣ апрѣля (когда все еще не знали о со-
вершившемся знаменитомъ событіи) давалъ концертъ
Морини. Онъ пѣлъ пѣснь русскаго воина, отправляв-
нагося на брань противъ супостата *), а за нею слѣ-
довала побѣдоносная пѣснь съ хорами, во славу Але-
ксандра I-го; по настоянію публики, ее повторяли
нѣсколько разъ. Она сочинена была Сокольскимъ; для
любопытныхъ выпишываю часть ея:

О Царь, судьбой опредѣленный
Спасти народы и Царей—
Отецъ, съ отчизной разлученный,
Внемли далече гласъ дѣтей!
О Царь-Отецъ, живемъ Тобой,
Ты наша слава и покой!

Въ нѣкоторыхъ концертахъ участвовали и цыгане;
многіе, хоть по преданію, вѣроятно помнятъ цыганку
Степаниду, извѣстную болѣе подъ именемъ Стешки, *)
которая по природному таланту и голосу принадлежа-
ла къ отличнымъ артисткамъ не только Россіи, но и
всей Европы; такъ выразилась объ ней и знаменитая
Каталани; она была такъ растрогана пѣніемъ простой

*) Изъ большой аріи съ хорами: *Se ala patria ognor donai*,
перев. съ итальянскаго.

**) Она умерла въ 1822 г., не старыхъ еще лѣтъ, 38.

цыганки, что невольно прослезилась и подарила ей
перстень въ 1.000 р. Говорятъ, что слава о пѣніи
Стешки достигла до самого Наполеона; по приказанію
его Лессенсъ, комендантъ московскій, (въ бытность
французовъ въ Москвѣ) посылалъ ее отыскивать, но
она въ это время находилась въ Ярославлѣ и въ та-
мошнемъ театрѣ услаждала грусть московскихъ пере-
селенцевъ *). Тамъ нарочно пѣла она веселья пѣсни;
По улицѣ мостовой, пѣтая ею, такъ и подергива-
вала плечи у слушателей.

Между тѣмъ Москва отдыхала, возрождалась. Изъ
Казани возвратился Сенать, и преосвященный Авгу-
стинъ вводилъ, при колокольномъ звонѣ, сановниковъ
въ обновленное зданіе. Наконецъ пронеслись первые
слухи о вступленіи союзниковъ въ Парижъ. Принимая
ключи этого города, Александръ сказалъ: «Тяжба че-
ловѣчества выиграна!»

Взглянемъ на вѣчнопамятную картину вшествія со-
юзныхъ войскъ въ Парижъ, воскресимъ воспоминаніе
объ этомъ происшествіи. Парижъ называли столицей
всей Европы; тогда дѣйствительно почти всѣ предста-
вители Европы, отъ рѣки Таго до Урала, были въ Па-
рижѣ. Въ одномъ изъ бюлетеней своихъ, Наполеонъ
говорилъ, что онъ приведетъ въ Парижъ, для показа,
пѣнныхъ русскихъ казаковъ: они сами пришли туда.
Не заолго до этого времени, какъ будто пророчески
сложена была у насъ солдатская пѣсня на бѣдствіе
Москвы; эта пѣснь кончалась такъ:

*) Отъ еч. Записки, изд. П. Свинынымъ, 1822 года.

Побывать въ столицѣ (т. е. французамъ въ Москвѣ).

слава

Но умѣемъ мы отмщать

Знаетъ крѣпко то Варшава,

И Парижъ то будетъ знать.

Всѣмъ извѣстно, однакожь, какъ Русскіе отомстили, какъ заплатили они свой визитъ французамъ. Лишь только наши войска переступили непріятельскія границы, Александръ отдалъ имъ приказъ щадить безоружныхъ враговъ. Вы Русскіе, вы христіане, выразился онъ. Не воздамъ зломъ ни Франціи, ни французамъ, сказалъ онъ представителямъ Парижа; единственный врагъ мой Наполеонъ.

Весна была въ полномъ развитіи своемъ, утро было превосходное, городъ былъ облитъ лучами солнца, когда Государь нашъ и Прусскій король, въ сопровожденіи гвардіи и блестящей многочисленной свиты, имѣли парадный вѣздъ въ Парижъ. Графъ де-ла-Рош-Фуко встрѣтилъ ихъ съ бѣлымъ знаменемъ, предлагая себя въ проводники Александру. Роялисты и меры города *), обратившись къ нему, воскликнули: «Позвольте намъ, Ваше Величество, водрузить бѣлое знамя на Тюльерійскомъ дворцѣ!» Императоръ съ Прусскимъ королемъ изъявили на это свое согласіе. Встрѣча нашимъ войскамъ въ Парижѣ была не такова, какъ встрѣча Наполеону въ Москвѣ. Сумрачный, недовольный, фхаль онъ по опустѣлымъ улицамъ Москвы, обводя ее блуж-

*) Въ числѣ ихъ былъ 80-лѣтній принцъ де-Линь, свидѣтель славы Екатерины, сопутникъ ея въ блистательномъ плаваніи въ Тавриду. (О т е ч. Г а л л е р. 1852 г.)

дающими взорами изъ-подъ насушенныхъ бровей; только кой-гдѣ встрѣчались ему всесвѣтныя космополиты, изъ иностранцевъ,—торгаши, аптекари и гувернеры,—и кричали свое привѣтствіе. Отъ нихъ онъ отвернулся, потому что ожидалъ истинной встрѣчи. Въ Парижѣ было не то: народъ кишмя кишилъ по улицамъ, гдѣ ожидали государей; онъ стоялъ шпалерами, съ обѣихъ сторонъ ихъ пути, съ обнаженными, наклоненными головами; *) онъ бѣжалъ за государями, называлъ Александра избавителемъ. **) Всѣ окна домовъ были отворены, тысячи рукъ махали оттуда бѣлыми платками, балконы и даже крыши домовъ наполнены были восторженными зрителями; всѣ надѣли бѣлые банты, вездѣ слышались восклицанія: миръ!, миръ! vive l'empereur Alexandre! vive le roi Louis XVIII! à bas le tyran!

Государь, проѣзжая мимо Вандомской колонны, на которой, какъ извѣстно, поставлена статуя Наполеона, сказалъ: «Еслибы я стоялъ такъ высоко, то у меня закружилась бы голова.» Народъ собирался накинуть петлю на этотъ истукапъ, чтобы свергнуть его на землю; но Александръ не допустилъ до этого, сказавъ: je ne viens pas ici, pour détruire. (Я пришелъ сюда не разорять.) Въ числѣ нашихъ войскъ были и калмыки въ національной одеждѣ своей, съ колчанами за плечами; Парижанки, увидя ихъ, воскликнули: ah! Amours du Nord! (Сѣверные Амуры.) Въ первый разъ

*) Такъ изображены были французы во всѣхъ картинахъ святыхъ съ натуры въ то время.

**) Записки адмирала Шишкова.

еще тогда Парижъ огласился звуками русскаго пре-
ображенскаго марша, въ первый разъ еще раздалось
въ стѣнахъ его наше ура!

На томъ мѣстѣ (на площади Лудовика XV), гдѣ,
о время революціи, звѣрское буйство, ругаясь надъ
вѣрою и святынею, обливало кровью своихъ сограж-
данъ, тамъ наши священнослужители, въ день Пасхи,
въ торжественномъ облаченіи, совершали благодар-
ственное, колѣнопреклоненное молебствіе, при кото-
ромъ присутствовали всѣ представители Европы; даже
сами французы благодарили Бога! въ эту минуту за
низверженіе своего идола. Стройно запѣлъ хоръ пѣв-
чихъ: Тебя Бога хвалимъ! Руки у всѣхъ, стоявшихъ
на колѣняхъ, зашевелились на груди—это была вели-
кая минута: она изображена нашимъ художникомъ Во-
робьевымъ.

Александръ, котораго тогда называли сѣвернымъ
Агамемнономъ, остановился въ домѣ Талейрана.

На другой день вступленія своего въ Парижъ, им-
ператоръ былъ въ театрѣ; тамъ хотѣли, въ честь его,
давать піесу: Траянъ; но государь, съ свойственною
ему скромностію, изъявилъ желаніе смотрѣть Вестал-
ку; въ антрактахъ ея начали было пѣть народный
гимнъ: Vive Henri quatre, но публика непременно по-
требовала другой пѣсни и первый оперный пѣвецъ
пропѣлъ:

Vive Alexandre,
Vive ce roi des rois!
Sans rien pretendre
Sans nous donner des loix,

Ce prince auguste
A le triple renom,
De Heros et de juste,
De nous rendre les Bourbons.

Члены Французской Академіи благодарили Бога за
то, что они дожили до тѣхъ дней, когда увидѣли рус-
скаго государя, который, побѣждая, умѣлъ быть
выше побѣдъ своихъ. Лучшие парижскіе живопис-
цы, въ томъ числѣ извѣстный Изабо, снимали портре-
ты съ нашихъ генераловъ; портные были завалены ра-
ботой, тотчасъ появились костюмы и модныя вещицы
à la Russe. Пале Рояль кипѣлъ жизнью, торжество-
вало за торжествомъ.

Во всѣ европейскія столицы полетѣли курьеры съ
извѣстіемъ о взятіи Парижа; вездѣ начались торже-
ства и праздники.

Въ Лондонѣ побѣды союзныхъ армій (разсказыва-
етъ П. П. Свиньинъ въ запискахъ своихъ *) достави-
ли тамошнему Дрюриленскому театру много удачныхъ
представленій. Бонапарте въ этихъ представленіяхъ
являлся обыкновенно карломъ, въ арлекинскомъ костю-
мѣ, въ ботфортахъ, съ длинною косой и въ высокой
треугольной шляпѣ. Во всей Англии, въ лубочныхъ
театрахъ, на ярмаркахъ, для забавы черни выводили
Наполеона по нѣскольку разъ, заставляли его плясать
и т. п.; иногда забывая, что на сценѣ дурачится одинъ
изъ ихъ единоземцевъ, а не самъ Бонапартъ, зри-

*) Они были писаны имъ въ Лондонѣ, изд. въ Петерб. въ
1817 г.

тели бросали въ него гнилыми яблоками. «Мы такъ много пьемъ за здоровье Русскихъ», говорили Англичане, «что у насъ скоро совсѣмъ не станетъ вина, или оно очень вздорожаетъ».

Замѣчательно, что истребленіе большой французской арміи праздновалось съ живою, торжественною радостію и въ Сѣверной Америкѣ: въ Филадельфійскихъ газетахъ описывается бывшее по этому случаю празднество, которое началось богослуженіемъ и ораторіей, пѣтою двумя стами пѣвчихъ, а кончилось великолѣпнымъ пиршествомъ, на которомъ была пѣта ода, нарочно для того сочиненная. При питіи за здоровье многихъ тогдашнихъ нашихъ героевъ изъ дѣйствующей арміи, вдругъ появились прозрачныя картины, изображавшія наши побѣды надъ французами, при чемъ были произнесены приличные случаю рѣчи. Первый тостъ предложенъ былъ въ честь Александра Великаго, который не проливаетъ (подобно Македонскому) слезъ отъ того, что не покорилъ всего свѣта, но радуется, что могъ избавить многихъ отъ покрителя *).

Наконецъ и въ Россію долетѣла вѣсть о взятіи Парижа: въ Петербургѣ получено было это извѣстіе 8-го апрѣля изъ Берлина, а въ Москву оно достигло 13-го апрѣля чрезъ нарочно присланнаго сюда курьера. 17-го апрѣля Государь прислалъ въ Москву графа Васильева, передать древней столицѣ эту радостную вѣсть отъ своего имени. Народъ ринулся ему на встрѣчу, экипажи мчались въ обгонѣ, вся Москва поднялась...

*) Вѣстн. Европы 1813.

23-го апрѣля, день Св. Георгія побѣдоносца, назначенъ былъ началомъ праздниковъ; жители Москвы большими толпами съѣхали въ Кремль на благодарственное молебствіе. Вся кремлевская площадь залита была народомъ: чиновники въ парадныхъ мундирахъ, дворяне, купцы, простолюдины усердно молились въ храмахъ и на папертяхъ. Литургія кончилась; громъ пушекъ потрясъ воздухъ, Москва огласилась повсемѣстнымъ колокольнымъ звономъ... Архіепископъ Амвросій произнесъ въ этотъ день слово, въ коемъ, обращаясь къ Москвѣ, онъ воскликнулъ:

«Москва! вознеси главу свою, убѣленную долголѣтними сѣдинами; отряси прахъ, покрывающій оную; радость и веселіе да разольются на величественномъ челѣ твоёмъ. Громы, которые раздавались при разрушеніи огромныхъ зданій твоихъ, раздадутся въ вѣкахъ отдаленныхъ—и позднее потомство услышитъ начавшееся въ тебѣ и тобою паденіе страшнаго могущества, потрясшаго землю, низвергнувшаго царей и разрушившаго царства. Изъ развалинъ твоихъ водвигнутся вѣчные памятники чудесъ благодати, правосудія и всемогущества Божія, явленныхъ въ Тебѣ надъ Россіей и надъ всею Европой. Пламя, которое истребило красная твоя, въ заревѣ своемъ откроетъ временамъ грядущимъ, что ты была искупительная жертва не только любезнаго нашего отечества, но и всѣхъ народовъ, поработанныхъ жестокому игу властолюбиваго тирана. Сіоне, граде Божій, жилище святыни и царей россійскихъ, тобою сокруши Господь крѣпости луковъ, оружіе, и мечъ, и брань; отъ тебе изыде спасеніе Израилево и вся земли!»

Три дня сряду раздавался торжественный звонъ въ столицѣ, три вечера сряду весь городъ былъ иллюминированъ; народъ гулялъ ночью, какъ днемъ, съ любопытствомъ смотря на прозрачныя аллегорическія картины, эмблемы, девизы. Экипажи двигались по всѣмъ улицамъ, во многихъ мѣстахъ гремѣла музыка, хоры пѣвчихъ пѣли стихи, сочиненные въ то время, напр.:

Чу! и къ намъ ужъ полетѣла
Иноземна саранча,
Иль отвѣдать захотѣла
Богатырскаго плеча? и т. д.

Стихи не очень изящны, но они сильно говорили чувству современниковъ. Французскому орму дѣлалось слѣдующее привѣтствіе:

Куда ты, птица однобока,
Такъ низко надъ землею летишь,
Хвостомъ виляя, какъ сорока,
И крыльями песокъ чертишь и т. д.

Кто-то шевельнулъ тогда прахомъ В. К. Третьяковскаго, написавъ: *Имнѣ, сиречь торжественная пѣснь лииты Третьяковскаго на истребленіе французскихъ полчищъ въ Россіи.*

«Что такъ безплотный духъ возвеселился?
Скачутъ, какъ овны, холмы въ очахъ,
Радость, игривость доли покрыла,
Лиру! гей, лиру! гласомъ возвахъ и т. д.

Писано въ Элизіумъ, въ лѣто Гальскаго умоизступленія, мльснца ихъ гибели.

Я не упоминаю о стихахъ извѣстныхъ поэтовъ:

Державина, Карамзина и Жуковскаго. Они извѣстны. Впрочемъ кромѣ ихъ писали тогда пѣсни, хоры для польскихъ и т. д., другіе поэты: А. А. Писаревъ, Кованько, Родзянка, П. Шатовъ, Гр. Хвостовъ, Григ. Волковъ, Воейковъ, Востоковъ, Глѣбовъ, Кокошкинъ, братья Глинки и пр. Нѣкоторыя изъ этихъ пѣсней сдѣлались народными, какъ на примѣръ слѣдующая:

За горами, за долами,
Бонапарте съ иясунами и т. д.

Домъ главнокомандующаго, гр. Ростопчина, пылалъ въ разноцвѣтныхъ переливныхъ огняхъ. Графъ угощалъ генераловъ и офицеровъ, бывшихъ въ дѣйствующей арміи. На воротахъ, на прозрачной рѣшеткѣ, и на дворѣ его выставлены были щиты и разныя аллегорическія картины, *) изображавшія бѣгство Наполеона и торжество Россіи; на улицѣ и на дворѣ его дома постоянно была несмѣтная толпа народа. Нарядные пѣсельники пѣли гимны русскому царю: Прими побѣдъ вѣнецъ, Храни Господь (слова А. А. Писарева, на голосъ народной, англійской пѣсни: God save the King) и пѣснь, нарочно для того времени сочиненную Сушковымъ, по порученію гр. Ростопчина. Выписываю ее почти всю:

«Ой вы дѣтки каменной Москвы, скорѣй!
Собирайтесь ближе, въ тѣсный кругъ, дружнѣй!
Добру вѣсточку повѣдаю я вамъ:
Добрый царь ее прислалъ, родимый, къ намъ,

*) Ихъ писалъ Витбергъ по сюжетамъ, начертаннымъ гр. Ростопчинымъ.

Чтобы славили удалыхъ мы солдатъ,
 Какъ вошли они въ Парижъ, далекий градъ.
 Грянемъ, въ голосъ, въ ладъ, удара по рукамъ.
 Слава Богу, Александру и полкамъ!

Слава, слава Богу русскому!
 Слава, слава царю-воину!
 Слава, слава вѣрноподаннымъ!
 Ой, ура, ура, ребятушки!

Исполать вамъ! вы со всѣхъ-то мѣсть
 Близкихъ, дальнихъ ополчились,
 О хвала и вамъ, отважные
 Воеводы и начальники.
 Други! слушайте, какъ царь въ Парижъ входилъ:
 Онъ святые храмы Божьи не сквернилъ,
 Онъ съ угодниковъ оклады не срывалъ,
 Онъ палаты каменны не выжигалъ,
 И въ покоѣ онъ оставилъ весь народъ,
 И никто-то нашихъ Русскихъ не кличетъ.
 Грянемъ! въ голосъ, въ ладъ, удара по рукамъ:
 Слава батюшкѣ-царю! Хвала полкамъ!

Слава, слава, милосердому,
 Слава, слава царю-ангелу,
 Слава, слава вѣрноподаннымъ,
 Православнымъ храбрымъ воинамъ!
 О хвала и вамъ, безстрашные
 Полководцы и наѣздники!
 Миръ и память вамъ, погибшіе
 За отчизну, за любезную!
 И въ Парижѣ, какъ въ Москвѣ теперь у насъ
 Веселятся, да пируютъ въ добрый часъ, и т. д.

Въ числѣ картинъ, представлявшихъ русскихъ героевъ, на дворѣ дома графа былъ Бог—рати—онъ *) (какъ выразился Державинъ), а въ подвѣсокъ къ ней изображенъ былъ бѣгущій Наполеонъ въ видѣ коршуна, преслѣдуемаго орломъ, съ надписью: въ 1812 г. отецъ и сынъ научились бѣгать **). Еще тамъ была большая картина, представлявшая донскаго казака Земленухина, торжественно встрѣчаемаго въ Лондонѣ англичанами ***).

На всѣхъ большихъ улицахъ, среди яркой иллюминаціи, висѣли на окнахъ домовъ разныя фантастическія, а перѣдко и каррикатурныя картины на фран-

*) Портреты русскихъ генераловъ продавались въ университетской книжной лавкѣ по 4 р. за каждый.

***) Сынъ Наполеона въ то время былъ еще малолѣтень.

*) Графъ Растропчинъ, раздавая почетные знаки отличившимся въ эту войну, сказалъ: «Православные богатыри русскіе! вы, братцы, не устрашили врага лютаго, вооружились, перекрестясь, и стали бить силу вражю, очистили отъ нея любезную родину. О дѣлахъ вашихъ представилъ я отцу нашему, Государю Императору. Онъ васъ жалуетъ своею милостію, знакомъ отличія, и приказалъ напечатать поименно, кому и за что, дабы всякому было извѣстно о томъ. Всякій, кто на васъ посмотритъ, тотъ порадуется, а кто прочтетъ похвалу о васъ, тотъ захочетъ васъ видѣть. Послѣ такой царской милости, молитесь о здравіи его, научайте доброму дѣтей, родню и товарищей, повинуйтесь начальству; оно васъ охраняетъ; не хвастайтесь тѣмъ, что сдѣлали вы: Богъ вамъ въ томъ помогъ. Всѣ знаютъ о подвигахъ вашихъ, а французы вѣчно будутъ ихъ помнить. Твердите, братцы, говорите и помните одно: «за Богомъ молитва, а за царемъ служба не пропадаетъ».—«Растропчинъ знаетъ дорогу къ сердцу Русскаго», говорили тогда.

пузовъ и на ихъ вождя; то представленъ былъ Фараономъ, утопающимъ въ Черномъ морѣ, то ракомъ, пятащимся назадъ; на одной картинѣ онъ былъ изображенъ ѣдущимъ въ бочкѣ на своихъ генералахъ, а внизу была надпись: Изъ знатныхъ воробьевъ надѣлалъ конюховъ. Всѣхъ каррикатуръ было до 50. Вотъ самыя куріозныя изъ нихъ: осада французами русской бани, и изгнаніе изъ Москвы съ Кузнецкаго моста французскихъ торговыхъ; Наполеонъ съ маршалами въ Москвѣ выжигаетъ золото и серебро; французскіе мародеры (ихъ звали міродеры), испугавшіеся козы; бѣгство Наполеона на лыжахъ; нѣбныя французы, гонимые старостихою Василисой (изъ Сычевокъ, Смоленской губерніи, дѣйствительно бывшею грозой французовъ); карантинъ для Наполеона, по возвращеніи его изъ Россіи и т. п.

На Сласскомъ мосту и у Казанскаго собора тогда во множествѣ продавались дубочныя картинки, изображавшія «Давилу да Гвоздилу,» ополченіе бабъ, вооруженныхъ вилами и рогатинами, идущихъ на французовъ, французскихъ солдатъ въ салопахъ и киверахъ, въ церковныхъ ризахъ, въ мѣховыхъ женскихъ шапкахъ и пр. и пр. Къ нимъ кстати пошла картина о томъ, какъ польскаго короля Понеля мыши съѣли *). Русскіе не добромъ вспомяли поляковъ, потому что они въ Москвѣ нестествовали бо-

*) Вѣроятно, эта картина подала мысль Нахимому написать свои саркастическіе стихи на смерть Понеля, которые обанчиваются такъ: какъ будто бы король огарокъ свѣчки сальной.

лѣе французовъ; Поляки да Безпальцы (Вестфальцы) были злѣе всѣхъ, рассказывали московскіе простолудины, оставшіеся въ Москвѣ, во время ея грома.

Веселье шло за весельемъ: 24-го апрѣля московское дворянство праздновало, въ одно время, побѣды и щедроты Государя, который прислалъ на исправленіе дома Благороднаго Собранія 150.000 р. На празднество это приглашены были и именитые купцы. Громкій оркестръ музыки и хоръ пѣвчихъ исполнили польскій, сочиненный на этотъ случай:

Вѣсть громчайшая несется
На крылахъ съ береговъ Невы,
Радость нова въ души льется
Къ оживленію Москвы и т. д.

25-го апрѣля, Московскій университетъ имѣлъ торжественное собраніе *). Засѣданіе открылось музыкой, потомъ профессоръ Тимковскій произнесъ рѣчь въ честь избавителя народовъ. Затѣмъ пропѣты были куплеты, изъяслявшіе общее настроеніе. Н. Н. Сандуновъ заключилъ собраніе чтеніемъ оды, на взятіе Парижа, сочиненной попечителемъ университета П. Кутузовымъ. А. Θ. Мерзляковъ также приготовилъ стихи, но, по болѣзни, не могъ быть въ собраніи.

Вечеромъ въ этотъ день былъ маскарадъ въ купе-

*) Университетъ имѣлъ собраніе свое на Кисловкѣ, въ домѣ, гдѣ послѣ находился пансіонъ г-жи Кноль, потому что послѣ пожара университетскій домъ еще не былъ исправленъ.

ческомъ собраніи *), помѣстившемся въ домѣ Апраксина. Цыгане возвратились изъ Ярославля, и громко гикали, увеселяя публику слѣдующею либимою тогда пѣсней:

Наши грянули по-свойски:
Мы не знаемъ по-заморски,
Нутка казачка!
Чуть прослышитъ Корсиканецъ:
«Провались проклятый танецъ,
Дастъ онъ мнѣ толчка!»
Бонапарту не до пляски,
Растерялъ свои подвязки
Закричалъ: пардонъ! и т. д.

26-го апрѣля генераль-майоръ П. А. Позняковъ угощалъ у себя въ домѣ Москву маскарадомъ **); дамы появились туда въ роскошныхъ богатыхъ сарафанахъ и въ кокошникахъ, унизанныхъ жемчугомъ. Хоръ пѣлъ:

Богъ и слава съ нами, съ нами!
Вѣстникъ къ намъ царевъ доспѣлъ
Орлими махнулъ крыльями,
Россъ въ вѣнцахъ въ Парижъ взлетѣлъ.

Тамъ въ залѣ поставлена была аллегорическая картина: на быстрыхъ коняхъ мчится колесница, ея управляютъ гении, Александръ стоитъ на колесницѣ, Ми-

*) Тогда въ маскарадахъ появлялись за костюмированные плѣнными французами.

**) Это былъ прекрасный домъ съ колоннадою, выстроенный архитекторомъ Бове; по смерти Познякова его купилъ князь Н. Б. Юсуповъ и совершенно перестроилъ его.

перва вѣнчаетъ его лаврами, подъ колесами лежитъ чудовище, уже безглавое, сзади море и Меркурій; у колесницы окованная Европа, представленная въ видѣ женщины; донской казакъ снимаетъ съ нея цѣпи, — вверху летитъ слава съ трубой и развиваетъ знамя съ надписью:

Ты чудо изъ чудесъ подъ солнцемъ совершилъ:
Ты міру цѣлому свободу возвратилъ.

Въ маскарадѣ были замѣчательныя маски, представлявшія французскихъ офицеровъ, въ истасканныхъ мундирахъ, съ соломенными эполетами и съ шитьемъ изъ мочалы; исподнее платье на нихъ было: одна половина изъ парчи, а другая изъ холста; они танцовали каррикатурно, безъ музыки, при барабанномъ боѣ.

3-го мая совершенно было въ Казанскомъ соборѣ десять бракосочетаній изъ бѣдныхъ купеческихъ и мѣщанскихъ семействъ; для нихъ былъ приготовленъ обѣдъ у главнокомандующаго, куда они изъ церкви и прибыли, въ сопровожденіи градскаго главы Кожевникова и почетныхъ гражданъ: Куманина, Полетаева, Титова, Петрова и др. Ихъ встрѣтилъ самъ графъ и начальники полиціи: Ивашкинъ, Волковъ и другіе. Столъ накрытъ былъ на 40 приборовъ, новобрачныхъ рассадили попарно; ихъ угощали радушно, обращались съ ними ласково. Послѣ, предъ отпускомъ ихъ домой, каждой новобрачной парѣ дали по 300 руб. изъ пожертвованныхъ купечествомъ денегъ.

10-го мая, артисты Императорскаго Московскаго Театра (въ домѣ Апраксина) давали концертъ: сперва

играли увертюру, съ турецкою музыкою, соч. Фоглера, потомъ шло тріо изъ Русалки: Кто бѣднымъ милости творить. Г-жа Насова пѣла пѣснь, по случаю отъѣзда Царицы-матушки къ Царю-батюшкѣ: «Понесися по поднебесью птица милая голуб ушка».

13-го мая, П. А. Позняковъ давалъ еще спектакль, въ пользу раненыхъ нашихъ воиновъ. Играли: Подложный кладъ и Обороченье *), пѣли новую арію на вшествіе Александра въ Парижъ.

Послѣ блестящаго сокольничьяго гулянья (1-го мая) начались гулянья въ Нескучномъ саду. Тамъ химикъ Карасевскій показывалъ опыты несгораемости. Тогда внутри Москвы, для публичнаго гулянья, существовалъ одинъ только Тверской бульваръ, усаженный березками; онъ сталъ приводиться въ лучшее состояніе и усаживаться липами уже при военномъ генераль-губернаторѣ князѣ Дм. Вл. Голицынѣ. Посѣщалась еще по праздникамъ Марьино роща, гдѣ палатку содержалъ Ивлевъ. Аристократическое гулянье было въ Дворцовомъ саду (нынѣ Кадетскій садъ въ Лефортовской части).

Наконецъ наступило самое главное и самое великолѣпное торжество изъ торжествъ въ Москвѣ, 19-го мая. Учредителями этого праздника были: князь П. А. Вяземскій, А. Л. Валуевъ, А. П. Вельяминовъ, А. М. Пушкинъ, С. О. Бергманъ, Д. М. Полторацкій, И. Н. Поливановъ, М. М. Солнцевъ: членовъ этого праздника было до 80 ч. При извѣстіи о взятіи Парижа,

*) У Познякова были двѣ славныя актрисы (крѣпостныя): Любомирская и Любочинская.

нѣкоторые изъ помянутыхъ лицъ, въ изъявленіе сердечныхъ чувствъ своихъ, согласились торжествовать это великое событіе. Гдѣ же приличнѣе праздновать славу Россіи, какъ не въ Москвѣ, которая пожертвовала собою для спасенія отечества? Кому же и участвовать въ этомъ торжествѣ, какъ не дворянству, которое положило на алтарь отечества жизнь и достоиніе свое, по первому воззванію Государя? Домъ для совершенія праздника избранъ былъ г-на Полторацкаго у Калужскихъ воротъ. До половины мая стояла все ненастная погода, потому и назначили устроить праздникъ 19-го мая, ровно чрезъ два мѣсяца послѣ взятія Парижа. За два дня до праздника, депутація отъ учредителей отправилась къ главнокомандующему съ просьбой: почтить это празднество присутствіемъ; по полученіи отъ него удовлетворительнаго отвѣта и благодарности за приглашеніе, учредители лично пригласили всѣхъ особъ двухъ первыхъ классовъ, кавалерственныхъ дамъ и фрейлинъ; къ прочимъ почетнымъ особамъ посланы были пригласительные билеты, числомъ до 800.

19-го мая утро было прекрасное, но въ половинѣ дня пошелъ дождь; однако въ три часа по полудни небо очистилось отъ тучъ и солнце весело выглянуло. На площади, предъ домомъ, и въ саду г. Полторацкаго разставлены были три роты мушкатеровъ Тарутинскаго полка, и, сверхъ того, въ саду, около фейерверка, 100 человекъ артиллеристовъ. Въ 4 часа по полудни, нушенная въ саду вѣстовая ракетка подала знакъ къ приготовленію; потомъ 2-я и 3-я возвѣстили нача-

ло праздника. 51 выстрѣль Марсова огня (по 1 фун. въ каждомъ шлагѣ) были сигналомъ къ нему; вмѣстѣ съ этимъ, вдругъ на дворѣ и на площади загремѣла разная музыка: пѣсельники, рожечники и пр.; на возвышенныхъ площадкахъ, нарочно для того устроенныхъ, грянули хоры; балансеры, потѣшники, цыгане, въ свою очередь начали ревностно исполнять свое дѣло; заскрипѣли качели, открылись карусели, комедіи, ташеншилеры. с

Между тѣмъ высшая публика начала съѣзжаться въ 6 часовъ по полудни въ убранныя залы дома. Во всѣхъ дверяхъ висѣли гирлянды изъ живыхъ цвѣтовъ, окружая вензеловое имя государя, сдѣланное изъ розъ и серебра; по стѣнамъ опущенные изъ гирляндъ фестоны, иллюминированные шкаликами, блестящимъ образомъ освѣщали комнаты; пныя изъ нихъ украшены были симметрическими разставленными померанцевыми деревьями. Въ одной изъ комнатъ былъ настоящій садъ, роскошный уголокъ Италіи, живописно пестрѣвшій, улыбавшійся цвѣтами. Вдали, въ анфиладѣ комнатъ, представлялся боскетъ, устроенный изъ лавровыхъ, померанцевыхъ деревьевъ и миртовъ; въ немъ, какъ за шпалерами, скрывался оркестръ.

Въ 9 часовъ вечера прибылъ туда графъ Растопчинъ; его пригласили въ залу, въ устроенный театръ. По вкусу и красотѣ убранства, это былъ настоящій волшебный чертогъ. Вся многочисленная публика помѣстилась на приготовленныхъ мѣстахъ и началось представленіе пролога, подъ названіемъ: Храмъ безсмертія, слѣдующаго содержанія: Россія тоскуетъ о

своей разлукѣ съ Царемъ, умоляетъ небеса о сохраненіи дней его и о скоромъ возвращеніи его къ ней. Вдругъ входитъ Европа, въ сопровожденіи европейскихъ народовъ и, бросаясь въ объятія Россіи, съ восторгомъ объявляетъ ей о своемъ избавленіи, о взятіи Парижа и о повсемѣстномъ возстановленіи спокойствія. Тутъ же появляется Слава и громко извѣщаетъ всѣхъ, что дѣла избавителя Европы отверзли ему храмъ безсмертія. Декорація, изображавшая лѣсъ, быстро перемѣняется и представляетъ, посреди зеленого холма, усыпаннаго цвѣтами, храмъ безсмертія, посреди котораго, на высококомъ, богатомъ пьедесталѣ, пскрящемся драгоцѣнными камнями, видѣется бюстъ государя; два генія, по бокамъ его, держатъ надъ нимъ вѣтви масличную и миртовую; предъ пьедесталомъ, на двухъ жертвенникахъ, курится ѳиміамъ, на тумбѣ, подъ бюстомъ, горятъ огненными буквами извѣстные стихи князя Вяземскаго:

Мужъ твердый въ бѣдствіяхъ и скромный побѣдитель:
Какой вѣнецъ ему, какой ему алтарь?
Вселенная: пади предъ нимъ, онъ твой спаситель,
Россія! Имъ гордись, онъ Сынъ твой, онъ твой Царь!

Россія падаетъ предъ бюстомъ на колѣни, Слава вѣнчаетъ его лавровымъ вѣнкомъ, а народы европейскіе съ восторгомъ и умиленіемъ воспѣваютъ ему свою благодарность, украшая подножіе пьедестала вензелами изъ розъ, лавровъ и миртъ. Этотъ храмъ и бюстъ оставались открытыми во все продолженіе праздника. Слова пролога были сочинены А. М. Пушкинымъ, музыка Морини. Восхищеніе публики, при от-

крытіи храма, когда передъ ней явился бюстъ императора, было невыразимо: раздался взрывъ рукоплесканій и громкое ура! Изъ аллегорическихъ лицъ, составлявшихъ прологъ, Россія была особенно великолѣнна. Чувства свои къ царю, звучно, прекрасно и трогательно, выразила она въ слѣдующихъ стихахъ:

Къ нему моя любовь

О Боже! ясно доказалась:

Лилась Россіи кровь,

И грудь моя нещадно раздиралась.

Смерть зрѣла я моихъ сыновъ,

Но врагъ не наложилъ оковъ;

Къ царю я вѣрной пребывала,

На брань молодыхъ и старцевъ созывала,

И, жертвуя собою,

Лишь слезы я лила, но не роптала.

Дѣйствующія лица пролога были:

Россія—шиягиня В. О. Вяземская.

Европа—дѣв. Тат. Александр. Лунина.

Слава—дѣв. Варв. Дм. Бахметева.

Хоръ европейскихъ народовъ (въ блестящихъ національныхъ костюмахъ):

Испанія—дѣв. Анна Алекс. Лунина.

Турція—кн. Е. А. Шаховская.

Португалія—С. Ал. Волкова.

Швейцарія—дѣв. Ир. Дм. Полторацкая.

Шотландія—дѣв. Нат. Ал. Корсакова.

Кроація—дѣв. Аг. Дм. Полторацкая.

Англія—кн. Ал. Ал. Шаховская.

Италія—дѣв. Высоцкая.

По окончаніи пролога, пущено было нѣсколько ракетъ,—это былъ сигналъ начала фейерверка. Онъ начался 101 выстрѣломъ марсова огня и былъ расположенъ слѣдующимъ образомъ:

Сперва два большіе фонтана, букетъ римскихъ свѣтъ, за тѣмъ слѣдовали: три большія колеса, букетъ бураковъ и потомъ огромный щитъ, представлявшій Храмъ Славы, посреди котораго, въ огненномъ сіяніи, изображалось украшенное лавровымъ вѣнкомъ вензелевое имя Александра; въ архитравѣ была надпись: Спасителю Европы; внизу, на ступеняхъ: Вѣрность и непоколебимость сыновъ Россіи. По сторонамъ храма возвышались пирамиды съ гербомъ Россіи и надписями на правой: 19-е марта, на лѣвой: 1814 г. За тѣмъ было еще два лебедя, спущенные на воду, букетъ (изъ 15 пуд.) брадкугелей, букетъ (изъ 15 пуд.) бураковъ. Фейерверкъ заключенъ былъ павильономъ изъ нѣсколькихъ тысячъ фунтовыхъ ракетъ. Наконецъ зажжена была на дворѣ блистательная иллюминація (на 27 саж.); въ серединѣ каскадъ, надъ нимъ огромный щитъ, на которомъ императоръ Александръ былъ представленъ въ видѣ ангела, стоящаго на земномъ шарѣ; въ правой рукѣ его пламенный мечъ, наклоненный внизъ, знаменовалъ конецъ войнѣ; лѣвая рука, простертая къ нему, изображала, что монархъ относитъ всѣ, совершенныя имъ славныя дѣянія, къ милосердію небесному. У ногъ его, спереди, извивающаяся змѣя представляла земную твердь; сзади дельфинъ—море; надъ главою двуглавый парящій орелъ осѣнялъ его масличною вѣтвію и лавровымъ вѣнкомъ.

Съ правой стороны солнце озаряло его славу, съ лѣвой восходящая луна знаменовала возстановленіе тишины и спокойствія; по сторонамъ щита были устроены разные атрибуты, а внизу, въ архитравѣ, надпись пылающими буквами: Слава въ вышнихъ Богу и на земли мѣръ. Надъ щитомъ вензелевое имя государя въ сіяніи; внизу, подъ каскадомъ, надъ атрибутами земледѣлія, надпись: И раскуютъ мечи свои на оралы и копія свои на серпы *).

Щитъ соединенъ былъ колоннадою съ пирамидами, устроенными съ обѣихъ сторонъ его; на нихъ представлена была съ правой стороны Россія, въ видѣ молодой и прекрасной женщины, возлагающей на стоящій предъ нею древній жертвенникъ діадему Кибелы, которую она сняла съ себя. Кибелиной діадемѣ, составленной изъ башенъ, данъ былъ видъ кремлевскихъ стѣнъ и Ивановской колокольни, а на діадемѣ помѣщенъ былъ московскій гербъ, въ ознаменованіе великой жертвы, принесенной Москвою; надпись: торжествуетъ. Вверху пирамиды, подъ карнизомъ, въ лавровомъ вѣнкѣ надпись: 19 марта, 1814 г.; съ лѣвой стороны Европа, въ видѣ величественной женщины, сидящей на рогѣ изобилія, съ шишакомъ на головѣ, и съ разбросанными цѣпями у ея ногъ. Лежащія съ правой стороны на подушкѣ корона и скипетръ изображали покорность ея предъ монархомъ; правая рука ея, положенная на грудь, и обращенныя очи къ вензелевому имени Александра, представленному въ сі-

*) Исаія гл. 2, ст. 4.

яніи надъ главнымъ щитомъ, означали благодарность ея къ своему избавителю; надпись: избавлена. Вверху пирамиды, надъ карнизомъ, надпись надъ лавровымъ вѣнкомъ: Лейпцигъ, 6 окт. 1813 г.

Колонны были украшены разными воинскими атрибутами, означавшими конецъ войнѣ; они испещрены были надписями чиселъ и мѣсяцевъ многочисленныхъ побѣдъ русскаго войска, которыми ознаменованы были года: 1812, 13 и 14-й, какъ-то: Тарутиню, Малый-Ярославецъ, Красное, Духовщина, Люценъ, Бауценъ, Кульмъ, Бриеннъ, Монмартръ и пр. Верхъ же ихъ составляли, вмѣсто жертвенниковъ, каски, бомбы и пр. Въ нихъ курился еиміанъ.

Между тѣмъ какъ въ домѣ начался балъ польскимъ, садъ, въ которомъ сожженъ былъ фейерверкъ, вдругъ ярко освѣтился иллюминаціей изъ разноцвѣтныхъ огней; онъ отворенъ былъ для дворянъ и купечества по билетамъ (ихъ роздано было до 5.000). Въ саду, въ разныхъ мѣстахъ, поставлены были музыканты, пѣсенники и рожечники. Деревя и берега прудовъ были унижены многочисленными огнями, по водѣ были пущены ботики, также сверкавшіе переливными огнями.

Музыку на польскій написалъ Рейнгартъ, стихи—
кн. Вяземскій.

Упаль на дерзкія главы
Громъ мести сильный и правдивый,
Знамена—мстители Москвы—
Шумятъ надъ Сеной горделивой:
Возстань, о древній градъ царей!

И отряси съ чела туманы,
Да славою твоихъ дѣтей
Твои цѣлятся пышъ раны.

Хоръ:

Мы празднуемъ твою здѣсь мечь,
Москва! хвала тебѣ и честь!
Твои развалины священны,
Онѣ гробницей бѣдъ вселенной, и т. д.

Въ саду, въ разныхъ мѣстахъ, пѣли пѣсенники:

Поите, радуйтесь, ребята!
Александръ нашъ вѣрный щить,
Имя русскаго солдата—
Тамъ—и за моремъ гремитъ!...
Бѣлый царь шутить не любить,
Онѣ французамъ доказаль
Что тому жить плохо будетъ,
Кто зло Русскимъ помышляль.
Гость незваный къ намъ явился,
Не во снѣ, а на яву,
И тѣмъ, извергъ, веселился,
Что жегъ матушку-Москву,
Сердце вздрогнуло, ребята!
Мы въ Парижѣ, слава намъ!
Ужъ не стало супостата,
Миръ землѣ—и миръ врагамъ!
Поите, радуйтесь, ребята! и т. д.

(Стихи В. Л. Пушкина, музыка Морини).

Въ часъ по полуночи отворились въ нижнемъ этажѣ залы для ужина; въ нихъ накрыты были столы

на 350 персонъ; во все продолженіе ужина пѣты были нарочно къ этому случаю сочиненные куплеты: Храни Господь для насъ отечества отца, Храни его! Еще стихи В. Л. Пушкина:

Хвала тебѣ, о, царь-отецъ!
Десницей сильной ты своею,
Свершилъ всѣмъ подвигамъ конецъ и т. д.

При окончаніи ужина, при громкомъ звукѣ трубъ и литавръ, начали пить за здоровье государя—и хоръ грянулъ:

Многія лѣта! Многія лѣта
Спасшему царства праведной битвой:
Слава Россіи, радости свѣта—
Многія лѣта! Многія лѣта!...

Соч. кн. Вяземскаго.

Такъ кончилось это великолѣпное торжество. *)

Государь возвратился въ Россію 13 іюля, и былъ встрѣченъ пѣснью:

Ты возвратился, благодатный....

Миръ съ Франціей подписанъ былъ 30-го мая въ Парижѣ: «Да водворится на всемъ шарѣ земномъ спокойствіе и тишина!» произнесъ Александръ.

*) Источниками для описанія этого праздника служили мнѣ всѣ русскія періодическія изданія того времени, а болѣе брошюра, подъ названіемъ: Описаніе праздника, даннаго въ Москвѣ 19 мая 1814 года обществомъ благородныхъ людей, по случаю взятія русскими войсками Парижа. Она напечатана была того же года, въ нѣсколькихъ экземплярахъ, вѣроятно, для почетныхъ особъ.

Юля 16-го 51 выстрѣль извѣстилъ Москву о прибытіи посланнаго отъ государя, генерала Васильчикова, съ извѣстіемъ о заключенномъ мирѣ съ Франціей. Московское дворянство поднесло вѣстипку мира табакерку въ 10.000 р., осыпанную брилліантами, а купечество 2.500 червонцевъ.

Въ день рожденія государя на нѣкоторыхъ домахъ появились затѣйливые транспараны съ эмблематическими украшеніями, ярко иллюминированные; именно съ этого времени освѣтились свѣтозарною надеждой и души безпріютныхъ московскихъ жителей: *) нашъ государь не подпишетъ, но предпишетъ миръ, говорили они.

Предсказанія эти совершились. Замѣчательно что еще въ стихахъ поэта прошедшаго столѣтія, В. Петрова, 1777 года, на рожденіе великаго князя Александра пророчески сказано:

Герой, герой изыдетъ въ свѣтъ,
Онъ силой свыше облечется—
И Александромъ наречется,
Ему поклонятся языки,
Его почтутъ земны владыки, и т. д.

Ровно черезъ мѣсяць по изгнаніи непріятелей изъ

*) Квартіры тогда были очень дороги; многіе немущіе жили въ подвалахъ чужихъ домовъ, въ казармахъ, въ наскоро сколоченныхъ шалашахъ, несмотря на стужу; нѣкоторые же, по протекціи, поселились въ Екатерининской богадѣльнѣ и въ домѣ умалишенныхъ, въ особыхъ отдѣленіяхъ.

Москвы пришло изъ Виѣаніи въ Москву печальное извѣстіе о кончинѣ митрополита Платона, прозваннаго сѣвернымъ Златоустомъ. *) Еще есть въ живыхъ старожилы, помнящіе то время, когда онъ, въ дни печальныхъ событій, проживалъ въ Махрищенскомъ монастырѣ, **) и носилъ какъ бы трауръ по плѣненной Москвѣ; онъ не возлагалъ уже на себя ни панагій, ни орденовъ, но одѣвался въ смиренное платье, въ полурясокъ темнаго цвѣта; вмѣсто же митрополичьяго клобука, съ брилліантовымъ крестомъ, надѣвалъ на голову шапочку въ родѣ скуфы. Митрополитъ Платонъ давно уже чувствовалъ упадокъ силъ; его пользовалъ извѣстный тогда докторъ Мудровъ, который сказалъ ему Virgilіевъ стихъ: Jam sat pratra biberunt (то есть: «луга твои уже довольно напоены тобой»). Пр. Платонъ принялъ это изреченіе за выраженіе: «пора костямъ на мѣсто».

Кончина митрополита призвала Августина въ Виѣанію воздать послѣдній долгъ своему благодѣтелю и похоронить его кости, какъ онъ завѣщалъ ему. ***) По свидѣтельству Симоновскаго отца архимандрита Гера-

*) Князь Шаховской 11-го октября, тотчасъ по отступленіи непріятелей изъ Москвы, отправилъ адъютанта своего, поручика Палицына, къ митрополиту Платону съ извѣщеніемъ объ этомъ радостномъ событіи; этотъ вѣстникъ фамиліей своею напомнилъ ему доблестнаго келаря Троицкой лавры, Авраамія Палицына.

**) Находящемся не въ очень дальнемъ разстояніи отъ Лавры и состоящемъ въ ея вѣдѣніи. См. Начертаніе жизни московскаго митрополита Платона, 1821 года.

***) Въ завѣщаніи митрополита Платона сказано: «погребите мое тѣло въ Виѣаніи, въ приготовленной могилѣ и гробѣ».

сима (современника пр. Августина), архипастырь, при провожаніи тѣла своего благодѣтеля, подходя къ воротамъ Виѳанской обители, прослезившись воскликнулъ:

Виѳанія! грядеть къ тебѣ родитель твой;

Но ты всегда пребудешь сиротой. *)

Послѣ лютыхъ морозовъ природа какъ будто улыбнулась проблескомъ весны; лучи солнца весело, игриво заискрились на оружіи воиновъ и оживотворили ихъ; всѣ съ упованіемъ стали взирать на будущее. Войскамъ дали роздыхъ, пошли приготовленія къ дальнему походу; между тѣмъ запылали костры, на нихъ навѣсили артельные котлы, и весело запылалъ подъ ними кашеварный огонь **).

Съ большимъ торжествомъ, съ распущенными, колышущимися знаменами, хоругвями спасенія всей Европы, при барабанномъ боѣ и при звукахъ Преображенскаго марша, войска наши двинулись а начали переходить границу, вступая въ Варшавское герцогство ***). Многие оглядывались на родину, не зная, увидятъ ли они ее когда-нибудь. Съ этихъ поръ гулъ военныхъ громовъ сталъ отодвигаться все далѣе отъ обѣихъ нашихъ столицъ. Русскіе пошли сражаться и умирать уже не за Москву, а за родное пепелище ея.

*) Онъ похороненъ тамъ въ церкви Лазарева Воскресенія.

**) Разсказъ ветерана, очевидца этого событія.

***) Сынъ Отечества 1813.

Всѣ сыны Россіи въ необъятныхъ ея предѣлахъ, даже за границей, на концѣ Европы, въ Испаніи, особенно въ придавленной Наполеономъ Германіи и гораздо далѣе, за широкимъ Атлантическимъ океаномъ, въ Америкѣ, праздновали это міровое событіе. Въ Константинополѣ капитаны торговыхъ русскихъ кораблей торжествовали побѣды пушечными залпами, грохотъ которыхъ далеко оглашалъ Константинопольскій капаль; суда снялись съ якорей и стали предъ домомъ нашего посланника, который по этому случаю давалъ обѣдъ представителямъ дружескихъ Россіи государствъ. При тостахъ за здоровье побѣдоноснаго русскаго воинства опять началась пальба изъ всѣхъ корабельныхъ орудій; домъ русскаго посланника былъ великолѣпно иллюминированъ: на немъ красовалось вензелевое имя Александра, а надъ нимъ корона и крестъ изъ брилліантовыхъ огней. На набережной и около канала толпились огромныя массы народа; суда какъ будто вспыхнули отъ множества разноцвѣтныхъ фонарей; взлетали на воздухъ и лопались ракеты; англійскіе корабли салютовали этому празднеству своими выстрѣлами *). На многихъ европейскихъ языкахъ, въ томъ числѣ и на португальскомъ, въ честь Александра, были написаны оды.

Въ Петербургѣ чувствовали отсутствіе царя и молились за него; но тамъ была двойная радость: спасеніе отъ враговъ Москвы и Россіи, и самого Петербурга гр. Витгенштейномъ. Грозою надвигалась на но-

*) Сѣверная Почта 1813.

вую столицу вражеская туча, многія драгоценности ея уже были нагружены на барки, чтобъ увести ихъ внутрь Россіи, въ безопасное мѣсто, по скоро, по минованіи этой грозы, все пришло въ прежнее положеніе. 1-го января новаго года въ Петербургѣ, въ Казанскомъ соборѣ, съ большимъ торжествомъ совершено было напутственное молебствіе за благополучное движеніе нашихъ войскъ за границу и за сохраненіе здравія и благоденствія державнаго предводителя ихъ; это молебствіе совершилъ преосвященный Амвросій со всѣмъ высшимъ духовенствомъ. По окончаніи его оберъ-прокуроръ сената, Хитровъ, прочелъ манифестъ объ этомъ событіи, послѣ чего началась пальба съ адмиралтейской крѣпости, слившаяся со звономъ всѣхъ столичныхъ колоколовъ; вечеромъ городъ озарился блистательною иллюминаціей.

«Москва далеко еще не окончила своего туалета», мрачное клеймо пожара глубоко впилося въ обгорѣлыя стѣны ея; одинъ Иванъ Великій, потрясенный въ своемъ основаніи, но не сокрушенный страшнымъ взрывомъ Кремля, возносился надъ грудой развалинъ его, свидѣтельствовавшихъ о пронесшемся надъ нимъ огненномъ ураганѣ*). Близъ заставъ столицы замѣтно было болѣе признаковъ жизни: тамъ находились караульни, тамъ, въ наскоро сколоченныхъ шалашахъ, мель-

*) Даже березки, которыя насажены были на набережной Москвы-рѣки, между надолбами, были опалены. Въ Кремль долго никого не пускали, у всѣхъ воротъ его стояли казаки; первый въѣхалъ въ развалины его, тотчасъ по выступленіи изъ него неприятелей, предводитель владимірскаго ополченія, извѣстный драматургъ, князь Шаховской.

кали огоньки, оттуда раздавался говоръ и протяжные оклики: слушай! Тамъ расположены были части московскаго и владимірскаго ополченія, у самыхъ же заставъ стоялъ эскадронъ Изюмскихъ гусаръ. Когда еще не успѣли внести въ Москву полицейскую администрацію, въ ней было далеко не безопасно; нашлось не мало людей, покушавшихся вторгаться въ ограбленный городъ и собирать изъ него послѣднія крохи, въслѣдствіе чего графъ Растопчинъ издалъ послѣднюю свою афишу, въ которой увѣщевалъ окрестныхъ жителей столицы помогать расхищенной Москвѣ, а не причинять ей вреда: «вы не разбойники, а христіане,» говорилъ онъ*).

Въ то время появился въ Москвѣ ловкій мошенникъ Савка**), по преданію, жившій въ разныхъ мѣстахъ ея, въ пустыряхъ, которыхъ было много въ столицѣ еще и до нашествія неприятелей, въ окраинахъ города; онъ, подобно смѣлому разбойнику Изюмову, дѣйствовавшему въ концѣ прошедшаго столѣтія, поздно вечеромъ прогуливался по темнымъ улицамъ Москвы на

*) Предъ вшествіемъ неприятелей въ Москву, въ окрестныхъ деревняхъ появились большіе воза съ пиками, которыя раздавали крестьянамъ, по числу жителей мужескаго пола (отъ 12 дѣтъ, для возбужденія народной войны; въ селѣ Всесвятскомъ у нѣкоторыхъ старожилонъ онѣ еще сохраняются, какъ памятники того времени). По выходѣ неприятелей изъ Москвы, многіе жители ея, за недостаткомъ квартиръ въ городѣ, поселялись въ ближнихъ деревняхъ. Въ Большихъ Мытищахъ находился штабъ казацкаго войска и часть артиллеріи; отсюда смѣло влетали казаки въ Москву, для развѣдокъ о положеніи неприятелей и столицы, и такимъ же образомъ ускокивали изъ нея.

**) Вѣроятно старожилы помнятъ его, или слышали о немъ.

ходуляхъ, окутанный въ бѣлую простыню; ухитрившись испускать пламень изо рта, онъ страшно пугалъ и обиралъ суевѣрныхъ прохожихъ; на рукахъ его надѣты были длинные желѣзные когти, царананье которыхъ тяжело отзывалось на тѣлѣ попадавшихся ему навстрѣчу прохожихъ.

Замѣтимъ кстатн, для характеристики того времени, что полиція въ Москвѣ, въ началѣ XIX столѣтія, была далеко не въ блестящемъ положеніи. Московская Управа благочинія открыта была только въ 1872 году, по представленію главнокомандующаго Москвы, графа З. Гр. Чернышова; въ описываемое мною время она еще не вполне сформировалась. Тогда существовала особая ночная стража изъ обывателей, въ обязанности которой входило и тушеніе пожаровъ, что исполнялось неохотно и нерадиво, вслѣдствіе чего новый начальникъ Москвы, князь Прозоровскій, далъ управѣ предписаніе чтобъ она строго взыскивала съ обывателей за то, что они высылаютъ на стражу и на ножаръ стариковъ да малолѣтковъ; князь приказалъ домоправителей и самихъ хозяевъ домовъ, за нарушеніе его приказа, сажать въ смирительный домъ или штрафовать ихъ палочьемъ.

Эта стража, выходя, по очереди, на службу, въ полушубкахъ, съ костьюми въ рукахъ, надѣвала форменные картузы: бѣлые, красные, зеленые, синіе, желтые и голубые, также съ разноцвѣтными цифрами на нихъ, для различія по частямъ, которыхъ считалось тогда 20 (со включеніемъ упраздненныхъ послѣ: Новинской, Таганской и Покровской). Частные пристава именовались тогда инспекторами, наздиратели кварталовъ

унтеръ-инспекторами, помощники же ихъ комиссарами. При управѣ, то-есть во всей полиціи, состояло 180 драгунъ и два гусарскіе эскадрона, сформированные изъ праздношатающихся разночинцевъ и вербовкой изъ вольноопредѣляющихся *). Порядокъ этотъ продолжался съ небольшими измѣненіями до 1812 года. Фонари стояли тогда почти только на большихъ улицахъ, въ 40 саженьяхъ разстоянія одинъ отъ другаго; освѣщеніе ихъ было тусклое; мостовыя также находились только въ срединѣ города; тротуаровъ не было и помину. По нѣкоторымъ улицамъ раскиданы были большіе камни; прохожіе, въ дождливое и темное время года, перескакивали съ камня на камень, съ фонарями въ рукахъ, или старались проходить, прижимаясь къ домамъ, чтобъ ихъ не задавили. Впрочемъ, особенно по ночамъ, шибко ѣздить дозволялось только священникамъ съ церковными требами, лѣкарямъ и повивальнымъ бабкамъ **).

Чего же можно было ожидать отъ полиціи послѣ разгрома Москвы! Предъ вшествіемъ въ нее непріятелей, графъ Растопчинъ вывезъ изъ нея пожарные инструменты, приказалъ выпустить изъ всѣхъ тюремъ и изъ острога колодниковъ, съ полуобритыми головами, звѣрскаго вида, которые неистовствовали, разбивая кабаки и бѣгая по городу, вооруженные дубинами, кистенями и топорами, восклицая охриплыми голосами: «Гдѣ, гдѣ французы, давай ихъ сюда, не давай имъ пардону!» Въ числѣ ихъ, по преданію, находились

*) Матеріалы для сравнительной статистики Москвы, 1841.

***) Акушеровъ тогда называли бабичами; см. Русскій Словотолкователь.

оставленные графомъ въ Москвѣ зажигальщики *). Весь этотъ темный людъ, вмѣстѣ съ другими не благонамѣренными людьми, явился на грабежъ, всюду отыскивая припрятанное добро горожанъ, даже въ замуравленныхъ стѣнахъ. Не скоро они были усмирены и посажены опять въ свои клѣтки.

Можно ли было веселиться въ Москвѣ, глядя на стѣны безъ кровель, на обезглавленные церкви, на мрачныя и закоптѣлыя трубы и печи, стоявшія какъ остовы. Смотря на полуразрушенные дома съ провалившимися потолками, на окна забитыя досками или закладенныя кирпичами, и слыша какъ свиститъ и воетъ морозный вѣтеръ, пролетая сквозь выломанныя двери и звучно шевеля полуоторванными желѣзными листами крышъ, всякій невольно приходилъ въ содроганіе. На улицахъ, по совѣту доктора Воробьевскаго происходило еще куреніе хворостомъ и можжевелникомъ, какъ средство противъ смѣшаннаго зловонія гари, смрада и разложенія труповъ, не отысканныхъ еще въ подпольяхъ, въ погребахъ и въ колодцахъ **).

*) Наполеонъ назвалъ графа Растропчина Геростратомъ, по взрыву Кремля даетъ болѣе правъ на это наименованіе самому Наполеону; онъ хотѣлъ сдѣлать то же и съ славнымъ памятникомъ взятія Казани, съ Покровскимъ соборомъ (Василіемъ Блаженнымъ), называя его не христіанскимъ храмомъ, но мрачною индійскою пагодой.

**) Въ Шереметевской больницѣ, но болѣе въ главномъ госпиталѣ (Лефортовской части), долго лежало тогда множество тяжело раненыхъ неприятелей и Русскихъ; извѣстный въ то время докторъ Гильдебрандтъ лично ходатайствовалъ о нихъ предъ Наполеономъ. Въ той сторонѣ послѣ также жгли трупы, а по сосѣдству, на Введенскихъ горахъ, на Пѣмецкомъ кладбищѣ, въ склепахъ, спасались Москвитяне и прятали тамъ свое имущество.

Въ нижнихъ этажахъ обгорѣлыхъ домовъ образовались, для приюта жителей, какія-то сурковыя норы, завѣшенные рогожами, сквозь которыя тускло мелькали огоньки, а вновь прибывшіе жители бродили по пепелищу какъ тѣни, отыскивая себѣ жилища и пропитанія.

Вотъ въ какомъ траурномъ видѣ и при какихъ тяжкихъ обстоятельствахъ наступалъ для Москвы новый 1813 годъ! Было еще мѣсто, гдѣ бился пульсъ жизни—это открывшіеся толкучіе рынки на нѣкоторыхъ площадяхъ; туда стекались иногородные промышленники и поселяне съ разными товарами; почти черезъ всѣ заставы тянулись обозы съ жизненными припасами, съ матеріалами для строенія и съ дровами *). Вozа ѣхали чрезъ неогороженные сады съ обгорѣлыми деревьями, — проселкомъ поближе, — и останавливались на площадяхъ; туда же сходились ремесленники: каменщики, печники, аргуны **) и пр., предлагавшіе кому угодно свои услуги. Тамъ открылись и балаганчики съ продажей мяса. Голодные жители Москвы такъ усердно начали осаждать ихъ, что начальство должно было приставить ко всѣмъ подвижнымъ лавочкамъ казаковъ съ нагайками. Тамъ, на опрокинутыхъ вверхъ дномъ кадкахъ, на настланныхъ доскахъ и на рогожахъ, продавалась всякая рухлядь. Съѣстные припасы были всего дороже; комендантъ Эссенъ, прибывъ

*) Обиліе лѣсовъ въ окрестностяхъ Москвы въ тогдaшнее время дало возможность скоро исправить и выстроить въ ней новые дома.

**) Такъ называются владимірскіе плотники, считавшіеся лучшими строителями деревянныхъ домовъ.

въ Москву, утвердилъ такую на говядину *) и на печеный хлѣбъ **). Лишь только графъ Растопчинъ появился въ своемъ московскомъ домѣ, на Лубянкѣ, немущіе тотчасъ начали осаждать его прошеніями о вспоможеніи. Пользуясь несчастными обстоятельствами жителей, появились разные монополисты, покупавшіе оптомъ прибывавшій въ Москву товаръ, а потомъ продавали его за дорогую цѣну; особенно купцы мѣховщики, одѣвшись попроще въ нагольные, или, какъ тогда называли, въ бяковые тулупы и подпоясавшись покротками, ежедневно рано утромъ выбѣгали за заставы и приобрѣтали за недорогую цѣну разныя пушныя шкурки, перекрашивали, передѣлывали ихъ,—козла на медвѣдя, зайку на горностаюку, собаку на волка (это еноть что лаесть изъ-подъ воротъ, говорили зубоскалы),—и все это спускалось ими за дорогую цѣну продрогшимъ отъ холода и сырыхъ подваловъ московскимъ жителямъ.

Несмотря на грабежъ непріятелей въ Мотквѣ, въ Сѣмянномъ ряду отыскивали еще въ глубокихъ погребяхъ остатки сахарнаго песку, меду и икры, на огородахъ вырывали мерзлый картофель, разбивали для топлива биваки непріятелей, находившіеся близъ Кремлевскихъ стѣнъ, у Тверскихъ и Владимірскихъ

*) Первый сортъ продавался по 20 к. асс., второй по 12 к., третій по 7 к. (Моск. Вѣд. 1813 года).

**) Въ Москву прибывали барки съ мукой; она оказалась недоброкачественною, подмоченною, за то была дешева: фунтъ чернаго хлѣба, испеченнаго изъ нея, продавался по одной деньгѣ. Сперва непріатели черныи хлѣбъ называли с о б а ч ь и м ь к о р м о м ь, но, проголодавшись, кричали: «кѣба, кѣба!»...

воротъ *) и около заставъ. Нѣкоторые изъ этихъ биваковъ были устроены съ большимъ комфортомъ: съ окнами, съ дверями, съ зеркалами, съ полами, устланными коврами, и съ крышами, за недостаткомъ досокъ, изъ ободранныхъ иконовъ.

Многіе сѣтовали тогда о томъ, что не былъ еще открытъ Кремль, а что Москва безъ Кремля! Для этого торжества назначенъ былъ день 1-го февраля, и его ждали съ нетерпѣніемъ. Къ этому времени и дни становятся больше, свѣтлѣе и теплѣе, и на душѣ отрадиѣе; не даромъ искони этотъ мѣсяць у насъ на Руси называется Бокогрѣй.

Къ торжественному открытію Кремля послѣ французскаго разоренія дѣлались большія и спѣшныя приготовления; такъ какъ въ программѣ священнодѣйствій назначенъ былъ и крестный ходъ вокругъ Кремля, то почли необходимымъ очистить окрестныя мѣстности. Самъ графъ Растопчинъ и оберъ-полицеймейстеръ Ивашкинъ, **) предводитель дворянства Арсеньевъ и

*) У Китайской стѣны былъ большой ровъ, куда лили всякую нечистоту; у Владимірскихъ воротъ находился прудокъ съ перекинутымъ на него мостикомъ: тамъ стояла непріятельская батарея; у Тверскихъ воротъ, на площади, около фонарныхъ столбовъ, и на Тверской, противъ частнаго дома, непріатели разстрѣливали зажигателей Москвы и, по преданію, чтобы показать, что они не щадятъ и своихъ, на Русскихъ надѣвали французскіе мундиры.

**) Предъ нашествіемъ непріятелей въ Москву, жители съ удивленіемъ смотрѣли на то, что Ивашкинъ строилъ себѣ Подъ-Новинскимъ новый домъ; квартира и канцелярія его находились на Дмитровкѣ, у церкви Алексѣя Митрополита. Сѣмившій его въ 1817 году оберъ-полицеймейстеръ Шульгинъ перенесъ ее въ домъ, занимаемый нынѣ Мясницкою частію.

прочіе официальные сановники Москвы набѣжали туда и понукали рабочихъ, въ числѣ коихъ было много колодниковъ *) и вольнонаемныхъ людей, находившихся подѣ строгимъ присмотромъ полицейскихъ мушкетеровъ и отставныхъ архаровцевъ. **) Сперва очистили Красную площадь отъ торговыхъ балагановъ, подвижныхъ лавочекъ и выносныхъ очаговъ, на которыхъ пекли, варили и жарили разные съѣстные припасы, проходящихъ ради; все это переведено было на Ильинку, и такимъ образомъ открылся видъ на узорчатый храмъ Василя Блаженнаго и на обширную Красную площадь, гдѣ не задолго до того Наполеонъ дѣлалъ парадные разводы своей гвардіи (сохранившей еще воинственный видъ въ сравненіи съ прочими его обносившимися легіонами), подѣ звуки марша, составленнаго изъ привѣтственной ему пѣсни: *Veillons au salut de l'empire.* ***)

·) Въ то время обыкновенно колодниковъ водили по большимъ улицамъ подѣ стражею, при чемъ они, звуча цѣпями, монотоннымъ голосомъ провозносили параспѣвъ: *ми л о с е р д н ы е
наши батюшки, поусердствуйте чѣмъ-нибудь
бѣднымъ заключеннымъ.* Эти нестройные звуки, съ восклицаніемъ: *ка р а у л ь!* назывались казенными пѣсенками.

··) Императоръ Павелъ, при востшествіи своемъ на престолъ, далъ Ивану Петровичу Архарову званіе московскаго военнаго губернатора и восьмибаталіонный полкъ, получившій названіе Архаровскаго, который помѣшался въ Лефортовскомъ дворцѣ; въ этомъ полку однихъ майоровъ, сверхъ положеннаго числа, было нѣсколько человекъ; они поступали туда по выходѣ изъ гвардіи. Солдаты Архаровцы пользовались, какъ нѣкогда лейбъ-кампанцы императрицы Елизаветы, незавидною славой, по своей разгульной жизни.

···) Чтобъ ободрить себя, отступавшіе, упылые французы пѣли: *Ou peut ou et re mieux qu'au sein de sa famille* (что можетъ

Любопытные горожане, особенно купцы, толпились ококо пожарища гостиннаго двора, вспоминая о цвѣтущей и утраченной торговлѣ своей: «чѣмъ теперь мы будемъ торговать, угольями что-ли?» упыло восклицали они. Вотъ Растопчинъ писалъ въ своей афишѣ: «мы эту тучу отдуемъ, не бойтесь»; тучи-то онъ не отдулъ, а насъ надулъ.» *) Зарядская слободка, то-есть низменное Зарядье, гдѣ жили большею частію ремесленники, и гдѣ скучены были неприглядныя, полуразрушенныя, занесенныя снѣгомъ хибаренки, (изъ нихъ многія сгорѣли), представляла самый безобразный видъ. **) Еще гораздо до нашествія непріятелей на Москву, урочища, сохранившія донинѣ свои названія: Глинище Подоль, Мокрое, Грязь, Горки и т. п. свидѣтельствовали о качествѣ тѣхъ мѣстъ и почвы земли. ***) Все это ко дню открытія Кремля было задвинуто, занесено высокими заборами.

Въ скоромъ времени послѣ освѣщенія Кремля поступила въ продажу картина, изображающая это духовное торжество, съ подписью стиховъ Дмитрія Глѣбова, выражающихъ чувства русскихъ въ Кремлѣ:

быть лучше, какъ находится въ своемъ семействѣ)? Наполеонъ хмурился при звукахъ этой пѣсни: она служила ему укоромъ.

*) Воспоминанія очевидца, Побѣгъ французовъ, брошюра изданная 1813 года. Тогда многіе купцы обанкрутились, а другіе, посмѣтливѣе, нажились. Въ то время обгорѣлые дома и земли продавались за безцѣнокъ. Въ простонародіи шла поговорка: Растопчинъ, Растопчинъ, всю Москву растащилъ.

··) Въ XIV и XV столѣтіяхъ, во время нашествій на Москву враговъ, все это предавалось пламени или расхищенію, и жители слободокъ, находившихся около Кремля: плотники, кузнецы, котельники, толмачи, огородники, столешники, шубники и проч. искали спасенія за кремлевскими стѣнами.

Ограда святости, Кремля высоки стѣны,
 О вы, безмолвные свидѣтели вѣковъ!
 Не сокрушились вы отъ злобы и измѣны,
 Не устрашилися неистовыхъ враговъ.
 Пари ты къ небесамъ, пари, орель двуглавый,
 И съ горной высоты къ народамъ бросивъ взглядъ,
 Перунами блеснувъ, вѣщай имъ съ громкой славой:
 Богъ съ нами, Александръ! ничтоженъ Галловъ адъ.

12-го февраля, въ день Св. Алексѣя Митрополита, молитвенника о всей землѣ Русской, преосвященный Августинъ освятилъ въ кафедральномъ Чудовѣ монастырѣ храмъ, во имя этого Святителя. Чудовъ монастырь находился въ такомъ же поруганіи, какъ и соборы; въ главномъ алтарѣ храма была спальня маршала Даву. Преосвященный, въ первый разъ по удаленіи непріятелей, прибылъ въ Кремль восклицая: Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази его! обзрѣлъ его и смутился тяжкою скорбію, увидавъ тамъ слѣды неистовства враговъ. Вошедъ въ Чудовъ монастырь, онъ не нашелъ въ немъ мощей оспователя этой обители; всѣ сопровождавшіе его стали усиленно отыскивать ихъ, и наконецъ обрѣли въ преддверіи Благовѣщенской церкви, въ хламѣ распоротыхъ и разодранныхъ ризъ. Кромѣ другихъ соборовъ, и Вознесенскій монастырь долго не былъ исправленъ и освященъ: тамъ стояли еще семь французскихъ хлѣбныхъ печей. Преосвященный Августинъ праздновалъ торжества русскаго оружія, слѣдовавшія одно за другимъ—взятіе Варшавы и вступленіе нашихъ войскъ въ Берлинъ—освященіемъ въ Чудовомъ монастырѣ церкви Благовѣщенія Богоматери и особенно Благовѣщенскаго собора

(что у Государя на сѣняхъ). *) Это священнодѣйствіе было также торжественно: изъ дворцоваго храма, въ которомъ встарину обладатели Россіи крестились, говѣли и бракосочетались, двинулся крестный ходъ по всему Кремлю; священники въ богатомъ, блестящемъ облаченіи, несли ковчеги со св. мощами и древніе драгоцѣнные кресты. Преосвященный въ тотъ день произнесъ слово, темою котораго было изреченіе: Сія есть измѣна десницы Вышняго. Въ заключеніе графъ Раstopчинъ, въ трапезѣ Чудовской монастырской церкви, представилъ Августину разоренныхъ жителей Москвы, наиболѣе претерпѣвшихъ отъ непріятелей, въ числѣ 243 человекъ. **) Преосвященный, сдѣлавъ имъ пастырское наставленіе, роздалъ неимущимъ 15.000 р., присланныхъ ему для вспоможенія бѣднымъ отъ С.-П. Общества Призрѣнія разоренныхъ ***).

Съ возвращеніемъ въ Москву ея жителей, обѣ русскія императрицы значительно облегчали участь неимущихъ. Императрица Марія Ѳеодоровна приказала выдавать ссуды погорѣвшимъ и разореннымъ жителямъ Москвы изъ Опекунскаго Совѣта †), и вообще заботилась объ участи сиротъ и бѣдныхъ ††). Императри-

*) Этотъ соборъ такъ именуется въ актахъ со времени царя и донынѣ.

**) Графъ Раstopчинъ зналъ какъ трактовали его московскіе жители, особенно за убіеніе Верещагина; но у него была своя поговорка: Раstopчинъ въ Москвѣ родился и Москвѣ пригодился.

...) *Очерки жизни преосвященнаго Августина, 1848 года.*

†) Онъ прибылъ изъ Казани въ Москву въ концѣ февраля.

††) Замѣчательно что она скончалась 24-го октября, въ день празднованія Всѣхъ Скорбящихъ Божіей Матери.

ца Елизавета Алексѣевна, по движенію добраго сердца своего, въ исходѣ 1812 года учредила женское Патриотическое Общество, увѣковѣчившееся навсегда въ лѣтописяхъ благотворенія; еще гораздо прежде этой грозной эпохи, она отыскивала страдальцевъ и благотѣніями своими мирила ихъ съ судьбою. Часто выѣзжала она въ простой каретѣ, неожиданно посѣщала домъ скорби и нужды и, въ видѣ неизвѣстной посѣтительницы, приносила съ собою отраду несчастнымъ *). И вотъ, со славою русскаго оружія соединилась слава благотворенія, украшающая блескъ побѣдъ и утѣшающая человѣчество. Въ продолженіе всей ея жизни лучшимъ утѣшеніемъ императрицы Елизаветы Алексѣевны было оказывать благотѣнія, особенно когда въ 1806 году она лишилась новорожденной дочери своей, младенца Елизаветы.

Въ женское Патриотическое Общество, называвшееся въ то время вторымъ Провидѣніемъ, вступало много членовъ-благотворительницъ. Для составленія капитала Общества положено было, чтобы каждый дѣйствительный членъ вносилъ въ пользу бѣдныхъ двѣсти рублей, и чтобъ это приношеніе возобновлялось ежегодно на неопредѣленное время. Общество принимало и отъ постороннихъ лицъ денежныя пособія и разныя вещи **). Съ тѣхъ поръ до 1823 года двѣ тысячи восемьдесятъ три семейства, разоренныя непріятелями, получили отъ этого Общества 200,000 руб.; кромѣ того 1,118 семействъ воиновъ ополченія

*) Воспоминаніе объ императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ, С. Н. Глинки, 1827 года.

***) См. отчетъ Общества 1813 года.

получили отъ него болѣе 30 тысячъ ежегоднаго и временнаго вспомошествованія *). Вотъ плоды, вотъ знакіи заботливости императрицы о неимущихъ. Н. М. Карамзинъ, пользовавшійся вниманіемъ ея и имѣвшій случай вблизи видѣть ея щедроты, изобразилъ все это въ то время, въ слѣдующемъ четырехстишіи:

Корона на главѣ, а въ сердцѣ добродѣтель;
 Душой плѣняетъ умъ, умомъ душѣ мила;
 Въ благотвореніяхъ ей только Богъ свидѣтель;
 Хвалима.... но предъ ней безмолвствуетъ хвала!

Сверхъ всего этого, императрица Елизавета Алексѣевна пожертвовала того же 1813 года облаченія въ Успенскій соборъ; по этому случаю преосвящ. Августинъ, освятивъ ихъ (апрѣля 20-го), произнесъ рѣчь, въ которой, между прочимъ, сказалъ: «Тамъ, въ отдаленныхъ странахъ, царь нашъ, гоня и поражая враговъ, отмещаетъ имъ за всѣ удары, нанесенные возлюбленной его Россіи. Здѣсь, въ нѣдрахъ отечества, царица, пронзенная состраданіемъ о несчастныхъ, которые испытали лютость врага, спѣшитъ облегчить участь ихъ щедротами своими, уврачевать язвы ихъ милосердіемъ своимъ, оживить ихъ благостію своею. Тамъ царь мечетъ праведныя громы на нечестіе, поругавшееся святынь; здѣсь царица облакаетъ святыню въ лѣпоту и открываетъ торжество благочестія.

*) См. тамъ же. «Сколь бы ни была дѣятельна благотворительность» (сказано въ отчетѣ Общества), но оно (Общество) непрестанно будетъ встрѣчать бѣдныхъ, и какую бы ни употребляло оно неусыпную попечительность по влеченію состраданія, но нельзя вдругъ отыскать всѣхъ убѣжищъ страдальцевъ, обремененныхъ нищетою и удрученныхъ старостію.

«Сынове Сіони, возрадуйтеся о царѣ своемъ. Обитатели Москвы! воззрите на приношеніе благочестивѣйшей государыни. Воззрите на сіи священныя облаченія, сіяющія златомъ и серебромъ—и благословите благочестіе царицы. Священницы! примите одежды сіи, возложите ихъ на таинственную трапезу Господню, облечытеся въ нихъ и вознесите моленія ваши къ Царю Царствующихъ о помазанныхъ его.»

Между тѣмъ, когда достойные получали достойное, въ Москвѣ образовалась слѣдственная коммиссія для суда надъ нѣкоторыми русскими измѣнниками, находившимися въ службѣ у непріятелей во время пребыванія ихъ въ Москвѣ; къ счастью и чести Русскихъ, ихъ было немного, несмотря на печатныя объявленія Наполеона, которыми онъ приглашалъ въ свою службу чиновниковъ, купцовъ, ремесленниковъ и особенно крестьянъ, чтобъ они въ торговые дни пріѣзжали въ Москву съ жизненными припасами.

Миръ Европы, союзъ государей, торжества и увеселенія въ Вѣнѣ.

Въ заключеніе бросимъ взглядъ на 1815 г. Этотъ знаменательный годъ составляетъ эпоху для Европы; въ теченіи его совершился послѣдній актъ великой, кровавой драмы, начавшейся разыгрываться еще съ юнца прошедшаго столѣтія; съ этого времени измѣняется географическое положеніе нашей части свѣта. 1815 г. начался при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ

для Европы: главный врагъ ея, Наполеонъ, былъ низложенъ, онъ прозябалъ въ томительномъ бездѣйствіи на островѣ Эльбѣ—

«Сложивши могучія руки.» (Орель въ соломенной клѣткѣ).

Язвы, нанесенныя войною, вездѣ успѣшно врачевались: союзные монархи и знаменитые дипломаты на Вѣнскомъ конгрессѣ составляя консиліумъ, для водворенія общаго спокойствія, послѣ военныхъ громовъ *). Вездѣ начались торжества и увеселенія, появились лавры и мирты.

И такъ, въ началѣ знаменательнаго 1815 г. благодатный миръ началъ господствовать на европейскомъ материкѣ; только отъ далекихъ береговъ сѣверной Америки слышался еще гулъ военныхъ громовъ недоконченной войны съ Англіей, но и онъ скоро затихъ....

Средоточіемъ празднованія мира была Вѣна. Еще въ концѣ 1814 г. тамъ происходили большія, спѣшныя приготовленія, для парадной встрѣчи союзныхъ монарховъ; въ день съѣзда ихъ назначено было безденежное представленіе во всѣхъ тамошнихъ театрахъ и блистательная иллюминація города; далѣе слѣдовали: кавалерской праздникъ всѣхъ орденовъ, всенародный столъ при дворѣ, представленіе на придворномъ театрѣ кантаты: Самсонъ, безденежный маскарадъ на 10,000 человекъ, фейерверкъ въ Шенбрунѣ и Лаксенбургѣ и карусель, праздникъ въ саду Аугартенѣ на 40,000 челов., большой парадъ и смотръ

*) Тогда началась дипломатическая война.

народнаго войска, потомъ смотръ всѣхъ народныхъ войскъ. Вскорѣ послѣ того прибыла въ Вѣну и Императрица Елизавета Алексѣевна; она прибыла въ Германію, для свиданія съ своими родственниками; вездѣ ее встрѣчали съ большимъ почетомъ; вслѣдъ за нею выѣхали изъ Петербурга въ Вѣну и Великіе князья: Николай и Михаилъ Павловичи.

Взоры всей Европы обратились туда, гдѣ побѣдоносные судіи должны были устроить судьбу ея; всѣ питались отрадною увѣренностію, что послѣ двадцатипятилѣтнихъ нравственныхъ и политическихъ безпорядковъ наступятъ благопріятныя времена для обитателей ея. Императоръ Александръ прибылъ въ Вѣну на конгрессъ еще 13 Сент. 1814 г. Никогда еще Вѣна не представляла собой такого торжественнаго вида, такой веселой фізіономіи, какъ въ то время, не включая и того случая, когда праздновали тамъ бракъ Наполеона съ Австрійской принцессою, привѣтствія которому были вынужденныя грозными побѣдами его. Въ описываемое мною время привѣтствія императору Александру были самыя сердечныя, задушевныя; аккуратные нѣмцы стали чаще приниматься за бокалы и восклицали: *Es lebe Alexander der grosse!* Тогда сложена была пѣсня, припѣвъ къ которой былъ: «Нѣмцы французовъ откормили, а рускіе ихъ покотили.» Всѣ знали, что Россія въ минувшую войну болѣе всѣхъ претерпѣла; всѣ знали, что она первая расторгла цѣпи Наполеона и широко для всѣхъ отворила дверь въ Европу, безъ строгаго таможеннаго французскаго осмотра. Это начертано неизгладимо на скрижаляхъ исторіи.

Тогда въ Вѣну собрались отовсюду ученые, артисты, ремесленники, фокусники, комедіанты; по улицамъ раздавались музыка, оваціи союзникамъ, на перекресткахъ, въ импровизированныхъ сценахъ, плясали маріонетки, изображая собой какой нибудь эпизодъ изъ недавней войны, и между ними являлся въ каррикатурномъ видѣ Наполеонъ, окруженный англичанами; въ красныхъ мундирахъ *)). Извѣстный живописецъ Изабо написалъ картину, въ которой изобразилъ двадцать разныхъ иностранныхъ министровъ, составлявшихъ конгрессъ;—Канова изваялъ колоссальную статую, представляющую миръ; Виттенштейнъ, въ память союза трехъ державъ, вырѣзалъ медаль, на передней сторонѣ которой представилъ часть земнаго шара, съ подписью: Европа и на ней изображенія Императоровъ: русскаго, австрійскаго и короля прусскаго верхами; надъ ними паритъ слава, вѣнчая ихъ лаврами; въ отрѣзѣ латинская надпись (взятая изъ псалма: Вами Богъ просвѣтитъ тьму; на оборотѣ медали появляющееся изъ облаковъ, въ сіяніи, Око, въ треугольникѣ, по угламъ котораго представлены короны помянутыхъ державъ, связанныя между собою узломъ; Вѣнская Академія поднесла монархамъ дипломы на званія своихъ почетныхъ членовъ.

12 Декабря, (день рожденія имп. Александра) бы-

*) Въ нѣмецкихъ газетахъ называли Наполеона солдатскимъ Императоромъ (*Soldaten-Kaiser*); портретъ его затѣйливо представленъ былъ изъ труповъ. Общественное мнѣніе издавна выказывалось во всей Германіи, особенно въ театрахъ, гдѣ, при пѣснѣ Валленштейна (изъ Шиллера): *Г р е м и т ь т р у б а , з в а м е н а в ѣ ю т ь*, зрители соединили голоса свои съ торжественнымъ хоромъ.

ла служба въ церкви русскаго посольства; тамъ окружали Государя всѣ съѣхавшіеся въ Вѣну монархи; послѣ былъ большой обѣденный столъ въ церемониальной дворцовой залѣ. 12 Янв. (п. ст.) праздновалось рожденіе Австрійскаго Императора, за нимъ вскорѣ слѣдовалъ карнавалъ съ повтореніемъ блестящихъ каруселей; въ Вѣнѣ устроены были русскія горы, для катанья въ саняхъ, которыми правили русскіе солдаты; между тѣмъ приготовленъ былъ еще пышный санный поѣздъ за городъ: впереди ѣхалъ отрядъ конницы и придворный конюшенный штатъ, за нимъ ѣхалъ Австрійскій Императоръ съ русскою Императрицею, а русскій Императоръ съ вдовствующею княгинею Ауерсбергъ, далѣе прочіе члены императорской фамиліи; ихъ сопровождали пажы и венгерская гвардія; они мчались подъ звуки турецкой музыки. Весь этотъ кортежъ отправился въ Шенбрунъ, гдѣ его ожидалъ обѣденный столъ. Уже поздно вечеромъ всѣ возвратились въ Вѣну, озаряемые пылающими факелами . . . . .

Великолѣпная живая картина, въ широкихъ рамкахъ.